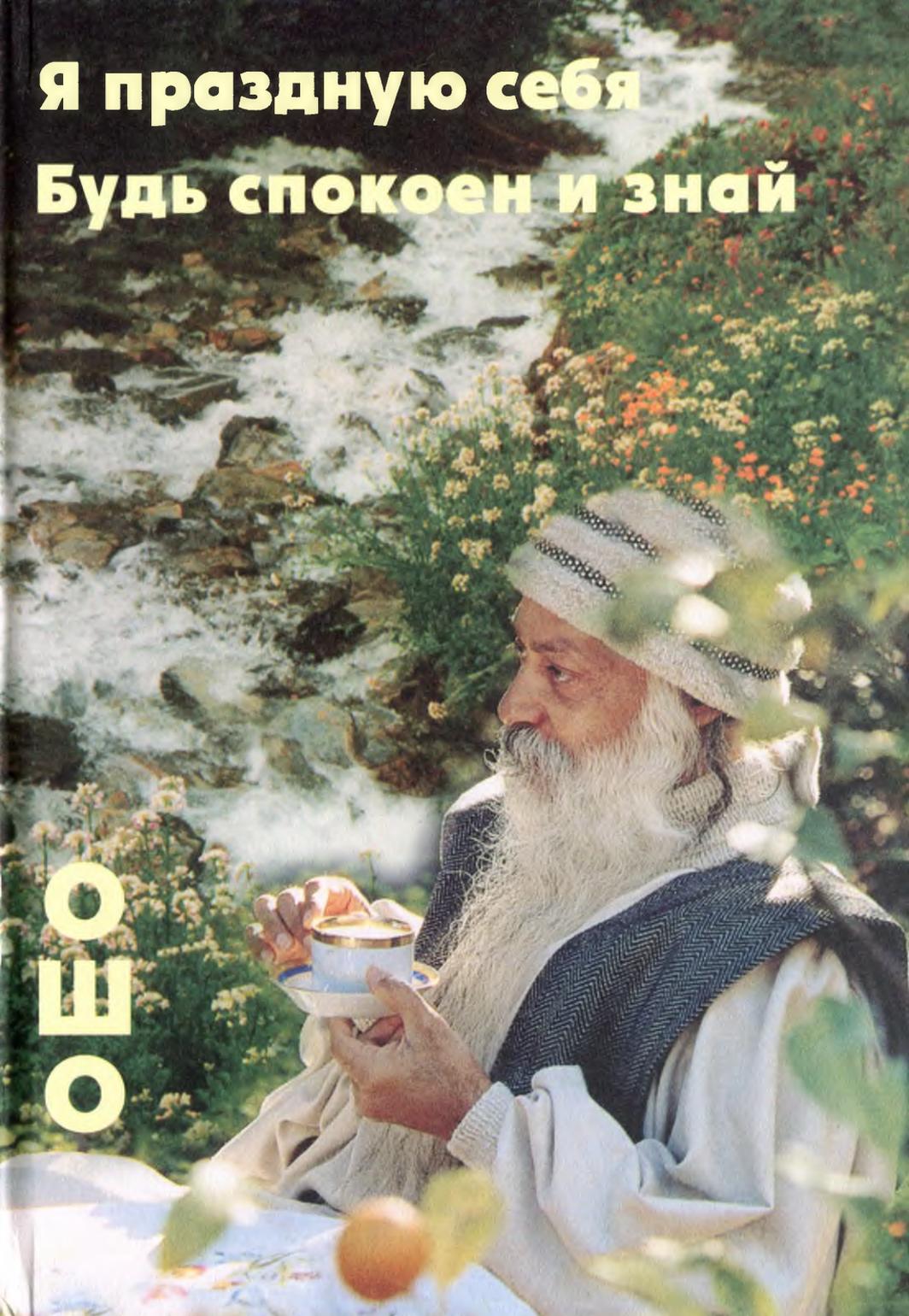

**Я праздную себя
Будь спокоен и знай**

**О
Ш
О**

ОШО

Я ПРАЗДНУЮ СЕБЯ

**БУДЬ СПОКОЕН
И ЗНАЙ**

МОСКВА 2004

ББК 84,5 Ид
096

ОШО

096 Я праздную себя. Будь спокоен и знай.

Москва, "Нирвана", 2004, 352 с.

ISBN 5-94726-033-6

Ошо, известный также как Багван Шри Раджниш – просветленный Мастер нашего времени. "Ошо" означает "подобный океану", "Благословенный".

Беседы "Я праздную себя: бога нет нигде, жизнь – здесь и сейчас" были прочитаны в Пуне, Индия, с 13 по 19 февраля 1989 года. Это был предпоследний цикл бесел Мастера перед его уходом.

Цикл бесед "Будь спокоен и знай" был проведен в Пуне в 1980 году.

Устранение Бога – великое свершение, величайшее свершение, случившееся во всей истории человечества. Отсутствие Бога придает вам некую незыблемую цельность. Впервые вы оказываетесь индивидуально, независимыми душами – не творениями, созданными творцом, но индивидуальными сознаниями, пребывающими в существовании извечно и навечно.

Редактор: Свами Вит Праяс

Перевод: Ма Бодхи Шола, Фархад

Компьютерная верстка: Свами Антар Алок

© OSHO RAJNEESH, INDIA 1988

© Солдатов А. В., русский перевод 2004

Формат 60 × 84/16. Бумага офсетная. Гарнитура Times.

Печать офсетная. Усл.-печ. л. 20,46. Уч.-изд. л. 21,0.

Тираж 2000 экз. Заказ № 599.

Лицензия № ИД № 01174 от 20.02.2000 г

Издательство ® "Нирвана", 125422,

Москва, до востребования, Солдатов А. В.

Отпечатано в полном соответствии с качеством

предоставленного оригинал-макета в ОАО «Дом печати — ВЯТКА».

610033, г. Киров, ул. Московская, 122.

04030300 - 062

7П6(03) - 99 без объявления

ISBN 5-94726-033-6

ББК 84,5 Ид

Конец каждой беседы в этой серии следует определенному распорядку, который может озадачить читателя, если он не побывал здесь сам.

Во-первых, это время Сардара Гурудаяла Сингха. Сардарджи – давний ученик, чей сердечный и заразительный хохот разносится во время рассказывания шуток. Это время названо в его честь.

За шутками следует медитация, состоящая из четырех частей. В начале каждой стадии медитации Ошо подает сигнал барабанщику Ниведано. Удар его барабана представлен в тексте следующим образом:

Первая стадия медитации – это джиббериш, который Ошо описывает как “очищение вашего ума от всевозможной грязи... говорение на любом языке, которого вы не знаете... выбрасывание всего вашего безумия”. На несколько мгновений зал совершенно сходит с ума: тысячи людей орут, вопят, бормочут чепуху и размахивают руками.

Джиббериш представлен в тексте следующим образом:

Вторая стадия – это период молчаливого сидения, фокусировки сознания на центре, точке свидетельствования.

Третья стадия – это “позволение” (let go: отпускание): все бесуильно опускается на землю, давая границам, которые сохраняют их разделенными, раствориться.

Финальный удар барабана возвращает собравшихся в сидячее положение. Они получают указания, как все больше и больше превращать медитацию в часть повседневной жизни.

Каждую стадию медитации сопровождают слова Мастера, и в книге воспроизводится полный текст каждой вечерней медитации.

Величайший бунт

*Наш Возлюбленный Мастер,
Секито сказал:*

Мое учение, происходящее от древних будд, не основано ни на медитации, ни на каких бы то ни было других стараниях и усилиях.

Достигнув прозрения, которого достиг будда, человек осознает, что не-ум есть будда, а будда – не-ум; что не-ум, будда, чувствующие существа, бодхи и клеши принадлежат одному и тому же веществу, хотя их имена и различаются.

Человеку следует знать, что сущность его собственного не-ума не есть ни предмет, ни полное уничтожение, ни вечное существование, она ни чиста, ни растленна. Она остается совершенно безмятежной и самодостаточной. То же самое верно в отношении мудрого и невежественного. Сущность человеческого не-ума не ограничена в своем проявлении и не подпадает под категории ума, сознания или мысли.

Три мира желаний, формы и бесформенности и шесть путей существования являются собой не более чем проявления самого человеческого ума. Все они подобны луне, отразившейся в озере, или образам в зеркале. Можно ли говорить о них как о рождающихся или исчезающих?

Когда человек приходит к этому пониманию, ему дано все, в чем он теперь нуждается.

Друзья,

Добрый вечер. И добрые вести!..

Сегодня вечером мы начинаем новую серию бесед: “Я праздную себя. Бога нигде нет; жизнь – здесь сейчас”.

Утверждение Фридриха Ницше, что Бог умер, было просто символическим, потому что, прежде всего, Бога никогда не было – он даже не родился. Как он может умереть? Но это очень яркий символ – заявление, что Бог умер.

Это было признанием того, что мы поклонялись лжи. И не только поклонялись – эта ложь разрушала нас. Нас эксплуатировало священничество всех организованных религий. Наше достоинство было разрушено. Мы были обращены в марионеток в руках вымысла.

Своим заявлением, что *Бог умер*, Ницше просто хотел сказать, что родился *человек*. Это другая сторона монеты. И, поскольку родился человек, он несет земле свободу, он несет земле радость, он несет земле достоинство. Он разрушает все то, что цепляется за величайшую ложь, Бога – все суеверия, рай и ад, все теологии, все религии... все формы лживого программирования людей. Они также умерли вместе с Богом.

Итак, я праздную себя – и праздную вас.

В утверждении Фридриха Ницше также есть другая часть: “Бог умер, и теперь человек свободен”. Бог был рабством человека, его оковами. Он был тюрьмой, которая не позволяла человечеству достичь своих величайших высот. Он удерживал все человечество в состоянии недочеловеков, грешников. Его смерть – величайший момент для празднования.

Его смерть означает, что человек достиг совершеннолетия. Он больше не ребенок и не нуждается в фигуре отца. Он может стоять на собственных ногах. Он не овца, что бы ни говорили ему все религии, и не нуждается ни в каких пастухах. Иисус, Кришна, Махавира, Мухаммед, Моисей... не нужно никаких пророков, не нужно никаких спасителей, не нужно никаких посланников Бога. Все они были мегаманьяками и, прикрываясь именем Бога, сталкивали человеческое сознание на самые низшие уровни существования.

Смерть Бога раскрывает все небо как снаружи, так и во внутреннем мире, раскрывает совершенно – очищает вас от всех систем верований, от всех предрассудков, от всякого чувства вины. Именно это он подразумевал под свободой. Свобода от чувства вины возможна только если Бог умер. И как только вы свободны от Бога, тотчас же все небо становится вашим, и внешнее небо, и небо внутреннее – вы можете расправить крылья в совершенной свободе. Без всякого огра-

ничения, без всякого подавления вы можете жить свою жизнь в радости, в песне, в танце.

Устранение Бога – великое свершение, величайшее свершение, случившееся во всей истории человечества. Отсутствие Бога придает вам некую незабываемую цельность. Впервые вы оказываетесь индивидуальностями, независимыми душами – не творениями, созданными творцом, но индивидуальными сознаниями, пребывающими в существовании извечно и навечно.

Это мгновение, исполненное славы для тех, кто понимает все, что вытекает из смерти Бога. Они тотчас же станут праздновать это мгновение, потому что оно несет новое чувство направления, новую уникальность, новое предназначение. Оно делает человека хозяином своей судьбы. Нет никого, чтобы направлять, нет никого, чтобы главенствовать, нет никого, чтобы давать вам заповеди.

Впервые – в этом утверждении Ницше – человек становится совершеннолетним. Но очень немногие услышали, что Бог умер, и люди все еще поклоняются ему. Они все еще молятся в церквях, в храмах, в мечетях. Они все еще держатся за эту ложь, словно это истина. И из-за этой лжи вся их жизнь становится лживой. Они не могут смеяться, они не могут радоваться. Единственный их долг, насаждаемый всеми религиями, состоит в том, чтобы быть мазохистами – подвергать себя возможно большим мучениям. Чем больше ваши мучения, тем больше в вас святости.

Все религии проповедовали не что иное, как мазохизм. Это дает мне глубокое прозрение в природу “Бога”.

Человечество должно быть мазохистичным, виноватым – истязая себя, мучая и разрушая собственные естественные корни, идя против своей природы... страдать от всех возможных глупостей, поскольку Бог – садист. Все религии, сами того не зная, насаждают Бога в качестве садиста. Он любит, когда человечество страдает. Он любит, чтобы люди подвергались мучениям. Ему не нравится, когда вы смеетесь, ему не нравится ваша радость. Ему не нравится ваше удовольствие, ваше блаженство, ваше веселье. Ему не нравятся ваши песни, ему не нравятся ваши танцы и празднование. Он отнял все, что только было красивого на этой земле. Он *ненавидит* землю! Он против земли. Он против самой жизни.

Таким образом все, что ваши святые делали все эти тысячи лет – прикрываясь именем Бога, – есть не что иное, как постепенное самоубийство. Чем более вы мертвы, тем больше найдете сторонников. Чем больше в вас жизни, тем более вас осудят религии, тем более вас осудят массы, и все идиоты мира объединятся, чтобы вас уничтожить.

Радость неприемлема. Смех неприемлем. Чувство юмора не входит в кодекс ни одной религии. Жизнь превратилась в сплошную

грусть, несчастье, тоску, тревогу. Кто ответствен за все это? Главная ответственность ложится на вымышленного Бога, которого представляет священство всего мира. Миллионы членов этого священства живут, питаются вашей кровью. Это паразиты, а не священники. И вся их функция заключается в том, чтобы удерживать вас в несчастном состоянии, потому что только несчастный человек станет поклоняться воображаемому Богу. И этим людям воздаются почести – престиж и почет, – людям, которые просто ненормальны.

Каждый, кто идет против жизни, ненормальный.

Жизнь – вот все, что у нас есть.

Идя против нее, вы тем самым совершаете самоубийство. Может быть, очень медленное самоубийство – чтобы вы умерли полностью, могут потребоваться годы. Одна религия, джайнизм – к несчастью, я родился в этой религии, – поддерживает даже идею самоубийства. Другие религии поддерживают ее бессознательно, но джайнизм говорит это прямо и недвусмысленно.

Он проповедует, что если человек хочет совершить самоубийство, пусть он так и сделает, потому что жизнь не стоит того, чтобы жить. Эта земля – не ваш дом, ваш дом – в заоблачных высотах. Они называют это *сантарой*, но по сути это означает медленное самоубийство. Каждый человек, который совершает сантару, тут же становится великим святым. Сантара – это пост до смерти... Без еды, в конце даже без воды. Чтобы умер здоровый человек, требуется почти девяносто дней, и эти девяносто дней полны невероятных самоистязаний. Джайнизм просто делает сознательным то, что другие религии подразумевают косвенно.

Что делали все святые мира? И что святого в их действиях, в их поведении, в их образе жизни?

Человек, которого очень почитают христиане в Египте, двенадцать лет просидел на столбе! Среди развалин старого дворца осталась стоять одна единственная колонна. Это было очень трудно; на этом крошечном пятачке он провел двенадцать лет. Он не мог спать – ему приходилось привязываться к столбу. Он не мог спуститься вниз, даже чтобы сходить в туалет, и ему приходилось испражняться со столба... и люди ему поклонялись!..

Наверное, он подверг себя таким страданиям только ради того, чтобы добиться этого почитания, почитания невежественных толп. Только ради этого престижа великого святого он жил в невероятной грязи, в уродстве. И он упал со столба только мертвым. И на этом месте ему поставили большой памятник, потому что он исполнил величайшую епитимью во искупление первородного греха Адама и Евы.

Странные способы были изобретены, чтобы отнять у вас гордость. Разве Адам и Ева совершили грех? Не думаю, чтобы они со-

вершили грех. Бог просто спровоцировал их съесть плоды Древа Познания и Древа Вечной Жизни. Запретить значит спровоцировать – простая психология. Бог мог бы многому поучиться у Зигмунда Фрейда.

В Эдемском саду, где жил Бог, росли миллионы деревьев. Если бы он не наложил запрет именно на эти два дерева, наверное, Адам и Ева до сих пор бы их не нашли... среди миллионов деревьев с прекрасными плодами. И мы бы до сих пор жевали траву в Эдемском саду – как буйволы. Если кто и совершил грех, то это был сам Бог.

Почему он вообще запретил собственным детям есть плоды Древа Познания? Никакой отец не сделал бы этого. Любой отец хочет, чтобы его дети были как можно более мудрыми. И почему отец должен мешать детям съесть плод, который даст им вечность, бессмертие? Любой отец был бы в восторге – даже обычные отцы здесь, на земле, хотят, чтобы их дети были бессмертными.

Что же это за Бог? И если *это* Бог – который не дает собственным детям стать мудрыми, мешает превратиться в Сократа, Гаутаму Будду, Лао-цзы, – было бы лучше, если бы его вообще не было. Если бы он не умер сам, кому-нибудь пришлось бы его прикончить. Он мучил человечество достаточно долго.

И странно, что именно Дьявол убедил Еву съесть плод Древа Познания. Он показал ей, почему Бог им это запретил. Он не хочет, чтобы кто-то другой стал ему равным – и вы называете этого Бога сострадательным? И вы говорите, что этот Бог есть любовь? Дьявол проявил гораздо больше любви, гораздо больше сострадания! Фактически, он указал человеку путь мудрости, путь бессмертия.

Бог мешал собственным детям, потому что он не хочет, чтобы они были мудрыми, не хочет, чтобы они были бессмертными. Если они бессмертны и мудры, они станут равными Богу, а он боится этого равенства... – очень ревнивый Бог. Фактически, Ветхий Завет объявляет об этом устами самого Бога. Бог говорит: “Я очень ревнивый Бог”. И, несомненно, так и есть. Он позавидовал собственным детям. Он недостоин даже того, чтобы называться отцом. Если бы Дьявол не сказал Еве: “Вы должны съесть эти плоды, и только тогда вы узнаете в глубине вашего существа, что вы – тоже боги...”

Из этой истории явствует, что Дьявол был гораздо благожелательнее к человеческой индивидуальности, самоуважению, достоинству. Бог с самого начала был против человека. Все развитие, случившееся в науке... – слово “наука” в своих истоках означает “знание”. Все развитие, случившееся во внутреннем сознании человека – пробужденные, просветленные, которые познали, что жизнь вечна, безначальна, бесконечна, – было бы невозможно, если бы не Дьявол. Дьявол был первым бунтарем против диктатуры Бога.

И я должен сказать, что слово “дьявол” гораздо более осмысленно, чем слово “Бог”. “Бог” просто ничего не значит, но “дьявол” происходит от санскритского корня “*див*”. От “*див*” в английском языке произошли слова “дьявол” и “день”; в хиндустану от “*дев*” – “*девата*”, что означает “божественный”; от “*див*” – “*дивас*”, что означает рассвет дня, начало дня, конец ночи. Дьявол кажется гораздо божественнее Бога. По правде говоря, Бог кажется довольно неприятным типом, и хорошо, что он умер – иначе кому-нибудь пришлось бы его пристрелить. Хорошо, что он умер сам, и нам не приходится пятнать руки его кровью.

Но как только Бога не стало, ваша свобода превратилась в огромную ответственность. Она не должна выродиться в распущенность, она должна вырасти в просветление. Свобода несет ответственность. И я хочу, чтобы вы поняли, что ответственность не подразумевает долг; она подразумевает способность отвечать. Способность отвечать – на что? На каждую ситуацию, из мгновения в мгновение. Вы должны быть настолько осознанными, чтобы находить уникальный ответ на каждую уникальную ситуацию. Ничто в существовании никогда не повторяется.

Говорят, история повторяется – но это потому, что человек остается идиотом. Существование никогда не повторяется, потому что существование разумно, мудро, вечно. Однажды перестанет повторяться и история – когда в мире будут тысячи будд, миллионы людей, умеющих быть бдительными, осознающими, полными сознания и чувствующих, что они из мгновения в мгновение несут огромную ответственность – не перед какими бы то ни было писаниями, но перед каждым сознанием.

Свобода приносит множество плодов, множество цветов, множество даров. Смерть Бога не стоит того, чтобы печалиться и грустить о ней. Следует ей радоваться, танцевать, праздновать. Наконец человек свободен от чувства вины, свободен от судящего ока, непрестанно глядящего с небес.

Странно; святая Библия говорит: “Не судите”, но Бог только и делает, что судит. Кроме того, был назначен день, названный “Судным Днем”. Человеку сказано: “Не суди” – а Бог непрерывно судит, и в конце концов осудит всех на Судном Дне. Что за противоречие?..

Я как раз сегодня получил письмо от нескольких христиан, в котором говорится, что Библия гласит: “Не судите”. Но я не христианин, и у меня нет никаких обязательств следовать Библии. Я не индуист... Я вообще не состою ни в какой религии, поэтому я совершенно не обязан следовать ни Священной Библии, ни Священному Корану, ни Священной Бхагавадгите. Все священные писания, когда я рассматривал их, оказывались совершенно святотатственными.

Четверо или пятеро христиан, написавшие мне это письмо, хотят, чтобы я не судил христиан или католиков, потому что Библия говорит: “Не суди” – а сами судят меня! Их Библия говорит: “Не суди”. Я не христианин и не обязан следовать Библии. Они христиане, это они не должны бы меня судить. Я свободен судить, я свободен судить кого угодно, потому что у меня ни против кого нет никаких предубеждений. Я не принадлежу ни к какой организации, ни к какой системе верований. Бог, который учит людей: “Не судите”, сам продолжает судить – неужели вы не видите противоречия?

Иисус говорит: “Бог есть любовь”, но кажется, к человечеству с небес не течет никакой любви. За три тысячи лет мы сражались в пяти тысячах войн. Какой же там может быть Бог, если он позволяет родиться Чингисхану? Тамерлану? Надир-шаху? Эти три поколения одной семьи убили сто миллионов человек и никогда не терпели поражений.

Что это за Бог, если он позволяет президенту Трумэну сбрасывать бомбы на Хиросиму и Нагасаки? Что это за Бог, если он позволяет всевозможным дурацким политикам мира нагромождать ядерное оружие, что принесет миру только глобальную смерть?

Но, как я вам уже говорил, Бог садист. Он наслаждается вашими страданиями. Он наслаждается, когда вам больно. Он радуется, если вы бедны. Он радуется, когда вы умираете от голода. Он просто большой!

Слово “сализм” происходит от имени французского графа де Сада; он истязал женщин. Он был очень богатым человеком, графом, и ему принадлежала большая территория. И любую красивую женщину он тащил в свою палату мучений. У вас всех есть палаты любви; у него была палата мучений, которая была его палатой любви. И когда женщина входила, она не могла поверить своим глазам, потому что все стены были увешаны всевозможными орудиями пыток. Он также носил с собой специальный ящик, портативную палату мучений, потому что – как знать? – может быть, он найдет женщину где-нибудь в гостиничном номере, а инструментов под рукой не окажется.

Все эти инструменты... Сначала он заставлял женщину обнажить – не любовно: срывал с нее одежду, растягивал ее тело, начинал бить... и у него были все эти инструменты. Вы только слышали слово “завинчивать”^{*} – а он действительно использовал шурупы, чтобы делать отверстия в теле женщины. Ничто, кроме крови, его не волновало. Когда он видел женщину полностью измученной, это вызывало в нем сексуальное волнение, и тогда он занимался с ней любовью.

^{*} Англ. screw: сленг., заниматься любовью. – Прим. перев.

И, может быть, что-то от де Сада существует в каждом мазохисте. Пока не произойдет драка подушками, пока не случится какой-нибудь конфликт, кажется, мужчину ничто не волнует. Его волнует женщина, которая его бьет, нападает, чем-то в него швыряет.

Единственная совершенная пара, возможная в этом мире, состояла бы из одного садиста и одного мазохиста. Слово “мазохист” тоже происходит от имени другого графа, который истязал себя. Его звали Мазох; отсюда слово “мазохист”. Оба они были лишены свободы как сумасшедшие, оба они были найдены виновными; один мучил других, другой мучил самого себя.

Наверное, Бог – это садист, только гораздо большего масштаба, чем де Сад. Он – всемогущий, всесильный, вездесущий; он везде. От него нельзя скрыться; его судящие глаза следят за вами днем и ночью, двадцать четыре часа в сутки, где бы вы ни были. Он угрожает вам тем, что вы будете навечно брошены в адский огонь.

Даже такой человек, как Бертран Рассел, отказался быть христианином по этой причине – он привел множество других причин, но первой его причиной было: “Я не могу принять Бога, который так несправедлив...” – потому что в христианстве жизнь только одна.

Даже если вы проживете сто лет – что почти удалось Бертрану Расселу, – век... Он сосчитал, совершенно честно, свои грехи, которые христиане называют грехами... Это не грехи, это естественные переживания. Их превратили в грехи, чтобы вас мучить. Заниматься любовью с женщиной – не грех, но это стало грехом. Оба любовника испытывают огромное чувство вины, потому что совершают какое-то преступление против Бога.

И он сосчитал все эти так называемые грехи – которые на самом деле не являются таковыми, но просто ради логики назовем их грехами, – которые совершил. И он также сосчитал грехи, о которых мечтал и которых не совершил. Все же он говорит: “Самый строгий судья не может отправить меня в тюрьму более чем на четыре с половиной года, а Бог собирается бросить меня в ад навечно! Это кажется несоразмерным”.

Если вы продолжаете совершать грехи и не делаете ничего другого, только грешите, грешите и грешите с момента рождения до самой могилы, даже тогда вечность адского огня – это слишком долго; это несправедливо.

Бог, кажется, наслаждается адским огнем. Бог, кажется, наслаждается тем, чтобы отравлять все ваши удовольствия – вы не должны получать никакой радости ни от каких органов чувств. Разные религии подчеркивают разные вещи, но суть остается прежней. Мусульманам не разрешается слушать музыку. Странно? Это грех, потому что вы наслаждаетесь органом чувства, слухом. Вы доставляете удо-

вольствие ушам, поэтому вам нужно запретить слушать хорошую музыку.

Я не могу вообразить, каким образом музыка может оказаться грехом. Но суть в том, что греховно любое наслаждение, поэтому все, что может приносить наслаждение, должно быть осуждено.

Джайнизм говорит, что вы не должны наслаждаться вкусом, вы должны есть, не чувствуя вкуса. Это создает в человеке такое чувство вины. Как можно избежать вкуса? Если что-то сладко, оно сладко! Если что-то горько, оно горько! На языке человека расположены чувствительные рецепторы, которые определяют вкус. Если только вы не сделаете пластической операции и не удалите эти рецепторы с языка, вам не удастся не чувствовать вкуса пищи.

Но они отравили вас способность наслаждаться. Самые маленькие наслаждения – принимать пищу с любовью и радостью, в кругу друзей – все это осуждается. И это относится не к одному только органу чувств, но ко всем пяти.

Гаутама Будда против того, чтобы касаться женщины. Даже прикосновение грешно, потому что прикосновение к женщине приносит радость. Она более теплая, более хрупкая, более красивая. И что в этом плохого, если прикосновение к женщине приносит радость? Радость не может быть неправильной. И вы никому не причиняете вреда, вы не касаетесь женщины против ее воли. Она наслаждается тем, что вы ее касаетесь; вы наслаждаетесь прикосновением. Почему между вами должен становиться Бог?

Но он остается с вами всегда, следуя за вами как судья. Он превратился в вашу внутреннюю совесть. Ваша совесть ложна! Она создана религиями. Таким образом, Бог полагается не только на себя, он использует также и священников, которые создают в вас совесть. Это не сознание, это совесть – ложная сущность, которая непрерывно вам говорит: “Это неправильно. Священные писания против... Бог против... Не делай этого!” А этого хочет вся ваша природа.

Джайнским монахам не разрешается даже мыться или принимать душ каждый день, потому что это означает наслаждение прохладой воды, наслаждение свежестью тела. Вы можете увидеть, что все эти люди преступники. Джайнскому монаху не разрешается даже почистить зубы. Ему нельзя пользоваться зубной щеткой, зубной пастой или полосканием. С джайнским монахом так трудно разговаривать – его дыхание так отвратительно, все его тело отвратительно.

В жаркой стране, такой как Индия, люди потеют... а джайнским монахам приходится путешествовать по грязным, пыльным дорогам. Им нельзя пользоваться транспортом, потому что это удовольствие; им приходится ходить пешком. И они ходят по пыльным деревенским дорогам, и пот под горячим солнцем, обжигаяще горячим, словно огонь течет на землю... Они становятся уродливыми, покры-

ваются действительно темным загаром. Их тела, сама их кожа испускает зловоние. Пыль и пыль, слой за слоем...

Все религии так или иначе разделяют стремление к тому, чтобы каждое удовольствие человека было отравлено. Только тогда он обратится к священнику за советом, потому что будет несчастен. Так сделайте его несчастным, отнимите все возможности удовольствия.

Я не сталкивался ни с одной индийской женщиной, которая бы знала, что такое оргазм. Фактически, в языке хинди нет слова, равнозначного слову “оргазм”. Индийская женщина никогда не знала оргазма. Даже западные женщины начали узнавать, что такое оргазм, всего тридцать лет назад. Это произошло благодаря исследованиям психологов, психоаналитиков и психиатров. Зигмунд Фрейд, Хэйлок Эллис, Мастерс и Джонсон – они открыли женщинам двери к удовольствию.

Веками женщины не знали, что такое оргазм и, естественно, испытывали к сексу отвращение. Они думали, что мужчина просто их использует, потому что не получали от этого никакой радости. Но причина была в том, что мужчина не позволял им испытывать оргазм.

В первобытные времена, наверное, он осознал, что женщина способна к множественным оргазмам, а у мужчины оргазм только один. Поэтому одного мужчины недостаточно, чтобы удовлетворить женщину. Либо он должен позвать на помощь друзей, либо сделать себе какие-то гормональные инъекции, потому что женщина, как правило, способна испытать шесть оргазмов, один за другим.

Лучше не позволять ей знать, что она вообще может испытывать оргазм. Этого можно избежать, потому что влагалище женщины нечувствительно. Оно и должно быть нечувствительным, потому что сквозь него при родах проходит ребенок. Если бы оно было чувствительным, рождение ребенка безмерно увеличило бы боль; оно нечувствительно, но боль все равно есть.

Поэтому оргазм женщины не имеет ничего общего с влагалищем; это только механизм воспроизведения. Ее оргазм не зависит от того, что половой член мужчины воздействует на влагалище – это хорошо для воспроизведения. У нее есть отдельная часть тела, очень небольшая – клитор, – и когда мужчина занимается с ней любовью, он оказывается в стороне. Если только мужчина не понимает физиологию женщины – а обычно мужчины ее не понимают...

Мужчина – единственный неопытный любовник в мире, потому что до свадьбы не получает никакого опыта ни он, ни женщина. Это очень странный мир. Если двое людей будут жить вместе всю жизнь, и у них нет никакого опыта, они не будут знать, что им делать.

Клитор женщины – это орган, который дает ей удовольствие, и он не является частью влагалища. Эякуляция мужчины длится только две минуты, или, самое большее, три. И он должен торопиться, пото-

му что, если уж совершать грех, то быстро. Не совершай его слишком долго, иначе – помни! – адский огонь...

Если только мужчина не понимает физиологию женщины, что его никогда не волнует... все ее тело сексуально чувствительно. Тело мужчины сексуально нечувствительно. Сексуальность мужчины очень локальна; это только сексуальное оборудование. У женщины же сексуально все тело, и если мужчина не играет со всем ее телом и не возбуждает все ее тело – то есть предварительная игра... ни один мужчина не хочет этого делать, потому что это слишком долго, а нужно торопиться, успеть, пока не вмешается Бог. Так что никаких предварительных игр!

Именно христиане ввели в обращение “позу миссионера”, в которой красавица находится снизу, а чудовище сверху. Бедной женщине приходится лежать почти как мертвой, и только тогда она считается настоящей леди. Наслаждаются только проститутки. Честная женщина не может стонать или вопить, бормотать бессмыслицу или кричать от радости. Ей велели быть совершенно мертвой, пока мужчина занимается любовью. Это односторонняя любовь. Другая сторона совершенно мертвая; другая сторона не взволнована.

Люди, которые понимают сексологию, говорят, что женщина должна быть сверху, чтобы у нее было больше возможности двигаться, а мужчина должен быть снизу, чтобы оставаться спокойным, потому что его эякуляция случается за две минуты! Если он остается спокойным, у него, может быть, получится двадцать или тридцать минут. Женщине для возбуждения нужно, по крайней мере, десять минут. Это несоответствие, и его можно разрешить только если мужчина понимает, что женщина – не просто механизм для использования. У нее также есть душа, она такая же живая и имеет все права наслаждаться – так же, как и вы.

Поэтому необходима, во-первых, предварительная игра, а во-вторых, мужчина должен быть снизу, а женщина сверху. Мужчина должен лежать спокойно, как настоящая леди, а женщина должна быть грязным негодяем! Только тогда есть возможность, что они достигнут оргазма в одно и то же время. Когда они оба приходят в трепет и теряют контроль – в этот момент они знают, что такое секс. Это не только механизм воспроизведения, это также механизм безмерного удовольствия. И это удовольствие, по-моему, дает вам первый проблеск медитации, потому что ум останавливается, время останавливается. В эти несколько мгновений времени нет, ума нет, и вы просто пребываете в полном молчании и блаженстве.

Я говорю это – таков мой научный подход к этой теме, потому что у человека не было никакого другого способа узнать, что если нет ума и нет времени, то вы входите в состояние блаженства. У ума не было другой возможности, кроме секса, чтобы понять, что есть некий

способ выйти за пределы ума, выйти за пределы времени. Несомненно, именно секс создал первый проблеск медитативности. И меня осуждает весь мир, потому что я говорю людям правду.

Никто не предложил никакой идеи, чтобы объяснить, как человек открыл медитацию. Ее нельзя найти, просто идя по дороге – медитация не валяется на дороге, чтобы подойти и подобрать ее. Где вы нашли медитацию? Ни один человек в мире... а меня осуждает весь мир, осуждает только потому, что я говорю о переходе от секса к сверхсознанию. Но никто не дает никакого объяснения, почему осуждают мою книгу, которая переведена на тридцать четыре языка, пережила дюжину переизданий и читается всеми монахами – индуисты ли они, джайны, христиане или буддисты. Монахи – самые лучшие покупатели этой книги.

Здесь несколько месяцев назад была джайнская конференция, и мой секретарь, Нилам, сообщила мне: “Странно. Джайнские монахи приходят и спрашивают только одну книгу – ‘От секса к сверхсознанию’. Потом они прячут ее в одежде и выходят потихоньку, чтобы никто этого не обнаружил”.

Эта книга, “От секса к сверхсознанию”, не о сексе – она о сверхсознании. Но единственный возможный для человека способ узнать, что есть некая дверь, некий путь за пределы мыслей в вечное молчание... Даже если оно длится лишь одно мгновение, это мгновение есть вечность – все останавливается. Вы забываете все тревоги, все напряжения.

Слышали ли вы когда-нибудь, чтобы человек перенес сердечный приступ, занимаясь любовью? Если бы религии говорили правду, это должно было бы случаться чаще. Бог гневался бы, и, по меньшей мере, мог бы ниспослать сердечный приступ. Адский огонь будет после смерти; а пока...

Но ни один человек еще не умирал, занимаясь любовью, потому что секс снимает стресс. Именно из-за стресса случаются сердечные приступы. Именно стресс может заставить человека сойти с ума или потерять рассудок. А секс сохраняет вас здоровыми, нормальными, в пределах рамок нормальности. Иначе вы станете извращенными, а извращение не дает никакого ключа к сверхсознанию.

Гомосексуалисты не могут испытывать того же опыта, который возможен в гетеросексуальных отношениях. Не могут испытать этого оргазмического опыта и лесбиянки. Но десять процентов американских мужчин приняли, что у них есть гомосексуальные тенденции, и тысячи женщин женятся на женщинах – лесбийские пары. Откуда берутся дети? С помощью искусственного оплодотворения. Теперь больницы содержат не только банки крови, но и банки спермы. И когда лесбийская пара хочет ребенка, женщина, которая готова к девятимесячной работе, получает оплодотворение от кого-то, кто остается

анонимным. Просто инъекция, никакой радости. Инъекция не даст вам никакого оргазма. Хотя доктора и называют это “уколом”, это не член.*

Когда мой личный врач, Амрито, впервые приехал из Англии – а он состоит в высокоученом Королевском Медицинском Колледже, – он говорил мне: “А теперь укол!” Тогда я смеялся и говорил: “Амрито, это не член. Тебя ввели в заблуждение”. Теперь он делает уколы молча, ничего не говорит.

В этом году в Америке родится сорок тысяч детей, зачатых путем инъекции. Все эти женщины совершенно лишены возможности испытывать оргазм. И во всем мире есть гомосексуалисты, и даже очень разумные люди.

Я выбрал это название, “Я праздную себя”, позаимствовав его у одного из самых значительных поэтов Америки, Уолта Уитмена. Он был гомосексуалистом – вот в чем он неправ. Вся его поэзия становится поверхностной; он ничего не знает об оргазмической радости. Но вы удивитесь, узнав, что даже такой человек, как Сократ, был гомосексуалистом; поэтому ему не удалось стать Гаутамой Буддой. Как бы он ни был разумен и как ни хороша его логика... его диалоги великолепны, но в них чего-то недостает. Он – не человек большого сознания. Он стал неестественным, он пошел против природы.

Но религии вынуждают людей идти против природы. Третий человек в церковной иерархии Англии... архиепископ церкви Англии равнозначен польскому Папе. Всего один пост отделяет его от архиепископства, и очень возможно, что этот епископ однажды станет архиепископом Англии. Он выдвинул идею, что безбрачие просто означает отсутствие гетеросексуальных отношений, но не исключает гомосексуализм, мастурбацию, не исключает секс с животными – содомию, скотоложество. Оно ничего не исключает. Безбрачие просто запрещает вам быть гетеросексуальными. Потрясающие религиозные лидеры!..

Пятьдесят процентов монахов в монастырях гомосексуальны. И есть такие монастыри, как гора Афон, где живут тысячи монахов... Они не видели женщин с тех пор, как стали монахами, потому что женщинам не разрешается туда входить – в монастырь не пустили даже шестимесячного ребенка женского пола. Когда я это услышал, я подумал: “Что это за монахи: они люди или чудовища?” И у них есть собственное церковное государство, собственная охрана и полиция.

Тысячу лет ни одна женщина не входила в этот монастырь. И человек, который становится монахом в монастыре горы Афон, уже не может выйти из него живым. Его тело выносят, только когда он умирает.

* Англ. prick: 1) укол; 2) сленг., половой член. – Прим. перев

рает; это пожизненное решение. Ни один разумный человек не может принять решение даже о завтрашнем дне. Кто знает, что случится завтра?

Именно это я называю ответственностью. Человек, который ответствен, не станет принимать никаких решений на будущее, не станет ничего обещать, поскольку что можно знать о завтра? “Пусть завтра придет, тогда увидим. Я откликнусь со всей тотальностью на любую ситуацию, но не могу ничего решать наперед”. Я никогда ничего никому не обещал. Я никогда не принимал никаких решений на всю жизнь. Пусть придет завтра. Человек никогда не знает, может быть, этот день будет последним, и завтра меня здесь не будет, чтобы выполнить обещание.

Время меняет все – может быть, завтра я не буду прежним, может быть, завтра вы не будете прежними. Сегодня между мной и вами большая любовь. Завтра – кто знает? Любовь исчезает; не только исчезает, но иногда и превращается в ненависть.

Человек осознанности живет от мгновения к мгновению – в этом его празднование. Он наслаждается миром без всякого ограничения. Поскольку Бог умер, ему не о чем тревожиться. И вместе с Богом умер и ад, адский огонь погас. Вместе с Богом умер и рай. Поэтому пусть рай не вызывает в вас жадности, пусть ад не вызывает в вас страха. Просто живите из мгновения в мгновение в танце, в радости, в веселье, в храбрости.

Встречайте каждую ситуацию со всей полнотой сознания, без всякого чувства вины. Наслаждайтесь музыкой, наслаждайтесь едой, наслаждайтесь любовью – наслаждайтесь всем, что естественно.

Бог был против природы, Бог был против просветления, Бог был против того, чтобы вы испытали опыт вечности.

Бог был вашим врагом.

Хорошо, что он умер.

Это хорошая новость сегодняшнего вечера.

А теперь – ваши вопросы.

Первый вопрос:

С самого детства меня окружали люди, которые хотели, чтобы я верил в Бога и следовал его заповедям.

Почему верующие в Бога всегда пытаются обратить других?

Это очень тонкий вопрос.

Может быть, ты не поймешь сразу, почему верующие в Бога пытаются обратить других. Причина в том, что они сами сомневаются и, обращая других, получают возможность подавить эти сомнения. Если им удастся обратить большое число людей... обращая других, они

также обращают самих себя. Когда они видят, что тысячи людей начали верить в Бога – “Может быть, Бог есть. Мое сомнение было беспочвенно”. Если они видят, что весь мир верит в Бога – весь мир не может ошибаться. Это их аргумент, очень древний, древний, как сам человек: весь мир не может ошибаться. А я говорю вам: лишь немногие индивидуальности, редкие индивидуальности были правы. Если во что-то верит весь мир, помните: это несомненно неправильно! Массы живут как сомнамбулы, ходят во сне, оставаясь в полной бессознательности. Их система верований не может быть правильной.

Я вам рассказывал небольшую историю...

Один журналист умер, а так как журналисты – люди пробивные, он тут же постучался в Жемчужные Врата. Он принял как должное, что ему полагается рай и причитается интервью с Богом. Это было первое интервью за всю историю.

Святой Петр открыл дверь. Он спросил:

– Что вам угодно?

– Интервью с Богом, – ответил журналист, – вот моя визитная карточка.

Но Святой Петр сказал:

– Вам в Рай нельзя. Вашего имени нет в списке. И, в любом случае, нам не нужны журналисты. У нас есть квота: дюжина журналистов, и все они уже здесь.

А в раю они бесполезны, потому что там ничего не происходит, не бывает никаких сенсаций. Святые все равно что мертвые – сидят себе на белых облаках, играют на арфах: “Аллилуйя! Аллилуйя!” – и так продолжается вечно. Какие могут быть новости?..

Джордж Бернард Шоу дал точное определение, что такое новость: “Когда собака кусает человека, это не новость; новость – это когда человек кусает собаку”. Но в раю – никаких собак, только полумертвые недоумки-святые.

– Так вот, газета уже печатается, – сказал ему Святой Петр, – но пока вышел только один выпуск. Для второго выпуска новостей пока не нашлось. Поэтому даже эти двенадцать журналистов ждут и ничего больше не дождутся. Вам лучше постучаться вон в те двери; это ад, и там всегда много новостей. Там происходит такое, чего вы даже представить себе не можете, потому что там – все великие интеллектуалы, все великие политики, все великие преступники... все, кто имеет хоть какую-то важность, там! Идите туда и вы.

Тот ответил:

– Но я ведь журналист, я не могу так просто уйти. Вы должны дать мне хотя бы двадцать четыре часа, чтобы осмотреть рай. Если я смогу убедить какого-нибудь журналиста из вашей дюжины переселиться в ад, примете вы меня?

Святой Петр сказал:

– Нам это все равно. Если кто-то захочет переселиться в ад, можете занять его место. Ладно, двадцать четыре часа можете пробыть здесь.

Не успел он войти в рай, как тут же начал распускать слух, что в аду скоро будет издаваться потрясающая газета, и для нее требуется главный редактор, заместитель главного редактора, помощники редактора и всевозможные журналисты. Он продолжал распространять эту новость, пока она не дошла до всех двенадцати журналистов.

Через двадцать четыре часа он явился к Святому Петру, чтобы узнать, не ушел ли кто-нибудь. Святой Петр тут же запер дверь и сказал:

– Вы остаетесь. Ушли все двенадцать.

– Боже мой! – воскликнул журналист. – Неужели ушли все? Тогда и я не хочу оставаться. Наверное, в этом есть доля правды, если мне удалось убедить двенадцать человек.

Святой Петр сказал:

– Вы что, с ума сошли? Вы же сами это придумали.

– Я и сам знаю, что придумал, но, наверное, что-то похожее действительно происходит. Я не могу здесь оставаться, откройте мне дверь!

Вот причина того, что каждая религия так заинтересована в обращении людей: каждая религия, каждый священник, каждый папа, каждый святой, каждый Аятолла Хомейни, каждый шанкарачарья – все они в глубине души полны сомнения, потому что верование не может разрушить сомнения. Верование может только подавить сомнения. Слепой человек может верить в свет, но это не значит, что он знает свет. Все ваши верующие – слепые люди, которые ничего не знают об истине. Следовательно, сомнения лишь подавлено гнетом верования.

Чтобы поддерживать свою веру, человек должен постоянно ее пропагандировать. Именно поэтому все религиозные пропагандисты, которых вы видите – это фундаменталисты, почти фанатики, фашисты. Видели вы Свидетелей Иеговы? Они непрерывно кричат и бьют в барабаны, они продолжают кричать – неважно, слушает их кто-нибудь или нет. Они не смотрят вам в глаза, они просто смотрят в землю и продолжают кричать, продолжают читать выдержки из Библии. У них покупают Библии, только чтобы отделаться от них.

Почему эти люди так заинтересованы в обращении других? Психологическая причина состоит в том, что они боятся. Их собственное верование очень шатко; в любой момент может возникнуть сомнения. Сомнение очень экзистенциально. Вера – это только программа, данная вам родителями, священниками, учителями, обществом. Но это всего лишь программа.

В Советском Союзе дают другую программу: Бога нет. Каждый ребенок верит, что Бога нет. Все коммунисты верят, что Бога нет.

Теперь половина мира стала коммунистической, и впервые полмира верит, что Бога нет. Не потому, что эти люди знают, не потому, что они исследовали внешнее небо, исследовали внутреннее сознание и открыли, что Бога нет. Им просто это сказали, точно так же как вам сказали, что Бог есть.

Каждая религия стремится обращать людей, потому что те, кто уже внутри конгрегации, полны сомнения. Когда конгрегация начинает расти, их сомнения стихают, верование становится крепче, увереннее: “Столько людей не может ошибаться”.

Вы этого не замечали? Каждый раз, когда человек переходит из одной религии в другую, новая религия, в которую он вступил, оказывает ему уважение и почет. Преведняя религия осуждает его, говорит, что он ее предал, но новая воздает ему почести, потому что он подтвердил их верование: “Даже люди, принадлежащие к другим религиям, переходят в нашу конгрегацию. Наша конгрегация *должна* обладать истиной, иначе почему к нам приходят люди?”

Все эти миссионеры всего мира, приводя людей в католичество, просто позволяют тем, кто уже внутри католической конгрегации, верить: “Мы – настоящая религия, остальные религии – так себе”.

Человек истины никогда не пытается никого обратить.

Человек истины передает собственный опыт. Он делится опытом, но это не значит, что вы должны с ним соглашаться. Это не значит также и что вы должны с ним спорить. Для него было радостью этим поделиться, и это все.

Ни один человек истины никогда не был миссионером. Все миссионеры пытаются уверить уже верующих в собственной правоте, показывая, что неверующие начинают верить. Все миссионеры пытаются убедить и самих себя в том, что в их системе верований, наверное, есть доля истины; иначе разве можно было бы обращать других?

И именно по этой причине верующие в Бога всегда пытаются обращать других, хотя обращение – это вмешательство в свободу других людей. Вы можете наслаждаться, делаясь с друзьями – с их согласия – всем, что вы пережили; не своими верованиями, но опытом. А если у вас нет опыта, будьте честными, будьте правдивыми. Скажите: “У меня нет никакого опыта. У меня есть только груда верований, которые дали мне другие и которые не являются моим опытом. Я ношу заимствованное знание, я ничего не знаю сам, следовательно, ничего не могу вам рекомендовать”.

Что я делаю здесь? Я не пытаюсь вас обратить ни в какую религию, ни в какой культ, ни в какое кредо. У меня нет никакой системы верований, никакой теологии, никакой философии, никакой религии.

То, что я пытаюсь передать – мой опыт истины. Если он может быть вам чем-нибудь полезен, вы им воспользуетесь. Если вы видите, что он для вас бесполезен, все в полном порядке. Это ваша свобода, я не стану вмешиваться в вашу свободу. Я не стану вторгаться в вашу индивидуальность. Я уважаю вас, я люблю вас. Как я могу вас обрадовать?

Таким образом, ни один человек истины, ни один человек сострадания, ни один человек подлинного опыта никогда не пойдет путем обращения. Только все эти верующие, боящиеся собственных сомнений, желающие удержать уже верующих в верованиях, продолжают приводить извне новых людей. Это помогает верующим упрочить свои верования, а упроченные верования притупляют их разум. Чем прочнее верование, тем более отсталым остается разум. Никакое верование не помогает разуму расти, даже если у него достаточно места, чтобы расти. Продолжая набивать себя верованиями и скрывать сомнение в темных углах бессознательного, вы калечите себя. Вы разрушаете собственную природу будды, разрушаете собственный потенциал.

Вы могли бы быть просветленными, но остаетесь всего лишь католиками, или индуистами, или мусульманами. А все это – вымыслы, красивые вымыслы. Вы можете наслаждаться ими как историями, романами, но не называйте их “священными” писаниями.

Четыреста восемьдесят восемь страниц из Священной Библии – сушая порнография. Иногда я недоумеваю, почему люди упускают из виду эти четыреста восемьдесят восемь страниц – не одну, не две. Я попросил одного из моих друзей выбрать эти четыреста восемьдесят восемь страниц, и он опубликовал книгу из этих четырехсот восьмидесяти восьми страниц, взятых из Ветхого Завета. Каждое выражение так непристойно, так безобразно, а вы продолжаете называть это Священной Библией. Даже плейбои со своим журналом “Плейбой”, “Плейгел” и “Пентхауз” – ничто в сравнении с Священной Библией.

Они – ничто в сравнении с храмами Кхаджурахо в Индии. Даже Махатме Ганди было так стыдно, что он хотел, чтобы тридцать храмов Кхаджурахо... а это прекрасные скульптуры. Больше нигде в мире нет таких прекрасных изображений мужчин и женщин – но они занимаются любовью, они совершенно голые, миллионы статуй в этих тридцати храмах...

Изначально храмов было сто, семьдесят из них было разрушено мусульманами. Тридцать сохранилось, потому что их скрывал густой лес. Махатма Ганди хотел покрыть их грязью, чтобы их никто не видел.

Наверное, вы слышали о трех обезьянах Махатмы Ганди – он обычно держал их у себя на столе. Даже теперь, когда он умер, они все еще сидят у него на столе. Этих трех обезьян ему прислал друг из

Японии. Это прекрасное скульптурное произведение, но незаконченное. Они пришли в Японию из Китая, и изначально обезьяны было четыре, а не три.

Четвертая обезьяна, кажется, была удалена из набора этим другом, или, может быть... я подозреваю, что сам Махатма Ганди убрал из набора четвертую обезьяну. Я должен описать этих обезьян, чтобы вы поняли, зачем ее было убирать... потому что изначальный набор состоит не из трех обезьян.

Первая обезьяна закрывает руками уши. Вторая обезьяна закрывает руками глаза. Третья обезьяна закрывает руками рот. Четвертой обезьяны недостает.

Четвертая обезьяна – я знаю четвертую обезьяну. В изначальном наборе четвертая обезьяна закрывает руками гениталии.

Махатма Ганди их истолковал – и я не согласен с его истолкованием. Он истолковал так, что первая обезьяна, закрывающая руками уши, говорит: “Не слушай ничего злого”. Вторая обезьяна, закрывающая руками глаза, говорит: “Не смотри на злое”. Третья обезьяна, которая закрывает руками рот, указывает: “Не говори ничего злого”. Теперь вы понимаете, почему четвертую обезьяну была выбросили – на самом деле, ее не следовало бы отбрасывать, если Ганди действительно был человеком истины. Четвертая обезьяна является логическим заключением: “Скрой источник всего зла”.

Но мое истолкование – другое. Зная людей и зная, что Чарльз Дарвин выдвинул прекрасную идею о том, что человек произошел от обезьяны... а это возможно, потому что ваш ум до сих пор работает, как у обезьяны. Когда я приехал в ашрам Махатмы Ганди... Он уже умер, но его сын Рамдас был моим другом, и он меня пригласил и показал мне окрестности. Это уродливое место – Махатма Ганди был великим самоистязателем и навязывал самоистязание другим.

Я сказал:

– Эти три обезьяны... Где же четвертая? – потому что я знаю весь набор.

– Я никогда не слышал о четвертой, – сказал он и рассказал истолкование Махатмы Ганди.

Я сказал:

– Это неверно. Глядя на человечество, зная человеческую психологию... Первая обезьяна говорит: “Не слушай истину, потому что она потревожит твою утешительную ложь”.

Вторая обезьяна говорит: “Не смотри на истину; иначе твой Бог умрет, и твой рай и ад исчезнут”.

Третья обезьяна говорит: “Не говори истину, иначе ты будешь осужден, распят, отравлен, подвергнут пыткам толпой, бессознательными людьми. Ты будешь осужден – не говори истину!”

И четвертая обезьяна говорит: “Скрывай свои удовольствия. Скрывай свое наслаждение – никому его не показывай”.

Люди могут вас уважать, только если вы несчастны, но если вы счастливы, все будут вам завидовать.

Меня спрашивали, почему моя попытка создать коммуны в Америке потерпела поражение. Никакого поражения не было. Причина, по которой она была насильственно уничтожена американским правительством, состояла в успешности этого эксперимента. Никогда еще в истории человека ни одна коммуна не была такой успешной.

В этом и состояла трудность. Если бы мы потерпели поражение, никто бы о нас не беспокоился; но мы добились успеха. Пять лет мы боролись с величайшей властью в мире – а у нас не было никакой власти. Мы не были нацией, у нас не было армии... но на нашей стороне была истина.

Коммуна была разрушена, потому что она была успешной.

Четвертая обезьяна говорит: “Пусть твои удовольствия, твои радости останутся скрытыми. Не позволяй никому узнать, что ты веселый человек, блаженный человек, экстатичный человек, потому что это разрушит всю твою жизнь. Это опасно”.

И, глядя на человечество, я могу сказать без всякого сомнения, что мое истолкование гораздо лучше истолкования Махатмы Ганди. Он сам всю жизнь учил безбрачию. Но он был честным человеком, в этом у меня нет никаких сомнений. Его честность очевидна. Даже в возрасте семидесяти лет ему снились кошмарные сны о сексе, и во сне с ним случалась эякуляция – в семьдесят лет! Это целая жизнь подавления. В противном случае, когда человек достигает возраста сорока двух лет, если он прожил жизнь радостно, без чувства вины, без всякого Бога, без всякой религии, просто естественно, если он тек с природой в глубоком расслаблении, в позволении... к тому времени, как ему исполняется сорок два года, он осознает, что эти удовольствия были очень преходящими. Теперь приближается смерть, он должен найти что-то более вечное.

Эти удовольствия указали ему путь: если в сексуальном оргазме время и ум останавливаются, и вы чувствуете себя частью вечности... вы исчезаете как эго и становитесь просто единым с целым. Это происходит лишь на мгновение, но это может произойти... само собой, если вам удастся выйти за пределы ума и за пределы времени – женщина не нужна, мужчина не нужен. Каждый мужчина, каждая женщина способны выйти за пределы. Как только вы знаете, что это возможно, у вас это может получиться.

Именно в этом и состоит медитация – просто выбравшись за пределы ума и за пределы времени, вы входите в вечное молчание, в вечную жизнь. И как только вы испытали вкус этой жизни, все ваше существование становится празднованием.

Второй вопрос:

Согласился бы ты со Стендалем, когда он говорит: “Бога извинеет лишь то, что его нет”?

Абсолютно!

Если бы Бог существовал, его давно бы прикончили. Человек не смог бы его терпеть; он был врагом. Хорошо, что его нет, поэтому можете продолжать молиться... Только подумайте...

Есть одна история, очень древняя история...

Когда-то Бог жил на рыночной площади, но целыми днями и даже ночами люди стучались к нему в двери и жаловались на все: “Что за неправильный мир ты создал? Почему в нем столько болезней? Если ты его творец, почему ты не создал такие тела, которые не болят? Почему есть старость, почему есть смерть?”

И люди так докучали ему, говорит эта старая история, что он созвал своих ангелов на совет и сказал: “Либо я умру от этих непрерывных мучений, либо покончу с собой! Не скажете ли вы, что мне делать? Эти люди не покидают меня ни на мгновение, а их требования таковы, что я не могу их удовлетворить. Одна женщина приходит и говорит: “Завтра, запомни, никакого дождя, потому что я сушу пшеницу”. Кто-то другой говорит: “Завтра мне совершенно необходим дождь, потому что я сею зерна”. И что я должен делать?”

И миллионы людей кричат и злятся, потому что их желания не осуществились, их молитвы не были услышаны”.

И ангелы стали думать. Один ангел сказал:

– Будет хорошо, если ты переселишься на Эверест, самую высокую вершину Гималаев.

Бог ответил:

– Ты не знаешь, но я всевидящий, я все знаю: прошлое, настоящее, будущее. Вскоре появится человек, который достигнет самой высокой вершины Гималаев. И как только этот человек меня найдет, появятся автобусы, самолеты и всевозможный транспорт. Построят дороги и гостиницы, и снова все превратится в базарную площадь. Ты не понимаешь: у меня будет немного покоя лишь на короткое время. Это не подойдет. Мне снова придется сменить место жительства.

Кто-то предложил:

– Почему бы тебе не переселиться на Луну?

Бог сказал:

– Ты не понимаешь, потому что не знаешь будущего – сразу после Эвереста люди отправятся на Луну. И мне снова придется переезжать. Покажите мне такое место, откуда мне не придется переезжать!

Тогда к нему приблизился старый ангел и прошептал ему на ухо:

– Единственное место, о котором человек может никогда не подумать – это его собственное сердце. Просто сиди там...

Он исчез отовсюду. Может быть, вы встретите нечто от божественного в собственном существе. В собственной жизни вы можете найти что-то, подобное богу. Вы не найдете Бога как личность, вы найдете качество, аромат, присутствие; определенную атмосферу, определенную энергию – она не ваша, она принадлежит космосу.

Стендаль совершенно прав: “Бога извиняет лишь то, что его нет”. Это его спасает; иначе нет никакой безопасности, никакой защищенности.

Фридрих Ницше в своей книге “Так говорил Заратустра” подходит к месту, где Заратустра выходит из горной пещеры, в которой прожил много, много лет. Он находит по дороге хижину отшельника, и отшельник молится Богу. Ранним утром, когда встает солнце, отшельник молится.

И Заратустра бормочет про себя: “Возможно ли, чтобы этот старый отшельник не слышал, что Бог умер?”

Заратустра спускается и говорит толпе: “Слышали ли вы новость, что Бог умер?” И люди начинают смеяться.

Они говорят: “Наверное, ты сумасшедший. Прожив много лет в пещере в одиночестве, ты тронулся умом”.

Сам Ницше в конце жизни сошел с ума, потому что он объявил действительно хорошую новость, но ему не удалось найти ничего, что заменило бы Бога. Он не смог найти празднования жизни, он не смог найти опыта живого потока внутри. Он остался в вакууме – а в вакууме вы сойдете с ума.

На Западе сходит с ума больше людей, чем на Востоке. На Западе больше людей совершают самоубийство, чем на Востоке. На Западе совершается больше убийств. Должно быть наоборот – Восток так беден, что люди должны совершать самоубийства, сходить с ума... но этого не происходит. Почему?

Западный ум узнал, что Бога нет – безмерный вакуум. А человек не может жить без смысла, не может жить без значения, не может жить без радости. Если Бог умер, человек становится абсолютно пустым, а человек не может жить в пустоте.

Ему нужно, чтобы в нем текли соки жизни. Ему нужно расцвести в прекрасные лотосы. Ему нужно петь песни, ему нужно играть музыку. Ему нужны все благословения, которые предоставляет вам существование.

Западный ум более образован, более богат, поэтому его телесные потребности почти удовлетворены. Он смотрит на небо и находит, что небо пусто – Бога нет. Понимание, что Бога нет, вместо того, чтобы стать хорошей новостью, для западного ума становится плохой

новостью. Он чувствует себя случайным, ненужным – его бытие не имеет никакого смысла.

Восток знает три религии, в которых нет никакого Бога – джайнизм, буддизм, даосизм: эти три религии не центрированы вокруг Бога. И эти три религии кажутся гораздо более здоровыми, чем религии, происшедшие от иудаизма – иудаизм, христианство, ислам. Эти три восточные религии кажутся более здоровыми, потому что с самого начала Бога нет. И им не приходится возводить взгляд к небу, им приходится смотреть вовнутрь. Это единственное место, где они должны искать истину.

Путем является не молитва, путем является медитация.

И те, кто пришел к предельному цветению медитации – Гаутама Будда, Бодхидхарма, Махакашьяпа, Махавира, Лао-цзы, Ма-цзы, Секито... никто из них даже не говорит о Боге. То, чего нет – какой смысл даже говорить, что его нет? Просто речь вообще не заходит о том, чтобы обсуждать Бога, рай или ад.

Я хочу, чтобы вы понимали: дзен случился как цветение, рожденное встречей Гаутамы Будды и Лао-цзы. Это встреча Дхаммы и Дао. Это смешение Бодхидхармы и Чжуан-цзы. Эти две религии достигли высочайшей вершины, и это были неорганизованные религии. Там, где они стали организованными, они стали мертвыми. Например, в Тибете они стали организованными – и стали мертвыми. В Шри-Ланке они стали организованными – и стали мертвыми.

Как только религия становится организованной, она мертвеет, потому что тотчас же она становится жадной власти, жадной главенствования. Она превращается из религии в политику.

Организация разрушает индивидуальность, жертвует индивидуальностью, а индивидуальность – единственное существо, способное знать величайшие вершины и глубины сознания.

Из встречи Гаутамы Будды и Лао-цзы родился дзен. Дзен не является ни буддизмом, ни дао; это то и другое, точно как вы сами – и мать, и отец. Вы ни то, ни другое – в вас течет что-то от отца, что-то от матери.

Дзен пришел к высочайшей точке выражения. Он стал почти синонимичным вечной жизни. Адам и Ева не могли съесть плод вечной жизни, они были изгнаны из Эдемского сада. Они съели только плод знания. Но дзен дает вам другое дерево, дерево вечной жизни.

Итак, в этой серии мы будем обсуждать дзен как равнозначность вечной жизни.

Бога нигде нет.

Жизнь здесь и сейчас.

А дзен – главный ключ, открывающий все двери таинств жизни.

Сутра:

Секито сказал:

Мое учение, происходящее от древних будд, не основано ни на медитации, ни на каких бы то ни было других стараниях и усилиях.

Здесь слово “медитация” может дать вам чувство непонимания, замешательства, потому что в английском есть три слова: концентрация, созерцание, медитация. Ни одно из этих трех слов не способно перевести санскритское слово *дхиана*, которое на языке Будды – а он говорил *на пали*, языке, отличном от санскрита, – превратилось в слово *зхана*. И когда Бодхидхарма принес послание в Китай, *зхана* превратилась в *чань*. А когда Ринзай принес послание из Китая в Японию, от *чань* или *чана* произошло слово *дзен*. Оно приблизилось к слову Будды *зан* или *зхана*.

Но в английском эквивалента нет, потому что даже слово “медитация” дает вам идею, что вы медитируете *на* что-то. Концентрироваться на чем-то, созерцать что-то, медитировать *на* что-то; но *дхиана*, или *дзен* лишены всякого объекта.

Дзен не означает ни что вы созерцаете, ни что вы концентрируетесь, ни что вы медитируете, потому что объекта нет. Вы просто есть – в молчании, без мысли, без ума.

Именно из-за этого Секито включает и медитацию: “Человеку не нужна медитация или усилие любого рода, чтобы стать просветленным”.

Но для вашего понимания и ясности, когда я использую слово “медитация”... это бедное слово, оно не обладает тем же качеством, что “дхиана” или “дзен” – я использую его потому, что в английском языке другого слова нет.

И тому, что другого слова нет, есть причина – Запад никогда не достигал точки дхианы. Он не пришел к точке, в которой человек просто есть – не делая ничего снаружи, не делая ничего внутри. Он просто есть – сущая *естьность*, чистое молчание. Это приводит вас в самый центр, и в то мгновение, когда вы в самом центре, вы начинаете расти в будду, в просветленного. Ваша осознанность впервые раскрывает свои лепестки, как раскрывает лепестки лотос, когда занимается день и начинает восходить солнце, когда кончается ночь...

Секито прав: не нужно никакой особенной дисциплины. Не требуется никакого рода стараний. Не требуется никакого ума – именно это он подразумевает под медитацией. Все, что вам нужно – это просто оставить все снаружи. Трансцендировать тело, ум, сердце. Просто трансцендировать, пока не придете к точке, которая становится концом дороги. Тогда вы просто есть.

Басе говорит:

*Сидя в молчании,
Ничего не делая,*

Приходит весна –

И трава растет сама собой.

Вы ничего не делаете, вам нужно только сидеть в молчании и ничего не делать, потому что любого рода действие уведет вас прочь от себя. Когда вы ничего не делаете, вся энергия собирается внутри; она ни во что не вкладывается. В то мгновение, когда вы минуете ум, вся энергия, которая вкладывалась в мысли, высвобождается. Когда вы минуете сердце, вся энергия, которая вкладывалась в эмоции, чувства, сантименты, высвобождается.

Теперь вы становитесь резервуаром энергии. Это изобилие энергии дает вам вкус существования, и когда эта энергия становится столбом безмерной высоты и глубины, вы нашли связь с космосом. Вы больше не в одиночестве. Фактически, вас больше нет, есть только существование. Тогда это существование, этот космос, эта жизнь – сущий танец.

Я учу вас быть танцорами.

Я учу вас быть влюбленными.

Я абсолютно утверждаю жизнь, а все ваши религии – отрицают.

Я всецело предан этому мгновению. Не двигайтесь в прошлое, потому что это только память, а у памяти нет никакой связи с нынешней реальностью. Не двигайтесь в будущее, потому что это только воображение.

Просто оставайтесь здесь, и вы будете удивлены. Если вы просто сейчас здесь, все мысли исчезают, потому что все мысли относятся либо к прошлому, либо к будущему. Никакая мысль не принадлежит настоящему.

Настоящее так чисто, так прозрачно, так ясно – словно окно в космос. Это дзен, и это ключ к жизни вечной. Само чувство жизни вечной снимает с вас все напряжения, тревоги о старости, болезни, смерти и рождении.

Вы никогда не рождались и никогда не умрете.

Только тело продолжает меняться.

Вы меняли дома.

Но вы – реальность, истина.

Истина не вне вас, она – в глубочайшем скрытом центре.

Итак, дзен просто означает: ничего не делать, просто быть. И в этом полнейшем молчании существа вы мало-помалу приходите в расслабление, и приходит весна, и трава растет сама собой. Внезапно вы начинаете расцветать – в ваших глазах начинает появляться новая глубина. В ваших жестах начинает появляться новое изящество; каждое ваше действие становится сущей радостью. Может быть, вы рубите дрова, может быть, вы носите воду из колодца – это неважно.

Как только вы знаете, что не случайны в существовании, как только вы знаете, что вы – само существование, жизнь совершает огромный квантовый скачок. Вы больше не ограничены телом, вы больше не ограничены маленьким умом. Вы становитесь безграничным и бесконечным, и только в этой безграничности и бесконечности вы можете радоваться, можете быть блаженными.

И эта безграничность становится вам доступной, потому что Бог умер; до этого он занимал каждую пядь пространства, наблюдал за вами со всех сторон. Он постоянно вас судил, совал свой нос в ваши дела, осуждал: “Это неправильно, не делай этого”. И все его заповеди были против жизни.

Я слышал одну старую историю...

Когда Бог создал мир, он пришел со своими заповедями сначала в Вавилон и спросил его жителей:

– Не хотите ли заповедь?

Они сказали:

– Сначала нам нужно знать, что это за заповедь.

И он сказал:

– “Не прелюбодействуй”.

Они сказали:

– И думать забудь. Без прелюбодеяния в жизни нет никакой радости. Возьми свою заповедь обратно.

Бог был очень разочарован: “Что это за люди?”

Он пришел к египтянам... тот же вопрос.

– Что это за заповеди? Прежде чем принять, мы должны узнать их, – и принимать никто не захотел.

И тогда он отыскал Моисея, который задал неправильный вопрос. Когда Бог спросил, не хочет ли он заповедь, Моисей ответил:

– Почему? Сколько она стоит?

– Бесплатно, – сказал Бог.

– Тогда почему только одну? – сказал Моисей. – Я возьму все десять.

Но теперь Бога больше нет, все его заповеди исчезли, все его священные писания исчезли, и мир впервые становится единым. Никаких религий, никаких религиозных границ, никакой дискриминации – без Бога человечество едино.

Дзен учит вас не только быть единым с человечеством, но и быть единым с деревьями и реками, с горами и небом и звездами. Вся эта вселенная – наше существо. Мы – только цветы разных оттенков, придающие существованию красоту разнообразия. Мы – формы выражения существования, уникальные формы. Это придает вам гордость, это придает вам достоинство. Это приносит вам неотъемлемое почитание себя, самоуважение, которого не могло бы у вас быть, пока Бог был жив.

Но еще не все человечество об этом услышало. Люди все еще молятся вымыслам, и эти вымыслы делают все человечество шизофреничным, невротичным, непристойным, уродливым.

Однажды вечером три раввина сидели на скамейке в парке...

Они приходили в парк каждый вечер – старые раввины. Одному было семьдесят пять лет, другому семьдесят пять, третьему – девяносто пять; все были пенсионерами.

Самый молодой, семидесятипятилетний раввин, казался очень грустным. Второй раввин, восьмидесятипятилетний, спросил его:

– Что случилось? Почему ты сегодня такой грустный?

– Что делать? – ответил тот. – Я должен вам сказать, чтобы облегчить душу. Случилось так, что у меня в гостях была одна красивая дама, и когда она принимала ванну, я смотрел в замочную скважину на ее красивое пропорциональное тело.

Оба раввина рассмеялись.

Второй сказал:

– Ты идиот. В детстве все это делают.

Но молодой раввин продолжал:

– Вы недослушали историю и перебили меня. Меня поймала с личным моя мать.

Два раввина ответили:

– Мы знаем. Всех ловят. Грустить здесь не о чем.

Но он продолжал:

– Вы совсем не понимаете. Это случилось сегодня! Это было не в детстве.

– Значит, дело серьезное, – сказали они.

– Но это еще ничего, – сказал второй раввин. – Вы еще не знаете, что случилось со мной...

Его проблема была в том, что он не занимался любовью с женой три дня. И оба раввина рассмеялись, потому что они знали, что у него была за “любовь”. В возрасте восьмидесяти пяти лет, одной ногой в могиле – что это за любовь? Они уже это знали, поэтому рассмеялись.

Он сказал:

– Почему вы смеетесь?

– Мы смеемся над твоей любовью. Не беспокойся об этом.

Его любовь состояла в том, что он брал жену за руку, прежде чем заснуть, три раза пожимал ей руку и желал спокойной ночи. Это была его любовь.

Но жены есть жены, и даже такой любви его жена ему не позволяла три дня. Она отворачивалась и говорила: “У меня болит голова; спи”.

И он сказал:

– Три дня у нее болит голова. И как раз в тот момент, когда я пытаюсь заниматься с ней любовью, она говорит: “У меня болит голова; спи”.

Третий, самый старший из раввинов, сказал.

– Вы все идиоты. Вы не понимаете, что такое настоящие проблемы. Настоящие проблемы у меня. Сегодня утром, когда я хотел заняться любовью со своей женой, она начала кричать: “Ты что, сексуальный маньяк? Ты же занимался любовью всю ночь!”

И он сказал друзьям:

– Кажется, у меня начинается склероз. Я думал, что это было в первый раз.

Подавленное человечество обречено испытывать такие же проблемы. Но кто создал все эти проблемы? Ваш Бог, ваши священники... все они – величайшие преступники, потому что они создают очень благочестивую видимость, что желают вам добра, но на самом деле разрушают в вас все.

Дзен хочет, чтобы вы воскресли, снова получили жизнь, которую отдали на сохранение кому-то другому. Будьте хозяином, и вы начнете расцветать цветами красоты, блаженства и экстаза, божественного опьянения.

Секито говорит: “Когда человек достигает прозрения, которого достиг Будда, он осознает, что не-ум есть Будда...” Просто выйдите за пределы ума, и вы станете буддой. Это такой небольшой переход, такое небольшое путешествие – может быть, всего один шаг. Но поскольку вы не тотальны, я говорю вам совершить три шага. Я разделяю один шаг на три шага, потому что вы колеблетесь, прежде чем совершить такой прыжок – один шаг. Иначе шаг только один: от ума в не-ум. Но поскольку вы колеблетесь, прежде чем выйти за пределы ума, вы боитесь, что просто станете ненормальными... Это правда. Если вы выйдете за пределы ума в неправильную дверь, то станете ненормальными.

Есть две двери, ведущие за пределы ума: одна ведет ниже ума, другая – выше ума. Обе они вне ума. Если вы выйдете через нижнюю дверь, то станете ненормальными, окажетесь на кушетке психоаналитика. Если вы выйдете через верхнюю дверь, то станете буддой. Ни один будда никогда не страдал ни от какого безумия, невроза, психоза – ничего подобного.

Достигнув прозрения, которого достиг Будда, человек осознает, что не-ум есть будда, а будда – не-ум, – они синонимичны, – что не-ум, будда, чувствующие существа, бодхи и клеши принадлежат одному и тому же веществу, хотя их имена и рознятся.

Все состоит из одного и того же вещества, одного и того же существования, одного и того же сознания не-ума; рознятся лишь имена. Можете назвать это как угодно – *нирвана*; можете назвать это спасе-

нием; можете назвать это освобождением. Но все это разные имена одного и того же состояния, которое точнее всего описывается как не-ум или “состояние вне пределов ума”. Вы оказываетесь в пространстве, у которого нет никаких пределов, никаких границ, и внезапно осознаете, что ваше существо было здесь вечность и будет вечность.

Сам этот не-ум – будда, и само это мгновение – рай лотосов. Не нужно никуда идти. Нужно только погрузиться вовнутрь и найти дно собственного существа.

Человеку следует знать, что сущность его собственного не-ума не есть ни предмет, ни полное уничтожение, ни вечное существование, она ни чиста, ни растленна.

Она так чиста, что нельзя даже назвать ее чистой, потому что она никогда не была нечистой. Все чистое может быть загрязнено, но она так чиста, что нельзя даже назвать ее чистой. Она не может быть нечистой, ее чистота абсолютна. Никакая пыль никогда не собирается на зеркале вашего сознания.

Этим сказано очень многое. И грешник, и святой способны войти в не-ум, потому что грешник не может растлить свой не-ум, святой не может его очистить. Он всегда остается за пределами двойственности.

Он так чист и невинен – доступный грешнику, доступный святому. Оба они должны выйти за пределы ума. Грешник должен выйти за пределы грешного ума, святой должен выйти за пределы святого ума. Но оба они должны выйти за пределы ума и достичь одного и того же пространства абсолютной чистоты. Оно трансцендентально всем двойственностям; оно просто *есть*. Нельзя его назвать, нельзя произнести о нем ни слова.

Один из самых значительных логиков Запада, Людвиг Витгенштейн, написал в своей великой работе, “Логико-аналитическом трактате”... он писал в очень странном и специфическом стиле, используемом в сутрах людей дзен. Он писал небольшими пронумерованными строфами. Каждая строфа, каждая строка сама по себе была закончена, выражала законченное утверждение. И он нумеровал строфы – не строки... Он нумеровал строфы: первая сутра, вторая сутра, третья сутра, четвертая сутра...

Одна из его максим – сутра значит “максима”, небольшое содержательное выражение, – с которой я столкнулся, когда был студентом, говорит: “Не следует говорить то, что невозможно сказать”. Законченное утверждение – если ничего нельзя сказать о не-уме, пожалуйста, ничего не говорите, потому что все, что вы скажете, будет неправильно. Все, что вы скажете, не будет в точности тем, что

вы хотели сказать. Поэтому, пожалуйста, не говорите о том, что невыразимо, ничего.

Я написал ему письмо, но он умер. Его друг прислал мне ответ: “Если бы он был жив, он принял бы вашу поправку. Он был человеком огромной честности и не считал бы, что вы его критикуете”.

Я не критиковал. Я просто сказал ему: “Вы говорите: ‘Не следует говорить то, что невозможно сказать’, – но вы все же что-то об этом сказали. Удалите эту максиму. Даже сказать столько значит сказать что-то. То, что не может быть сказано, не должно быть сказано – а вы что-то сказали”. Ничто не может быть сказано о не-уме, включая это самое предложение: Ничто не может быть сказано о не-уме.

Это чистый опыт – вы можете его *испытать*. Вы можете его получить; у вас он уже есть. Вы можете танцевать в экстазе, когда приходите к осознанию, что он был всегда, только вы на него не смотрели. Вы были так заняты внешним, так увлечены мелочами, что существенное было утрачено. Но оно все еще есть, оно вас ждет.

Она остается совершенно безмятежной и самодостаточной. То же самое верно в отношении мудрого и невежественного.

Они состоят из одного и того же вещества – мудрый и невежественный. Невежественным не нужно становиться мудрыми, прежде чем войти в не-ум. Они могут войти в не-ум с того места, где находятся – грешник, невежественный, мудрый, знающий. Где бы вы ни были, ваше расстояние до не-ума остается одним и тем же.

Это – величайший бунт против всех религий. Здесь не говорится, что грешник должен сначала стать святым, что безнравственный должен сначала стать нравственным человеком. Дзен дает вам безмерное прозрение: где бы вы ни были, кем бы вы ни были, какими бы ни были ваши действия, ничто не может растлить не-ум, ничто не может его потревожить. Из своего нынешнего состояния вы движетесь непосредственно в не-ум. Из разных состояний вы приходите в один и тот же центр и находите свое существо абсолютно чистым, безмерно чистым. Оно никогда не было иным.

Сущность человеческого не-ума не ограничена в своем проявлении и не подпадает под категории ума, сознания или мысли.

Три мира желания, формы и бесформенности и шесть путей существования являются собой не более чем проявления самого человеческого ума.

Все ваши так называемые дисциплины, методы, йоги... все ваши молитвы – всего лишь ухищрения, проекции вашего собственного ума. Отбросьте все!

Мне это напоминает об одном замечательном католическом священнике...

У него был чудесный попугай, который знал наизусть, от начала до конца, католическую молитву. Это был очень драгоценный попугай. Этому попугая показывали всем гостям, и он читал всю молитву целиком. Это был такой благочестивый, набожный попугай. Он был ученым – в одной лапке он держал четки и все говорил: “Аллилуйя! Аллилуйя!” И все удивлялись: надо же, какой благочестивый попугай... Но он выглядел очень грустным, как почти все священники – нельзя быть благочестивым, не будучи при этом грустным. Поскольку он выглядел грустным, епископ всегда беспокоился, что с ним делать; во всем остальном попугай был абсолютно нормальный.

Однажды он пришел в гости к одному из членов своей конгрегации, к женщине, которая как раз в тот день завела попугая. Продавец говорил ей:

– Я не хочу продавать вам этого попугая. Купите любого другого. У нас в магазине их много.

Но она уже заинтересовалась этим – это был такой прекрасный экземпляр. Она сказала:

– Я заплачу сколько захотите, но я хочу только этого попугая.

Человек сказал:

– Я должен вам сказать, что этот попугай попал к нам из очень дурного места. Он жил в публичном доме и говорит непристойные слова. Именно поэтому я не хочу, чтобы вы его покупали.

Но дама сказала:

– Я его перевоспитаю; я беру его.

Он выглядел так красиво, что она подумала: “Подумаешь, непристойные слова – какие проблемы? Потребуется лишь немного тренировки”.

Но это было просто невыносимо. Он говорил, что ему взбрдет в голову – при гостях, при соседях. Он кричал всевозможные непристойности.

Епископ сказал:

– Не беспокойтесь. У меня есть очень благочестивый, набожный попугай, который постоянно перебирает четки, помнит от начала до конца молитву и прекрасно ее рассказывает. Я возьму вашего попугая и помещу его в одну клетку с моим. А это такая благочестивая особа, что перевоспитает и вашего питомца.

И он взял попугая с собой.

Он посадил попугая в клетку к своему и ушел. Когда он вернулся, он не мог поверить своим глазам. Набожный попугай выбросил четки и сидел рядышком со вторым. Епископ спросил:

– Что случилось? Почему ты выбросил четки? И почему ты не повторяешь “Аве Мария” или “Аллилуйя”?

Попугай ответил:

– Я молился о женщине, и вот я ее получил. Больше никаких чепух, никаких молитв. У меня такая чудесная подружка. Отвяжись!

Ваши так называемые святые и так называемые грешники немногим отличаются – отличаются только их маски. И мой опыт таков, что ваши святые не более невинны, чем ваши грешники. Я видел преступников, я видел убийц. Раньше я посещал тюрьмы, и в конце концов я сам был заключен в тюрьму в Америке. Я был обитателем пяти тюрем, и я нашел там таких красивых людей, гораздо красивее, чем политики, священники – совершенно невинные люди.

Дзен дает равные возможности грешникам и святым, хорошим и плохим, потому что его понимание очень ясно. Его понимание так глубоко – что расстояние до не-ума всегда остается равным.

Таким образом, неважно, какого рода вещами вы занимаетесь. Делаете ли вы вещи, которые люди считают неправильными, или вещи, которые люди считают правильными – это неважно! Все это явления вашего ума. Просто выйдите за пределы ума. Когда святой отбрасывает ум, когда грешник отбрасывает ум, оба они входят в одно и то же пространство, в одну и ту же природу будды.

Это великий бунт дзен. И это дает вам религиозность совершенно другого рода. Это заставляет вас танцевать, жить в тотальности без всякого ограничения, без всякого чувства вины, потому что, кем бы вы ни были, в то мгновение, когда вы хотите войти в свою вечную жизнь, вы можете совершить прыжок. Из любой точки существования, из любой личности – вы можете отбросить эту личность и двигаться в полное молчание.

Ни у какой религии не было такого мужества; ни у какой религии не было такой храбрости – дзен действительно дерзок! Он принадлежит львам, не овцам Иисуса Христа.

Все они подобны луне, отразившейся в озере, или образам в зеркале.

Если святой становится перед зеркалом, зеркало не беспокоится о том, что он святой. Подходит грешник – зеркало не делает никакого отличия. Грешник равен святому, идиоту, так называемому великому ученому.

Зеркало отражает одинаково.

Не-ум – ваше зеркало.

Перед зеркалом все равны.

Дзен дает вам совершенно новую концепцию духовного коммунизма. Все религии против коммунизма, только дзен способен впитать в себя коммунизм.

Вы можете быть атеистом, это неважно.

Вы можете быть теистом, это неважно.

Расстояние до не-ума остается прежним.

Поэтому я никогда не спрашиваю, кто вы. Атеист ли вы, теист ли – это ваше дело. Коммунист вы или анархист – это ваше дело. Христианин ли вы, индуист или мусульманин, это не имеет значения. Для меня значение имеет лишь то, чтобы вы, какой бы у вас ни был ум, сделали его трамплином и прыгнули в не-ум. Не-ум не знает никаких различий; это одно космическое целое. Для меня человек не-ума – единственный религиозный человек. Все остальное просто ложно.

Он говорит: Все они подобны луне, отразившейся в озере, или образам в зеркале. Можно ли говорить о них как о рождающихся или исчезающих?

Вы никогда не родились, вы были здесь всегда. Вы всегда были в пространстве, во времени, здесь и сейчас; вы никогда не умрете. Смерть и рождение – это поверхностные эпизоды в долгой вечной жизни... мелочи; они не имеют значения.

Когда человек приходит к этому пониманию, ему дано все, в чем он теперь нуждается.

Я снова и снова говорю, что вам не нужно никакой морали, не нужно никакой дисциплины. Но если вы приходите в не-ум, все, в чем вы нуждаетесь, будет вам дано. Вы станете безмерно сострадательными. Вы приобретете изящество, которое почти не от мира сего. Вы будете любить без всяких условий. Вы будете делиться своей радостью, своими благословениями со всеми и каждым – и не только с друзьями, даже с незнакомыми. Вы станете точно как дождевое облако, которое продолжает изливаться, не беспокоясь о том, что дождь прольется на камни, или на дорогу, или на крышу, или на поле, или в сад. Когда в вас изобилие, какая разница? Вы просто продолжаете делиться. Каждый, кто восприимчив, примет это, те, кто не восприимчив – не примут. Но это не ваша проблема.

Будда добр без выбора. Не потому, что он практикует определенную мораль, следует определенным заповедям. Он просто не может сделать ничего злого. Его сознание и его свет так ясны, что он точно видит, что хорошо. Он знает, что добро – награда само по себе; не награда, ожидаемая в раю. А зло – само по себе наказание, не наказание, ожидающее в аду. Таким образом, ни рая, ни ада нет.

Каждое действие приносит свои собственные радость или несчастье. Человек с ясными глазами может видеть. И я не думаю, что кто-нибудь выберет страдание, выберет патологию, выберет что-нибудь уродливое или непристойное. Если у вас есть глаза, вы будете выби-

рать – самое красивое, самое славное, самое величественное. Это будет происходить спонтанно.

Гьодай написал хайку:

Ради меня

Не зажигай пока светильник

Этим весенним вечером.

Эти небольшие хайку так же красивы, как капельки росы на листьях лотоса на раннем утреннем солнце. Они сияют ярче бриллиантов, ярче жемчуга.

“Ради меня”... Красивый весенний вечер. Всюду аромат. Ночные цветы раскрывают лепестки. В темноте есть собственная красота; она очень чиста, и она стирает всякие различия. Все становится одним. В темноте есть глубина, которой недостает свету. В темноте есть молчание, которого лишен свет.

И вот, когда сгущаются сумерки, и он ощущает аромат распускающихся цветов... птицы возвращаются на деревья, издавая прекрасные звуки... он говорит: “Ради меня, не зажигай пока светильник... – не беспокоя этот прекрасный весенний вечер... *этим вечером весны*”. Дай мне отдохнуть, дай мне увидеть это превращение света в темноту.

Свет очень поверхностный; в темноте есть глубина. Свет приходит и уходит, темнота остается.

Ее не нужно вносить; ее нельзя выгнать. С темнотой ничего нельзя сделать непосредственно; что-то сделать можно только со светом. Внесите свет – темнота исчезнет. Удалите свет – темнота войдет. По сути, она никогда никуда не девается; она оставалась, как и прежде, свет только скрывал ее. Когда света нет, остается темнота.

Свет проходящ, потому что зависит от топлива. А топливо – даже топливо солнца – однажды закончится. Солнце дает столько света, излучая его каждое мгновение, что с каждым мгновением беднеет. Ученые думают, что пройдет, по меньшей мере, четыре миллиона лет, прежде чем солнце умрет. Но в вечности существования четыре миллиона лет не играют роли.

Каждый день солнца исчерпываются, старятся, умирают, кончаются. Физики говорят, что они входят в черные дыры, исчезают. И каждое мгновение, когда солнца исчезают, рождаются новые солнца. Ученые еще не открыли белых дыр. Я думаю, что если есть черные дыры, должны быть и белые. Если черные дыры притягивают звезды, планеты, где они исчезают, умирают, тогда, наверное, с другой стороны должна быть и белая дыра, из которой, после небольшого отдыха – может быть, девять месяцев в ее чреве – они снова выходят, рождаются.

Но ничто в существовании не умирает. Все продолжается, и все устает. Есть время жить и время умирать. Но ваше вечное существование просто переходит от действия к бездействию. И когда оно снова набирается энергии, омолаживается, становится свежим, оно возвращается из нового чрева.

Только будда никогда не возвращается. Его смерть окончательна, потому что у него не осталось никакого желания. Именно желающий ум вводит вас в чрево новой матери. Будда, человек, который осознал не-ум, совершенно пуст от желаний, амбиций. Теперь для него нет необходимости входить в чрево новой матери и страдать девять месяцев в тюрьме. Тогда не будет удовольствием и выход из тюрьмы. Вся жизнь начнется сначала, весь цикл... То же самое путешествие, та же молодость, та же романтика, те же поражения, те же разочарования... – и старость, и страх смерти.

Дзен интересуется, как помочь человеку избавиться от этого цикла рождения и смерти. Единственный способ – выйти за пределы ума. Именно ум содержит все ваши амбиции, желания, напряжения, боли, тревоги, тоску. Если вы из него выберетесь, вы – пробужденный. Вы пришли к точке, из которой можно двигаться непосредственно в космос. Вы стали частью целого, или, точнее, стали самим целым.

Вопрос Маниши:

Наш Возлюбленный Мастер,

В своем стихотворении “Воспевая себя” Уолт Уитмен пишет:

“Ты будешь владеть благом земли и солнца... И больше не станешь ни принимать что-либо из вторых или третьих рук, ни видеть глазами мертвеца, ни кормиться книжными призраками...”

Никогда не было больших начинаний, чем теперь, ни большей юности или старости, чем теперь, и никогда не будет ни большего совершенства, чем теперь, ни большего рая или ада, чем теперь”.

Возлюбленный Мастер, от обожествления вымысла до празднования самих себя – не в этом ли состоит сущностная разница между старым и новым человеком?

Маниша, в точности в этом и есть разница между старым человеком, жившим под гнетом рабства, и новым человеком, освободившимся из рабства Бога, церковей, религий.

Старый человек никогда по-настоящему не жил, он следовал заимствованному знанию. Ему всегда диктовали, его всегда перетаскивали из одной точки в другую. Новый человек будет жить, исходя из свободы, спонтанности, осознанности. У него не будет никаких писаний, у него не будет никаких диктаторов, у него не будет никаких богов. Он будет собой, в предельном сознании. Это – настоящий рост.

И пришло время, надлежащее время! Мы жили в рабстве достаточно долго. Теперь отбросьте его... *целиком!* Двигайтесь в открытое небо. Расправьте крылья, все существование – ваше.

Новый человек будет императором, в том смысле, что он будет хозяином самому себе. Он не потерпит над собой никаких других хозяев. Он больше не допустит никакого рабства. Он не позволит никаких наций, он не позволит никаких рас, он не позволит никаких кастовых систем. Он не позволит никакого рода религий и никаких суеверий. Новый человек будет абсолютно чистым и свежим, невинным как ребенок. И из этой невинности возникает божественное существо, будда.

Будда – это новый человек.

Пришло время Сардара Гурудаяла Сингха.
Зажгите свет!

Одним прекрасным утром, когда Джерри и Джуди Джем сидели за завтраком, Джуди внезапно вздохнула и отложила свой тост.

– Дорогой, – сказала она, – я подумала о том случае, когда ты потерпел кораблекрушение в Индийском океане. Все газеты называли тебя героем, потому что ты оставался один на спасательном плоту три месяца и выжил.

– И все же, дорогой, – продолжала Джуди, – я чувствую, что с тех пор ты все время что-то от меня скрываешь. Что произошло?

– Видишь ли, дорогая, – отвечает Джерри, стараясь выглядеть как ни в чем не бывало, – раз ты так чудесно относишься ко мне, я должен признаться, что кое-что от тебя скрыл! На этом плоту со мной была очаровательная девушка. Мы были на этом корабле вместе, когда он потонул. Мы были единственными, кто выжил.

– Ага! – вскричала Джуди.

– Нет, было совсем не так, – объяснил Джерри. – Это правда, она была проститутка, но она спасла мне жизнь! У нас не было пищи, не было воды – все, что у нас было, чтобы выжить, были мы сами.

– Ясно, – отрезала Джуди. – И что же вы делали?

Джерри сделал затяжной глоток из кофейной чашки и продолжил:

– Ты должна понять условия, в которые мы были поставлены, дорогая. У нас не было еды, не было воды. Все, что у нас было, это наши собственные обнаженные тела.

– Ты уже мне это говорил! – прервала Джуди резко.

– Мы крепко обнимали друг друга, – продолжал Джерри. – Все, что у нас было, это наши тела – обнаженные под жарким солнцем.

Джуди не говорила ни слова, но сидела, уставившись на него так, словно перед ней змея.

– Ладно! Ладно! – закричал Джерри, не в силах вынести напряжение. – Хочешь знать правду? Мы трахались! Да! Мы все время трахались! Если бы не эта чудесная девушка, я никогда бы не выжил! Поверь – она спасла мне жизнь!

Джуди медленно налила себе еще чашку кофе.

– Мне это не нравится, – сказала она. – Но, думаю, мне придется это пережить. Только скажи одно: ты ее видел с тех пор?

– Только один раз, дорогая, – отвечает Джерри. – Я встретил ее в Лас-Вегасе прошлым летом на нашей конференции по продажам.

– И что она делает? – подозрительно сказала Джуди.

– То же самое, дорогая, – отвечает Джерри. – По-прежнему спасает жизни!

Однажды принц Эдвард – довольно бестолковый сын королевы Елизаветы – сидел и читал журнал “Плейбой” на лужайке Букингемского дворца. Он поднял взгляд на своего брата, принца Эндрю, и спросил:

– Эй, Энди, у тебя ведь есть мозги: скажи мне – что такое “*фокс-нас*”?

Эндрю на минуту задумывается, затем говорит:

– А, ты хочешь сказать “*фо па*” – *faux pas*! Это французское выражение, которое означает грубое нарушение социальных норм.

Эдвард непонимающе смотрит на Эндрю.

– Что значит “грубое нарушение социальных норм”? – спрашивает бестолковый принц. – Приведи мне пример.

– Ну вот, например, – говорит принц Эндрю, – вспомни прошлую субботу, когда архиепископ Кентерберийский пришел к нам на ланч, и мать пригласила его прогуляться в саду с розами?

– Да, помню, – говорит Эдвард. – И что из этого?

– Слушай дальше, – продолжает Эндрю. – Помнишь, как архиепископ уколол палец шипом? Рана сильно кровоточила, и мать привела его во дворец. Они вместе вошли в ванную и оставались там довольно долго. И когда они вышли, мы все пошли на ланч. Помнишь все это, Эдвард?

– Конечно, помню, – отвечает Эдвард.

– Теперь, – продолжает Эндрю, – помнишь, когда я передавал тебе пудинг, мать сказала: “Архиепископ, ваш укол* все еще вас беспокоит?”.** И архиепископ ответил: “Нет, Ваше Величество, опухоль спала с тех пор, как вы помассировали его в ванной”.

* Англ. Prick: 1) укол; 2) сленг., половой член. – Прим. перев.

** Англ. Throb: 1) пульсирующая боль; 2) наливаясь кровью, отекать. – Прим. перев.

И тогда пудинг вывалился у меня из рук и заляпал всех, кто сидел за столом, а ты закричал: “Вот дерьмо!”

– Да, помню, помню! – воскликнул Эдвард взволнованно.

– Ну так вот, – сказал Эндрю, – когда ты закричал “дерьмо”, это как раз и был случай *faux pas*!

Однажды на маленьком греческом острове Крит местная драматическая труппа разыгрывала известную греческую драму “Ит-а-Пас Рекс”. Молодой Спиро Сфинктер, греческий актер-любитель, получил в драме небольшую роль. Он должен был выйти на сцену, приблизиться к красивой девушке, лежащей в постели, и сказать слова:

– Я хотел бы поцеловать вас в губы и прокрасться прочь!

Но в вечер премьеры Сфинктер очень разнервничался. Он вышел на сцену, колени у него задрожали, он едва доковылял до девушки в кровати и пробормотал:

– Я хотел бы поцеловать вас в... Я хотел бы поцеловать вас в... – в голове у него было пусто.

Он попытался снова.

– Я хотел бы поцеловать вас в...

Внезапно кто-то из задних рядов вскочил и выкрикнул: “В промежность!” В то же мгновение у старой миссис Акриполис, сидящей в зале, случился суровый сердечный приступ, и она упала замертво.

На следующий день, на похоронах, в Святой Православной Церкви Благословенной Кровоточащей Непорочной Девы епископ Кретин, в приходе у которого теперь осталось только три старушки, поклялся мстить!

– Мы должны вымести эту грязь поганой метлой! – кричал Кретин. – Я положу конец этому моральному разложению!

Тот же вечер. Театр. Кретин сидит у самой сцены; на коленях у него заряженный пистолет, в кармане пачка – динамита, и выражение его лица подло и зловеще.

И как нарочно, во втором акте пьесы молодой актер Сфинктер, спотыкаясь, выбегает на сцену, добегают до девушки в кровати и объявляют:

– Я собираюсь поцеловать вас в... Я собираюсь поцеловать вас в...

Но у него в голове снова замыкает.

По аудитории прокатывается волна легкого смеха, но тут, откуда ни возьмись, епископ Кретин вскакивает на ноги и взводит курок пистолета.

– Слушайте вы, с...ины дети! – вопит Кретин. – Я рас...чу мозги первому же рас...яю, который еще раз скажет “в промежность”!

Ниведано...

Ниведано...

Будьте в молчании, закройте глаза. Почувствуйте, что ваши тела совершенно застыли. Это подходящее мгновение, чтобы обратиться вовнутрь.

Соберите всю свою энергию, всю тотальность сознания, и устремитесь к центру своего существа, который находится прямо под пупком, внутри. На два дюйма ниже пупка...

Спешите вовнутрь с такой срочностью, словно это мгновение в вашей жизни – последнее. Если в вас не будет такой срочности и интенсивности, вы никогда не сможете достичь центра.

Он не далеко, он очень близко; нужны только интенсивность и глубокое чувство срочности.

Быстрее и быстрее...

Глубже и глубже...

И по мере того, как вы приближаетесь к центру, на вас нисходит безмерное молчание – словно легкий дождь. Вы чувствуете его прохладу.

Еще немного...

И внезапно вы находите, что в вас возникает несказанный покой, распространяющийся из самого центра вашего существа и окружающий вас, словно аромат.

Еще немного...

И вы найдете, что чувствуете себя невероятно спокойными, тихими, безмолвными, блаженными. Еще один шаг – и вы в центре. В то мгновение, когда вы достигаете центра, вы почти пьяны божественным.

Вы исчезаете.

Вместо вас остается сидящий образ, символ восточной осознанности, просветления – Гаутама Будда.

Это – в самой вашей природе.

Каждый, по праву от рождения – Гаутама Будда.

Очень немногие люди идут достаточно глубоко, чтобы это узнать; они всю жизнь остаются снаружи. Вы – самые счастливые люди на земле, люди, которые пытаются достичь своей глубочайшей природы.

Быть буддой просто означает быть бдительным, осозанным, сознательным. Это означает, что вы становитесь просто свидетелем.

Это слово, “свидетель”, нужно помнить, потому что это единственное качество, из которого состоит будда.

Свидетельствуйте, что вы – не тело; свидетельствуйте, что вы – не ум; это способ трансцендировать тело и ум.

Свидетельствуйте, в конце концов, что вы – только свидетели.

Именно так человек становится Гаутамой Буддой, высочайшей из когда-либо достигнутых вершин сознания.

В вас возникает поразительный экстаз – вы никогда раньше его не знали. Вы чувствуете сонастроенность со вселенной; биение ваших сердец приходит в гармонию с биением сердца существования.

Чтобы сделать этого свидетеля глубже и яснее...

Ниведано...

Расслабьтесь... но продолжайте помнить только одно: каждый из вас – свидетель, ничто другое. Это – ваша трансценденция.

И по мере того, как ваше свидетельство становится глубже, вы начинаете таять и рассеиваться во вселенной, как тает и рассеивается лед в океане.

Аудитория Гаутамы Будды превращается в океан сознания – десять тысяч будд стали единым, подобным океану, сознанием. На периферии мы отдельные, но в центре – едины. Этот центр – центр каждого. В это мгновение – радуйтесь... и соберите все те ароматы, что окружают вас – блаженство, экстаз. Пейте более и более от этой вечной струи жизни. И убедите будду внутри прийти вместе с вами – он в вашей природе, он должен прийти вместе с вами. Он должен стать вашей ежедневной жизнью; он должен выражать свое изящество в ваших действиях, в ваших словах, в молчании вашего сердца.

Придет день, когда каждый из вас почувствует себя самым блаженным человеком в существовании, и это будет день, когда вы исчезнете и останется лишь будда.

Это я называю тремя шагами просветления.

Первый шаг: будда подходит к тебе сзади, как присутствие – очень весомое, очень осязаемое, чувствуемое. Ты ощущаешь его аромат, ты ощущаешь его силу; это наполняет тебя огромной радостью.

Второй шаг: будда выходит вперед и становится перед тобой; тень становишься ты. И, мало-помалу, тень начинает исчезать.

Третий шаг: тебя больше нет. Не остается ни тени, остается лишь будда – прозрачное сознание, вечная жизнь. Те, кто пришел к этому опыту – настоящие люди, которые умеют праздновать жизнь.

Я праздную себя.

И я хочу, чтобы вы все праздновали себя.

Станьте танцем, станьте песней.

Станьте лотосом, станьте весной.

Нет никакой религии, и нет никакого Бога, чтобы вас сковывать – вы свободны от всех суеверий, вы свободны от всех ориентированных на Бога теологий, вы свободны от всего того мусора, что каждый в этом мире носит внутри. Выбросьте его, чтобы внутренний мир был совершенно чистым и готовым приветствовать будду.

Ниведано...

Теперь вернитесь. Но вернитесь как будды, с тем же изяществом, с тем же молчанием, с тем же покоем, с тем же блаженством. Посидите несколько мгновений, просто чтобы запомнить золотой путь, которым прошли, безмерное откровение, случившееся в самом вашем центре.

Вы оказались так близко к существованию, что оно потекло сквозь вас. Его танец стал вашим танцем; его празднование стало вашим празднованием. Его безграничность, его величие, его великолепие стали вашим великолепием.

И посмотрите, за каждым из вас – будда, во всей своей прозрачности... сущее молчание...

Вскоре вы сможете совершить и второй шаг. Вы станете тенью, а будда будет почти самым вашим сердцем, самым вашим сердцебиением.

И третий и окончательный шаг – вас больше не нет. Вы отсутствуете, присутствует жизнь.

Тогда начинается празднование.

Пока жизнь не стала празднованием, вы живете напрасно. Пока жизнь не превратилась в Гаутаму Будду, вы теряете безмерную возможность, данную вам существованием.

Хорошо, Маниша?

Да, Возлюбленный Мастер.

Колокола в ваших сердцах

*Наш Возлюбленный Мастер,
Когда Дэйтен впервые пришел к Секито, мастер
спросил его:*

– Что такое твой не-ум?

Дэйтен ответил:

– Тот, кто говорит, он и есть.

В ответ на это Секито закричал:

– Квац! – и ушел.

*Десять дней спустя Дэйтен снова пришел к Секито
и спросил:*

– Последний ответ, который я тебе дал, не был не-умом. Что такое не-ум?

Секито сказал:

*– Не поднимая бровей и не вращая глазами
яблоками, принеси сюда свой не-ум.*

*– Не-ума нет, и его принести нельзя, – ответил
Дэйтен.*

*– По своей сути не-ум есть, – сказал Секито. –
Почему ты говоришь, что не-ума нет? Это
утверждение неверно.*

При этом Дэйтен был очень просветлен.

Друзья, сначала несколько вопросов.

Первый вопрос:

Синонимичны ли для нас слова “Бог” и “не-ум”?

Нет, совсем нет. Бог никогда не может быть синонимичным не-уму. Бог никогда не здесь, всегда где-то далеко. К Богу всегда обращались с помощью слова “то” – невидимое, просто вымысел. К не-уму всегда обращались при помощи слова *это*.

Не-ум – ваша реальность, ваша высшая природа; Бог был порожденной умом ложью. Не-ум – ваша истина, ваше величие, сама ваша вселенная. Они не могут быть синонимами.

Бога не существует; не-ум существует.

Бог – только верование; не-ум – опыт.

Бог послужил причиной всех ваших умственных расстройств.

Не-ум приносит здоровье, целостность.

В то мгновение, как вы произносите слово “Бог”, вы тотчас же начинаете думать о нем как о личности, как о творце. Не-ум – не личность; напротив, сама ваша личность исчезает, и лишь тогда начинает расцветать не-ум. Не-ум – не творец. Он был всегда и всегда будет; он всегда сейчас. Не-ум – ваша вечность, сам источник вашей жизни.

Бог был лишь предлогом, чтобы эксплуатировать человечество и удерживать его в очень тонких и невидимых оковах. Бог был вашей тюрьмой; не-ум – ваша свобода. Бог оставался в руках священников, а священники делают самую уродливую работу в мире, потому что сам их бизнес основан на лжи.

Не-ум не имеет никаких священников, он просто есть внутри вас. И как только вы его переживаете, внезапно вы осознаете, что не-ум – не ваша собственность, не ваша монополия. При первом опыте кажется, что это *ваш* не-ум, но вскоре вы осознаете, что этот не-ум содержит всю вселенную, содержит все существование.

Бог всегда был посторонним. Ничего нельзя создать, не будучи вне этого. Индуисты говорят о Боге как о гончаре, но гончар должен быть вне горшка, и лишь тогда он может его создать. Если он внутри горшка, горшок уже создан. Что он будет делать внутри горшка? Гончар должен быть снаружи, лишь тогда он может создать этот горшок. Все религии разделяют одну и ту же идею, в разных символах: что Бог снаружи.

Если есть Бог, вы – только творения, рукотворные люди. Без Бога, вы – будды, нерукотворные люди. Бог – самое тяжелое бремя, которое только приходилось носить человеку, и из-за этого бремена нет никакого прогресса, никакой эволюции. Это тяжелое бремя, эти цепи

непрерывно тянут вас назад. Они не позволяют вам быстрее двигаться к более высоким вершинам эволюции.

Бог должен быть полностью искоренен из ваших умов. Это абсолютно необходимо и совершенно безотлагательно. Как только вы отбросите Бога, вы удивитесь, сколько другой лжи просто исчезнет. Он является источником, основанием всей лжи. Просто наблюдайте, как исчезает Бог, и вы увидите, что исчезает рай, исчезает ад, исчезает страх, ужас, жадность... их просто не стало. Бог был их источником. Впервые вы можете дышать свободно.

Бог был судьей; не-ум не имеет суждений. Бог постоянно осуждал вас; не-ум – блаженное, экстатическое состояние. Бог – это просто программа в ваших умах.

В Советском Союзе программируют по-другому. Там программируют отсутствие Бога, но то и другое – программы. Атеист не знает, что Бога нет, как не знает и теист. То и другое – системы верований, противоположные друг другу. Но это не значит, что одна из них правильна, а другая ошибочна. Обе они не могут быть правы, но обе могут быть ошибочны – и обе они ошибочны.

Подлинный человек не примет никакой системы верования, ни теистической, ни атеистической. Он будет исследовать, что такое истина, сам; он не будет собирать знание из вторых рук. Вы никогда не думаете об этом, но вам, наверное, не захочется носить чью-то чужую обувь. Вам не захочется носить одежду с чужого плеча. Но весь ваш ум – из вторых рук, фактически, ваш ум переходил из рук в руки миллионы лет. Жить с этим умом – значит вообще не жить.

Ваш ум заимствован – ваша жизнь не может быть искренней и честной. Ваш ум заимствован – ваша мораль не может быть правдивой, она будет только лицемерием. Если вы исходите из заимствованного ума, как вам может удасться какая бы то ни было правдивость, искренность, подлинность, оригинальность? Бог – старейшая из всей лжи, а не-ум – свежий, оригинальный опыт.

Бога нигде нет; не-ум – здесь и сейчас.

Не-ум равнозначен жизни, равнозначен существованию. Бог против жизни, Бог против существования.

Неужели вы не видите, что все религии против жизни? Они не хотят, чтобы вы жили. Все, что делает вас радостными, все, что делает вас по-настоящему живыми – они начинают давить это, осуждать это как грех.

Не-ум просто позволяет вам быть естественными. Он дает вам возможность быть естественными, раскованными, непринужденными – без всякого чувства вины, без всяких ограничений, без всякого подавления. Природа, во всей своей полноте, принята и становится самым вашим сердцем, самым вашим существом.

Нет никакой морали, принесенной извне. Этот внешний Бог создавал всевозможные внешние воздействия и навязывал их вам. И каждый в мире носит на себе горы верований, моралей, заповедей. Все это изобретения ума.

Не-ум – не изобретение ума, но открытие. Вам не нужно его изобретать, он уже здесь. Нужно только, чтобы здесь же были и вы... – встреча, трансформация. И из этой встречи и трансформации возникает совершенно нового рода мораль, нового рода спонтанность, нового рода естественное изящество, новая любовь к существованию, новая почтительность ко всему сущему, ко всему, что вас окружает.

Но всему, что исходит из вашего внутреннего существа, становится преградой ваш Бог, ваши священники, ваши писания. Это – ваши враги. Вы должны это понимать с полной ясностью. Не поняв, кто становится преградой, вы никогда не достигнете не-ума.

Бог – величайшая преграда на пути к не-уму.

Из-за Бога ориентированным на Бога религиям не удастся достичь никакой медитации, потому что медитация ведет вовнутрь, а Бог – тянет наружу. И из-за внешнего Бога все ориентированные на Бога религии изобрели молитвы.

Молитвы обращены к внешнему Богу, а никто никогда этого Бога не видел. Некоторые люди притворяются, что видели – они либо лгут, либо галлюцинируют, но никто из них не видел Бога. Это одна из самых недоказанных гипотез. Не носите с собой недоказанных гипотез; они становятся очень обременительными. С течением времени они непрерывно набирают вес. Груз становится таким тяжелым, что вы прекращаете расти. У вас не остается пространства, чтобы расти. Всевозможный мусор, прогнившая мебель... вокруг вас. У вас нет никакого места, чтобы двигаться.

Если Бог есть, у вас нет никакого пустого пространства, у вас нет никакого пустого неба. У вас нет возможности развиваться – для этого нет пространства. Где вам развиваться? Все возможное место занимает Бог. Именно поэтому религии настаивают, что он – вездесущий. Если он – вездесущий, значит, для вас не остается никакого места. Если он – всюду вокруг, значит, куда бы вы ни пошли, вы начнете соперничать с Богом.

Не-ум – чистое пространство. Он просто раскрывает перед вами окно, которое становится все шире по мере того, как более и более зрелым становится ваш опыт. В конце концов вы находите, что всюду вокруг вас есть лишь чистое пространство, безбрежное и вечное, – и вы можете расправить крылья. Это – ваш дом: вы можете летать как угодно высоко. Нет никакого веса, чтобы тащить вас вниз, чтобы тянуть вас назад. Не-уму синонимичен опыт невесомости.

Есть одна странная суфийская история...

Суфийский мистик остановился в доме своего ученика. Но он молился Богу так громко, что стали жаловаться соседи. Среди ночи он начинал так громко кричать... – а кричать придется громко, если вы хотите достичь невидимого Бога. Вы не знаете, где он. Никто не знает его номера телефона, никто не знает его адреса. Вслепую вы просто простираете руки к небу, которое никогда не отвечает, потому что нет никого, чтобы ответить.

Если взглянуть на это с научной точки зрения, люди, которые молятся Богу – абсолютно ненормальные, невротичные, потому что они молятся кому-то, кого нет, разговаривают с кем-то, кого нет. Никогда еще никакого ответа не приходило.

...Этот суфий обычно громко молился. В конце концов ученик решил, что лучше будет на ночь помещать его в подвал. И ему постелили в подвале дома, чтобы он мог молиться как ему угодно громко, и это бы никого не беспокоило.

Но среди ночи со всей округи собрались соседи, и они сказали:

– Зачем ты посадил его на крышу?

– На крышу? – сказал он. – Мы же поместили его в подвале.

Но они поднялись на крышу, и он был там, и он громко молился Богу. А если вы молитесь на крыше, естественно, издаваемые вами звуки разбудят всех соседей.

Ученик спросил:

– Как ты очутился на крыше?

– У меня не было другого выхода, – ответил мистик, – потому что из подвала Бог меня не слышит.

Мусульмане окружают свои мечети огромными столбами, высокими столбами, которые они называют минаретами. И священник поднимается на эти высокие столбы, потому что, если молиться с вершины столба, больше вероятности, что Бог сможет услышать.

У индуистов в храмах – а также и у тибетцев – есть всевозможные колокольчики, гонги. Знаете ли вы, что их целью является привлечь внимание Бога? Просто ударьте хорошенько в гонг, и Бог начнет вас слушать. Затем – ударив в гонг, в барабан, позвонив в колокольчики – вы можете молиться.

В индуистском храме колокол висит у входа. Чем больше храм, тем больше колокол. Чем богаче храм, тем больше колокола... оглушительные звуки. Сначала вы должны позвонить в колокол, чтобы разбудить Бога и чтобы он начал вас слушать. Но вы не знаете, где он. Ваш гонг, ваши колокольчики просто резонируют в пустом небе. Будить некого.

Не-ум – это реальность, которую вы переживаете, но тогда никакой молитвы не нужно. Не нужно искать нигде вне себя. Нужно закрыть глаза и посмотреть вовнутрь, без всякой идеи о том, что имен-

но вы найдете. Если у вас есть какая-то идея о том, что вы найдете, скорее всего, вы это вообразите, а подумаете, что нашли.

Идите вовнутрь без всякого предубеждения, потому что все предубеждения остаются частью ума. Ваш Иисус, ваш Кришна, ваш Рама – все это части вашего ума. Нося в себе предубеждения, вы останетесь внутри ограничений ума. Если хотите трансцендировать ум и достичь не-ума, то есть предельного сознания, чистого сознания, самой сущности сознания... в этом ничем не помогут ни молитвы, ни храмы, ни священные писания.

Не нужно никакой философии, никакой системы верования, никакой теологии. Все, что нужно – это сложить с себя груз всего того, что было вам навязано.

Сложите с себя груз.

Освободитесь от бремени.

Отложите все, что было дано вам родителями, учителями, священниками, вождами.

Отложите все, что пришло снаружи.

Выбросьте!

И внезапно вы найдете, что ум уступает место не-уму. Вы стоило только отбросить весь этот мусор – а Бог остается частью этого мусора, и самой тяжелой частью.

Таким образом, совершенно невозможно, чтобы Бог и не-ум были синонимичными.

Здесь мы ищем без всякого верования, без всякой гипотезы. Мы просто входим в собственную субъективность, в собственное внутреннее пространство.

Если вы спросите меня, вот единственный храм: ваше тело. Если вы спросите меня, ваша субъективность – безмолвная, мирная, лишь пустое пространство – тот самый источник, из которого вы пришли, и та самая цель, к которой стремитесь.

Когда источник и цель встречаются, вы становитесь просветленным: весь цикл завершен, все паломничество окончено. Вы покинули источник невежественным, вы вернулись в источник невинным. Вы снова стали ребенком.

Одно рождение было дано вам родителями, другое рождение вам придется создать самим. Второе рождение – это рождение, которое значительно. Первое рождение окончится смертью. Второе рождение – начало вечности: нет смерти, нет конца, нет начала.

Не-ум – вся вселенная, и невозможно найти этот не-ум путем поклонения, молитвы, верования. Этот не-ум требует, чтобы вы были полностью исцелены от всех ориентированных на прошлое идеологий, от всех организованных религий, от всех священных писаний, от всего того, что было вам навязано. Все это – фальшивое, пластмассовое.

Настоящие розы возникают на ветвях розового куста из его внутреннего пространства. Вы можете повесить на куст пластмассовые розы, но они не будут ароматными, они не будут живыми. И поскольку они не живы, они и не умрут. Они будут просто висеть. Они уже мертвы; это цветы, произведенные человеком.

Бог – это произведенная человеком идея.

Не-ум – не *ваша* идея. Не-ум не произведен человеком. Не-ум – это дар существования. Вы можете только чувствовать благодарность, быть в глубокой признательности, когда находите не-ум. Вы не найдете ни единого слова, чтобы сказать его существованию. Даже если сказать “спасибо”, это покажется очень поверхностным.

На Западе это очень формально: вы говорите “спасибо” даже матери, благодарите отца – но на самом деле вы этого не подразумеваете, это только часть формальности.

На Востоке все совершенно по-другому. Я никогда не благодарил своего отца, никогда не благодарил мать. Это так поверхностно, так формально. Если вы кого-то любите, вы не можете выговорить слова “спасибо”. Это разрушит всю красоту опыта.

Когда вы приходите к не-уму, вы лишаетесь дара речи.

Кабиру принадлежит такое высказывание: он называет опыт не-ума *ганге кери саркара* – “словно немой попробовал вкус сахара”. Он не может говорить. Он знает вкус, но он нем; он не может говорить.

Опыт не-ума невыразим. Вы можете его получить, можете танцевать в праздновании, но не можете ничего о нем сказать. Ваш танец, несомненно, засияет новой радостью, новым экстазом, новым опьянением. В вашем танце появится новое свечение, вам окружит новая аура. У вас будут сиять глаза. Впервые они увидели что-то достойное того, чтобы видеть. Все ваше существо будет пульсировать радостью, потому что вы вернулись к изначальному источнику.

Пусть боги умрут. Не носите их с собой. Люди носят с собой мертвых богов, а если кто-то мертв и вы продолжаете его с собой носить, *вы сами* начнете разлагаться. Все религиозные люди испускают зловоние, потому что носят с собой мертвое тело.

Есть прекрасный индуистский миф...

Шива, один из индуистских богов, один из трех богов индуистской троицы... У Шивы умирает жена, но он не принимает ее смерть. Ум ему постоянно говорит: “Если ты обойдешь всю страну, то, может быть, найдешь кого-нибудь, кто ее воскресит”.

Он жил в Гималаях, и он спустился с гор с мертвым телом Парвати, жены. Само слово *парвати* означает “дочь гор”... прекрасная женщина, но мертвая. Он носил с собой ее труп по всей стране, спрашивая каждого: “Нет ли здесь какого-нибудь врача, чудотворца?”

Тело разлагалось, и вскоре оно стало распадаться на части. В одном месте упали ноги, в другом – руки... У индуистов есть двенадцать священных мест. Эти двенадцать частей страны – двенадцать мест, в которых отпали части тела Парвати. Но хотя части тела и отпадали, Шива продолжал ходить по стране, пока не обнаружил, что отпала и последняя часть. Наверное, на это ему потребовались годы.

Но ваше паломничество, в котором вы носите с собой мертвого Бога, гораздо дольше: миллионы лет. И вы продолжаете верить, что однажды, где-нибудь, Бог материализуется. Тем временем вы продолжаете носить с собой труп. Этот труп разрушает и вас, потому что он гниет, а это заставляет гнить и человечество.

Бог – это болезнь; вы должны просто отбросить его. Но хорошо лишь то, что эту болезнь носите *вы*, поэтому *вы* можете ее и отбросить. Это ваше верование; выбросьте его! Это не какая-то часть вас, это что-то, за что вы напрасно держитесь. Он за вас не держится! Это единственное, что в этом хорошо – вы можете отбросить Бога.

Однажды я отбросил Бога, и с тех пор чувствовал себя так несомно, так блаженно. Я сам носил с собой мертвое тело, но осознал, что это тело мертво – никакого дыхания, никакого сердцебиения – и от меня зависело, носить ли его дальше или отбросить. И когда я его отбросил, впервые я почувствовал себя индивидуальностью. Это мертвое тело перевешивало меня, закрывало со всех сторон. Оно стало моей личностью.

На мгновение я почувствовал себя обнаженным, потому что личность была отброшена, маски были отброшены. Но вскоре я узнал, что эта нагота, эта обнаженность – естественны. Под одеждой обнажен каждый. В то мгновение, когда вы отбрасываете одежду... Вы никогда не чувствовали определенную свободу, когда на морском пляже сбрасывали одежду? Внезапно вы ощущаете телом солнце, тело овеивает ветром, и безграничное чувство свободы... всего лишь сбросив одежду, которая почти ничего не весит.

Бог – очень тяжелый. С течением времени он становится тяжелее и тяжелее. Приходит момент, когда он становится тяжелее вас – и вы оказываетесь раздавленными под тяжестью этой глыбы. Пока человек не освобождается от Бога, он не знает, что такое свобода.

Итак, Бог не может быть синонимичным не-уму.

Не-ум – единственное противоядие от болезни, называемой Богом.

Не-ум – это ваша свобода.

Все цепи должны быть отброшены, все мысли должны быть отброшены, все чувства должны быть отброшены... внезапно вы находите, что осталось лишь чистейшее присутствие. Все, что его прикрывало, слой за слоем, было отброшено. Это отбрасывание я называю медитацией.

В конце концов остается только свидетель, *сакши* – лишь чистая осознанность. Это – предельная свобода, и подлинная религия устремлена к предельной свободе и предельному освобождению.

Ориентированные на Бога религии не могут дать вам даже чувства свободы, направления к свободе. Все их усилия обращены к Богу. Наполняйте ум Богом, повторяйте снова и снова его имя, пока оно не впечатается вам в ум. Чем более оно впечатывается, тем труднее становится его оставить. Чем скорее вы оставите Бога, тем лучше. Однажды вам придется его оставить, так почему не теперь? Никто не может лгать вечно. Вечно можно жить только истиной.

Верить приходится только в ложь, в истину верить не нужно. Истину следует открыть. Я учу вас подходу чистого агностика – того, кто ни верит, ни не верит, но остается искателем, исследователем, первопроходцем.

Несомненно, первое, что нужно исследовать – это ваше собственное внутреннее существо. Это ближайшее к вам биение жизни, все остальное – немного дальше. Человек разума сначала посмотрит внутри собственного дома, прежде чем отправиться на поиски на Луну и Марс. Сначала он заглянет вовнутрь, чтобы увидеть, что там. И те, кто вошел вовнутрь, никогда не возвращались с пустыми руками. Они вернулись с таким блаженством, с таким экстазом, с таким изобилием, что начали делиться, потому что в щедрости они начинают понимать внутреннюю экономику.

Чем более вы делитесь, тем больше у вас остается. Если вы не делитесь, у вас не станет даже того, что было. Иисус говорит: “Тем, у кого есть, будет дано больше, а у тех, у кого нет, будет отнято даже то, что было”. Я не могу с ним согласиться. Я говорю вам: чем больше вы отдаете, тем больше у вас будет; чем меньше вы отдаете, тем меньше останется. Если вы вообще не отдаете, у вас не останется ничего.

Щедрость – единственное сострадание.

Щедрость – единственное служение.

Щедрость – единственный образ жизни для пробужденного. Это – настоящий характер. Это – подлинная мораль. Это – истинная религиозность.

У вас нет Бога, вы становитесь божественными. Поэтому я говорю: в то мгновение, как вы сбрасываете Бога, вы движетесь в правильном направлении, движетесь к тому, чтобы стать божественными. Вы станете подобными богу в своем экстазе, в безмолвных пространствах своего существа. Вы будете богоподобными. Но вы станете богоподобными благодаря тому, что сопричаститесь с богоподобным существованием. Все священно для человека, который открыл себя, который узнал скрытую тайну жизни. Все становится священным.

О мистике Нанак рассказывают историю...

Он пришел в Каабу, святое место мусульман... Это прекрасная история.

Он прибыл в Каабу вечером, и его слава опередила его, и его уже ждали. Его встретили и приветствовали, но он очень устал. Он сказал:

– Мне хочется спать, я прошел много миль.

Ему постелили постель под деревом, но он повернулся в постели. Мусульмане не спят ногами к Каабе, но он повернулся в постели так, что оказался ногами к Каабе, а головой – в противоположную сторону.

Когда об этом услышал верховный священник Каабы, он тут же прибежал к Нанак. Он сказал:

– Мы думали, ты великий мистик, но, кажется, ты даже не религиозный человек. Ты не понимаешь, что обижаешь наши чувства. Ты лежишь ногами к самой божественной и святой земле! Ты должен повернуться.

Нанак рассмеялся. Он сказал:

– Что касается меня, куда бы я ни лег ногами, всегда оказывается, что я лежу ногами к святой земле, потому что для меня свято все существование. Но если ты думаешь, что какое-то место не свято, пожалуйста, поверни мои ноги. Я готов!

Некоторое время все молчали. Священник не мог сказать, что какое-то место было не свято. Но нельзя было стерпеть и того, чтобы этот человек продолжал лежать ногами к Каабе...

Я думаю, до сих пор эта история достоверна буквально. Далее она становится символичной. Но это все равно осмысленно.

...В конце концов священник решил повернуть Нанак головой к Каабе. Но люди были разочарованы и изумлены. Они не могли поверить своим глазам. В какую бы сторону Нанак ни поворачивали ногами, туда же перемещалась и Кааба.

Наверное, это только символ, но символ осмысленный. Это поэзия, но она дает вам чувство, что если свято и священно все, неважно, к чему вы обращены ногами – вы всегда окажетесь ногами к святой земле. Для мистика священно все существование. Нанак показал это понимание очень ясно. Это может сделать только человек не-ума.

Человек не-ума знает, что жизнь пульсирует всюду: в деревьях, в реках, в горах... Даже Гималаи все еще растут. Это самые молодые горы во всем мире, но очень сильные, потому что у них самые высокие в мире вершины, и они все еще становятся выше – на полметра в год. Но это означает, что эти горы живые, не мертвые. Они тянутся к звездам, может быть, очень медленно, потому что они такие большие. Для гор даже полметра в год – это довольно много. На фоне вечно-

сти, если Гималаи будут продолжать так расти, вскоре они коснутся звезд; ждать остается недолго.

Если вы видите жизнь всюду, в скалах... может быть, они крепко спят, но вы ее чувствуете; может быть, в другом измерении... в деревьях, и вы не можете ее понять... Но все наполнено жизнью, в избытке, и все, что нужно – это пространство и восприимчивость не-ума.

Бог – это ваша слепота. Не-ум придает вашим глазам свежесть, чтобы снова смотреть на вселенную.

Второй вопрос:

Ницше сделал наблюдение, что когда “обычные люди” попадают в неприятную ситуацию, “они всегда стараются выйти из нее с наименьшим приложением разума”.

Не является ли Бог первым и последним прибежищем умственно отсталого человечества?

Да, безусловно да. Бог – это изобретение умственно отсталых, идиотов, имбецилов, людей, стремящихся срезать углы, чтобы избежать всякого приложения разума. Бог – это верование низкого разума. Бог – это верование низкого сознания. Бог – это верование тех, кто все еще спит и видит сны. В то мгновение, как вы просыпаетесь, все сны исчезают, и со снами исчезает и ваш Бог.

Не-ум – это пробуждение от сна ума.

Не-ум – это рассвет.

Ум пережил долгую темную ночь, и не-ум расцветает в безмерный разум, не интеллект. Интеллект – это часть ума, разум – часть не-ума. Это совершенно другое явление. И когда этот огонь разума вспыхивает в вас ярким пламенем, вы нигде не находите никакого Бога, но, безусловно, находите, что божественно все сущее, потому что все сущее наполнено жизнью.

Итак, огромная почтительность к жизни – вот чему я вас учу. Но вы узнаете жизнь, лишь коснувшись собственной жизни. Тогда вы узнаете критерий, определяющий жизнь. Прямо сейчас вы не знаете критерия.

Третий вопрос:

Оказавшись недавно сам на грани смерти, я столкнулся благодаря этому со множеством историй о людях самых разных культур и религиозных сред, которые временно покидали тело и казались мертвыми внешним наблюдателям. Они сообщают, что видели “существо света”, которое было абсолютно любящим и сострадательным.

Не может ли быть так, что это “существо света” послужило основой для создания концепции Бога?

Нет, совсем нет. Это опыт – подлинный. Это иногда происходит с людьми, которые почти умерли – не полностью, но почти. Они видят сияющее существо. Это их собственное существо, это не Бог. В медитации вы столкнетесь с тем же самым существом, не умирая.

Медитация – это своего рода смерть. Вы отделены от тела, вы отделены от ума – именно это делает смерть: вы отделены от тела, вы отделены от ума. Внезапно вы осознаете сияющее существо, которое вам кажется отдельным от вас, потому что никогда раньше не переживали такого опыта. Если бы вы медитировали, то узнали бы: “Это я”.

Вы есть свет, сияющее тело внутри этого тела – пламя, вечное пламя света. Но те, кто почти умер и вернулся к жизни, поскольку у них нет никакого опыта медитации, думают, что что-то видели: сияющее существо. Они его помнят смутно, бледно, словно дальнее эхо, но помнят. Они видели что-то сияющее. Естественно, они не могут вообразить, что видели самих себя.

Концепция Бога не основана на опыте людей, которые почти умерли и вернулись к жизни. Но медитация точно знает, что происходит с этими людьми: они столкнулись с самими собой. Но поскольку это случилось впервые, и так быстро... словно вспышка, пришло и исчезло, и они вернулись к жизни. Естественно, они думают, что видели что-то объективное, какого-то человека, стоящего рядом, с лучащимся, сияющим телом, потому что знали в жизни только объективное. Они никогда не знали субъективного.

Медитирующий не совершит такой ошибки. Медитирующий тотчас же узнает – жив он или мертв – что остается сияющим вечным светом.

Сутра:

*Наш Возлюбленный Мастер,
Когда Дэйтен впервые пришел к Секито, мастер спросил его:
– Что такое твой не-ум?*

Дэйтен ответил:

– Тот, кто говорит, он и есть.

В ответ на это Секито закричал:

– Квац! – и ушел.

Дэйтен – еще не просветленный, но, наверное, он был очень сведущим человеком. Он прочитал в священных писаниях, что не-ум есть то, из чего происходит все оригинальное. Когда говорит будда,

он не говорит заимствованными словами. Его слова приходят из не-ума. Не-ум течет в его словах, отсюда их красота.

Те же самые, обычные слова в устах будды, несомненно, становятся волшебными, живыми. Совершенно обычные слова внезапно приобретают иной аромат, новое благоухание. Они становятся поэтическими. Их окружает определенная аура. Именно поэтому слова будды будят колокола в ваших сердцах.

Он не говорит никаких незнакомых слов. Вы знаете эти слова, вы используете эти слова. Но когда те же самые слова говорит будда, поскольку они приходят из не-ума, они несут с собой некое состояние, которое делает слова пробужденного такими вескими. Пробужденный не стремится быть авторитетом. Он не отдает приказов, не приводит себе в поддержку цитат из священных писаний. Он придает себе вес сам.

Я рассказывал истории, и люди, которые меня не понимают, часто писали: “Твои истории все время меняются. Иногда ты говоришь одно, потом история полностью меняется...” Они слушают только слова, не меня. Это слепые люди, которые не видят, что моя история – это отклик на людей, к которым я обращаюсь. В данный момент она приобретает новую форму, новый смысл, новое измерение.

Мои истории постоянно меняются, потому что постоянно меняется жизнь. Что я могу с этим сделать? Иногда бывает весна, и кругом цветы, а иногда весны нет, и деревья стоят голые, без листьев. Что я могу сделать? Жизнь постоянно меняется. Мои истории не мертвы, они настолько же живы, как и я сам. Они исходят из живого источника.

И мне говорят – сведущие эрудиты и профессора, лингвисты, принадлежащие разным религиям – “Мне нравится твоя история, но ее нет ни в каких писаниях”. Я говорю: “Значит, вы должны ее туда внести. Ваши писания не растут, они мертвые. Если вам нравится моя история, если вы почувствовали в ней какой-то смысл, внесите ее в свои писания”.

На Будде мир не кончился. За Гаутамай Буддой придут другие будды. Будут будды после меня, после вас, и, несомненно, они будут все более совершенными. Это не усилие, это спонтанное явление.

Когда я начинаю историю, я сам не знаю, какую форму она примет. Я так же удивляюсь, как и вы – “Боже мой! Это не та история, которую я слышал раньше!” Но что я могу сделать? Это не мой ум. Ум – это система памяти, и он продолжает проигрывать одну и ту же грампластинку и застревает в одном и том же месте. Если пластинка старая, игла будет застревать в одном и том же месте. Вы начинаете сначала; снова на том же месте она останавливается...

Однажды в студенческие времена я участвовал в межвузовском соревновании по красноречию. Я должен был выступать

первым, а второй оратор был из Санскритского Университета Варанаси. Диспут был полностью посвящен санскритским писаниям и языку. Но этот студент, наверное, чувствовал себя немного неполноценным среди студентов других университетов, потому что в Санскритском Университете не учат английскому. Поэтому, наверное, он наспех зазубрил цитату из Бертрана Рассела: просто чтобы произвести впечатление.

Но он нервничал. Начав выступление, произнес три или четыре фразы, он сказал: “Бертран Рассел написал...” – по-английски – и смолк. В голове у него замкнуло. Я сидел рядом, потому что он был вторым оратором. Вся аудитория была полна студентов и профессоров, и когда он смолк, воцарилась полная тишина. Я решил, что должен ему помочь, и прошептал: “Повтори еще раз”.

Но если вы что-то зазубрили, повторить можно только с самого начала. И он сказал: “Братья и сестры...”, – и все в аудитории засмеялись. Он повторил первые три или четыре фразы и снова достиг точки: “Бертран Рассел написал...” – и точка.

Я сказал: “Повтори!” Не найдя ничего лучшего, он начал снова: “Братья и сестры...”

Это была такая радость – так продолжалось минут десять. Я говорил: “Повтори”, и, не находя никакого выхода... я был единственной помощью. Все смеялись. И он начинал: “Братья и сестры...” – и конец! Каждый в зале ждал этих трех предложений: “Бертран Рассел написал...” – точка.

Через десять минут смеялся уже сам председатель, проректор университета, и он сказал этому мальчику: “Ты лучше присядь. Не волнуйся, все в полном порядке, просто садись”, – он весь покрылся испариной. А мне проректор сказал: “Ты не должен был этого делать”.

– Но я просто пытался ему помочь, – сказал я. – У меня и в мыслях не было, что он до такой степени похож на граммофон. Я думал, что в какой-то момент он проскочит – Бертран Рассел написал... Но у него граммофон совсем заело. Я ни в чем не виноват. В любом случае, он доставил нам такой радостный вечер. Даже если вы ему дадите первый приз, я не возражаю, потому что он принес нам столько радости, – как никто другой.

Сейчас ученые открыли, что система памяти действует точно как граммофонная пластинка. Они исследовали мозг ради других целей, но при этом было обнаружено, что если приложить электрод к точке памяти в мозгу, вы начнете что-то говорить. А если электрод удалить, вы останавливаетесь, и ум автоматически возвращается в исходную точку. А когда электрод прикладывают снова, вы начинаете: “Братья и сестры...”, – и опять то же самое. Электрод удален – и все прекращается.

Ученые открыли, что в уме есть автоматическая система прокрутки: как только происходит остановка, он возвращается в исходную точку. Если снова коснуться этого участка, человек снова начинает говорить то же самое. Никакой причины говорить нет – никто ни о чем не спрашивает, но он ничего не может сделать: память начинает повторяться, как пластинка.

Дэйтэн, наверное, был очень сведущим человеком. Он процитировал это предложение – не из собственного опыта, но из писаний.

Что он сказал, когда Секито спросил его: “Что есть твой не-ум?”

Дэйтэн ответил: “Тот, кто говорит, он и есть”. Тот, кто говорит оригинально. Если человек говорит только то, что заимствовано, это приходит из ума. Но если человек говорит оригинально, спонтанно, тогда это приходит из пространства, называемого не-умом. Но он забыл слово “оригинально”. Это происходит со сведущими; этого не может случиться с буддой. Все, что приходит, приходит из самого источника. Но когда вы повторяете писание, которое не *ваши* собственный опыт, вас ждут трудности.

Если бы он сказал: “Тот, кто говорит спонтанно – это состояние не-ума...” Он забыл слово “оригинально”, или, может быть, его не было и в самом писании, потому что ни один из будд не написал в писаниях ни слова. Все писания были собраны учениками будд, иногда после их смерти. Иногда проходят сотни лет, и тогда уже ученики учеников... миновало много поколений.

Четыре евангелия Иисуса были записаны после его смерти, и не сразу же, а спустя триста лет. Теперь не оставалось уже ни одного свидетеля; все свидетели умерли. И эти евангелия были записаны людьми, которые не видели Иисуса. Они не видели даже Иерусалим. Теперь ученые-исследователи Библии нашли, что даже география, которая упоминается в четырех евангелиях, неправильна. Эти люди никогда не были в Израиле. Они слышали от других, которые слышали от третьих, которые слышали от четвертых.

Именно поэтому я говорил о Евангелии от Фомы, которое было написано в Индии. Он был прямым учеником Иисуса, но его евангелие не включено в Священную Библию. Оно было открыто всего тридцать лет назад, но оно красивее всех остальных, потому что, по крайней мере, Фома был живым свидетелем. И в его евангелии много красивого, потому что он не только был свидетелем жизни Иисуса, но и сам, здесь в Индии, пережил трансформацию.

Он медитировал, практиковал йогу, жил как саньясин и переходил из одного монастыря в другой. Здесь все еще сохранялась атмосфера Будды. Будда ушел за пятьсот лет до этого, но его аромат был еще жив. И в евангелии Фомы есть определенная весомость, которой недостает четырем евангелиям Библии. Во-первых, он был свидетелем

лем, он слышал Иисуса, а во-вторых, он пережил истину сам. Это сочетание придает пятому евангелию, от Фомы, больше веса, чем всей Священной Библии.

Фома был единственным человеком во всем мире, тело которого не разложилось. Его тело все еще хранится в церкви в Гоа. Каждый год во время рождества его тело выносят из церкви, и гроб открывают для любого наблюдателя, любого ученого, любого исследователя. Никто еще не смог объяснить, почему он выглядит таким свежим, словно только что умер. Кажется, не было применено никаких средств. Его тело не содержится при низких температурах, находится в жаркой стране, но даже кожа не выглядит мертвой. Она кажется такой свежей. Я туда ездил и видел его тело.

Чудеса Иисуса, может быть, и мифологичны, но этому человеку действительно удалось чудо. За две тысячи лет он был единственным человеком, тело которого выглядит так, словно он только что умер – или, может быть, крепко спит. Никакого запаха... и если оно смогло сохраняться две тысячи лет, нет никаких препятствий к тому, чтобы оно сохранялось вечно. Нужно только позаботиться о том, чтобы никто его не испортил.

Были попытки испортить его, совершенные индустриями, мусульманами, людьми, не принадлежащими христианству, потому что это весомый довод в пользу христианства. Но этот человек, Фома, не был христианином, он никогда не слышал о христианстве. Он появился сразу после того, как Иисус был распят. Он покинул Иерусалим по той простой причине, что Иисус, наверное, рассказал близким друзьям – а Фома был одним из самых близких – об Индии, об университетах Наланды и Ташашилы и о медитации.

И теперь, когда Иисус был распят, он не видел никакого смысла там оставаться и уехал. Он приплыл на корабле и высадился в Южной Индии. Но он путешествовал по всей Индии, встречался со всевозможными мистиками, глубоко укорененными в медитации. Его тело является доказательством того, что, наверное, он следовал определенному методу, известному тибетским ламам, людям Ладакха.

Они применяли определенный метод медитации, когда человек умирает... в последний момент: определенный процесс под названием Бардо. Это не что иное, как постгипнотическое внушение. Когда человек умирает, он находится в очень уязвимом состоянии. И если он был медитирующим, он остается в полном сознании. Наступает смерть; но он в полном сознании. Его вводят в гипноз, и ему говорят: “Когда ты покинешь тело, тело останется в неприкосновенности, таким, как есть...” И это нужно продолжать повторять, чтобы это вошло... – не только в его ум, но проникло до мозга костей, вошло в плоть и кровь.

Бардо – это очень интенсивный гипноз, и возможно также дать душе, покидающей тело, направление на будущее. Можно сделать и то, и другое. Тело можно сохранить путем постгипнотического внушения. Но если человек уже умер, этого сделать нельзя. Слушать постгипнотическое внушение уже некому. Человек должен быть живым, на самой грани смерти. Ему дают постгипнотическое внушение: “Твое тело останется неприкосновенным, останется неприкосновенным... ты пойдешь дальше”. И если он – медитирующий, даже кости, кровь, тело начнут слушать. Душа покинет тело, но тело останется точно в таком виде, как когда его покинула душа. Это было одним из способов, которыми метод Бардо применялся к телу.

Есть другой способ. Можно дать уходящей душе внушение, какое ей подойдет чрево матери: “Выбери правильно. Не полагайся на случай”. Миллионы людей занимаются любовью, и миллионы людей умирают. И все эти души бродят вокруг, находят пару, занимающуюся любовью. Это происходит случайно. Поскольку они умирают бессознательно, то бессознательно же и ищут, ощупью во тьме, и тот из них, кто оказывается ближе, просто случайно входит в это материнское чрево.

Бардо предотвращает случайность. Этот метод дает душе правильное направление: “Тебе нужно определенного рода материнское чрево, не торопись. Ты был медитирующим, и теперь тебе нужно найти такую мать, такого отца, которые позволят тебе медитировать – и не только позволят, но и помогут, которые медитируют сами. Поэтому, не торопись! Выбери подходящую пару”.

Иногда человеку медитации требуется время, чтобы выбрать правильное материнское чрево; обычные люди входят в него тотчас же. Бардо дает две возможности: можно сохранить тело, а душе дать чувство направления, куда ей двигаться. Но это возможно, только если человек был глубоко в медитации, практиковал медитацию долгое время, и способен оставаться в сознании, когда приходит смерть, потому что смерть – величайшая операция.

Природа распорядилась таким образом, чтобы никто не умирал сознательно, точно как хирург не станет оперировать, пока пациент в сознании. Сначала он даст вам хлороформ или что-то другое, что сделает вас бессознательным. Тогда он может вас оперировать, потому что вы не знаете, что происходит. Вы глубоко спите, и что-то можно удалить из вашего тела, можно разрезать кости, что-то заметить, сделать что угодно.

Смерть – это величайшая операция, потому что все семьдесят лет привязанности к телу разбиваются вдребезги. Природа распорядилась так – и это мудрость природы, разум природы – чтобы человек, неспособный к непривязанности к телу, не знающий, что он – не тело,

терял сознание. Иначе он должен будет пережить невообразимую боль и тревогу.

Это мудрость природы, но она неприменима к медитирующему. Медитирующий может позволить себе умереть сознательно, без всякой боли, без всякой тревоги.

Дэйтен ответил:

– Тот, кто говорит, он и есть.

В ответ на это Секито закричал:

– Квац! – и ушел.

Этот крик говорит Дэйтену: “Заткнись! Это не твое, это заимствованно. Я вижу, что твои слова мертвы”. Крик “Квац!” говорит: “Заткнись!” И он тут же ушел, потому что не было смысла терять время с этим человеком, который просто мертвый школяр.

Десять дней спустя Дэйтен снова пришел к Секито и спросил:

– Последний ответ, который я тебе дал, не был не-умом. Что такое не-ум?

Он осознал. Он был искренним, по крайней мере, честным.

Сначала он попытался обмануть Секито – но нельзя обмануть мастера, невозможно. Он видит вас насквозь. Он знает, откуда приходит ответ: из ума или из не-ума. Для мастера так ясно, откуда приходит ответ. Любой ответ из ума, и – “Квац! Заткнись!”

Наверное, он об этом подумал: “Почему мастер повел себя так жестоко? Я был незнакомцем, новым человеком. Несомненно, есть какая-то причина тому, что он не проявил сострадания. Наверное, я был неправ”. И затем через десять дней он понял: “То, что я сказал, было только повторением писаний”. И он вернулся.

Десять дней спустя Дэйтен снова пришел к Секито и спросил:

– Последний ответ, который я тебе дал, не был не-умом. Что такое не-ум? Пожалуйста, скажи мне. Я не знаю”.

Подлинный искатель начинает с этого: “Я не знаю, потому что все, что я знаю – не мое. Это не относится к делу. Может быть, у меня много знаний, но, что касается меня самого, я не знаю”. Это принятие – начало поиска. Если ты уже знаешь, нет необходимости искать.

Секито сказал:

– Не поднимая бровей и не вращая глазами яблоками, принеси сюда свой не-ум.

Дэйтен сказал: “Но нет никакого не-ума, чтобы его принести. Во-первых, я не знаю, что такое не-ум. Во-вторых, если это не-ум, как можно его принести? Это не вещь. Это даже не мысль, это чистая осознанность. Его нельзя принести в качестве объекта для наблюдения”.

Секито сказал: “По своей сути не-ум есть”. Его нельзя принести – я могу это понять. Это не вещь, не мысль, только чистая *естьность*, *этовость*, *таковость*.

“По своей сути не-ум есть. Почему ты говоришь, что не-ума нет?” Это единственное, что *есть* в существовании. Поскольку его нельзя принести, ты думаешь: “Его нет. Вот почему я не могу его принести”. Ты не можешь его принести, потому что не-ум – это вся вселенная. Как ты можешь его принести? Он уже здесь.

В это самое мгновение он здесь, точно так же, как при Секито.

“Почему ты говоришь, что не-ума нет? Это утверждение неверно”. Просто скажи, что не знаешь. Скажи, что не-ум – это не вещь, не мысль, поэтому его нельзя принести. Но не говори, что не-ума нет. Не-ум только есть – *сущее есть*.

При этом Дэйтен был очень просветлен, – услышав это утверждение, что все, что есть – не-ум. *Естьность* и не-ум – два имени одного и того же. Это присутствие жизни в деревьях, в скалах, в людях, в птицах... эта безбрежная *естьность*, это присутствие не-ума. Его не нужно приносить, он уже здесь. Отсюда его нельзя унести его больше никуда.

Что касается времени, он сейчас.

Что касается пространства, он здесь.

Если ты в молчании, то тотчас же его осознаешь.

Это утверждение так глубоко проникло в Дэйтена, что он был очень просветлен.

Подлинный искатель, искренний искатель, который не прячется за поддельным знанием, заимствованным знанием, который не притворяется, что знает, не имея знания, если он принимает: “Я не знаю” – он уже очень близок к истине. Он принял собственную невинность, теперь никакой преграды нет. Никакого Бога, никаких писаний, никакого знания – он как нельзя ближе к не-уму. Небольшой толчок со стороны мастера, небольшое утверждение – и он с головой погружается в существование. Это погружение в существование – и есть просветление. Исчезновение в существовании – и есть просветление.

Я всегда любил одну историю, пришедшую из Китая...

Император Китая был великим художником. Когда наступил его семьдесят шестой день рождения, он почуствовал себя старым, и, может быть, недалеко был день, когда ему придется покинуть тело. И, прежде чем покинуть тело, он устроил большое состязание: всеки-

тайское состязание в живописи. Сам он был одним из участников. Он написал прекрасную картину.

Со всего Китая съехались художники. Они привезли прекрасные полотна, которые создали. Только один человек прибыл без всякой картины, а привез только краски и кисть – чудак!

Император спросил:

– Где же картина?

– Я не люблю старых вещей, – ответил он. – Я напишу заново здесь и сейчас. Дай мне комнату, потому что я не пользуюсь холстом, я пишу на стенах. Дай мне самую большую комнату во дворце и не беспокой меня. Поставь стражу, чтобы меня никто не беспокоил. Я не знаю, сколько потребуется времени, потому что это будет спонтанно. Я не знаю, что будет изображено. Я собираюсь рисовать спонтанно, что бы ни случилось, сколько бы времени это ни заняло.

Король сказал:

– Я старею, и именно поэтому я созвал это состязание. Ты должен поторопиться и поспешить.

– Нет, – сказал он. – Я не знаю. Может быть, это будет быстро. Завтра утром, может быть, я сообщу тебе, что картина готова, а может быть, потребуется больше времени. Я ничего не могу обещать.

Никакой человек понимания никогда не может ничего обещать, потому что кто знает о следующем мгновении? Все обещания идут от невежества.

Король сказал:

– Ты трудный человек, но я вижу в твоих глазах, вижу на твоём лице – может быть, ты окажешься самым лучшим художником.

И он выделил ему самую большую комнату во дворце – а больших комнат было много – с простой стеной, на которой можно было рисовать, и закрыл двери.

Художник сказал:

– Никто не должен сюда входить, даже ты, пока картина не будет готова. Я сам буду выходить за едой и всем необходимым.

И он повесил занавесь, чтобы даже стража не могла заглянуть внутрь и увидеть, что происходит за занавесью.

Прошло три года, и король говорил:

– Что ты делаешь? Может быть, я никогда не смогу увидеть твою картину, я же могу умереть!

– Это неважно, – говорил художник. – Если ты умрешь, значит, умрешь. Если ты доживешь, то сможешь ее увидеть. Но я ничего не могу делать в спешке.

И императору пришлось ждать.

Прошло четыре года, и однажды утром художник вышел и сказал императору:

– Картина готова. Я приглашаю тебя посмотреть.

В уме императора возникло огромное любопытство. Четыре года он думал:

– Что же рисует этот субъект?

Император был сам художник. У него не уходило на одну картину по четыре года. И когда художник его позвал, император тут же последовал за ним. Он вошел за занавесь.

Картина была просто невероятна; она казалась такой настоящей. Он изобразил гигантский лес, такой зеленый, буйно зеленый, почти трехмерный. И небольшая дорожка... – видно было, что она продолжается и продолжается... и исчезает в густой чаще.

И император спросил:

– Куда ведет эта дорожка?

Художник ответил:

– Давай пойдем... Пойдем со мной. Мы можем пойти и посмотреть, куда ведет эта дорожка, потому что, не пережив опыта, ты не узнаешь, куда она ведет.

И история говорит, оба они пошли по дорожке – а стража стояла и смотрела – и, когда дорожка повернула, оба они скрылись из виду, и никто о них больше не слышал.

Эта история – в картину войти нельзя – символическая. Она говорит, что можно войти в *естьность* вещей. Художник создал картину такую живую, что ветви покачивались на ветру. Дорожка была не просто дорожкой, но в ней был символический смысл: если в картину нельзя войти, картина недостойна называться картиной. Но “войти в нее” не значит войти физически. Войти – значит совершенно потеряться: вас больше нет, есть лишь картина.

Именно так вы входите в медитацию: вас больше нет. Вы сталкиваетесь с безмерной *естьностью*; все исчезает, исчезаете вы, и все же эта *естьность* остается. Этот опыт *естьности* – и есть просветление. Эта история просто символически изображает просветление.

Художник не стоит своего хлеба, если сам не может исчезнуть в своей картине. Пикассо, как сообщают, говорил: “Когда я рисую, меня больше нет, есть только картина”.

Нижинский много раз за свою жизнь говорил – потому что его снова и снова спрашивали: “Когда я танцую, меня больше нет. Пока я есть, танец остается поверхностным. Когда остается только танец, а меня больше нет, появляется поразительное качество”. Это было замечено учеными, они видели это поразительное качество. Когда он совершенно забывал себя в танце, он прыгал выше, чем позволяет гравитация. Ученые приходили в растерянность и не могли понять, как возможен такой прыжок.

И еще более поразительным было его возвращение... Гравитация заставляет предметы падать так быстро. Вы видите каждый вечер... вы думаете, что падают звезды. На Землю ежедневно падает шесть

тысяч звезд. Это не звезды, звезды очень большие, в тысячу раз, в миллион раз больше Земли. Если одна звезда упадет, с нами все кончено. Это не звезды, это небольшие камни, оставшиеся висеть в космосе.

Когда Луна отделилась от Земли – когда-то она была частью Земли... У вас есть все эти огромные океаны, огромный Индийский океан, и Тихий океан, и Атлантический. Все эти океаны образовались в результате того, что грязь, камни и все остальное выпало из этих мест, потому что Земля была жидкой – в начале она была жидкой. Луна – это просто совокупность всего того, что выпало из Земли. Но это создало огромные океаны – Тихий океан имеет в глубину одиннадцать километров.

Но там, где выпали такие огромные глыбы, выпало также и множество небольших обломков. Эти небольшие обломки оказались просто подвешенными в космосе, миллионы каменных обломков, разных размеров. Гравитация Земли притягивает их вниз, и в том месте, где начинается атмосфера, которая простирается на двести миль... Земля окружена двухсотмильным слоем атмосферы, потому что внутри ее пределов есть воздух. За ее пределами воздуха нет; только чистое пространство, в котором не существует даже воздуха. Иногда эти небольшие камни – а среди них бывают и большие...

Камень в святом месте мусульман, которому они поклоняются, Кааба – тоже один из камней, упавших из космоса, извне земной атмосферы, но это огромный камень. В любом музее можно найти камни, которые достигли Земли.

Но что происходит, когда они случайно попадают в атмосферу Земли? Гравитация притягивает их с такой силой, что от трения о воздух они превращаются в огненные камни, в огонь. Именно поэтому вы видите их до определенной точки, потом внезапно они исчезают. Если камень был маленький, он достигнет определенной точки и сгорит. Сила гравитации так велика, что только очень большие камни могут достичь Земли, иначе они исчезнут где-то в воздухе.

Возвращение Нижинского было абсолютно против гравитации. Он падал плавно, точно как падает перышко – так медленно было его движение при возвращении. Обе эти вещи противоречили гравитации: сначала – прыжок, затем – похожее на полет пера возвращение, словно у него не было никакого веса, словно гравитация на него не действует.

И его много раз об этом спрашивали. Он говорил:

– Я сам пытался это понять, но каждый раз, когда я пытаюсь, этого не происходит, поэтому я ничего не могу сказать. Когда меня нет, когда я полностью разочаровываюсь и забываю об этом, однажды внезапно это происходит. Когда я не пытаюсь этого сделать, это про-

исходит. Меня нет, есть только танец. Когда меня нет, есть только танец.

Нижинский был, может быть, величайшим танцором в мире.

Но, к несчастью... к несчастью, такие люди рождаются на Западе. Они понятия не имеют о том, что были так близки к не-уму. Им нужен был мастер, чтобы лишь немного подтолкнуть. Нижинский стал бы Гаутамой Буддой, Пикассо стал бы Гаутамой Буддой. Они подошли так близко. Но Запад не имеет никакого понятия о том, как двигаться дальше, как войти в картину.

Просто идите по дороге и исчезните из виду. Это будет великим опытом – когда вы исчезнете из виду. Когда вас больше нет, есть лишь существование.

И это приносит вам такое блаженство, такой экстаз, такую вечность, что вы неизбежно чувствуете несказанную божественность, великое почтение к жизни и к этой безграничной вселенной, породившей вас.

Однажды она позволит вам снова исчезнуть в океане сознания. Это вступление в океан сознания и есть просветление.

Сики написал:

*Восходит луна –
Лист за листом, лист за листом
Трепещет, снижаясь.*

Наверное, он сидел под деревом, наверное, это было в осеннее время.

“Восходит луна...” – он наблюдает восход луны.

В дзен есть много видов медитации – наблюдение восхода луны. Важнее всего наблюдение, не луна. Наблюдайте, как восходит солнце. Важнее всего наблюдение, то, что я называю свидетельствованием, чтобы сделать это яснее – *свидетельствуйте* восход солнца. И свидетельствуйте, что “лист за листом, лист за листом трепещет, снижаясь” – а вы остаетесь лишь свидетелем.

С одной стороны, восходит солнце, с другой стороны, “лист за листом, лист за листом трепещет, снижаясь”. И между ними двумя вы – только зеркало, никакого суждения.

Он не говорит, что восход солнца – это красиво, он не говорит, что лист за листом, лист за листом создают в воздухе красивую музыку. Нет, он не выносит никакого суждения. Он просто описывает то, что свидетельствует, точно как зеркало, показывая, что восходит солнце, и лист за листом, лист за листом трепещет, снижаясь. Он – только наблюдатель.

В этом весь секрет дзен.

Вопрос Маниши:

Наш Возлюбленный Мастер,

Святой Бернард написал: “Кто такой Бог? Я не могу придумать лучшего ответа, чем этот: тот, кто есть”.

Экхарт сказал: “Ты должен любить Бога как не-бога, не-дух, не-личность, не-образ, но таким, как есть – сущим, чистым, абсолютным, отстоящим от всякой двойственности, в ком нам предстоит вечно погружаться из ничто в ничто”.

Если заменить местоимение “он” на “оно”, не говорили бы эти два христианских мистика языком дзен?

Маниша, если заменить “он” на “оно”, несомненно, они будут говорить языком дзен, но ты этого сделать не можешь. Это их утверждения, не твои. Они же по-прежнему говорят “он”. Они даже не говорят “она”; “оно” слишком далеко – хотя они подошли очень близко к сути. Именно поэтому оба эти святых были не в ладах с ортодоксальной церковью, особенно Экхарт, которого мучили, донимали, угрожали отлучением, если он опубликует свои книги. Его книги были опубликованы после смерти – из-за этих утверждений.

Это утверждение безмерно красиво, но все же, так или иначе, в нем присутствует бледный образ Бога. “Кто такой Бог? Я не могу придумать лучшего ответа, чем “Тот, кто есть”. Использовать слово “тот” и говорить “кто есть”, значит подойти очень близко; между ним и истиной стоит только “он”.

Именно это говорю вам я: даже наитончайшая концепция Бога как личности создаст для вас достаточную преграду.

Святой Бернард был очень близок, но быть близко все же значит быть на некотором расстоянии. Близость – это своего рода расстояние. Что это значит? Вы можете быть всего лишь на дюйм от истины, или на милю, или на тысячи миль, – но вы в стороне. Даже на дюйм в стороне – все равно в стороне. Этот дюйм непроходим, как Китайская стена, тверд, как скала.

Когда святой Бернард говорит: “Тот, кто есть”, используя слово “он”, он принимает личность – и не просто личность, но личность мужского пола. То и другое ошибочно. Существование – не мужское и не женское. Оно выражает себя в том и другом, в женском, в мужском, но само по себе оно – просто сущая *естьность*. Его выражение многообразно, но суть остается прежней. Женщина в своем внутреннем пространстве – настолько же чистое сознание, что и мужчина в своем внутреннем пространстве.

Если бы святой Бернард действительно пережил *естьность*, он не использовал бы слова “Бог” или “он”. Наверное, он был великим святым, но остался только интеллектуалом. Часто философы подходили очень близко, но затем начинали ходить кругами и удалялись прочь.

Просто подойти близко недостаточно, но даже это осуждалось церковью, папой.

Несомненно, у святого Бернарда есть некая концепция мужского Бога, и его утверждение изменить нельзя. Если изменить его утверждение, оно сведется точно к тому, что есть дзен. Но тогда это не будет утверждением святого Бернарда, это будет твоим утверждением.

Итак, я бы сказал, что он был очень близок, но из-за этого “Бога” и поскольку в его уме по-прежнему сохранилась христианская запрограммированность Богом, ему не удалось совершить квантовый скачок в не-ум. Эта идея по-прежнему у него в уме. Он логически и рационально подошел к тому, что если бы был Бог, его можно было бы описать только как “Того, кто есть”. Но это не точный опыт.

Точный опыт не прибегнет к слову “Бог”, не применит слова “он”. Это мужской шовинизм, это придает существованию личность, которой в нем нет. Оно беспредельно, поэтому у него не может быть личности. О нем нельзя сказать “кто”, его нельзя назвать “он”.

Таким образом, святой Бернард не был просветленным – великий интеллектуал, сильный логик, но экзистенциально все же несколько недошедший до истины.

Экхарт подходит еще немного ближе, может быть, не дойдя доли дюйма, когда говорит: “Ты должен любить Бога как не-бога, не-дух, не-образ, но так, как есть: сущим, чистым, абсолютным, отстоящим от всякой двойственности, в ком нам предстоит вечно погружаться из ничто в ничто”. Он подошел гораздо ближе, чем святой Бернард, и поэтому подвергся большему осуждению, чем святой Бернард, так как подрывал всю христианскую теологию.

Но все же я говорю, что он остался ограниченным рамками христианского Бога, хотя представляется гораздо более утонченным интеллектуалом, чем святой Бернард – тончайшая преграда, не толще японской рисовой бумаги. Но и этого достаточно, чтобы глаза остались закрытыми.

Его утверждение красиво: “Ты должен любить Бога как не-Бога”. Но зачем тогда вообще использовать слово “Бог”, если его следует любить как не-Бога? Почему бы не сказать: “Ты должен любить не-Бога, не-Дух, не-личность, не-образ, но лишь чистое существование, сущим, абсолютным, отстоящим от всей двойственности, в ком нам предстоит вечно погружаться из ничто в ничто”? Но его начало – “Ты должен любить Бога” – остается христианской запрограммированностью.

Дзен отбросил всю запрограммированность. Он дерзнул так, как только возможно для человеческого сознания. Это же утверждение содержит некий компромисс с церковью. “Ты должен любить Бога” – чтобы христианская церковь была довольна, что он все же говорит о Боге, хотя и немного сумасшедшие вещи, потому что он продолжает:

ты должен любить Бога как не-Бога. Кто же тогда он?.. женщина?.. мужчина?.. дерево?.. океан?.. Кто подразумевается под “не-Богом”?

И христианство осудило его, хотя он и сказал: “Ты должен любить Бога”; ему запретили публиковать такие сочинения, пока он был жив, потому что они создали бы сомнение в умах людей. И это делают даже сегодня.

Одному великому французскому ученому, Шардену, запретили публиковать свои работы о пекинском человеке – он открыл пекинского человека – “потому что ваши работы противоречат христианству”. И поскольку он был посвящен в сан священника, ему пришлось следовать приказам Ватикана. Этого великого человека разрушили. Он мог бы внести большой вклад. Но если не получать никаких отзывов, если другие ученые не знают, что вы пишете, что вы открываете, и вы не знаете *их* мнений... Нужен постоянный обмен.

Наука растет, и не силами одного ученого, она растет силами всех ученых. Происходит постоянный диалог посредством обмена работами, конференций, книг, периодических изданий... во всем мире происходит постоянный диалог. Именно так наука пытается во всем выработать лучшие гипотезы.

И, мешая Шардену публиковать работы, посещать конференции, писать книги, пока он жив – а когда ты умрешь, конечно, это напишет кто-то другой, ты сам не напишешь... У кого-то другого не будет такого же научного мировоззрения, и открытие не будет тем же самым. И то, что случится с твоими идеями после смерти, не будет обменом мнений; ты не сможешь ничего улучшить. Ватикан разрушил великого ученого – такого же калибра, что и Альберт Эйнштейн.

Но я недоволен и самим Шарденем. Вместо того чтобы прекратить работы и исследования, почему он не отказался от сана католического священника? Он отказался от науки ради христианского суеверия. Никто не поднял вопроса о том, что он тоже участвовал в этой рабской игре; все осуждали Ватикан.

Я осуждаю Ватикан, но осуждаю и Шардена – и Шардена более, чем Ватикан. Ватикан делал это веками – это не ново. Но почему Шарден проявил себя такой овцой? Почему он не набрался храбрости? Человек такого огромного разума должен был оставить священничество. Что в нем особенного? Религия, которая мешает вам объявлять истину, не стоит того, чтобы в ней состоять.

Но он оказался трусом – он перестал писать. И теперь во Франции есть христианское общество, которое публикует его труды и работы – но слишком поздно. Если кто-то поднимет вопрос, Шардена больше нет, чтобы ответить. И к тому времени, как Шарден умер, другие ученые пришли к лучшим гипотезам. Если бы ему позволили, или если бы он собрался с духом и вышел из церкви, ему удалось бы их от-

полировать. Это постоянный рост и развитие. Наука не стоит на месте.

Когда Альберта Эйнштейна спросили: “Если бы вы не открыли теорию относительности, думаете ли вы, что она была бы когда-нибудь открыта?” Альберт Эйнштейн сказал: “На это потребовалось бы не более трех недель”. И в конце концов было обнаружено, что кто-то в Германии уже открыл ее до Альберта Эйнштейна, но этот человек поленился и не опубликовал работу. Так что она была открыта на три недели *раньше*, не позже.

Эйнштейн был прав: если что-то есть, рано или поздно это откроют. Нельзя продолжать это упускать, если в этом есть некоторая истина.

Экхарт тоже оказался в некотором роде трусом, точно как Шарден. Он подошел очень близко, но непоколебимо придерживался того, что “любит Бога”. Конечно, у него были свои условия: “как не-Бога...” Как кого же тогда? А если ты любишь просто *естественность* существования, зачем вообще называть ее Богом? Зачем продолжать это старое суеверие, эту старую ложь? Просто компромисс с Ватиканом, просто страх, что если ты этого не сделаешь, это подвергнет риску жизнь.

Я родился в джайнизме, и когда я начал выступать против идеологии джайнов – а когда я что-то говорю, я говорю это всем существам – они ничего не смогли мне ответить. Их высшее руководство решило изгнать меня из джайнизма. Но я им написал: “Вам меня изгонять не нужно, это я изгоняю весь ваш джайнизм и все ваше джайнское сообщество. Вам не нужно меня изгонять, я уже изгнал вас”. И они были потрясены и не могли сообразить, что им делать. Они не могут меня изгнать, я уже вне его – какое это имеет значение? И я думаю, что это не причинило мне ни малейшего вреда.

Компромисс всегда труслив.

Маниша, оба этих человека подошли очень близко к дзен, но оба оказались трусами. Бог делает людей трусами. Религия делает людей трусами. Иначе какой риск? Экхарт мог бы оставить христианство, святой Бернард мог бы оставить христианство, и тогда они были бы первыми дзенскими мастерами Запада. Но они упустили эту огромную возможность, это великое достоинство. Они остались рабами христианской церкви.

Я хочу, чтобы вы были львами, а не теми овцами, которыми хотел вас сделать Иисус. Он тяжело оскорбил человечество.

Пришло время Сардара Гурудаяла Сингха – лучшее время. Зажгите свет, потому что я хочу видеть смеющиеся лица!

Три женщины – Бетти Бюст, Люси Ляжка и Нелли Челка – встретились на встрече бывших одноклассников. Вскоре они стали сплетничать о мужчинах, за которых вышли замуж, и о том, какие они в постели.

– Мой муж, Боб, – сказала Бетти Бюст, – похож на Роллс-Ройс 89-го года: комфортабельный, внушительных габаритов, мощный и вполне функциональный!

– Мой муж, Ларри, – говорит Люси Ляжка, – похож на Кадиллак 70-го года: все еще довольно комфортабельный и функциональный, но мощности уже не хватает. В общем, ездит неплохо.

– Гм, а мой муж, Норберт, – говорит Нелли Челка, – похож на Форд модели “Т”.

– Правда? – говорят две другие, глядя на Нелли в изумлении. – Что ты хочешь сказать?

– А вот что, – продолжает Нелли. – Два раза в год его удается сдвинуть с места, но заводить приходится вручную!

На сорок втором этаже здания Брокеров Большого Бакса исполнительный вице-президент, Бильбо Балбаг, интервьюирует девушек на секретарскую должность.

Проинтервьюировав многих талантливых и способных кандидатов, Бильбо в конце концов нанимает на работу Великолепную Глорию.

Через два дня Глория склоняется, чтобы достать что-то из ящика, и взору Бильбо Балбага открывается прекрасный вид. Тут же он вызывает ее в свой кабинет.

– Послушай, Глория, – говорит он, играя глазами с ее грудью, – не согласишься ли ты поработать со мной сверхурочно в выходные?

– Конечно, – говорит Глория, подмигивая, – это будет великолепно.

– Хорошо, – говорит Бильбо, – мы можем сделать эту сверхурочную работу на моей роскошной яхте!

– О боже, – говорит Глория, – у меня ужасная морская болезнь.

– Не беспокойся! – говорит Бильбо, покрываясь испариной и ослабляя галстук. – Я обо всем позабочусь.

Тем же вечером по дороге домой Бильбо останавливается у аптеки. Он подходит к прилавку и обращается к служащему, Виктору Вазелину.

– Дайте мне упаковку троянских презервативов и пачку таблеток от тошноты, – говорит Бильбо.

– Хорошо, сэр, – отвечает Виктор, шаря по прилавку и ненавязчиво передавая Бильбо оба предмета. – Это, конечно, не мое дело, сэр, – продолжает Виктор, – но если на вас это действует таким образом, зачем вообще братья за труд?

Среди ранних христиан распространился слух, что Господь и Спаситель, Иисус Христос, был благословлен огромных размеров сексуальным оборудованием, которое применял, чтобы терроризировать своих последователей, как мужчин, так и женщин.

Так говорит история:

В тот судьбоносный день на голгофском холме Иисус уже пару часов как висит на кресте, поглядывая на небо и ожидая Годо.

И вот он смотрит вниз, и видит свою лучшую девушку, Марию Магдалину, рыдающую среди толпы, и ощущает движение духа в набедренной повязке.

– Мария! Мария! – кричит Иисус. – Подойди поближе!

Не без колебания Мария выходит из толпы и приближается к кресту. Она было разгоняется, но замирает как вкопанная, когда видит огромную растущую шишку на панталонах Христа.

– Мария! Мария! – стонет Иисус. – Ближе! Еще ближе!

Мария, нервно спотыкаясь, делает еще несколько шагов.

– Мария! Мария! – изнывает Иисус. – У меня тут есть кое-что от Святого Духа, и я хочу тебе это передать – подойди поближе!

– Ах! Боже мой, нет! – кричит Мария, внезапно оправляясь. – Не вешай мне на уши эту лапшу про Святого Духа! Я твое воскресение вижу и отсюда!*

Ниведано...

Ниведано

* Англ. reserection – воскресение; erection – эрекция; приставка res- придает существительному значение “повторный”. – Прим. перев.

Будьте в молчании...

Закройте глаза, почувствуйте, что тело совершенно застыло.

Это подходящее мгновение, чтобы двигаться вовнутрь. Соберите всю энергию, все сознание во всей тотальности и устремитесь к центру существа, который находится точно под пупком, внутри – точно на два дюйма ниже – с такой срочностью, словно это мгновение в вашей жизни последнее. Лишь те достигают центра, в ком есть эта срочность, эта интенсивность.

Быстрее и быстрее...

Глубже и глубже...

По мере того как вы приближаетесь к своему внутреннему центру, огромное молчание начинается нисходить на вас, словно мягкий дождь, орошая вас прохладой. И внутри вас возникает безмерный покой, покой, который превосходит понимание.

Еще немного ближе – и вы чувствуете такое блаженство.

Еще немного ближе – и вы начинаете чувствовать опьянение божественным. Еще один шаг – и вы в центре своего существа, в абсолютном экстазе.

Когда ты центрирован, тебя больше нет, лишь чистая *естьность*. Эту *естьность* мы символически назвали буддой. Это – твое оригинальное существо.

Центрированный, безмолвный, без прежнего существа – совершенно обнаженный, лишь колонна света... ты – будда.

Каждый рождается со скрытым внутри буддой.

Слово *будда* означает “тот, кто пробужден”.

Это вечное право каждого, право от рождения.

В будде есть лишь одно качество: наблюдение, наблюдение.

Наблюдай, что ты – не тело.

Наблюдай, что ты – не ум.

И в конце концов наблюдай, что ты – только свидетель; просто зеркало, отражающее все.

В это мгновение вы – самые счастливые люди на земле. Все озабочены банальностями; вы же входите в существенное и вечное.

Вы ощущаете безмерное почтение к существованию, несказанную радость к святости всего сущего. Вся вселенная становится вашим домом; вы больше не посторонние.

Чтобы сделать это свидетельство глубже,
Ниведано...

Расслабьтесь... но продолжайте помнить, что вы – только свидетели.

По мере того как углубляется ваше свидетельство, вы начинаете таять и вливаться в океан сознания. Десять тысяч будд исчезают в одном сознании, в одном океане сознания.

Аудитория Гаутамы Будды превратилась в океан сознания, без малейших волн, без малейшей ряби – предельно безмолвный и тихий.

Это ваше настоящее пространство, это ваш не-ум. Из этого не-ума вы можете войти в космос. Это дверь, это выход.

Соберите этот мир, это молчание, это блаженство, этот экстаз, это божественное опьянение, прежде чем Ниведано позовет вас обратно.

И убедите будду прийти вместе с вами; он – ваша *дхамма*. Он – ваша природа; просто вы никогда его не просили. Скрытый у вас внутри, он ждал и ждал. Искренняя просьба, приветствующее сердце, – и он обязательно придет за вами следом.

Это первый шаг просветления: Гаутама Будда следует за тобой, как тень. Но эта тень чудесна, эта тень не темна; эта тень – чистый свет, чистое присутствие. Ты ощущаешь его тепло, ты можешь почти коснуться его. Он окружает тебя новым ароматом, придает твоей жизни совершенно иное измерение, чтобы жить.

Твои ежедневные действия начинают менять свой цвет, свой подход. Сама твоя жизнь становится медитативной.

На второй стадии будда выходит и становится перед тобой, а тенью становишься ты сам. Быть тенью будды – прекрасный опыт. И этот опыт становится все глубже и глубже, по мере того как исчезает тень.

И третья, последняя стадия: тебя больше нет – нет даже тени, есть лишь будда.

Эта *естьность* – главный ключ, открывающий все двери твоего собственного существа. Нет никого выше тебя, нет никого ниже тебя. Впервые ты переживаешь опыт безмерной сопричастности со всем существованием.

Я называю это единственной подлинной духовностью, единственной подлинной религиозностью.

Теперь не забудьте попросить будду прийти вместе с вами...

Ниведано...

Вернитесь... но вернитесь как будды, с тем же изяществом, миром, молчанием.

Посидите несколько мгновений, просто чтобы запомнить тот золотой путь, которым путешествовали, центр, который нашли у себя внутри, раскрытие входа в космос и все ароматы запредельного; орошавшее вас молчание и тепло будды, пришедшего за вами следом.

Вы его ощущаете. Это – сама ваша природа. Он – в вашей истинности, в вашем экзистенциальном опыте.

Если первый шаг завершен, второй последует автоматически. Когда завершен второй, автоматически последует третий.

Тот день, когда вы завершите третий шаг, будет самым счастливым днем вашей жизни. В тот день вы будете пробуждены от долгого, долгого духовного сна. В тот день вы будете просветленными.

Тогда больше не будет рождения, больше не будет смерти. Вы слились с существованием воедино.

Это – единственная святость, которую я знаю. Никакой другой не бывает.

Хорошо, Маниша?

Да, Возлюбленный Мастер.

Глава 3.

15 февраля 1989 года

Рай самого себя

Наш Возлюбленный Мастер,

Когда Дэйтен пришел к Секито, мастер спросил его:

– Ты дзенский монах или обычный?

– Дзенский монах, – ответил Дэйтен.

– Что такое дзен? – спросил Секито.

– Это поднятие бровей и движение глазных яблок, – ответил Дэйтен.

– Исключая поднятие бровей и движение глазных яблок, принеси сюда свое оригинальное лицо и покажи его мне, – сказал Секито.

– Пожалуйста, Ошо, исключи поднятие бровей и движение глазных яблок и посмотри на меня.

– Я их исключил, – сказал Секито.

– Я дал тебе это, – сказал Дэйтен.

– Что такое не-ум, который ты мне дал? – спросил Секито.

– Он ни в чем не отличается от тебя, Ошо, – сказал Дэйтен.

– С тобой он никак не связан, – сказал Секито.

– В самом деле, никакой природы не-ума нет, – сказал Дэйтен.

– Неужели нет больше ничего, связанного с тобой? – спросил Секито.

– Если что-то и есть, то это настоящее, – ответил Дэйтен.

– Настоящее приобрести нельзя, – сказал Секито.

– Значит, ты это понимаешь. Держись этого твердо и береги.

Тогда Дэйтен покинул Секито и ушел на гору Рэйан в южном Китае, где впоследствии вокруг него собралось много учеников.

Я много лет говорил, что настало время присматривать за политиками, что их должны наблюдать психиатры, психоаналитики.

С тех пор, как в существование пришло ядерное оружие, политики приобрели огромную власть. Власть, несомненно, развращает, а абсолютная власть развращает абсолютно. И не только развращает, а вызывает мегаманию. Каждый политик страдает расщеплением личности; это неизбежно. Он говорит одно, делает другое. Перед другими он всегда носит маску, а настоящее лицо всегда скрыто. Чем дольше он остается у власти, тем больше вероятность, что он заболеет неврозом, шизофренией.

В прошлом все было ничего, потому что эти политики не могли принести большого вреда, но сегодня все совершенно по-другому. Один единственный политик, который умственно, психологически болен, может разрушить эту прекрасную планету.

Я ожидал, чтобы сами психоаналитики и психиатры объявили об этой ситуации, и сегодня это объявление пришло.

Два психиатра, прославленных, всемирно известных, д-р Джэблун Хершман и д-р Джулиан Либ недавно написали в “Вашингтон Пост”, что в Белом Доме должен работать психиатр. В настоящее время у президента есть личный лечащий врач, но нет психиатра. Они пишут: “В наш ядерный век, когда президент Соединенных Штатов может начать ядерную войну, следует убедиться, что он умственно стабилен и не подвержен эйфории, маниакальной депрессивности или суицидальным тенденциям”.

Они приводят несколько примеров. “Президент Никсон, прежде чем уйти в отставку, много месяцев был несчастен: избегал людей, подолгу гулял один. Он отказывался обсуждать, как себя чувствует, и отстранился от семьи. Он недостаточно спал, а однажды не мог уснуть четыре ночи подряд. Он слишком много пил, иногда до завтрака. Он стал непредсказуемым: в одну минуту был близок к слезам, в следующую приходил в ярость из-за ерунды, а еще через час был в прекрасном расположении духа. Иногда он казался рассеянным. Он сбивался с мысли или отдавал приказы, которые казались абсурдными. Однажды вечером он ходил по коридорам Белого Дома, разговаривая с портретами на стенах. Он намекал на самоубийство.

Такие эпизоды, – говорят Хершман и Либ, – обычно удерживают под покровами, но мы начали осознавать, насколько широко распространено это явление – от периодической инертности Рональда Рейгана и последних откровений о Линдоне Джонсоне до подробностей недееспособных состояний, которыми страдали Вудроу Вилсон и Франклин Рузвельт”.

Было бы хорошей практикой, если бы при каждом президенте, не только Соединенных Штатов, при каждом премьер-министре – при каждом, кто обладает властью разрушить мир, состоял личный психиатр и присматривал за ним. Человек состоит из ума, и психиатр может позаботиться об уме. Но человек – это еще и нечто большее. Поэтому то, что предлагают эти два психиатра, Хершман и Либ – неполное лекарство.

У каждого президента, премьер-министра, у каждого короля в мире должен также быть и свой мастер медитации. Только тогда мы можем быть в безопасности, и в безопасности может быть эта планета.

Психиатрия может, самое большее, только помогать поддерживать ум в нормальном состоянии, но она ограничивается умом. Существование человека больше, он вне пределов ума. Это запредельное тоже должно быть понято, и только это запредельное может создать правильную нормальность. Это запредельное может сделать вас мирными и безмолвными, творческими, празднующими. Однажды узнав нечто от запредельного, вы больше не суицидальны, вы больше не насильственны.

Ядерное оружие исчезнет из мира, если мы заставим политиков понять эту абсолютную необходимость. Точно так же, как их не смущает наличие личного врача, их не должен смущать и личный психиатр, и их не должно смущать то, чтобы иметь личного мастера медитации. Это стало абсолютной необходимостью.

Если мы хотим, чтобы мир выжил, политики должны оставаться под контролем разумных людей, людей, знающих тайны жизни, вечности, людей, которые могут передать эту энергию, это понимание, этот опыт внутреннего существа. Это единственная возможность, иначе у человечества нет надежды, никакой надежды выжить – никакой надежды на то, что будут Гаутамы Будды, люди, поднимающиеся к величайшим вершинам сознания, к величайшим глубинам сознания.

Эта планета – особенная; очень маленькая планета, но абсолютно уникальная, потому что на ней есть жизнь, сознание и возможность эволюции в Гаутам Будд. Ее нужно спасти любой ценой. Мы не можем допустить глобального самоубийства.

Я благодарю д-ра Хершмана и д-ра Либ за их предложения, но я хотел бы, чтобы они знали, что их предложения неполны, потому что среди самих психиатров чаще всего случается безумие: процент в четыре раза выше, чем среди других профессий. Среди психиатров происходит больше всего самоубийств. Психиатры более всего уязвимы для всех возможных ментальных болезней, потому что психиатры – не медитирующие. Все это – наша внутренняя бедность.

Психиатр знает об уме, но сам ум не является вечным источником жизни. Он в любой момент может соскользнуть в невроз. В любой момент он может стать мегаманьяком. Немного власти...

Я также беспокоюсь о психиатрах, которые будут присматривать за президентами и премьер-министрами. Они сами могут оказаться мегаманьяками, потому что теперь огромная власть будет у них!

Их предложение хорошо, но его нужно дополнить мастером медитации, который может присматривать за президентом или премьер-министром, а также за самим психиатром. Вы понимаете, что я имею в виду?

Это дело абсолютно безотлагательное, потому что, может быть, немного времени осталось, прежде чем кто-нибудь из них сойдет с ума. В каждое мгновение есть опасность разрушения земли.

Вопросы от саньясинов.

Первый вопрос:

Я слышал, ты говорил, что существование – несудящее, но наши умы полны суждений.

Откуда они берутся? Не связаны ли они также с идеей Бога?

Существование – несудящее.

Это один из величайших даров дзен человечеству: чтобы проснуться, не нужно быть святым. Вы можете проснуться из любого угла, из любого измерения жизни.

Точно так же кому-то может снится, что он стал убийцей, а кому-то другому – сладкий сон, что он служит бедным. Кому-то снится, что он очень добродетелен, что он святой, а кому-то – что он убийца, худший из всех преступников.

Думаете ли вы, что святой сновидец проснется скорее, а грешнику и преступнику потребуется немного больше времени? Они оба проснутся в одно и то же время, и их разбудит один и тот же метод. Стоит только окатить обоих ведром ледяной воды, и они вскочат из кроватей. Неважно, снились ли им грехи или добродетель.

Вот понимание дзен – и я абсолютно его поддерживаю, это и мой собственный опыт: вы можете проснуться, где бы вы ни были, куда бы ни двигались; ваши действия, ваша личность, ваш характер совершенно ни на что не влияют. Этим сказано много, потому что все религии говорили вам: “Сначала ты должен стать святым, только тогда ты сможешь войти в рай Бога”.

Дзен приносит вам безмерное равенство. Неважно, что вы делаете, неважно, как вы себя ведете, неважно, какая у вас личность – полированная, грубая, некультурная... Вы можете проснуться благодаря тому же самому методу – медитации, непосредственно, ничего не меняя в своем характере, в своих действиях.

И существование в этом плане – несудящее. Оно дает жизнь грешнику, оно дает жизнь святому, – без всякой дискриминации. Оно дает любовь, изливает безмолвие на все, – без всякой дискриминации.

Ты спрашиваешь, откуда берутся все эти суждения? В своей основе, в истоках, они идут от вымысла о Боге. Но вымысел ничего не может сделать, вымыслу приходится призывать себе на службу живых людей. Они идут от священников, от ваших пап, шанкарачарий, имамов, аятолл хомейньяков.

Как раз недавно один мусульманин написал книгу о Священном Коране. Она была запрещена Радживом Ганди – который ее не читал – потому что мусульманское давление в Индии очень значительно. Мусульмане составляют значительный процент избирателей и по численности уступают только индуистам – они вызывают страх. Они попросили, чтобы эта книга была запрещена. Ее запрещают во многих странах, исповедующих ислам.

Аятолла Хомейни выступил по радио в Иране и объявил, что этот человек, где бы он ни был, должен быть тут же убит, умерщвлен – не только человек, написавший эту книгу, но и тот, кто ее опубликовал, и тот, кто ее напечатал, и тот, кто владеет единственным агентством, которое ее продает. Все четыре должны быть зверски убиты, где бы они ни находились. И долг каждого мусульманина – прикончить их как можно быстрее и сжечь все экземпляры этой книги. Не должно остаться ни одного экземпляра. А этот человек проделал огромную аналитическую работу.

И это вы называете демократическим миром?

Это вы называете миром, в котором есть свобода слова?

Эти священники – источник, непосредственный источник. Прикрываясь именем Бога, они сделали ваши умы судьями. Ничего не понимая, вы носите в уме эти суждения.

Как только вы что-нибудь видите, тотчас же у вас в умах возникает суждение. Вам не приходится выносить суждений; это стало почти автоматическим. Вы видите розу и внезапно наблюдаете, что возникает суждение: “Это красиво”. Но в то мгновение, как вы говорите: “это красиво”, суждение скрывает розу. Это суждение приходит из прошлого опыта роз. Но это – новая роза, вы никогда ее раньше не встречали, ее никогда раньше не было на земле. В первый и последний раз она получила выражение. Может быть, вы видели розы, но это не одно и то же. Все ваши суждения о розах – только фикции в памяти.

Механически в вас возникает: “Это красиво” – не потому, что вы поняли ее красоту, не потому, что экзистенциально соприкоснулись с этой красотой, не потому, что ваши глаза абсолютно чисты и радуются красоте розы.

Пришло суждение, и вы разрушили розу.

Суждение становится между вами и розой, и вы теряетесь в воспоминаниях о розах, которые видели в прошлом. Но это не – такая роза, как те, с которыми вы сталкивались.

Любое суждение ориентировано на прошлое, а существование всегда здесь и сейчас, жизнь всегда здесь и сейчас. Все суждения приходят их прошлым опытом, из образования, религии, от родителей – которые, может быть, умерли, но их суждения продолжают у вас в уме и будут переданы в наследство вашим детям. Поколение за поколением, каждая болезнь передается по наследству.

Только несудящий ум обладает разумом, потому что он спонтанно откликается на реальность.

Я хочу, чтобы вы отбросили Бога.

Я хочу, чтобы вы отбросили свои писания.

Я хочу, чтобы вы отбросили своих родителей.

Я хочу, чтобы вы отбросили все, что было вам дано – с какими бы то ни было добрыми намерениями. Эти добрые намерения не имеют никакого веса, но делают ваши умы судящими.

Таким образом, тотчас же, сами того не зная, не понимая, не переживая опыта, вы приходите к суждению. Суждения возникают мгновенно, так быстро, что, не став достаточно бдительными, вы не сможете от них избавиться. Они только и ждут у вас в уме, в хранилищах памяти. Как только вы что-либо видите, как только вы что-либо слышите, в то же мгновение приходит суждение: “Это правильно, это неправильно. Это согласуется с моим умом, поэтому я с этим согласен”.

Но если вы соглашаетесь согласно уму, вы не соглашаетесь, а просто придаете уму больше силы.

Функция мастера – очень деликатна. Он должен отнять у вас весь ум, мало-помалу, чтобы в уме возникло определенное чистое пространство. Лишь тогда у вас будут глаза, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать. Тогда все входит глубоко, без всяких преград, достигая самого центра вашего существа. Все в существовании питает вас.

У всего в существовании есть собственная цель, все выполняет собственную работу. То, что вы в угоду своему знанию отвергаете, нужно существованию, иначе его бы не было. Все, что происходит где бы то ни было, наверное, так или иначе получает поддержку от существования, иначе оно бы просто упало замертво.

Жизнь требует многообразия. Только подумайте о мире, в котором каждый будет святым – это будет худший из миров, самый скучный. И скука станет такой тяжелой, что останется только одно желание: покончить с собой, потому что вы не сможете прикончить всех святых. Только вы сможете совершить самоубийство, чтобы избавиться от скуки. Если бы все люди были одинакового размера и с одинаковыми лицами... какими бы красивыми ни были лица, какими бы прекрасными ни были их личности, если все они одинаковые, копии под копирку, копии копий, вам будет смертельно скучно. Узнав одну женщину, вы знаете всех женщин, все кончено: никакой воз-

можности другого опыта. Зная одного мужчину, вы знаете всех мужчин.

И это неправильно, потому что каждый мужчина и каждая женщина уникальны. Каждая роза отличается от других роз, каждый цветочек отличается от других цветочков.

Только что, когда я собирался сюда и принимал ванну, у кукушек у меня в саду действительно поехала крыша!* Но меня поразило, что каждая кукушка поет собственную песню. Я мог отчетливо разоб- рать, сколько было кукушек. Все их песни различались, их звуки были разными. Существование заботится о многообразии.

Грешники тоже нужны в этом мире: они делают жизнь веселее. Святые тоже нужны: в качестве примера того, чего делать не нужно. Они мертвы как пни; хорошие образцы для избежания. Грешники – милейшие люди. Я никогда не видел грустного грешника, и никогда не видел радостного святого. Это странно, потому что, если бы религии были истинными, должно было быть наоборот. Но религии неистинны.

В грешниках есть качество невинности, которого нет в святых. Святые очень расчетливы, очень коварны. Своей святостью они просто покупают хороший участок земли, хороший дом, банковский счет в мире ином. Они так жадны, что не довольствуются даже этой прекрасной планетой и чудесным танцем жизни. Грешники – нежадные люди, они радуются небольшим вещам: красивая женщина, хорошая еда, немного выпить; они так рады танцевать, петь и праздновать. Они – настоящая соль земли. Без них нельзя. А святые нужны только затем, чтобы вы могли избежать их участи.

Но помните, все в этом мире имеет собственное место и собственное достоинство, и своими суждениями вы разрушаете чье-то достоинство, вторгаетесь в чью-то территорию.

Человек, полный суждений, становится уродливым, становится невыносимым. Человеку, лишённому суждений, всегда все рады, потому что он никогда не вторгается ни в чью территорию, никогда не ущемляет ничьей духовности и достоинства.

Все ваши суждения идут от священников, – под именем Бога. Бог не может делать этого сам, потому что он – ложь; он не существует и никогда не существовал. Но священники продолжают поддерживать эту ложь; его не существует, но это сама их профессия. Если бы Бог был полностью разоблачен, у священников не было бы возможности эксплуатировать человечество. Они продают Бога почти всему человечеству – Бога, которого не существует.

Я слышал об одном магазине в Нью-Йорке, который дал рекламу: “Мы продаем невидимые шпильки для волос”.

* Англ.: cuckoo: кукушка; go cuckoo: амер. сленг., совершать эксцентричные действия; сходить с ума. – Прим. перев.

Конечно, перед ним столпились женщины. Невидимые шпильки? Ни одна женщина не может устоять перед таким искушением.

Одна женщина заглянула в коробку, когда ее получила – конечно, невидимых шпилек не видно – видя, что коробка пуста, она сказала продавцу:

– Вы уверены, что там внутри невидимые шпильки?

– Сказать по правде, – ответил он, – невидимые шпильки у нас закончились две недели назад, но пустые коробки все еще хорошо продаются. А если совсем откровенно, никаких невидимых шпилек не бывает, и пустые коробки продаются с самого начала.

Можно продавать людям невидимые шпильки... а Бог – самая невидимая вещь в мире. Может быть, однажды невидимые шпильки изобретут, но Бога произвести нельзя. Бог, произведенный нами, будет неважным Богом. Нам захочется каждый год менять марку, а тем, кто очень богат – раз в полгода.

Но поскольку Бога нигде нет, бизнес священников продолжает процветать. Они прекрасно знают – они единственные, кто знает – что Бога не существует. Но они не могут этого сказать: что тогда будет со всей их профессией? Тысячелетняя профессия, дающая средства к существованию миллионам священников в мире... – а они всюду в большом почете. Они не хотят этого лишиться, не хотят потерять весь свой бизнес.

И они продолжают создавать больше и больше заповедей, суждений, продолжают создавать теологические измышления и вкладывать их вам в умы. Единственная цель этого состоит в том, чтобы ваш ум был до такой степени наполнен мусором, чтобы в нем не оставалось никакого пространства для разума. Потому что, если ум пуст, от него недалеко до не-ума. Пустой ум становится дверью к не-уму. Когда пустой ум становится ступенью на пути к не-уму, он не создает никаких затруднений, никаких преград.

Поэтому ваш ум нужно наполнить священным Кораном, священной Библией, священной Гитой и тысячами других писаний. Вы можете выбрать, каким мусором наполниться – в вашем распоряжении все размеры и формы. Выбор огромен. На земле триста религий. Нельзя представить себе новую религию, все возможности уже исчерпаны. Триста религий на одного Бога – есть из чего выбрать. Вы свободны в выборе, но несвободны не выбирать.

А именно этому учу вас я: не выбирать.

Исследуйте, открывайте, не выносите решений прежде осознания. А осознание, освобождение, свобода дадут вам прозрение во все. Вы почувствуете сострадание и любовь ко всей окружающей жизни, без суждения.

Я рассказывал вам историю о дзенском мастере...

К нему в дом вошел вор, не зная, что это дом дзенского мастера, – и украсть там было нечего. Дзенский мастер очень смутился. Ночь

была холодной, и у него было только покрывало, которым днем он пользовался как одеждой, а ночью укрывался, чтобы спать. У него не было больше ничего, весь дом был пуст.

Он почувствовал такое сострадание к вору, что когда тот выходил, набросил покрывало ему на плечи и сказал:

– Пожалуйста, прими его. Ты пришел, не дав мне знать заранее. Если бы ты дал мне знать хотя бы за три дня, я собрал бы для тебя что-нибудь. Впервые я чувствую себя бедным. Мне нечего тебе дать; мой дом пуст.

Вор очень испугался этого человека. Он стоял голый холодной зимней ночью и отдавал свою единственную собственность, покрывало. Но, что еще страннее, этот человек говорил ему: “Ты должен предупредить меня, когда придешь. Дай мне немного времени, чтобы я мог попросить милостыню и собрать для тебя что-нибудь. Неправильно приходите так внезапно, без всякого предупреждения”.

Этот человек, несомненно, был очень странный. Вор сталкивался с тысячами людей – все были на него злы, вызывали полицию. Много раз ему приходилось страдать в тюрьме. Все его унижали, оскорбляли. По выходе из тюрьмы жизнь была трудной. Никто не хотел дать ему работу, и в конце концов ему приходилось совершать следующее преступление, просто чтобы снова попасть в тюрьму, которая стала его домом. По крайней мере, у него была еда, кров, одежда.

Этот человек был странный. Он испугался этого человека – и убежал наружу.

Дзенский монах закричал:

– Остановись! Ты неправ, вернись. Сначала поблагодари меня, чтобы не чувствовать себя виноватым, что что-то украл – я дал тебе это сам. Потом закрой дверь. Ты ее открыл; по крайней мере, ты ответствен за то, чтобы ее закрыть. Я остался голым, дует холодный ветер... у тебя нет никакого сострадания.

И он поблагодарил его, и, уходя, закрыл дверь, и святой сказал:

– Может быть, однажды это “спасибо” тебя спасет, эта закрытая дверь тебе очень поможет.

Вор не мог понять, как это может помочь... но той ночью, глядя из окна на полную луну в небе, дзенский мастер написал небольшое хайку, в котором говорилось:

Я беден.

Я так хотел бы

Подарить вору эту луну,

Но она мне не принадлежит.

Через два года вора снова поймали на очень опасном деле – может быть, он рисковал оказаться в тюрьме на всю жизнь.

Судья спросил его:

– Не можешь ли ты привести кого-нибудь в свидетели, что ты не преступник? У нас нет никаких улик, только косвенные доказательства, что ты совершил преступление. Если ты можешь привести человека высокого достоинства, который бы поддержал тебя в том, что ты не способен совершить такое преступление...

Он вспомнил дзенского мастера, который был единственным, кто мог его поддержать. Он назвал судьбе имя дзенского мастера.

Судья сказал:

– Ты говоришь о дзенском мастере – я его знаю. Если он скажет, что ты не преступник, это решает дело.

И дзенский мастер пришел и сказал:

– Вы говорите, что этот человек преступник – но он был так добр. Я дал ему одеяло, и он поблагодарил меня, и когда я попросил его закрыть дверь, он закрыл за собой дверь. Он такой отзывчивый, такой добрый человек. Одеяло никуда не годилось, было старое и дырявое, но он принял его так, словно я подарил ему империю. Он был так благодарен – отпустите его.

Дело было закрыто... этот дзенский мастер был очень известен, его знал даже император.

Вор последовал за дзенским монахом, и дзенский монах спросил его:

– Куда ты идешь?

– Никуда, – ответил вор, – я иду за тобой. Я нашел человека, у которого нет суждений и который вернул мне достоинство. Впервые я почувствовал себя человеком, и есть кто-то, кто меня любит, есть кто-то, кто мне сочувствует, есть кто-то, кто страдает даже человеку, который никогда не делал ничего хорошего.

Дзенский мастер сказал:

– Не суди себя.

В этом проблема. Люди, которые судят других, судят и себя. Когда они судят себя, они чувствуют себя виноватыми; когда они судят других, они отнимают у других достоинство и честь. Этот судящий ум – обоюдоострый меч, режущий с обеих сторон. Он режет вас, он режет других. Он разрушил все человечество.

Отбрось судящий ум, и вместе с судящим умом отбрось все свои религии, морали. Ты снова станешь невинным ребенком, радующимся каждому в его собственной уникальности.

Второй вопрос:

Кажется, многие из нас все еще поражены чувством вины, хотя мы и подвергались твоей хирургии долгое время. Что бы то ни было, мы чувствуем себя виноватыми, если это делаем, чувствуем себя виноватыми, если этого не делаем – безвыигрышная ситуация. И чем это чувство глубже, тем более кажется тонким и трудноуловимым.

Освободимся ли мы когда-нибудь от этого эмоционального шантажа? Не эту ли хирургию ты производишь этими лекциями о Боге?

А что ты думаешь?

Убивая Бога, я убиваю твое чувство вины.

Меня не заботит Бог, поскольку его нет. Но мне приходится быть очень уклончивым, чтобы не убивать ваше чувство вины прямо, потому что вы встанете на его защиту. Поэтому я убиваю богов – это мой косвенный метод убить в вас чувство вины. Сам Бог меня совершенно не волнует. Без Бога вы не можете быть виноватыми, а это для меня, несомненно, важно.

Я оперирую Бога – это косвенный способ оперировать вас. Это очень странная хирургия, в которой Бога нужно разрезать на части, чтобы вы перестали цепляться за Бога и его заповеди. Когда Бога не станет, внезапно вы отбросите всю свою мораль, так называемый долг, добродетели. Внезапно вы снова становитесь язычниками.

Я люблю язычников.

Я хочу, чтобы мир снова перешел в руки язычников.

Все религии разрушали язычников, потому что они были людьми без всяких суждений, без всякого Бога, без всякой морали – простыми, невинными, струящимися в природе, в глубоком позволении. И они делали все, что было спонтанным, следовали всему, что исходило из их природы. Не было речи о чувстве вины, не было ситуации подобной безвыигрышной ситуации.

Язычник всегда выходит победителем. Что бы он ни делал – или ни не делал – он сохраняет достоинство и честь. Я хочу, чтобы вы были язычниками, это первый шаг к тому, чтобы быть буддой. Я выбрал Зорбу как образец язычника, и это самый фундамент. На этом фундаменте вы можете воздвигнуть алтарь будды. Но без фундамента будда остается висющим в воздухе, как воздушный шар. Вы можете ему поклоняться, но не можете получить поддержку, не пустив корни глубоко в землю. Ваши ветви не могут расти в небо, вы не можете коснуться звезд без глубоких корней в земле. Сначала вы должны быть очень земными, прикованными к земле, и лишь тогда сможете расти к звездам.

Без корней в земле вы останетесь просто витать в облаках, а не расти к заоблачным высотам. Вы просто смотрите на будду, поклоняетесь, молитесь. Но не поможет ни поклонение, ни молитва. Поможет только настоящий фундамент, и этот настоящий фундамент должен быть лишенным Бога, писаний, дисциплины, лишенным всяких заповедей. Будьте свободным человеком, не будьте духовно поработанными людьми.

Как только ты достигаешь свободы от всех этих вымыслов, мифологий, тебе станет так хорошо, ты почувствуешь себя таким свежим, таким молодым, таким живым, что танец придет сам собой. Так изобильно богато твое глубочайшее внутреннее существо... потому

что твое глубочайшее внутреннее существо – то место, в котором ты соединен с космосом. Твои космические корни вырастают из глубины внутреннего центра. Как только ты принимаешь существование таким, как есть, ты принимаешь как есть также и себя.

Если ты хочешь улучшить существование, других людей, ты не можешь быть непринужденным и с собой. Твои суждения тебя убивают. Ты никогда об этом не думал... каждый раз, когда ты кого-то судишь, ты судишь и себя; если ты кого-то осуждаешь, ты осуждаешь и себя; если ты кого-то называешь вором, ты осуждаешь и себя. Может быть, ты воровал множеством разных способов – может быть, ты крал у других людей мысли, может быть, крал у других людей гипотезы.

Красть можно не только деньги; что угодно, что вы берете у другого без благодарности к этому человеку, без его ведома – воровство. Деньги – самая обычная в мире вещь, есть гораздо большие ценности. Если ты подражаешь, то тем самым крадешь. Если ты подражаешь Иисусу, подражаешь Будде, что ты делаешь? – крадешь их личность. Ты – худший из воров – и можешь при этом прекрасно себя чувствовать?

Люди не могут принимать себя такими, как есть, потому что не могут принимать такими, как есть, других. Я никогда в жизни не судил. Я любил всех возможных людей; их уникальность делала их более достойными любви. И поскольку я любил всех этих людей, без всякого различия, для меня чувство вины невозможно, отвержение себя невозможно. Я люблю себя бесконечно.

Эти две вещи связаны: если ты судишь других, то будешь чувствовать себя виноватым и постоянно себя судить: правильно или неправильно. И то, и другое нужно отбросить одновременно, потому что это две стороны одного и того же явления. Это так легко. Не спрашивай меня, сколько это займет времени – это коварный способ откладывать. Времени не требуется, требуется понимание. И это понимание возможно сейчас, в это самое мгновение. Ты отбрасываешь все свои суждения – отбрасываешь все чувство вины. Они вместе летят в мусорное ведро.

Тогда ты будешь жить как здоровое животное, и из этого здоровья, из здорового животного возникнет величайший из всех возможных опытов. Когда ты становишься естественным, ты приближаешься к опыту будды.

Только Зорбы могут становиться буддами.

Сам Гаутама Будда был Зорбой. Буддисты этого не понимают. Двадцать девять лет жизни – первую половину жизни – у него было столько красивых женщин, как ни у одного мужчины в истории. У него был весь возможный комфорт и роскошь, доступные в те времена. Он был окружен такой роскошью, весельем, танцем, пением – из этого двадцать девять лет состояла вся его жизнь. То, чего с вами

обычно не происходит даже за восемьдесят лет, с ним произошло за двадцать девять.

Он пресытился – все стало повторяться. Поскольку его окружало столько женщин, он пресытился женщинами. Человек не пресыщается благодаря собственной жене. Жена – это ваша защита, она не позволяет вам смотреть по сторонам, заставляет смотреть только вперед, прямо перед собой – на два метра вперед, не дальше! И если вы не хотите создавать себе напрасных проблем, вам придется следовать этому правилу. И поскольку она насаждает определенные моральные нормы, ей приходится следовать им самой – иначе она не сможет их насаждать.

Это очень сложная система. Муж становится тюрьмой для жены, жена становится тюрьмой для мужа. Оба они рабы – и оба хозяева; оба они тюремщики – и оба заключенные, – и оба хотят освобождения! Но у обоих есть ценности – браки заключаются на Небесах, и нельзя различать тех, кого свел вместе Бог.

Так или иначе, ни одна свадьба из тех, которые я видел, не происходит на Небесах. У самого Бога нет жены, и он бежал от женщин как можно дальше – может быть, на миллионы световых лет... никакой возможности встретить женщину. Но такое желание осталось, поэтому он является время от времени, чтобы создать Иисуса Христа. Время от времени – это простительно... бедняга живет со Святым Духом. Я все пытался установить, Святой Дух – это мужчина или женщина? Может быть, он способен функционировать как в первом, так и во втором качестве!

Я слышал одну историю...

Когда умер Генри Форд... а он был перфекционистом и большим человеком, одним из величайших, одним из самых богатых людей. Он происходил из бедной семьи, и все, что он создал, было создано его собственными усилиями и разумом.

И вот, когда на Небесах он встретил Бога, Бог спросил Генри Форда – потому что он был нужным человеком:

– Что ты думаешь о моем творении? Ты перфекционист, я знаю. Ты создал лучшие машины и постоянно их улучшал и улучшал. Что ты думаешь о моем творении?

– Твое творение очень нуждается в улучшении, – ответил тот.

– Например? – сказал Бог.

– Например, ты разместил центр удовольствия у мужчины и женщины в разных местах. У женщины центр удовольствия между двумя выхлопными трубами!

Он был производителем машин, и кажется, он прав: “Что ты за грязный парень? Центр удовольствия – и в самом грязном месте. Разве нельзя было поместить его куда-то еще? – в руки?”

Я думаю, эта критика справедлива.

Бог был потрясен – а он все считал Генри Форда христианином!

Но когда вы навязываете людям суждения, эти люди навязжут суждения и Богу, если им доведется его встретить.

Судящий ум будет судить всех и каждого, будет судить самого себя. Все становятся несчастными, все кажется неправильным, все выглядит негативным. Он продолжает считать шипы и никогда не видит цветов. Смотреть на цветы нет времени, на пересчитывание шипов уходит вся жизнь. Если его спросить, он скажет: “Это несчастный мир. Между двумя ночами всего один день!”

Все его восприятие – в осуждении, и ему приятно осуждать. Но он не знает, что когда он осуждает других, то также осуждает и себя. Глубоко внутри он чувствует себя виноватым.

Не откладывай. Не спрашивай, сколько это займет времени – все зависит от тебя. Если ты несчастлив и чувствуешь себя пойманным в безвыигрышной ситуации, зачем продолжать ее с собой носить? Если ее мог отбросить я, почему не можешь ты? Я не мессия, не пророк, не инкарнация Бога. Я не обладаю никакими чудодейственными силами, я такой же человек, что и ты. И если я это мог сделать, кто мешает тебе?

Может быть, ты начал наслаждаться своим несчастьем. Может быть, ты к нему так привык, что, если его отбросишь, то почувствуешь себя пустым. Да, ты будешь пустым, но только в промежуточный период, который будет очень недолгим. На мгновение ты придешь в растерянность, но скоро увидишь, что эта пустота начинает наполняться совершенно новой энергией, которую ты подавлял своими суждениями, чувством вины, моралью, религией, Богом.

Внезапно ты почувствуешь, что из твоих собственных источников бьют фонтаном новые свежие воды жизни. Вскоре ты найдешь, что наполняешься безмерной удовлетворенностью, наполняешься светом, радостью, блаженством – не только наполняешься, но переливаешься через край. Такое изобилие возможно, но ты должен рискнуть остаться пустым. Это не так много, потому что все, что ты теряешь – лишь несчастье, вина, печаль, страдание, адский огонь; все, что ты отбрасываешь, не стоит того, чтобы носить внутри.

И как только ты чист, ты готов к тому, чтобы существование утвердило себя во всем изяществе и красоте, со всей своей мудростью и просветлением. Но на мгновение тебе придется оказаться пустым.

Прежде чем войдет новое, старое должно уйти.

Несомненно, вы подверглись шантажу. Все человечество подверглось шантажу, и этот шантаж продолжается. Он начинается с самого детства и продолжается даже, когда вы уже в могиле и священник читает отходную. С рождения до смерти священник шантажирует вас, прикрываясь именем Бога, великими материями. Политик шантажирует вас под прикрытием национализма, патриотизма. Ваши собственные родители шантажируют вас под видом послушания и уважения к старшим.

Однажды я участвовал во всеиндийском семинаре профессоров, организованном федеральным правительством при содействии министерства образования. Все профессора обсуждали только одно – один профессор за другим, один за другим: что у студентов нет никакого уважения, и нужно с этим что-то сделать. Кажется, по этому поводу все были в абсолютном согласии.

Когда пришла моя очередь выступать, я сказал:

– Все эти люди говорят вздор.

Министр образования был шокирован, и все мирно спящие профессора проснулись. Я сказал:

– Дело не в том, что студенты не проявляют уважения, проблема в том, что профессора не заслуживают уважения. Вы рассматриваете всю проблему не с той стороны; вот почему вы не можете ее решить.

Я это говорю по собственному опыту. Я был профессором девять лет, и никто никогда не проявлял ко мне неуважения. Поскольку я уважаю своих студентов, как они могут быть неуважительными со мной? Я их уважаю, я их люблю, я даю им свободу. Я им говорю: “Если хотите выйти из класса, выйдите тихо, никого не беспокоя. Не спрашивайте у меня; в этом нет надобности. В любой момент, когда вы хотите войти в класс, войдите. Не спрашивайте разрешения, потому что это отвлекает меня и отвлекает класс”.

Когда я впервые пришел преподавать в университет, я не мог поверить своим глазам: с одной стороны сидели девушки, с другой – юноши, а посреди комнаты была большая щель. Я сказал:

– В чем дело? С кем я буду разговаривать? С этой щелью? У меня нет косоглазия, чтобы смотреть одновременно в обе стороны.

Поэтому, если вы хотите, чтобы я вас учил, сдвиньте парты в середину комнаты и сядьте рядом, потому что я терпеть не могу, когда вы перебрасываетесь записками – это так уродливо. Почему не сесть рядом с девушкой, наслаждаясь ее теплом и делясь любовью? Вы достаточно взрослые – вам не нужно никакого контроля. Я не думаю, что вы людоеды и съедите друг друга или что-нибудь в этом роде... немедленно смешайтесь!

Они посмотрели друг на друга и подумали:

– Очень странная ситуация. Все профессора ведут себя как жандармы, держат нас порознь, а этот тип такой странный...

Я сказал:

– Живее, иначе я уйду из этого класса и никогда больше не вернусь!

Неохотно молодым людям пришлось сдвинуть парты. С большим смущением они подошли к девушкам, в которых бросали камнями и у которых прокалывали шины в велосипедах. Девушки были очень... я сказал:

– Будьте рядом друг с другом. Почему вы жметесь по сторонам? Эта щель посередине должна быть заполнена. Будьте вместе!

Они сказали проректору:
– Что нам делать? Другой профессор приходит и говорит: “Что происходит? Раздвиньте парты! Кто это позволил?” – и мы постоянно носим парты туда-сюда.

Проректор вызвал меня и сказал:

– Это было нехорошо с вашей стороны.

Я сказал:

– Вы были молодым?

– Да, – ответил он.

– Тогда будьте откровенны. Не были вы влюблены в девушку в студенческие годы?

Он огляделся по сторонам, чтобы убедиться, что никто не слышит... Я сказал:

– Никого нет. Здесь только я, можете говорить правду.

– Был, – сказал он.

– И вы не прокалывали велосипедных шин, не бросались камнями?

– Прокалывал, бросался, – сказал он.

– Значит, вы все понимаете. Вы создаете неестественную ситуацию. Мои же студенты не будут прокалывать никаких шин, не будут бросаться камнями – им это не нужно. И это абсолютно естественно. Они сексуально зрелые люди – они давно достигли зрелости, между четырнадцатью и пятнадцатью годами. Теперь их двадцать два, двадцать четыре года, двадцать пять лет. Вы их постоянно мучили десять лет, шантажируя вопреки биологии, вопреки существованию, вопреки природе. Пришло время, чтобы они получили как можно больше опыта, прежде чем выбрать себе мужчину или женщину.

Вы идете в магазин... даже при небольших покупках вы заходите во много магазинов, чтобы узнать цену, смотрите продукт. Вы собираетесь жить с женщиной или мужчиной всю жизнь, даже не совершив шоппинга? Сначала – шоппинг. Пойдите и получите как можно больше опыта. Если вы разумны, все эти опыты сделают вас богаче. Тогда вы сможете найти женщину или мужчину, с которыми сможете быть в глубокой любви и дружбе.

Нет никакой надобности в разводах. Разводы будут очень редкими, если дать детям достаточно опыта. Они будут знать, что есть некоторые различия между мужчиной и женщиной, женщиной и мужчиной. И они будут знать, с какой женщиной, с каким мужчиной они чувствуют себя легче всего, более всего как дома. Вы не даете им такой возможности. Это сущий шантаж.

За это ответственны ваши родители, ответственен ваш Бог, ответственны ваши священники, ответственны ваши учителя – ответственно все ваше общество. Но, в конечно счете, ответственны *вы сами*. Зачем жить в этой тюрьме, если двери открыты? Выйдите! И не спрашивайте меня, сколько это займет времени. Все зависит от того, вы-

бежите вы из этой тюрьмы или поползете так медленно, чтобы вас снова поймали и вернули в камеру.

Однажды в дождливый день маленький ребенок опоздал в школу, и учитель спросил его:

– Джонни, ты все время опаздываешь. Почему ты опять опоздал?

– Что мне было делать? – сказал он. – Было так скользко, что я делал шаг вперед и соскальзывал на два назад.

Учитель сказал:

– Если это правда, то как тебе вообще удалось сюда прийти? Один шаг вперед, два назад... ты никогда бы сюда не добрался.

Он сказал:

– Вы не понимаете. Потом я развернулся и пошел обратно к дому! В конце концов я оказался в школе.

Все зависит от тебя – это очень скользкий путь. Если ты действительно хочешь, это может случиться в это самое мгновение. Но если ты станешь откладывать, может быть, никогда. Сейчас – или никогда.

Сутра:

Наш Возлюбленный Мастер,

Однажды, когда Дэйтен пришел к Секито, мастер спросил его:

– Ты дзенский монах или обычный монах?

– Дзенский монах, – ответил Дэйтен.

– Что такое дзен? – спросил Секито.

– Это поднятие бровей и движение глазных яблок, – ответил Дэйтен.

Есть определенный метод, пришедший в дзен из даосизма – он может дать очень пустой ум. Если вы просто закрываете глаза и двигаете глазами яблоками, вскоре вы увидите, что у вас начинает кружиться голова, точно как кружится голова у вращающихся дервишей в суфизме, только благодаря вращению. Но когда у суфийского дервиша кружится голова, он начинает чувствовать центр циклона. Все его тело вращается, но в самом его центре есть что-то, что остается неподвижным – и это само его существо.

Мевляне Джалаладдину Руми потребовалось тридцать шесть часов непрерывного вращения. Он продолжал, продолжал и продолжал. И в этом весь секрет: человек не должен останавливаться из-за того, что устал, он должен продолжать, пока не упадет. Не то чтобы вы должны были подстроить падение – вы просто продолжаете вращаться. Обязательно придет время, когда вы не сможете устроить так, чтобы *не* упасть. Вы упадете почти замертво. Я говорю, почти – все тело устало до предела. Но тогда вы можете ощутить контраст, потому что все тело так устало и так мертво, хочет вернуться к земле, просто чтобы отдохнуть; вы увидите, что внутри вас есть центр, пол-

ный света, полный энергии, совершенно не усталый. Чтобы увидеть этот центр, необходим контраст.

Дзен – гораздо более простой метод. Не нужно стоять и вращаться. Вы просто садитесь и вращаете глазами, глазами яблоками, быстрее и быстрее, и вскоре видите, что вращается вся голова. Приходит момент, когда само вращение внутри головы раскрывает проход, ведущий к самому центру существа, находящемуся под пупком.

В дзен его называют *харой* – это сам ваш жизненный источник. Наверное, вы слышали, что в Японии самоубийство называется *харакори*. Если вонзить нож в точку на два дюйма ниже пупка, он ударит в центр хары, являющийся у человека жизненным источником. Таким образом, без единой капли крови человек умирает, потому что попал в жизненный центр и открыл двери, чтобы вылететь в существование. Японцы нашли наилучший способ совершения самоубийства. Но как они его нашли? Они нашли его в медитации. Один и тот же центр в вас является и центром рождения, и центром смерти.

Таким образом, вращая головой, вы находите проход, которого не касается вращение, – или вращая телом, или вращая глазами яблоками. Оба метода выполняют одну и ту же функцию: приводят вас к жизненному центру.

Может быть, этот дзенский монах использовал такой метод медитации, и он сказал: “*Это движение бровей и вращение глазами яблоками*”.

“*Исключая поднятие бровей и движение глазных яблок, принеси сюда свое оригинальное лицо и покажи его мне*”, – сказал Секито. Ни в бровях, ни в глазных яблоках не содержится ваше оригинальное лицо, будда, пробужденный. Отложите все это в сторону, – это ненужные вещи, несущественные. *Принеси мне свое оригинальное лицо.*

– *Пожалуйста, Ошо, исключи поднятие бровей и движение глазных яблок и посмотри на меня,* – сказал Дэйтен.

Дэйтен, несомненно, был очень близок к просветлению. Он говорит Секито: “*Пожалуйста, Ошо, – о великий мастер, – исключи поднятие бровей и движение глазных яблок и посмотри на меня. Вот мое оригинальное лицо*”.

– *Я их исключил,* – сказал Секито.

“*Я дал тебе,* – сказал Дэйтен. Если ты исключил брови и глазные яблоки, я дал тебе свое оригинальное лицо”.

Эти диалоги – так бесценны, так таинственны. Но как только у вас появляется навык их понимания, они дают вам неоценимые ключи, раскрывающие тайны жизни.

– *Я дал тебе,* – сказал Дэйтен.

– *Что такое не-ум, который ты мне дал? – спросил Секито.*

“*Он ни в чем не отличается от тебя, Ошо, – сказал Дэйтен. Он один и тот же: он есть у тебя, он есть и у меня. Не нужно никакого объяснения, не нужно никакого ответа. Он один и тот же – он ни в чем не отличается от тебя, Ошо*”.

– *С тобой он никак не связан,* – сказал Секито.

– *В самом деле, природы не-ума нет,* – сказал Дэйтен.

Он говорит: “Как только я нашел собственное оригинальное лицо, меня больше нет. А когда меня больше нет, нет моего ума, и нет и моего не-ума. Фактически, моя индивидуальность расплавилась в космическом целом. Не задавай мне личных вопросов, я не человек, только присутствие”.

“*Неужели нет больше ничего, связанного с тобой? – сказал Секито. Уверен ли ты, что в тебе больше ничего не осталось, что нуждается в расплавлении?*”

“*Если что-то и есть, то это настоящее*”, – сказал Дэйтен.

Когда у вас ничего нет, у вас есть *настоящее*, сама сущность существования, сама сущность жизни. Когда вы теряете себя, вы на самом деле впервые себя находите. Это тайна существования.

Теряя, вы находите.

Растворяясь, вы возникаете.

Исчезая, вы оказываетесь целым – не исчезая, но расширяясь до бесконечности.

Прекрасное утверждение Дэйтена: “*Если что-то и осталось, то это настоящее*”.

“*Настоящее приобрести нельзя*”, – сказал Секито.

Слова “*настоящее приобрести нельзя*” означают, что настоящее всегда есть. Нет речи о том, чтобы его достичь, получить, найти, добиться, реализовать. Все эти слова бессмысленны. Оно уже есть; вы никогда его не теряли.

– *Настоящее приобрести нельзя,* – сказал Секито. – *Значит, ты это понимаешь. Держись этого твердо и береги.*

Тогда Дэйтен покинул Секито и удалился на гору Рэйан в южном Китае, где впоследствии вокруг него собралось много учеников.

Он стал мастером по собственному праву, не говоря ни слова, когда Секито сказал: “*Если ты это понимаешь, держись этого твердо и береги*”. Он дал ему сертификат просветления: “Ты это понимаешь, для тебя это вполне ясно. Я пытался поймать тебя на каком-то вопросе, но каждый раз тебе удавалось выпутаться. И теперь, когда ты это получил, держись этого, береги”.

Дэйтен не сказал ни слова. В глубоком молчании, в глубокой благодарности – которая превосходит слова – он просто ушел и удалился на гору в южном Китае, где впоследствии вокруг него собралось много учеников.

Вы – есть жизнь, вечная жизнь.

Вы – существование, бесконечное существование.

Вы – чистый не-ум.

Только из-за неверного направления, неверного руководства вы потеряли себя. Все, что нужно, словами Гаутамы Будды: “Саммасати – просто вспомнить себя”. Не нужно никуда идти, нужно просто вспомнить забытый язык, вспомнить, кто ты такой. Это не реализация, потому что никогда не было никак по-другому.

Не нужно идти в Каабу, Иерусалим или Каши, нужно только вспомнить, в безмолвном пространстве, свое подлинное существо. И внезапно все, что вы считали важным, становится ложным. Все, что вы считали важным: власть, престиж, деньги, респектабельность... просто исчезает как сны, в которых нет совершенно никакого смысла. Внезапно, с легким сердцем, вы начинаете жить жизнь совершенно нового вида, из спонтанности, из простоты, из невинности.

Тогда все, что вы делаете, хорошо; тогда все, что вы делаете, красиво. Тогда все, что вы делаете, исходит из высочайшей чистоты, которая никогда не была загрязнена. Тогда ваше изящество – изящество Гаутамы Будды, и ваша ясность – точно та же, что и ясность всех будд. Вы полностью пробуждены, ночь кончилась, сны прекратились, восходит солнце. И внутреннее солнце начинает только восходить и никогда больше не садится.

Бусон написал:

*Вспышка молнии!
Звуки росы,
Каплющей с бамбука.*

Это небольшие произведения медитативного ума – “Вспышка молнии!” Представьте, вы можете ее увидеть – “Вспышка молнии! Звуки росы, каплющей с бамбука”. Слушайте тихо, и вы услышите звук росы, каплющей с бамбука.

Человек высочайшего молчания знает многое, что происходит и вокруг вас, – но вы так заняты. Вы когда-нибудь слышали звуки росы, каплющей с бамбука? Вы так заняты, так полны мыслей, что эти тонкие опыты, окружающие вас, безмерно красивые, просто ускользают от вашего внимания, проходят стороной. Вы так заняты, вы на них не смотрите. Ваши уши, ваши глаза, ваш ум – все так наполнено. Нет никакого пространства, чтобы в вас мог войти новый опыт.

Медитация делает вас просторными, она очищает чувства. Она обостряет чувствительность: стоит донестись малейшему аромату, и вы тут же его ощущаете. Лишь небольшой звук, даже звук молчания – слышится так громко и ясно.

Мы живем в банальностях, а все, что есть в существовании великого, упускаем. Только человек не-ума, человек просветления знает,

что такое красота, что такое радость, что такое экстаз. И в то мгновение, когда вы знаете, что такое экстаз, вам не нужно никакого Бога, не нужно никаких заповедей, не нужно никакой дисциплины. Все, что приходит из не-ума, свежо. Впервые вы живете в свободе, без всяких оков.

Я определяю саньясу так: жить в свободе, без всяких оков, жить в свободе от всяких заповедей, от всякой дисциплины, от всякой морали, от всякой религии.

Эта жизнь в свободе – единственная подлинная жизнь, которая только возможна. И эта жизнь вечна – без начала, без конца.

Вопрос Маниши:

Наш Возлюбленный Мастер,

В своей книге “Вечная философия” Олдос Хаксли пишет: “Религии, не привлекательные для эмоций, имеют крайне мало приверженцев”.

Если посмотреть, сколько в мире христиан, в сравнении с теми, кого привлекает дзен, это кажется правдой.

Не привязаны ли люди к идее Бога оттого, что она волнует эмоции? Эмоциональные переживания могут включать страх наравне с любовью, но, по крайней мере, человек чувствует нечто, и на некоторое время это уводит его от самого себя.

Нет. Маниша, Олдос Хаксли – великий мыслитель, но не просветленный Будда. То, что он говорит, логически верно, но не истинно экзистенциально.

Религии, непривлекательные для эмоций, имеют мало приверженцев, но эти религии – единственные религии. Религии, приятные людям и привлекательные для эмоций, – не настоящие религии, а игрушечные, ложные, поддельные.

Подлинная религия идет за пределы эмоций, чувств, сантиментов, мыслей – а это весь ваш ум. Но неподлинны религии, заинтересованные более в том, чтобы эксплуатировать людей, чем чтобы их освободить, поработить, а не сделать пробужденными, обязательно станут взывать к вашим эмоциям. Очевидно, у этих религий гораздо больше последователей, чем у дзен. Но эти религии – не религии, именно поэтому они привлекают столько людей.

Если что-то привлекает массы, можно быть уверенным, что это что-то неправильное, потому что массы состоят из умственно отсталых людей; их умственный возраст – не более десяти лет. Для них расставлены ловушки. Есть религии, которые представляют Бога в женском роде, в виде красивой женщины. Внезапно вы начинаете чувствовать, что возникают эмоции; наверное, Бог – это самая красивая женщина во всем существовании; вас охватывает романтизм.

Именно в этом застревают суфии: они представляют Бога в виде прекрасной женщины. Они – влюбленные, Бог – возлюбленная; они –

мужского рода, Бог – женского. Но ведь они просто перенаправляют свою биологию, переориентируясь от обычных женщин из костей, плоти и крови, слизи... может быть, поддельных зубов, поддельных волос, резиновых грудей!..

В священных писаниях ничего не говорится о резиновой груди, вставных зубах, пластической хирургии, накладных волосах, но когда писались писания, всех этих вещей еще не было. Они говорили только о костях, о плоти, о крови, о слизи. Бог, должно быть – это золотая женщина, никакого пота, никакой необходимости в дезодорантах. Наверное, Бог остается в вечной молодости.

Это перенаправляет вашу биологию к ложной идее, к вымыслу. Но это не религия. Это сводит вас с ума, потому что, если вы хотите заниматься любовью, вы должны понимать, что настоящая женщина находится здесь, не на небесах. И в чем вообще проблема?

Я всегда недоумевал... Люди, которые писали писания – а я слушал великих святых этой страны – постоянно говорят о женщинах как о плоти, костях, крови, ничего больше. Я всегда недоумевал: что они думают о собственных телах? Неужели они сами сделаны из золота? Или из платины? Ни одно писание не говорит о теле мужчины, только о теле женщины.

Насколько я понимаю, эти люди глубоко внутри все еще жаждут женщин. Чтобы подавить эту жажду, они постоянно осуждают женщину. Они осуждают не ради вас, они осуждают ради себя самих, чтобы подавить собственное стремление к женщине.

И вот этот переход: Бог становится женщиной. Я приведу вам другой случай, более простой...

Мира, одна из самых известных святых женщин Индии, думает о Боге как о мужчине, молодом мужчине, Кришне. Она – влюбленная, он – влюбленный. Она спит со статуей Кришны в постели.

Она вышла замуж... – она принадлежала к королевской семье и вышла замуж за принца другой королевской семьи, из Раджастана. Но принца ждало большое потрясение, потому что она сказала ему в первую же ночь: “Мой муж – Кришна. Не прикасайся к моему телу, это святотатственно. Только Кришна может заниматься любовью со мной, не ты”.

Конечно, принц был в сильном гневе и никогда больше не заходил в комнату, где Мира жила, пела песни и танцевала перед своим Кришной. В ее представлении Кришна был реальным мужчиной, в небе, и всего через несколько лет она его встретит. Но нужна была подготовка: ей нужно было найти связь от сердца к сердцу.

Все это подавленная сексуальность...

Чем более она избегала мужчин, тем более росла ее любовь к Кришне, потому что сексуальной энергии нужно каким-то образом выражаться.

Она покинула дворец, начала танцевать на улицах, распевая песни о Кришне. Вам нужно только заглянуть в ее песни, и вы увидите, что в них преобладает, главенствует секс: “Когда ты придешь, я буду ждать тебя в своей постели. Когда ты придешь? Ночь прекрасна, распустились ночные цветы, все влюбленные встретили своих возлюбленных, только я жду одна – когда ты придешь?”

Это тонкие выражения сексуальности, чувственности. Ее песни очень чувственны. Она излила в этих песнях всю свою чувственность и сексуальность, и Кришна стал ее галлюцинацией. Она мечтала о Кришне, она пела о Кришне, она танцевала с Кришной – она прижимала Кришну к сердцу.

Люди ей поклонялись как великой святой, но те, кто немного понимает психологию, предложили бы: “Тебе нужно психиатрическое лечение, ты просто больна”.

Эти люди привлекательны для многих, очевидно. У вас уже есть сексуальность... лишь небольшой поворот... У вас уже есть эмоции и чувства... лишь небольшой поворот... – и все это умственные игры.

Таким образом, католики могут насчитывать в своих рядах шестьсот миллионов, но дзен – лишь для немногих избранных, для самой элиты. Его привлекательность – не для масс; его привлекательность – лишь для тех людей высокого разума, кто может заглянуть за пределы ума, где нет чувств, нет мыслей, нет сантиментов. Человек просто выходит за пределы химии, биологии, физиологии своего тела. Вы входите в пространство, которое можно назвать только нумом.

Таким образом, Маниша, правда, что религии, не вызывающие к эмоциям, имеют очень мало приверженцев, но это единственные религии, достойные называться религиями. А религии, привлекающие миллионы... вы сами видите: чем ниже и фальшивее религия, тем больше людей она привлекает. А, между тем, что есть в католической религии, кроме вымыслов? Стоит только удалить эти вымыслы, и ничего не останется. Ничего существенного нет.

Библейские ученые постоянно указывают, что чудеса, рассказы-ваемые об Иисусе – неправда. Их никогда не было, потому что ни в одном современном источнике они даже не упоминаются. А чудеса были такие, что не могли остаться без внимания. Это какая-то мелочь. Человек просто кладет руки на глаза слепого, и тот начинает видеть; человек обращает воду в вино; человек заставляет мертвых вернуться к жизни... неужели вы думаете, что такой человек остался бы никем не упомянутым? И он не был христианином, поэтому нельзя сказать, что евреи не упоминают о нем только потому, потому что он был христианином. Он родился евреем, жил евреем и евреем умер. Иисус никогда не знал, что был христианином.

Христианство родилось через триста лет после смерти Христа. *Христос* – это греческая версия слова “мессия”; *мессия* – это слово из иврита.

Христианство представляется религией самого низкого уровня, поэтому оно привлекает наибольшие массы. Когда религии идут выше, они привлекают меньше и меньше людей, потому что меньше и меньше людей способно их понимать.

Разум не распространен широко. Сколько человек может понять теорию относительности Альберта Эйнштейна? Пока он был жив, было широко известно, что только двенадцать человек в мире могли понять, что подразумевалось под теорией относительности.

Бертран Рассел, один из величайших философов этого века, написал книгу об Альберте Эйнштейне. Он назвал ее “Азы относительности”. И когда он встретился с Альбертом Эйнштейном, Эйнштейн спросил: “Почему вы написали ‘Азы’, а не все в целом?”

Рассел ответил: “Я понимаю только самые начала. Я не могу претендовать на понимание всех тонкостей вашей теории. Я написал ‘азы’, потому что это и есть то, что я понимаю. Однажды кто-нибудь напишет XYZ... может быть, это сможете написать вы”.

Всего двенадцать человек в мире – значит ли это, что теория относительности неправильна? А шестьсот миллионов католиков “знают”, что Иисус родился от девственной женщины – в это могут верить только глупцы. Иисус ходил по воде – в это могут верить только глупцы. Все эти вымыслы были созданы, чтобы привлечь массы.

Я слышал, что один архиепископ Англии посетил Иерусалим. У него было двое старых друзей, каждый из которых был ученым раввином. И он сообщил им: “Я собираюсь приехать и хочу увидеть все места, в которых бывал Иисус”.

Очевидно, ему было интересно увидеть море Галилеи, где Иисус ходил по воде. Двое раввинов на лодке привезли на это место. Архиепископ спросил:

– А вы тоже можете ходить?... потому что вы великие раввины?

– Конечно, – ответили они.

Он не мог поверить своим ушам. Он сказал:

– Тогда дайте мне небольшой пример, хотя бы несколько шагов.

И один из раввинов выбрался из лодки, шагнул вправо, пошел по воде, – архиепископ не мог поверить своим глазам, – и вернулся в лодку.

Два старых раввина сказали ему:

– А ты можешь это сделать? Мы не верим в Христа; ты веришь в Христа. Если в тебе достаточно веры, ты можешь идти по воде.

Теперь это стало вопросом веры. Вера была поставлена на карту. Архиепископ колебался и внутренне дрожал. Но перед этими двумя раввинами потерпеть поражение было бы неправильно. И он сказал:

– Ладно, я могу. У меня есть вера. Если вы, люди неверующие в Иисуса Христа, можете ходить по воде, почему не могу я?

И он вышел из лодки с левой стороны и тут же стал тонуть и кричать:

– Спасите! Помогите!

И два раввина вытащили его обратно. Они сказали:

– Что случилось?

– Не знаю, – ответил он, – но вера у меня есть.

– Кажется, твоя вера немногого стоит, – сказали эти два раввина.

В конце концов, раввин, который выходил из лодки, сказал другому:

– Расскажем малышу правду?

Архиепископ услышал, что они шепчутся.

– О чем вы шепчетесь?

– По правде говоря, – сказали они, – ты вышел из лодки не с той стороны. Вот здесь, справа, прямо под водой есть камни. Вода закрывает их всего на дюйм, не больше. Иисус ходил здесь, и это может каждый еврей, который знает про эти камни. Дело не в вере, дело в камнях!

Только удалите все эти чудеса – и что останется от Иисуса? Удалите девственное рождение – что останется от Иисуса? Отнимите его заявление, которое абсолютно патологично: “Я единственный едиnorodный Сын Божий”, – что останется от Иисуса? Просто обычный сын плотника, верхом на осле – посмешище!

А Ватикан как раз недавно дал указание всем церквям не обращать внимания на Библейских ученых. Потому что, если уделять им внимание, они разрушат всю религию. В этом *и есть* вся их религия.

Но Гаутама Будда не совершал никаких чудес, и разрушить Гаутаму Будду не так легко. Он не родился от девственницы, он не был единственным едиnorodным Сыном Божьим. Ничего несущественного нет, и у него ничего нельзя отнять. Но, несомненно, массам понять его становится гораздо труднее.

Его подход могут понять только очень разумные люди. И даже в Индии... он родился в Индии, но его религия из Индии исчезла. Эти индийские массы не могут взять его в толк. Он не дал им того, что Маниша называет “ничто”. Он не дал им ничего – дал ничто, – потому что ничто есть чистое пространство.

Нечто неизбежно будет *нечто в уме*.

Ничто – внеумственно.

Гаутама Будда после смерти очень быстро исчез из Индии. Две тысячи пятьсот лет в Индии не было ни единого буддиста. Даже в храме, который царь Ашока построил в его память у дерева бодхи, где Гаутама Будда стал просветленным, священник – брамин.* Не

* Т.е. индуист. – Прим. перев.

нашлось буддиста даже для того, чтобы оставаться у памятника и заботиться о храме.

Этот брамин не верит в будду. Ему платили и продолжают платить буддисты, живущие за пределами Индии. Он не верит в Будду, но заботится о храме. Его семья заботилась о храме сотни лет, поколение за поколением – просто хранители. Он не верит в Будду, он не считает его человеком, которому правильно следовать.

Но буддизм распространился в Китае и Японии, на Тибете и Цейлоне, в Корее и Тайване – достиг отдаленных мест. В Монголии, в Афганистане, в нескольких государствах, теперь принадлежащих Советскому Союзу, были воздвигнуты буддийские статуи и храмы.

Он распространен широко, но причина его распространенности состоит в том, что буддисты, пришедшие в эти места, стали идти на компромиссы. Будда был бескомпромиссным человеком. Никакой человек истины не способен на компромисс – ничто не важно. Важна лишь истина, во всей ее чистоте. Но сколько людей способны подняться на такую высоту, к такому сознанию, чтобы это понять? Несомненно, очень немногие.

Таким образом, буддисты на всем азиатском континенте – не истинные буддисты, они пошли на компромисс с местными религиями, смешались с ними. Если Будда вернется, он просто откажется от всех этих буддистов, потому что они делают что-то такое, против чего он возражал, был абсолютно против. И все эти вещи делаются только ради компромисса.

Только дзен остался без компромиссов – именно поэтому я почитаю дзен. Он остался очень маленьким потоком мастеров. Он так и не стал массовой религией – и не может. В тот день, когда он станет массовой религией, он больше не будет религией. Моя любовь, мое уважение к дзен – за то, что он абсолютно бескомпромиссен, не заинтересован в том, чтобы собирать толпы. Он заинтересован только в высочайшем развитии людей. В этом же заинтересован и я. Именно поэтому вы не видите, чтобы вокруг меня собирались массы.

В тот день, когда ко мне пойдут массы, не приду я. Я ненавижу бессознательные массы. Они были причиной убийств таких людей, как Сократ, таких людей, как Аль-Хилладж Мансур, таких людей, как Иисус. Очень вероятно, что и Гаутама Будда тоже был убит при помощи яда. Были совершены попытки убить Махавиру – множество попыток.

Эти массы против истины, потому что истина разобьет вдребезги всю их ложь. То, что Маниша называет “нечто” – это нечто есть ложь, утешение.

Никакой человек, любящий истину, не станет вас утешать. Он разрушит все ваши утешения. Он возьмется за то, чтобы отнять у вас всю ложь, чтобы вы могли подняться к предельной вершине сознания. Но эта вершина приходит к вам, когда вас больше нет.

Когда внутри вас ничего нет, тогда все существование просто начинает изливаться в вас цветами покоя, любви, молчания, экстаза, божественного опьянения.

Олдос Хаксли неправ в том, что не понимает разницы между подлинной религией и религией поддельной. Он – человек рационального ума и логического понимания, но его нельзя назвать медитативным. Именно из-за этого он стал принимать ЛСД. Он написал книгу под названием “Рай и ад”, в которой проповедует, что ЛСД дает настоящее *самадхи*, настоящее просветление.

Химическое вещество может принести просветление?.. Через шесть часов, восемь часов, двадцать четыре часа просветление кончится, и ты снова оказываешься в своем старом зае..ном “я”!

Пришло время Сардара Гурудаяла Сингха. Зажгите свет!

Однажды вечером Немецкий Дзенский Мастер, Каменноголовый Нискрия, решил, что хочет свидание...

Дзенскому мастеру очень трудно организовать свидание. Когда я вам говорил, что слеповат на эту сторону... (*высоко подняв и скрестив руки, мастер указывает одновременно в обе стороны аудитории*) ...эта подружка обычно видела на эту сторону! Она всегда упускала Дзенского мастера Нискрию, они никогда не знала, кто он такой. Но даже она сбежала. И он уехал в Германию – как видите, здесь ему не удалось найти ни одной девушки. Даже эта панковская девушка исчезла! Именно поэтому Нискрии среди нас нет. У него лихорадка!

Кто-то должен проявить к нему сострадание. Он думал поехать в Гоа – не ради Гоа, ради того, чтобы найти еще одну панкующую девушку. Таким образом, эта история приходится как нельзя более вовремя...

...Однажды вечером Немецкий Дзенский Мастер, Каменноголовый Нискрия, решил, что хочет свидание. Но в последнее время он испытывал трудности с тем, чтобы какая-нибудь женщина согласилась на его приглашение, потому что их устрашает его свирепый вид и дзенская палка.

Но у Каменноголового возникла идея. Он облачился в широкий плащ, черную шляпу и темные очки.

Затем он пришел в “Зорбу” и подсел к Ма Папайе Ананас. Они разговорились. Каменноголовый угостил ее фисташковым мороженым, и, слово за слово, в конце концов Каменноголовый приглашает Папайю к себе в комнату.

Папайя думает, что этот парень немного странный: в темных очках вечером, – но думает про себя: “Мм! Какого черта! На этой неделе у меня все чакры открыты!”

И они уходят вместе.

Когда они приходят к нему в комнату, Каменноголовый выключает свет.

– Знаешь ли, Папайя, – говорит он, – мне нравится это делать только в темноте. Ты не против?

– Конечно, нет! – говорит Папайя, и они начинают раздеваться.

Папайя сидит на краю кровати в полном мраке, а Каменноголовый стоит рядом с ней. Когда он наклоняется, чтобы снять носки, Папайя протягивает руку в темноте и касается сверкающей, наголо бритой лысины Каменноголового, болтающейся в области ее лица.

– Невероятно! – восклицает Папайя в шоке. – Тебе лучше быть поосторожнее с *этой штукой!*

Международная команда знаменитых зоологов собирается в Африке, чтобы исследовать цикл жизни слона в дикой природе. Минует год, и ученые публикуют свои отчеты.

Ответ англичанина озаглавлен: “Африканский слон во время полуполуденного чаепития”.

Отчет американца озаглавлен: “Фаст-фуд Чизбургеры и Современный Американский Слон”.

Отчет итальянца озаглавлен: “Как поместить Слона в Феррари”.

Французский отчет: “Семьдесят Две Позиции Любви Африканского Слона”.

Русский отчет: “Как Спрятать Вашего Слона от КГБ”.

Немец публикует отчет в трех томах под заглавием: “Введение в Левое Яйцо Африканского Слона”.

И, наконец, отчет поляка: “Слоны? Какие слоны?”

Молодой Отец Лихорадка снова испытывает проблемы. И он приходит за отеческим советом к своему старшему, Отцу Прелюбодею.

– Скажи мне, сын мой, – говорит Отец Прелюбодей, – тебя все еще тревожат эти отвратительные фантазии? Знаешь, все эти трусики с прорезью, французская щекотка и сдобные монахини с маслом?

– Нет, нет! – кричит молодой отец Лихорадка, – теперь это большая буква М – знаете, мастурбация!

– А! Мастурбация! – отвечает Отец Прелюбодей, кладя ногу на ногу и скрежеща зубами. – Да! Одна из моих любимых тем! Что ты хочешь об этом знать?

– Знаете ли, – говорит Лихорадка, покрываясь испариной, – так ли это плохо, как говорят?

– Мой мальчик, – назидательно изрекает Прелюбодей, помещая ноги прямо и расправляя рясу, – раньше считалось, что мастурбация приводит к безумию и слепоте. Но это больше не считается истинным.

– Меня не *это* беспокоит, – говорит Отец Лихорадка, дрожа. – Я читал в последнем отчете Ватикана, что мастурбация может быть причиной серьезного снижения слуха – и даже глухоты!

Отец Прелюбодей подается всем телом вперед и говорит:

– *Что?*

Ниведано...

Ниведано...

Будьте в молчании...

Закройте глаза и почувствуйте, что тело замерло. Это подходящее мгновение, чтобы обратиться вовнутрь.

Соберите всю свою энергию, всю тотальность сознания и устремитесь к центру своего существа – он находится прямо под пупком, точно на два дюйма ниже, внутри – с такой срочностью, словно это последнее мгновение вашей жизни. Без такой срочности и интенсивности никто никогда не достигал центра своего существа.

Быстрее и быстрее...

Глубже и глубже...

По мере того как вы приближаетесь к центру, на вас нисходит безмерное молчание и орошает, словно мягкий дождь. Вы ощущаете его прохладу.

Еще немного ближе – и вы найдете, что из вашего собственного жизненного источника возникает несказанный покой и окружает вас, словно аромат.

Даже ночь помогает вам.

Все существование помогает вам.

Не только вы медитируете, все существование медитирует вместе с вами.

Еще один шаг, и ты – в центре своего существа, предельно опьяненный божественным, подлинным экстазом, не произведенным никаким наркотиком, никаким ЛСД, но явившимся частью раскрытия твоего собственного внутреннего лотоса.

Как только он с тобой, он с тобой навечно, и он преобразует всю твою жизнь, твою деятельность, твои отклики.

В центре, в этом экстазе, тебя больше нет, есть лишь чистое пространство.

Это чистое пространство мы очеловечили в образе Гаутамы Будды. Это просто значит: пробужденное сознание. Лицо Будды – оригинальное лицо каждого. В этом пространстве внезапно вы находите, что *вас* больше нет, но будда – ваше оригинальное лицо. Вас больше нет, но есть жизнь, вечная жизнь – без начала, без конца. Вас больше нет, есть существование.

И эта *естьность* приносит безмерное освобождение. Эта *естьность* – единственное спасение. Никто другой не может вам ее дать, она у вас уже есть. Все, что нужно – это напоминание, забытый язык. Вы слишком увлеклись банальностями и забыли существенное.

В это мгновение вы – самые блаженные люди на земле, просто потому что путешествуете вовнутрь, тогда как каждый движется наружу.

Помнить нужно одно: будда состоит только из одного качества: осознанности, наблюдательности, воспоминания, свидетельства. Можете называть это как хотите, но я предпочитаю слово “свидетельствование”, чтобы прояснить, что это означает.

Свидетельствуй, что ты – не тело.

Свидетельствуй, что ты – не ум.

Свидетельствуй, что ты – только свидетель, лишь чистое зеркало, отражающее, откликающееся на каждую ситуацию.

Чтобы сделать это свидетельство глубже и яснее,

Ниведано...

Расслабьтесь, но продолжайте помнить одно: свидетельство. Свидетельствование – вот весь секрет медитации, главный ключ, раскрывающий все тайны существования и жизни.

По мере того как ваше свидетельство углубляется, вы начинаете таять.

Отделенность исчезает, все границы растворяются, Аудитория Гаутамы Будды становится океаном сознания. Десять тысяч будд стали одним однородным сознанием, одним океаном сознания.

Соберите все опыты, происшедшие с вами, молчание, покой, блаженство, экстаз, божественное опьянение – и убедите будду прийти с вами, последовать за вами.

Есть три шага просветления:

Первый шаг: будда следует за тобой как тень – это твоя природа, твоя вечная природа.

Второй шаг: будда выходит и становится впереди тебя; тенью становишься ты.

И третий шаг: ты исчезаешь в будде. От тебя не остается ни тени. Есть лишь будда, есть лишь жизнь, есть лишь существование.

Это приносит вам бессмертие, вечность. Это сливает вас воедино с космосом, воедино с целым. Это – высочайшее умственное и физическое здоровье, высочайшая святость. Это – дзен.

Ниведано...

Вернитесь, но вернитесь как будды: очень безмолвные, очень мирные, с великим изяществом.

Посидите несколько мгновений, просто чтобы запомнить золотой путь, которым путешествовали, и все цветы, которыми вы были осыпаны: цветы молчания, мира, радости, экстаза, раскрытия входа в вечное, в предельное, в абсолютный космос.

Позаботьтесь о будде, который прямо за вами – молчаливое присутствие. Но вы можете его коснуться. Он осязаем, вы ощущаете его тепло. Он преобразит ваши обычные действия в незаурядные отклики.

Он принесет вам невыбирающую осознанность, в которой вы просто спонтанно делаете то, что хорошо... совершенно иного рода мораль, бьющая ключом в вашей собственной спонтанности, совершенно нового рода жизнь, проживаемая из мгновения в мгновение, с абсолютной преданностью существованию.

Новая свобода, новые небеса, чтобы расправить крылья, новое празднование без всякой причины, без всякого повода. Просто переполняющая энергия, бьющие через край соки жизни, бьющий через край экстаз, бьющие через край песни и танец.

Преобразить жизнь в празднование – единственная подлинная наука религии.

Я праздную себя, и я хочу, чтобы вы научились искусству праздновать себя – без причины, без повода. Просто быть – достаточно, более чем достаточно. Быть частью целого – такое великое превращение, что сопротивляться ему невозможно – вам приходится танцевать, петь, выражать свою радость, свое блаженство. Вам приходится ими делиться.

Делиться своим блаженством – вот единственная благотворительность.

Делиться своей радостью – вот единственная благодарность.

Существование дало вам так много, делитесь же этим.

Чем более вы делитесь, тем больше у вас будет.

Чем меньше вы делитесь, тем меньше у вас будет.

Если вы не делитесь, у вас не будет ничего.

Хорошо, Маниша?

Да, Возлюбленный Мастер.

Дождь невидимых цветов

*Наш Возлюбленный Мастер,
“Песня Травяной Хижины” Секито.*

Я строю хижину из травы, внутри которой нет мирского сокровища. Я ем и сплю естественно и легко. Когда я построил хижину, тростник был новый. Когда хижина изнашивается, я заново покрываю ее тростником. Человек, живущий в хижине, всегда дома. Он не принадлежит ни внешнему, ни внутреннему. Я не живу там, где живут обычные люди; я не люблю то, что любят обычные люди.

Хотя хижина и мала, она содержит всю дхарму мира. Человек дзен хорошо это понимает. Бодхисатвы высшей передачи не имеют в этом ни малейшего сомнения, но посредственные неизбежно сомневаются.

Если бы меня спросили, будет ли эта хижина разрушена, я ответил бы, что этот предмет по своей природе разрушим и неразрушим. Я не живу ни на севере, ни на юге, ни на западе, ни на востоке.

Фундамент этой хижины очень прочен. Под зеленой сосной ясно окошко хижины – с этим не сравнится и золотой дворец. Когда я укрываюсь старым одеялом, все устанавливается. Тогда я ничего не понимаю. Живя в этой хижине, я больше не ищу никаких решений. Кто станет их гордо выкладывать на витрину для продажи?

Когда приходит вечер и садится солнце, я возвращаюсь в хижину. Мое существо так безгранично, что нет никаких разделений. Встретившись в близости с мастером, передавшим учение, я построил хижину из травы и не помышляю о том, чтобы ее покинуть. Сто лет пройдет стороной – ну и пусть пройдет.

Если я живу с открытыми руками, никакой трудности нет. Тысячи слов, десять тысяч решений лишь удерживают тебя в невежестве. Если вы хотите знать бессмертного в хижине, почему же ты уходишь от этого мешка из кожи?

Я надеюсь, что премьер-министр Индии, Раджив Ганди, отменит запрет на книгу “Сатанинские Стихи” Салмана Рушди. Она абсолютна невинна. Фанатичные мусульмане, которые пытаются уничтожить эту книгу, может быть, даже ее не читали.

Рудольф Салман Рушди родился в Индии в мусульманском вероисповедании, затем переехал в Англию и стал всемирно известной литературной фигурой. Родившись в Индии, он имеет также и все права индийского гражданина. Индийская конституция предоставляет каждому индивидууму, в числе основных человеческих прав, свободу слова и выражения.

В книге Салмана Рушди есть лишь одно упоминание о Мухаммеде, которое совершенно не предосудительно. Он описывает фактическую подробность, которую мусульманские теологи уже многие века как приняли.

Этот случай касается ранней версии Корана, в которой Мухаммед принимает три божества женского пола. Впоследствии он удалил эти стихи о женственных божествах и заявил, что эти стихи были вдохновлены дьяволом. Теперь хорошо известен тот факт, что Мухаммед изменил эти стихи. Если Салман Рушди пишет об этом, это не предосудительно, он просто констатирует факт, который уже принят.

Но возникает гнев, потому что мир узнает, что даже Мухаммед мог быть обманутым дьяволом. Что же с остальными стихами? Если бы он этого не сказал, то и эти остались бы в Коране.

Но Салман Рушди за это не ответствен. Принять ответственность должен сам Мухаммед, а мусульмане должны принять тот факт, что он мог быть обманутым. Но это их ранит. Салман Рушди за это не ответствен. Он просто собрал теологические сведения и включил в книгу “Сатанинские Стихи”.

В Пакистане уже пять человек убито, потому что они стояли у американского посольства. Книга была опубликована в Англии и теперь готовится к публикации в Америке. И они требовали у американского посольства, чтобы ее не публиковали в Америке, “иначе мы разрушим вас”. Просто чтобы защититься от этих фанатичных мусульман, которые ничего не знают о книге, а просто слышали слухи, полиции пришлось открыть огонь и убить пятерых мусульман; это было в мусульманском государстве.

Индия – демократическая страна со светским правительством. Запрет на эту книгу, наложенный Радживом Ганди, показывает страх. Но страхи Раджива Ганди не должны противодействовать конституции Индии, законам Индии. Запрет должен быть немедленно снят.

Именно поэтому я сказал, что, может быть, он сам не читал этой книги, иначе он увидел бы, что это красивый вымысел.

И теперь даже мусульманские ученые выступают на стороне Салмана Рушди. Конечно, все они живут за пределами Ирана. Так называемые религиозные лидеры – самая худшая разновидность мясников. Они готовы убить всякого, кто поднял бы какой-нибудь вопрос. И я сомневаюсь, действительно ли они читали книги, которые осуждают. Я подозреваю, что в этой книге ничего нет, ничего такого, из-за чего в наказание стоило бы убить четырех человек. Это против исламских законов и против конституции Ирана. Но в Иране закон и конституция – это Аятолла Хомейни.

Он должен быть осужден всеми частями земного шара, мусульманскими или нет. Он отнимает у человека одно из прав – и даже это напрасно, потому что книга Салмана Рушди не содержит ничего, порочащего Мухаммеда. Просто констатировать исторический факт, который уже четырнадцать веков принят мусульманскими учеными – не преступление. А он выступает по радио и заявляет: “Долг каждого мусульманина во всем мире – убить этих четырех человек: Салмана Рушди, писателя; человека, опубликовавшего эту книгу; владельца типографии, напечатавшей книгу; и агента, распространяющего книгу. Эти четыре человека должны быть убиты без всякой жалости...”

Салман Рушди скрывается в Англии, он отменил поездку в Америку, куда собирался с целью попытаться создать книге популярность и опубликовать ее там.

Я ждал, прежде чем сказать Радживу Ганди, пока какие-нибудь мусульманские ученые не поднимут голоса в его защиту. И теперь во всем мире слышатся эти голоса.

Я получил новый ответ:

Знаменитые мусульмане, включая бывшего верховного судью Мадрасского верховного Суда, Его Честь Измаил, категорически осудили “смертный приговор” Аятоллы Хомейни, вынесенный автору “Сатанинских Стихов”, описав его как противоречащий всяким законам, включая исламские.

Исламские ученые заявили, что “этот приговор сомнителен даже в теологическом свете, не говоря уже о его законности”.

Хешам Эль-Эсави, спикер английских мусульман, по оценкам составляющих около миллиона населения, сказал: “Каждый, кто исполнит приговор Хомейни, будет повинен в убийстве; мы очень сожалеем о заявлении Хомейни и осуждаем его. Подобные угрозы или любые насильственные отклики на них – не истинные религиозные отклики. Это очень опасный поворот событий, и он обеспечит Рушди сочувствие, даже если оно и не заслужено”.

Британские средства массовой информации также обратились к британскому правительству с просьбой выразить формальный протест Ирану.

Человек должен очень хорошо осознавать фанатичные и фашистские подходы религиозных лидеров. Нужно огромное сознание, особенно тем, кто у власти, чтобы не злоупотреблять ею. Запрет на книгу Салмана Рушди – это злоупотребление властью, и я от всего сердца его осуждаю.

Я не имею никакого отношения к этой книге, или к исламу, или к самому писателю. Меня заботит, чтобы такие случаи не стали прецедентом в разрушении свободы слова, свободы выражения, которые составляют неотъемлемые основы культурного общества, гуманного общества.

Я надеюсь, Раджив Ганди одумается и снимет этот запрет.

И то же самое должны сделать политические лидеры во всем мире, иначе все творчество поэтов, романистов обречено на разрушение. А они – самая соль земли, они – единственные люди, которые что-то создают. Религиозные лидеры, подобные Аятолле Хомейни, ничего не внесли в мир, в его красоту, в его истину, в его культуру, в его цивилизацию. Они только разрушают. Но они разрушают, прикрываясь именем Бога, а бедный Бог не может сказать даже, что его не существует.

Второе, что я собирался вам сказать, прежде чем перейти к вопросам саньясинов: я узнал, что китайские саньясины немного расстроились, потому что, кажется, я назвал японцами некоторых дзенских мастеров, которые на самом деле были китайцами, и их это беспокоит.

Я – не очень осведомленный человек. Когда я говорю, то не опираюсь ни на какие сведения, я опираюсь на собственную трансформацию. Я знаю, что дзен не принадлежит ни к какой стране, поэтому для меня неважно, китайцы они, японцы или индийцы. По крайней мере, дзен не должен быть ограничен никакой страной, никакой расой, никаким языком. Он принадлежит всей вселенной. Так зачем поднимать вокруг этого шум?

Я никогда не читал сутр. Сутры находит Маниша; я же просто спонтанно говорю. Меня заботит дзен, не Китай или Япония. И вы увидите, что сам Секито говорит: “Я не принадлежу востоку, я не принадлежу западу, я не принадлежу югу, я не принадлежу северу”. Если даже дзен станет ограничиваться определенной расой, языком, частью земли, это будет не дзен.

Вам это должно быть совершенно ясно. Я – не ученый, не знающий человек, не сведущий человек. То, что я говорю, – отклики из

мгновения в мгновение. И мое видение дзен состоит в том, что он принадлежит всей вселенной.

Поэтому не беспокойтесь. Хорошо, что вы расстроились. Я люблю расстраивать людей. Неужели вы не видите, из-за какой мелочи расстроились? Какое значение имеет, где родился Секито: в Китае или в Японии?

Я не принадлежу Индии, я принадлежу этой безграничной вселенной, и я хочу, чтобы вы тоже принадлежали этой безграничности. Зачем быть скованными маленькими тюрьмами, созданными политиками и священниками?

Все мое усилие здесь – в том, чтобы привести вас обратно в безграничность, бесконечность и вечность вселенной. А вы все думаете о Китае, Японии и Индии? А в самом Китае есть много государств, и в каждом из государств – много районов, а в каждом районе – более мелкие территории...

Дзенский мастер – это просто дзенский мастер. Он принадлежит дзен, не Китаю, не Японии, не Индии. Я бы хотел, чтобы вам это было ясно. Границы нужно отбросить. Зачем цепляться за такие мелкие, бессмысленные, посредственные вещи? Почему не открыться всей вселенной, этому безграничному небу, запредельному? Дзен принадлежит запредельному.

Не будьте посредственностями. Я не хочу, чтобы мои саньясины были посредственностями. Я хочу, чтобы мои саньясины были гражданами вселенной.

Первый вопрос:

Теперь, когда мы свободны от концепции Бога, не склонно ли наше вновь обретенное достоинство, о котором ты говорил на днях, запутаться в эго?

Вы не запутаетесь в эго, потому что эго – часть вашего ума, точно как частью вашего ума является Бог. То и другое – вымысел; они родственники. В то мгновение, как вы отбрасываете Бога... Если вам хватит духу отбросить Бога, несомненно, вам хватит духу отбросить и эго – это меньший Бог, внутри вас. И как только большой брат умер, небольшой двоюродный брат тоже умрет. Сначала вам нужно убить большого брата; это его отражение в вас. Ваш Бог – эгоист, *архиэгоист*, и он дает вам идею эго.

Не путайте достоинство и эго. Достоинство очень скромно, очень просто, очень невинно; оно принадлежит деревьям. Когда они цветут весной, просто смотрите и наблюдайте их гордость, их достоинство. Просто понаблюдайте за павлином, когда он танцует. Эти психоделические цвета, этот прекрасный танец... есть ли, по-вашему, в этом какое-то эго? Но, безусловно, в этом есть достоинство.

Достоинство – это совершенно другое явление, это самоуважение. Эго – это главенствование над другими. Достоинство – это значит стоять на собственных ногах, независимость, свобода; это не главенствование над другими. В то мгновение, когда ты начинаешь думать о главенствовании, ты падаешь в ловушку эго. А Бог – величайшее из всех эго, потому что он создал все, он главенствует над всем. Он присутствует везде, он всемогущ. И его отражение в священниках... Папа претендует на то, что он непогрешим. Вот это – эго.

Человек достоинства, человек самоуважения не скажет таких вещей. Безусловно, он держится прямо, и, в своем достоинстве, держит голову высоко. Он не ходит как раб, сдавшийся, подчиненный. Он ходит как лев и рычит как лев. Но это свойственная тебе и неотъемлемая энергия, и в ней не найдется ни тени эго.

Если ты способен убить Бога, безусловно, ты способен и убить его образ в себе. Фактически, в то мгновение, как Бога больше нет – внезапно ты будешь удивлен. Куда девалось эго? Если луны не станет, исчезнет и ее отражение в озере.

Для меня, эго – это отражения одной луны в разных прудах, в разных озерах, в разных океанах, в разных реках – миллионы отражений. И, фактически, пока сохраняется луна, удалить отражения нельзя.

И поэтому я непосредственно бью по голове Бога. Дзенские мастера били по головам своих бедных учеников. Я бью сам источник, из которого возникает эго. Стоит лишь удалить Бога, и не найдется никакого эго; оно было только отражением.

В Библии говорится: Бог создал человека по собственному образу. Это стало причиной эго. Вы – величайшее творение в существовании, потому что Бог создал вас по собственному образу, создал животных, чтобы вы их ели. Именно ваши религии, писания говорят вам разрушать экологию существования, говорят вам уничтожать прекрасных животных, которые окружают вас радостью и изяществом. Но Бог говорит в своих священных писаниях: “Я создал все, чтобы вы этим пользовались”. Он дает вам первый побудительный мотив для эго.

Стоит только удалить Бога, и немедленно окажется, что и вашего эго тоже больше нет. Оно было тенью, отражением Бога. И тогда вы найдете совершенно новое явление, достоинство, которое не состоит в главенствовании над другими, которое не является превосходством над другими. Это просто радость того, что существование вас любит, существование вас создает, существование в вас нуждается, вы не случайны. Это придает вам достоинство, оказывает вам честь, не зависит ни от кого другого. Это исходит из глубочайшего ядра вашего собственного существа.

В то мгновение, когда ты находишь себя экзистенциальным, находишь, что принадлежишь всему космосу, а весь космос принадлежит тебе, в твоём существе возникает неизмеримое великолепие: гималайские вершины сознания, тихоокеанские глубины сознания. Это приносит тебе львиный рык.

Ты впервые осознаешь, что не раб.

Ты впервые осознаешь, что ты – не рукотворное творение.

Впервые ты осознаешь, что существование – твой дом, что ты не посторонний, и существование в каждое мгновение питает тебя.

Наверное, есть определенная цель, определенное достоинство в том, что существование пытается посредством тебя достичь определенных высот сознания, определенных высот любви, определенных высот сострадания, понимания, мудрости, просветления. Существование старается всеми возможными способами создать будду в твоём глубочайшем внутреннем существе. В то мгновение, как ты – будда, есть достоинство, без всякого превосходства.

Достоинство есть в цветке розы. Думаете ли вы, что он имеет над кем-то власть? Он так деликатен, так уязвим, но в нем есть безмерное достоинство. Когда он танцует на солнце, под дождем, на ветру, он знает, что существование создало в нем одно из красивейших творений.

Достоинство возникает из медитации.

Эго возникает из ума.

Таким образом, не волнуйся об этом.

Медитация об этом позаботится.

Ты не станешь эгоистом, это невозможно.

Второй вопрос:

В первой лекции этой серии, “Бог умер, и теперь дзен – единственная живая истина”, ты сказал: “Существование в вас нуждается”. Для меня это похоже на новое верование, потому что я этого не знаю.

Я не говорил тебе верить; я сказал: не относись к этому недоверчиво. Это мой опыт, я им с тобой делюсь. Ты не должен в него верить, как не должен и относиться к нему с недоверием. Следует просто исследовать его самому. Нужно проникнуть в те же глубины, подняться к тем же высотам, о которых я говорю, достичь того же центра собственного существа. Тогда вы поймешь, не будешь верить. Ты будешь это *знать*. Ты нужен существованию, иначе тебя бы не было.

Зачем ты здесь? Зачем существованию делать себе труд вечно поддерживать в тебе жизнь?

Но если ты начнешь верить в мои слова, то поймешь меня неверно. Я здесь не для того, чтобы создать в вас ту или другую систему верований. Что бы я ни говорил, это не следует как принимать на веру, так и принимать с недоверием. Это следует просто понять и исследовать. Поищи внутри себя то, что я говорю, и посмотри, истинно ли это. Испытай мои слова. Я знаю, что когда ты их испытаешь, то это приведет тебя к опыту.

Я не обращаю вас ни в какую теологию, верование, философию. Я не занимаюсь этим грязным делом. Всюду в мире достаточно миссионеров, которые это делают. Я разрушаю ваши верования, а ты хочешь начать верить в меня?

Пожалуйста, не верь в меня! Верить в кого бы то ни было, включая и меня – есть невежество. Просто слушай меня, а затем подвергни все, что ты услышал и понял, испытанию огнем. Двигайся в исследование. Я не хочу, чтобы ты верил, потому что знаю, что говорю истину. В нее не нужно верить, нужно просто исследовать и найти ее.

Люди, которые говорят вам верить – например, Иисус, который постоянно говорит людям: “Верьте в меня”, – сами не уверены в своей истине. Если бы он был уверен в своей истине, он никогда не стал бы настаивать на веровании. Он сказал бы: “Исследуйте. Открывайте. Ищите”. Я просто даю вам побудительный мотив, чувство направления, в какую сторону двигаться. Затем вы находите сами. Поскольку это истина, вам предстоит ее найти, и вы ее найдете. Верить приходится только в ложь.

Таким образом, все эти мессии, пророки и инкарнации Бога, втянувшие вас в верование, разрушают истину. Они уводят вас от внутренней реализации. Они уводят вас прочь от природы будды, от собственной природы, от собственной истины.

Мое усилие здесь совершенно противостоит всем этим мессиям, аватарам, тиртханкарам, всем этим пророкам, всем этим посланникам. Моя работа не только отличается, но и абсолютно противоположна им. Они создают ложь. Я разрушаю ложь, потому что знаю истину. И я знаю, что если вы поищите, – я абсолютно в этом уверен, – то найдете.

Так почему я должен настаивать на веровании? Только люди, не уверенные в собственном опыте, тревожатся о том, что если вы пойдете глубже вовнутрь, то можете не найти того, о чем они говорят, и настаивают на веровании.

И вы никогда не входите. Как только вы начинаете во что-то верить, все поиски прекращаются. Именно поэтому я хочу, чтобы вы были открытыми, – никаких систем верования. Просто войди в исследование в собственное сознание, и все, что истинно, все, что красиво, – ты это найдешь. Ты осознаешь, став центрированным в собственном существе, что ты нужен существованию, потому что вы – не

что иное, как проекции существования, руки существования, тянущиеся к звездам.

Эволюция сознания – это лишь величайшая амбиция существования, и оно возложило на вас величайшую ответственность.

Поднимитесь над умом, который является продуктом общества. Поднимитесь надо всем, что вам навязали другие, всем, что не подлинно вам. Попробуйте найти, кто такие вы сами, в своем глубочайшем внутреннем ядре, которое никогда не меняется. Тело непрерывно меняется, от детства к юности, от юности к среднему возрасту, от среднего возраста к старости, от старости к смерти.

Ум движется еще быстрее. Он меняется с каждым мгновением. Утром он один, вечером другой. Но позади ума и тела есть некое пространство, которое абсолютно вечно и остается прежним, будь тело ребенком или стариком, жив ты или мертв. Это не имеет значения для глубочайшего внутреннего сознания. Это единственная истина, и, реализовав ее, ты увидишь, насколько нужен существованию.

Вы – величайшие потенциалы на пути к тому, чтобы стать Гаутамой Буддой.

Теперь – сутры:

*Наш Возлюбленный Мастер,
“Песня Травяной Хижины” Секито.*

Я строю хижину из травы, внутри которой нет мирского сокровища. Я ем и сплю естественно и легко. Когда я построил хижину, тростник был новый. Когда хижина изнашивается, я заново покрываю ее тростником. Человек, живущий в хижине, всегда дома.

Он говорит о теле; хижина – только символ. Человек, живущий в ней – всегда дома. Это даст вам ключ к тому, что хижина – только символ, в противном случае, человеку приходилось бы выходить за едой, за водой. Но этот человек всегда остается дома.

“Он не принадлежит ни внешнему, ни внутреннему” – как он может принадлежать Китаю или Японии?

“Я не живу там, где живут обычные люди...” – Где живут обычные люди? – в теле, в уме. Секито говорит: “Я не живу там, где живут обычные люди; я не люблю то, что любят обычные люди”. Что любят обычные люди? – деньги, власть, престиж.

Секито говорит: “Я тоже люблю, но не так, как любят обычные люди, не те объекты, которые любят обычные люди. Я люблю их субъективность. Я люблю их субъективность, потому что знаю свою собственную. Точно так же, как всегда дома я, всегда дома и они. Может быть, они это знают, может быть, нет. Я люблю не их тела. Я люблю не их умы, но люблю то, что за пределами их тел и умов”.

Я люблю не так, как любят они. Они всегда любят с условиями, условиями и условиями. Они разрушают саму любовь, потому что к ней присоединено столько условий. Я просто люблю, потому что любить – в моей природе. Я пришел к точке, в которой меня переполняет любовь. К ней не присоединяется никаких условий”.

Если вы принимаете любовь Секито – или мою любовь – вы обязываете меня или Секито. Вы были свободны принять ее или нет, но вы приняли ее с радостью. Вы не должны быть благодарны мне или Секито. Я должен быть благодарен вам. Я был слишком полон любви, и появились вы, и освободили меня от бремени. Я должен чувствовать себя обязанным, и я глубоко вам благодарен.

Хотя хижина и мала, она содержит всю дхарму мира.

Хижина мала в том смысле, что она у вас внутри, но в то мгновение, как вы реализуете – не как концепцию в уме, но как действительный опыт за пределами ума – внезапно вы видите, что самый малый уголок вашего существа содержит *дхарму* мира, весь мир природы, все существование. Небольшое семя содержит так много, оно может сделать всю землю зеленой. Ваш небольшой центр содержит столько, что им можно наполнить всю вселенную. Как только вы это знаете, вы это знаете; это не имеет ни ограничений, ни границ.

Человек дзен хорошо это понимает, – что, хотя хижина и мала, она содержит все существование. *Бодхисатвы высшей передачи не имеют в этом ни малейшего сомнения, но посредственные неизбежно сомневаются.* А мир полон посредственных людей.

Как раз сегодня кто-то написал против меня статью, – в качестве примера посредственного ума, – потому что я послал Радживу Ганди телеграмму. В ней говорилось, что если вы хотите быть действительно честным и искренним, отбросьте все свое оружие, выбросьте вооружения в океан, и пусть армии будут распущены. Отправьте всех этих людей в поля, сады, огороды, фермы, чтобы творить и работать.

Эта телеграмма была ответом на его обращение к международному собранию ученых, в котором он им говорил, что не нужно никаких наций, не нужно никаких границ, не нужно никакого оружия, не нужно никаких войн. Моя телеграмма была просто попыткой его спровоцировать и вернуться в фокус – “Можешь ли ты это сделать сам? А если не можешь, у тебя нет права говорить это делать другим”.

Я просто разъяснял ему, что он сам не способен это сделать. Никто другой не способен это сделать, и по той простой причине, что все боятся вторжения. Но если ты не способен это сделать, то должен понимать, что этого не может и никто другой. Тогда не говори ерунды.

Моя телеграмма к нему не была воззванием выбросить оружие в океан и распустить армии. Я просто попытался проверить его уровень разума. Он не ответил, потому что прекрасно знает, что сделать этого нельзя.

Он просто подражает Махатме Ганди. Махатма Ганди сказал Луи Фишеру... – американскому писателю, который жил при Ганди и работал над его биографией. Луи Фишер спросил Махатму Ганди: “Что вы собираетесь делать со всем оружием, поскольку вы ненасильственны и проповедуете ненасилие? Что вы будете делать с вашими армиями? Что будет с вашими фабриками, производящими огромное количество оружия?”

И без всякого колебания Махатма Ганди ответил: “Я выброшу оружие в океан, распушу армии и позволю солдатам вернуться к своей работе. Нам не нужны армии, нам нужно больше людей, сильных людей, чтобы создавать больше еды, больше одежды”.

На это возникает очевидный вопрос, и Луи Фишер его задал: “Что будет, если в вашу страну вторгнется другая?”

И Махатма Ганди, без всякого колебания, ответил: “Мы примем завоевателей как гостей, мы им скажем: ‘Если хотите жить в этой стране, добро пожаловать’”.

Раджив Ганди просто подражает Махатме Ганди. Очень приятно говорить красивые слова, но суть в том, что даже сам Махатма Ганди не сдержал собственных обещаний. Он был первым, кто благословил три самолета, полных бомб, когда они летели атаковать Пакистан. В его дом, где он в жил в Нью-Дели, в Бирла-хауз, – которым владеет одна из самых богатых семей Индии... пришли. Он говорил о бедности, а жил в Бирла-хаузе, во дворце...

И три самолета, прежде чем лететь в Пакистан, приблизились, как это было только возможно, к этому дому, чтобы получить благословение Махатмы Ганди. И он вышел из дома и благословил: “Идите и побеждайте”. Получив благословение от него, стоящего в саду Бирла-хауза с поднятой рукой, эти три самолета были первыми из атаковавших Пакистан. И это тот самый человек, который несколькими годами раньше говорил о том, чтобы выбросить оружие в море и принимать захватчиков как гостей.

Таким образом, я просто провоцировал Раджива Ганди, чтобы он пришел в чувство: “Не говори ерунды”. Как гражданин этой страны, я имею полное право попросить премьер-министра этой страны не говорить ерунды. Если он честен, он должен ответить мне и попросить прощения за те вещи, которые сказал на международной конференции ученых – или сделать то, что сказал!

И вот какой-то человек написал против меня целую статью, говоря, что я предлагаю Радживу Ганди выбросить оружие и распустить

армии. “Что же будет, если кто-нибудь на нас нападет? – спрашивает он меня. – Вы что, с ума сошли?”

Я ответил ему, что пусть сперва подумает о Ганди. Не сошел ли с ума он? А вы сами не семи пядей во лбу, если не смогли разобрать смысла телеграммы. Вы – посредственность. У вас недостаточно способностей, даже чтобы понять, что телеграмма не была призывом, она была ответом на его абсолютно вздорное обращение к международной конференции.

И всего через несколько дней он стал сам себе противоречить. Теперь он обращался к индуистским шовинистам. Теперь он сказал: “Мы должны сохранить наше национальное наследие”. А четырьмя днями раньше он говорил: “Все границы между нациями должны быть рассеяны”. Откуда же теперь взялось это национальное наследие? А если ты собираешься сохранять собственное национальное наследие, почему другие должны рассеивать свои национальные наследия? – “Мы должны быть патриотами!”

У политиков столько масок. Я просто пытался стащить с него маску и позволить ему увидеть собственное оригинальное лицо. Но этот идиот, написавший статью, даже не понял смысла телеграммы. Она была против Махатмы Ганди, она была против Раджива Ганди. Она была против всех политиков, которые говорят одно, а делают прямо противоположное.

Но именно так и было с тех пор, как человечество стало расти на этой планете. Посредственные неизбежно сомневаются, они не могут понять. Только бодхисатвы, потенциальные будды... в этом смысле слова *бодхисатва*. Все вы – бодхисатвы, потенциальные будды в семене, в сути.

Поэтому, когда вы входите в самый свой центр в медитации, я начинаю называть вас буддами. В этот конкретный момент вы – будды. Вы снова упадете и станете бодхисатвами, но, мало-помалу, вы начнете ощущать различие между бодхисатвой и буддой. Я хочу, чтобы это расстояние исчезло. Бодхисатва превращается в будду, растворяется в будде. Только будды точно знают, что такое истина. Только они способны не понимать неправильно.

“Если бы меня спросили, – говорит Секито, – будет ли эта хижина разрушена, я ответил бы, что этот предмет по своей природе и разрушим, и неразрушим”.

Теперь вы можете понять ясно: он не говорит ни о какой хижине. Он говорит: “Разрушится эта хижина или нет, неважно”. Тот, кто в

ней живет, субъект,* ваше глубочайшее сознание, живущее в теле, никак не затронуто тем, разрушима хижина или нет.

Даже в смерти вы никогда не умираете.

Даже в рождении вы никогда не рождаетесь.

Вы всегда были здесь. Рождение и смерть случались много раз, лишь небольшие эпизоды в долгой жизни, из вечности в вечность.

Я не живу ни на севере, ни на юге, ни на западе, ни на востоке.

Где находится Китай? Куда я должен поместить этого парня, Секито? Если я не нахожу никакого другого места, то помещаю людей в Японию, потому что это самое населенное место в мире – ни одного свободного клочка земли! И вот я еще увеличиваю сутолоку.

Поэтому не волнуйтесь. Волноваться должна Япония – о чем волноваться вам? Надеюсь, рано или поздно император Японии выступит с протестом: “Ты отправляешь слишком много людей в Японию, мы уже и так перенаселены”.

Токио – самый перенаселенный город мира. Японцы создают искусственные острова, потому что им некуда деваться. Это маленькая страна, и после второй мировой войны произошел огромный рост населения. Это всегда случается после войны, потому что природа тут же восстанавливается. Видя Хиросиму и Нагасаки, видя, что столько людей погибло, природа тут же спешит и начинает приносить больше и больше детей. Хорошо известен факт, что после каждой войны происходит взрыв рождаемости. Внезапно они рождаются и рождаются. Становится трудно их остановить.

И в Японии был огромный взрыв рождаемости. И японские дети действительно красивые. То, что происходит с ними впоследствии – это трагедия. Японские дети такие красивые. Не думаю, что где-нибудь еще в мире рождаются такие красивые дети – точно как японские куклы. Но что-то идет не так. Когда они растут, вся красота начинает исчезать. Потом они выглядят как крысы, но очень опасные крысы. Я всегда недоумевал, что происходит: такие красивые дети внезапно исчезают.

Я люблю Японию из-за этих детей. И я люблю Японию и из-за второго рождения, когда человек снова становится ребенком... эти дзенские мастера.

Человек дзен принадлежит вселенной, не югу или западу, востоку или северу.

Фундамент этой хижины очень прочен. Под зеленой сосной ясно окошко хижины – с этим не сравнится и золотой дворец.

* Англ. subject: 1. предмет; 2. субъект. – Прим. перев.

Мне это напоминает древнюю притчу...

Бедный человек в своей хижине... поздняя ночь, хижина так мала, что в ней могут спать только муж и жена. Для них достаточно места, больше места нет.

Кто-то стучится в дверь...

Идет сильный дождь, ночь темная – может быть, кто-то заблудился. Они живут далеко в лесу.

И муж сказал жене:

– Открой дверь.

– Но у нас нет места, – сказала жена.

– Это не дворец, это хижина бедняка, – сказал муж, – в ней всегда найдется место. Место трудно найти только во дворцах.

Жена сказала:

– Ты всегда говоришь странные вещи. Сейчас поздняя ночь, и, наверное, этот человек промок до нитки. Льет проливной дождь, а ты хочешь, чтобы он вошел?

– Да, просто открой дверь, – сказал он. – Никто не должен уходить от моей двери!

И вот женщина неохотно открывает дверь, потом спрашивает:

– Что нам делать?

– Нет никакой проблемы, – говорит он. – Мы лежали, теперь будем сидеть. Для трех человек здесь достаточно места, чтобы сидеть; мы будем разговаривать. Много дней мы не видели никого из города, может быть, он расскажет нам какие-нибудь новости, мы поболтаем. Ночь длится недолго – половина уже прошла, пройдет и другая.

И человек входит, и они садятся. Человек оглядывается и видит, что вторгся в их личное пространство – места нет. Но нельзя и уйти, такой сильный дождь, и так темно, и он сбился с пути. И он говорит:

– Простите меня.

– Нет никакой проблемы, – говорят они. – Это не дворец, это хижина бедняка. В ней всегда достаточно места.

И они начинают разговаривать, и внезапно еще один человек стучится в дверь. Незнакомец сидел ближе всех к двери, и хозяин дома сказал:

– Открой дверь.

– Что? – сказал незнакомец. – Но здесь же нет места!

– Если бы я послушался жену, – ответил хозяин, – которая говорила, что здесь нет места, сюда не попал бы и ты. Места достаточно, просто нам придется сесть немного теснее. И тебе, для которого нашлось место, не следовало бы возражать.

Неохотно человек открыл дверь, и вошел еще один человек. Он сказал:

– Простите меня, но мне некуда больше деваться. Свет из вашей хижины был моей единственной надеждой. Я шел всю дорогу, глядя

только на вашу хижину – немного света из окна. Простите мое вторжение.

Человек сказал:

– Ты нас не беспокоил. Мы можем сесть теснее, и тогда нам будет теплее. Ты промок насквозь, и тебе, должно быть, холодно. Чем больше людей внутри, тем теплее нам будет. Садись поближе.

Теперь и этот новый незнакомец сел у двери, и к двери подошел осел и постучался в дверь головой.

Человек сказал:

– Пожалуйста, открой дверь, потому что я знаю, что этот осел любит меня. Он всегда ко мне приходит. И когда ему трудно, бедняге некуда деваться. Открой дверь.

Второй незнакомец, сидящий ближе всех к двери, сказал:

– Как? Впустить осла?.. Но ведь нет места!..

Человек сказал:

– Эта проблема была, но место находилось. Мы найдем место, не беспокойся. Мы сидим, теперь мы встанем, а осел сможет встать посередине – он такой очаровательный философ. Мы будем наслаждаться его обществом.

– Ты очень странный чудак, – сказали двое незнакомцев.

– Да, это так, – ответил он. – Иначе не вошли бы сюда и вы. Моя жена абсолютно рациональна, она бы никого не пустила. Поэтому, пожалуйста, откройте дверь. Это моя хижина, и вы не должны забывать, что вы в ней только гости. Пришел еще один гость. Откройте дверь.

И дверь открыли, но очень неохотно, сердясь, что впускают осла. И осел вошел и встал между ними, и все эти люди встали.

– Видите теперь, – сказал этот человек, – как просторна хижина бедняка?

– Дело не в хижине, – продолжал он, – дело в сердце. Если у вас в сердце есть место, есть место и в хижине. Во дворцах в сердце нет места, и именно поэтому дворцы стоят пустые, и в них нет места. Двери бы не открылись для вас.

У этого бедного осла не было ни малейшего шанса войти во дворец, но хижина бедняка уважает каждого.

И он говорит: *“Фундамент этой хижины очень прочен. Под зеленой сосной ясно окошко хижины – с этим не сравнится и золотой дворец”*.

Фундамент построен на камне. Вы знаете Секито – он жил на камне, вот почему он стал известен как Каменная Голова. Его наголо бритая голова выглядела точно как камень, и он всегда сидел на камне. И только потом мастер Нангаку приказал своим людям построить для него хижину – вокруг него, потому что он был такой чудак, что даже не сдвинулся бы с места.

Таким образом, фундамент действительно крепок. Это был плоский камень, и он продолжал на нем сидеть, пока люди Нангаку строили вокруг него хижину. Он ничего не говорил – строят они или нет, он не обращал на это никакого внимания.

Один человек сообщил Нангаку: “Этот человек очень странный. Мы строим вокруг него хижину, а он даже не осведомился о том, что мы делаем”.

Нангаку сказал:

– Я его знаю. Даже когда он еще не был просветленным, он был очень странным. А теперь, когда он стал просветленным, он самый странный из людей. Но закончите работу; не беспокойтесь о нем, не бойтесь его. Он очень мягкий сердцем человек, только голова у него твердая, как камень.

Он прав. Если вы действительно живы, даже маленькая хижина с окошком постоянно дает вам рассвет, закат, луну и целое небо, полное звезд, прекрасные сосны, – аромат сосен наполняет хижину. Кому нужны дворцы?

Он говорит, что человек сознания, где бы он ни был, живет во дворце. Его дворец – все это небо. Его фундамент абсолютно прочен, его центр абсолютно прочен. И неважно, где он находится. Где бы он ни был, он – император. Где бы он ни был, он живет во дворце.

“Когда я укрываюсь старым одеялом, все устанавливается. Нет ни солнца, ни луны, ни неба, ни звезд – все просто исчезает, мира больше нет. В то мгновение, когда я укрываюсь старым лоскутным одеялом, все устанавливается. Тогда я ничего не понимаю”.

В этом красота дзенского мастера. Он может принять свое невежество. Он может принять: “Я ничего не знаю”.

Из этого не-знания возникает безмерная мудрость.

Из этого невежества возникает невинность.

Из этого не-знания, из этой темноты не-знания приходит свежий рассвет. Это не-знание – не не-знание посредственного человека. Это не-знание – за пределами ума.

Ум может быть знающим, ум может быть не-знающим, – это возможности ума. Но за пределами ума можно только сказать: “Я есть”. Или, может быть, даже “я” не нужно, может быть, “есть” тоже не нужно, есть лишь существование.

Тавтологией было бы сказать, что “существование есть”, потому что *естьность* – и есть то, что подразумевается под “существованием”. Поэтому, просто *естьность*, чистая *естьность*, совершенно непотревоженная знанием, сведениями... Но красота ее и чистота – вне всех пределов. Это изобильное цветение всех качеств, которые человек всегда лелеял, на которые надеялся, о которых мечтал, которые стремился воплотить в реальность. Но они приходят из невинности. Все эти цветы, все эти лотосы расцветают из не-знания.

Зеркало ничего не знает, но когда вы подходите и становитесь перед зеркалом, оно тотчас же откликается, отражает. Дзенский мастер действует таким же образом. Вы задаете ему вопрос... его не наполняют знания и заранее заготовленные ответы. Вы задаете ему вопрос, и, точно как зеркало, он отражает ваш вопрос. Ответ приходит из незнания. Он не приходит из писаний, он приходит из абсолютной осознанности и спонтанности.

Живя в этой хижине, я больше не ищу никаких решений.

Человек, который ушел за пределы сомнений, не имеет верований, вопросов, ответов. Он просто есть, и эта *естьность* – предельное цветение вашего потенциала.

Кто станет их гордо выкладывать на витрину для продажи? Человек, который стал буддой, человек, который стал просветленным, может делиться с вами всем, что у него есть, но ему нечего продавать.

Все религии продают. Они продают Бога, они продают прекрасные места в раю, они продают банковские счета в раю. Они продают все и кладут ваши деньги к себе в карман. А вы не получаете ничего и ничего не знаете о том, что случится после смерти. У вас даже нет квитанции, чтобы предъявить Богу: “Я внес столько-то денег посредством такого-то священника. Где мой банковский счет? Он даже не дал мне номера счета”. Никто ничего не знает.

Определенно лишь то, что все, что вы даете священнику, оказывается у него в кармане. Дальше этого никогда не идет. И как священник может ухитриться сделать большее? Он сам не знает адреса Бога. Куда послать?

Он просто продает вещи, которых не существует. Но поскольку он дает вам надежду и утешение в том, что будет после смерти, вы хорошо себя чувствуете, покупая что-то, что пригодится в долгом путешествии после смерти. Кто знает, может быть, он прав. По крайней мере, огромное утешение – знать, что вы подготовлены. Вы сделали домашнюю работу, вы можете войти в темноту смерти. Это туннель, и приведет ли он куда-нибудь, вы не имеете ни малейшего понятия. Но, по крайней мере, пока вы живы, вы отбрасываете страх смерти. Священник дает вам утешение, вы даете ему деньги.

Бог продан. Все церкви, все конгрегации, все религии продают Бога. Это – самые опасные люди – в том смысле, что они дают вам надежды, которые никогда не осуществляются, дают вам утешения, в которых вы полностью разочаруетесь.

Таким образом, я не хочу давать вам никакой надежды, никакого обещания. Я просто хочу, чтобы вы исследовали сами. Если вы сможете что-нибудь найти, хорошо. Если вы ничего не можете найти, я

бессилен. Но я знаю, что если вы станете искать достаточно глубоко, то обязательно найдете. Если нашел я, если нашел Секито, тогда нет проблемы и ни для кого другого. Каждый человек рождается бодхисатвой. Дело лишь за тем, чтобы превратить семя в растение, и тогда розы расцветут сами собой.

Когда приходит вечер и садится солнце, я возвращаюсь в хижину. Мое существо так безгранично, что нет никаких разделений. Встретившись в близости с мастером, передавшим учение, я построил хижину из травы и не помышляю о том, чтобы ее покинуть. Сто лет пройдет стороной – ну и пусть пройдет. Он прожил сто лет – целый век.

Но он говорит: “Я никуда не иду и не покидаю хижину. Я полностью удовлетворен. Нет необходимости в том, чтобы отправляться куда-то на поиски. Я нашел; это со мной”. И сто лет прошло стороной, но Секито остается почти ребенком. Эти годы не оказали на него развращающего влияния. Он остался *tabula rasa*, чистой грифельной доской, и на ней ничего не было написано. Совершенно пустой, никто в особенности – но ему удалось достичь сотен людей, найдя свой скользкий путь.

Определенный магнетизм возникает вокруг просветления, и те, кто ищет, зная или не зная, подвергаются его притяжению, иногда вопреки самим себе. Они сами того не желают, но что-то оказывается сильнее их желаний или нежеланий. Откуда-то приходит какой-то вызов, и они начинают двигаться.

Вы можете видеть здесь людей со всей земли, из всех ее уголков, а я – самый осуждаемый человек, самый ославленный человек во всем мире. Почему вы должны быть здесь? Все правительства против меня, все религии против меня, все нации против меня, но это вас не останавливает. Вас притягивает что-то более сильное. Вы пришли; противиться было невозможно. И как только вы пришли, трудно уйти прочь.

Даже если вы уйдете, вы унесете меня с собой – не в багаже, но в сердце, потому что багаж много раз теряется. Не доверяйтесь багажу. И мне бы не хотелось быть в чемодане. У меня самого их нет!

Все чемоданы – у Авирбхавы. Она носит мои вещи в чемоданах – их всего восемнадцать. Мне интересно, где живет она сама, если в ее комнате восемнадцать чемоданов. Может быть, она кладет ноги на один чемодан, а голову на другой?.. Да?

(Мастер поворачивается к Авирбхаве, которая вскрикивает от удивления и подсакивается на сиденье. Подняв брови и усмехаясь, он наслаждается этой ситуацией несколько секунд.)

Если я живу с открытыми руками, никакой трудности нет. Тысячи слов, десять тысяч решений лишь удерживают тебя в невежестве. Если ты хочешь знать бессмертного человека в хижине, почему же ты уходишь от этого мешка из кожи?

Ваш мешок из кожи, ваше тело, ваша хижина содержит будду. Если вы действительно хотите жить без всяких проблем и решений, без всяких вопросов и ответов, просто чистой невинной жизнью, ничем не потревоженной – тогда не идите больше никуда. В самом этом мешке из кожи, в самом этом теле – будда, само это место – рай лото-сов.

Утверждения Секито безмерно красивы. Название “Песня Травяной Хижины” Секито абсолютно им подходит. Это действительно песня, полная огромного достоинства и огромной радости.

Исса написал:

*У меня совсем ничего нет –
Но этот покой!
Эта прохлада!*

Может быть, он писал для вас. Просто наблюдайте этот покой, эту прохладу, – у меня совсем ничего нет. Но, чтобы был этот покой и эта прохлада, вам ничего и не нужно. У вас есть все! Внутри вас есть целая вселенная; в капле росы – целый океан, в семени – вся зелень земли.

“У меня совсем ничего нет!” – Исса прав. Он ничем не владеет, но его окружает великий покой и эта прохлада, глубоко проникающая в центр существа. Там присутствует этот покой, вы можете почувствовать эту прохладу.

Исса вложил весь дзен в одно небольшое хайку.

*У меня совсем ничего нет –
Но этот покой!
Эта прохлада!*

Вопрос Маниши:

Наш Возлюбленный Мастер,

У Алана Уоттса была новаторская идея о том, как нужно отмечать пасху. “Каждое пасхальное воскресенье нужно праздновать торжественным и почтительным сожжением священных писаний, – предлагает он, – ибо весь смысл воскресения и вознесения Христа на небеса (которые внутри вас) состоит в том, что богочеловечество должно быть открыто здесь и сейчас, внутренне, не в букве Библии.

Что ты думаешь об этой идее?

Просто потрясающе!

Маниша, настало время Сардара Гурудаяла Сингха. Зажгите свет! Я хочу видеть, как мои люди смеются, празднуют.

В Ленинграде, в Советской России, Свидетелям Иеговы велели выстроить себе особенную церковь под названием Холл Царства. Первая служба, после множества криков, воплей, обмороков, проповедей и назиданий, благополучно завершилась.

Потея и спотыкаясь, старая бабка Ботович становится перед Холлом Царства. Она простирается перед гигантской статуей Иисуса, прибитого к кресту, потом поднимает голову и запечатлевает на ногах Христа долгий влажный поцелуй.

Офицер Молотов из КГБ пристально наблюдает за бабкой Ботович из-за занавески. Он подходит к старухе и говорит:

– А поцеловали бы вы так же ноги нашему великому вождю, Михаилу Горбачеву?

– Безусловно, – отвечает она, – если бы вы так же прибили его гвоздями!

Дверь пивной распахнулась, и на пороге появился Чикен Чоппер с незажженной сигаретой, свисающей из угла рта. Он подошел к стойке бара, где Дик Пуллер курил сигару и пил пиво.

– Зажигалка найдется? – спросил Чикен.

– А иди ты!.. – сказал Дик Пуллер.

– Вот тебе на! – воскликнул Чикен. – Я же только зажигалку попросил!

– Я тебя слышал, – отрезал Дик. – От...ись!

– Ладно тебе! – закричал Чикен. – Почему ты не дашь мне зажигалку?

– А потому, – ответил Дик, – что тогда ты купишь мне выпивку. Потом я куплю выпивку тебе. Потом мы оба напьемся. Потом мы станем друзьями. И тогда я приглашу тебя к себе домой. Будет уже слишком поздно, чтобы ты возвращался к себе, так ведь?

– Ну, пожалуй, да, – ответил Чикен. – Может быть.

– А моя дочь – настоящая красавица, – продолжал Дик, – и ты ведь захочешь с ней спать, разве нет?

– Да, естественно! – воскликнул Чикен.

– А потом, – продолжал Дик, – она ведь забеременеет, да?

– Да! – вскричал Чикен.

– Но ты же на ней не женишься, правда? – спросил Дик.

– А вот и нет, женюсь! – завопил Чикен Чоппер. – Я на ней женюсь!

– А вот и не женишься, – сказал Дик, – потому что я не дам тебе зажигалку!

Однажды вечером в Лондоне двое англичанин, Чарльз и Генри, поправляли здоровье в местной пивной “Дьюк и Тарт”. У другого конца стойки они увидели двух ирландцев, Пэдди и Сина, и им захотелось затеять с ними драку.

– Только гляди, Чарльз, – говорит Генри. – Я сейчас так разозлю этого ирландского придурка, что ему придется ударить меня первым, и мы начнем драку.

И вот Генри подходит к Пэдди и говорит покровительственным тоном:

– Послушай, добрый человек, знаешь ты Святого Патрика?

– Да, сэр, разумеется, – отвечает Пэдди, осушая стакан пива. – Ну, на самом деле, лично я его не знаю, но, безусловно, знаю о нем, сэр!

– Ну, тогда, – продолжает англичанин, – наверное, ты знаешь и то, что он был путфах – а попросту говоря, гомосек!

– О нет, сэр, – отвечает Пэдди вежливо, – этого я не знал. Это, безусловно, интересно – путвах, вы сказали?

– И более того, – продолжает Генри, все еще не теряя надежды его спровоцировать, – Святой Патрик был, к тому же, дерьмовой головой!

– Правда? – отвечает Пэдди. – Это поразительно. Знаете ли, век живи, век учись, не так ли, сэр?

Тут Генри сдаётся и возвращается к своему товарищу, к другому концу стойки. Но Чарльз, видя поражение Генри, вскакивает на ноги:

– Предоставь это мне! – говорит он. – Сейчас я его разогрею!

И Чарльз, спотыкаясь, подбирается к Пэдди и говорит:

– Слушай, придурок, знаешь ли ты, что Святой Патрик был англичанином?

– Да, сэр, знаю, – отвечает Пэдди. – Ваш друг только что мне это объяснил!

Ниведано...

Ниведано...

Будьте в молчании... закройте глаза и почувствуйте, что ваши тела застыли, словно замороженные.

Это подходящее мгновение. Все спокойно, вас окружает безмерная прохлада. Вы можете очень легко двигаться вовнутрь.

Соберите все свои энергии, всю тотальность своего сознания, и с такой срочностью, словно это последнее мгновение вашей жизни, устремитесь к центру своего существа. Он находится точно в двух дюймах от пупка, внутри вас.

Быстрее и быстрее...

Глубже и глубже...

По мере того как вы приближаетесь к центру существа, на вас нисходит, словно мягкий дождь, несказанное молчание.

Немного ближе – и в вас начинает расти покой, очень сияющий покой. Этот покой был назван мистиками “покоем, превосходящим понимание”, потому что он – за пределами ума. Немного ближе – и вас начинает пьянить божественное.

Последний шаг, в сам центр – и вы чистый экстаз, танец без движения, песня без слов, музыка без звуков.

Это – твое оригинальное существо.

Дзен называет это оригинальным лицом, которое ты носишь с собой вечно. Оно символически напоминает лицо Гаутамы Будды.

Не зная этого, ты – только бодхисатва.

Зная это, ты – будда.

В это мгновение ты – будда.

У Будды есть лишь одно качество – качество свидетельства.

Свидетельствуй, что ты – не тело.

Свидетельствуй, что ты – не ум.

И в конце концов свидетельствуй, что ты – только свидетель.

В этом весь секрет медитации, главный ключ дзен, который может открыть все двери существования – одни двери за другими, одни небеса за другими. И конца нет, есть только начало.

Гаутама Будда, говорят, сказал: “У невежества нет начала, но есть конец. У просветления есть начало, но нет конца” – очень значительное утверждение. Пусть оно глубоко впитается в вас. В это мгновение вы так уязвимы, что можете позволить ему впитаться глубоко. Оно расцветет невообразимыми опытами.

Я повторю: У невежества нет начала, но есть конец. У просветления есть начало, но нет конца.

Вы находитесь в начальной точке. Отныне начинается путешествие в бесконечное, в вечное, в предельное, в абсолютное.

Чтобы сделать это свидетельство яснее,

Ниведано...

Расслабьтесь... но продолжайте помнить, что вы – не тело, что вы – не ум, вы – только свидетель. И по мере того как свидетельство начнет становиться глубже и глубже, внезапно вы почувствуете полное расплавление сознания, исчезновение всех границ.

Аудитория Гаутамы Будды становится океаном сознания. Десять тысяч будд растворяются в одном сознании, океане сознания, без малейшей ряби или волн.

Все это существование начинает радоваться вместе с вами. Оно начинает осыпать вас невидимыми цветами.

В это мгновение вы – самые благословенные люди на земле, потому что всех остальных заботят банальности. Вы работаете и исследуете существенное, вечное.

Всех заботят ложь, и утешения, и Бог. Вы работаете и с интенсивностью пытаетесь найти истину.

Истина состоит в том, что существование самодостаточно, оно не нуждается ни в каком Боге. Несомненно, оно нуждается в том, чтобы каждое живое существо поднялось к тем же высотам, что и Гаутама Будда.

Соберите все эти цветы, ароматы запредельного. Вы должны принести их с собой.

И убедите Гаутаму Будду – это ваше право от рождения, это в вашей природе – прийти вслед за вами.

Сначала он придет как тень, но эта тень будет очень осязаемой, станет основанием для просветления. Она окружает вас безмерным теплом, и вы почти что можете ее коснуться.

Второй шаг: будда выходит и становится впереди вас, – тенью становитесь вы. Ваша тень – только тень, и она начинает исчезать в свете и сиянии будды.

В третьей, и последней, стадии, в которой вы становитесь просветленными, вы исчезаете. Вы были только тенью, поддельной личностью, маской. Вы исчезаете полностью, остается лишь будда.

Это остающееся сознание – ваше вечное существо. Это – ваша экзистенциальная истина, ваша жизнь. Если это знать, каждое мгновение становится празднованием.

Я праздную себя, и я надеюсь, что вскоре наступит день, когда праздновать себя будете и вы. И когда тысячи и тысячи людей на всей земле празднуют, поют, танцуют, приходят в экстаз, пьяны божественным, никакое глобальное самоубийство невозможно. В такой праздничности и в такой смехе, в таком физическом и психическом здоровье как может случиться война?

Третьей мировой войны не будет! Я это предсказываю! Ее не случится благодаря вам, благодаря моим людям на всей земле! Вы – единственная надежда. Только миллионы будд способны создать атмосферу для мира, любви, сострадания, празднования.

Жизнь дана не для того, чтобы убивать, разрушать. Жизнь дана, чтобы создавать, чтобы радоваться, праздновать.

Когда вы плачете и рыдаете, когда вы несчастны, вы одиноки. Когда вы празднуете, все существование соучаствует в вас. Только в праздновании мы встречаем предельное, вечное. Только в праздновании мы выходим за пределы круга рождения и смерти.

Ниведано...

Вернитесь... но вернитесь как будды, неся с собой весь покой и молчание, изящество.

Посидите несколько мгновений, чтобы запомнить золотой путь, которым путешествовали, все опыты, с которыми столкнулись, и будду, который пришел вслед за вами. Почувствуйте тепло, сияние, свет прямо позади вас.

Вскоре наступит день – до весны недалеко – когда будда больше не будет для вас тенью, тенью будды станете вы. И как только вы стали тенью, последний шаг очень легок. Тень исчезает в свете, в сиянии будды, пробужденного. Третий шаг случается так спонтанно. Вас больше нет, есть только существование.

Это приводит вас к празднованию, о котором я говорю. Если вы не наполнены песней, если вы не наполнены танцем, не переполнены жизнью, изобилием любви и сострадания, вы вообще не жили. Вы просто постепенно умирали, умирали, умирали.

Я хочу, чтобы вы жили интенсивно, тотально, потому что лишь те, кто живет интенсивно и тотально, становятся преображенными. Лишь они знают, что такое величайшая тайна жизни.

Хорошо, Маниша?

Да, Возлюбленный Мастер.

Не стучи – жди!

*Наш Возлюбленный Мастер,
Став монахом под руководством Ма-цзы, Гозецу
пришел к Секито и сказал:*

*– Если ты разрешишь это одним словом, я останусь.
Если нет – уйду.*

*Секито, видя, что этот человек подает надежды,
сделал жест, но Гозецу его не понял. И Гозецу простился
и пошел к воротам, но Секито позвал его:*

– Учитель!

Гозецу обернулся, и Секито сказал:

*– От рождения до старости есть лишь
единственный человек, ничего больше – не ищи больше
нигде.*

*При этом Гозецу был очень просветлен. Он сломал
свой посох, наступив на него ногой, и остался.*

Однажды Секито сказал собравшимся монахам:

*– Даже если использовать язык, это не коснется
сути.*

Услышав это, Якусан сказал:

*– Даже если не использовать язык, это не коснется
сути.*

– Здесь не пройдет даже иголка, – сказал Секито.

*– Это все равно что посадить цветок на камнях, –
сказал Якусан.*

Секито выразил одобрение сказанному Якусаном.

Друзья,

Я вам говорил, что Бог был величайшим ядом для человечества в его эволюции к величайшим вершинам сознания. Аятолла Хомейни подтвердил мои слова тем, что вынес смертный приговор Салману Рушди и трем остальным просто за публикацию фактической конституции. Ни один закон ни одной страны этого не поддерживает. Ни одна конституция мира этого не поддерживает. Но именно таким во всей истории был подход священников.

Второй аятолла... аятолла просто значит “религиозный лидер”. Не Хомейни, другой аятолла, – а их в Иране две тысячи, – предложил еще лучшее подтверждение моему доводу. Он только что объявил, что если ему представят голову Салмана Рушди, он даст два и шесть десятых миллиона долларов человеку, который ее принесет, если он окажется иранцем. Если он будет не-иранцем, тогда – миллион долларов.

Из каждой мусульманской страны, включая Пакистан, в Англию отправились эскадры смерти, чтобы убить этих четырех людей – если не всех четверых, то, по крайней мере, Салмана Рушди, за то, что он написал этот роман – и привезти в Иран его голову.

Это вам покажет, почему я осуждал все ориентированные на Бога религии, – потому что, в конечном счете, все ориентированные на Бога религии оказываются в руках священников. Бога не существует, существует священник. А священник не знает никакой культуры, никакой цивилизации. Убийство человека – это не аргумент, это просто признание собственного поражения. Культурному обществу нужен диалог. Если вы что-то имеете против Рушди, у вас есть все права высказать это и подвергнуть его критике – это человечно. Если вы чувствуете, что он неправ, вы совершенно свободны его критиковать.

Но религии не верят в диалоги, они верят в убийство, в меч – и это их аргумент. Для меня, это их поражение.

Эти люди удерживают мир в умственно отсталом состоянии. Некоторые люди в Индии и в других странах, осудившие Аятоллу Хомейни, получили анонимные телефонные звонки, что они тоже будут убиты.

Здесь, в Индии, один из моих друзей, Мадху Мехта, сделал заявление в осуждение Аятоллы Хомейни. Это человек огромного разума, культуры, образованности. Он возглавляет движение, называемое Хиндустани Андолан, движение за новый язык, который будет не хинди, языком индуистов, и который будет не урду, языком мусульман, но сочетанием обоих языков, хиндустани. Конечно, его никто не поддерживает. Его не хотят поддерживать ни индуисты, ни мусульмане, но он продолжает. Он работает над этим много лет.

Это кажется самым простым решением: чтобы у Индии был национальный язык, иначе эта страна никогда не будет иметь национального языка, во веки вечные. Вот уже сорок лет – более сорока лет – как конституция объявила хинди национальным языком. Но правительство не смогло воплотить этого в жизнь, потому что мусульмане против, они считают, что национальным языком должен быть урду. И еще тридцать два языка приняты конституцией в качестве государственных. Все они претендуют на право быть национальным языком. Тридцать два языка, борющиеся друг с другом... кажется, никакого выхода нет.

Мадху Мехта получил анонимный телефонный звонок, что каждый, кто что-нибудь скажет против Аятоллы Хомейни, будет убит. Мы живем в двадцатом веке или тысячу лет назад, когда аргументом были только угрозы и убийства? – прав тот, кто убьет, кто победит в убийстве.

Очень легко убить Гаутаму Будду. Это может сделать любой идиот – фактически, только идиот может это сделать. Но это не доказывает, что идея религиозности этого идиота правильна, и смерть Гаутамы Будды не доказывает, что его философия неправильна. Фактически, это доказывает обратное. Это доказывает, что бессознательное и умственно отсталое человечество – за состояние которого ответственны религии – невероятно бедно в философии, в искусстве спора, культурного и цивилизованного диалога. И так было всегда, сколько хватает глаз.

Сократ был отравлен – что не было доводом против его философии – отравлен массами. Причина? Причиной было: “Он разрушает нашу религию и мораль, развращает молодежь”. Сократ был одним из самых разумных людей, которые только ходили по этой земле. И каждый, у кого есть разум, не станет поддерживать ориентированную на Бога религию, или ориентированную на Бога мораль, потому что они исходят от священников, не от Бога. Священник заинтересован в том, чтобы удерживать человечество в как можно более умственно отсталом состоянии. Именно это придает ему власти, делает его более святым, высшим, превосходящим окружающих.

Есть два способа добиться превосходства: первый – развить свое сознание и стать буддой; второй – удерживать человечество в настолько умственно отсталом состоянии, чтобы на фоне его создавалась видимость собственного превосходства.

Это мне напоминает небольшой случай с одним из самых важных императоров Индии, Акбаром. Он был мусульманином, но не фанатичным мусульманином, и он собрал при своем дворе всевозможных религиозных людей, из разных религиозных течений. При его дворе собрались все разумные люди страны, без всякой дискриминации по религии или касте.

Однажды он пришел ко двору и спросил придворных мудрецов:

– Я пытаюсь разрешить проблему, и мне нужна ваша помощь.

И он прочертил линию на стене и спросил этих людей:

– Можете ли вы сделать ее меньше, не касаясь ее?

Очевидно, ничто нельзя сделать меньше, не касаясь его, и они были в растерянности. Но при каждом дворе прошлого обычно был человек с большим чувством юмора, чтобы удерживать двор в равновесии, чтобы он не становился серьезным, напряженным, не подвергался стрессу.

У Акбара человеком чувства юмора был Бирбал. В конце концов он встал, подошел к стене и провел под линией Акбара еще одну линию, которая была длиннее, и тем самым сделал первую меньше, не касаясь ее.

Священники пытались всеми возможными способами удерживать человечество на самом низком уровне разума. Для них это способ почувствовать себя высшими и святыми.

Если каждый начнет расти в сознании, разуме, осознанности, это разрушит все вымыслы о Боге, рае и аде, это разрушит весь бизнес, которым веками занимаются священники всего мира. Миллионы и миллионы священников – просто паразиты. Пока мы не избавимся от священников, очень трудно будет избавиться от Бога – они очень глубоко связаны. Очень легко избавиться от Бога, если нет священника, потому что Бога не существует, но священник существует.

Именно священники запрограммировали ваши умы христианством, индуизмом, мусульманством – прикрываясь именем Бога. И это продолжалось веками.

Что касается меня, я не думаю, что умственный возраст человечества превышает семь лет.

В Америке, где наша коммуна была разрушена христианами фундаменталистами... самим Рейганом – христианским фундаменталистом, фанатиком. Единственной причиной, чтобы разрушить нашу коммуноу, было то, что они не могли потерпеть, что лишенная Бога коммуна живет так счастливо, так радостно, поет песни, танцует и празднует без всякого страха, без всякого ограничения, без всякого чувства вины.

Министр юстиции США, Эд Миз, признал это на пресс-конференции. Когда меня депортировали, он признал, что я не совершил никакого преступления, но меня пришлось депортировать. Он сказал:

– Нашим первым приоритетом было разрушить коммуноу, но мы не могли разрушить коммуноу, не депортировав Раджниша”.

Почему их приоритетом было разрушить коммуноу и возвести против меня обвинения в тридцати двух придуманных преступлениях?

Фактически, они совершили преступление против пяти тысяч человек, которые просто бежали из многовекового рабства и провозгласили свое достоинство и свободу. Это было нестерпимо. Люди, провозглашающие независимость и свободу? Этого не может потерпеть никакой фанатичный так называемый религиозный человек.

Я сказал на пресс-конференции, что в Орегоне, где была расположена коммуна, люди – умственно отсталые. Все политики разозлились; разозлился весь Орегон. В конце концов Университет Орегона решил провести опрос – потому что это было единственным цивилизованным методом, чтобы доказать, прав я или нет. И их заключения имеют огромную ценность.

Они произвели опросы в разных секторах общества Орегона и произвели опрос в коммуне. Они были озадачены. Они нашли, что средний умственный возраст орегонцев равнялся семи годам, а средний умственный возраст саньясинов – четырнадцати; вдвое больше орегонцев. И я не думаю, что если мы примем в расчет все человечество, средний умственный возраст окажется выше семи лет. Он будет меньше семи лет, потому что миллионы людей – еще более умственно отсталые, чем орегонцы. Если взять среднюю величину, может быть, она составит, самое большее, три с половиной года.

Люди удерживались в этом рабстве только ради того, чтобы несколько человек чувствовало собственное превосходство. Очевидно, люди, которые наслаждались чувством собственного превосходства – брамины, священники, аятоллы, имамы, раввины, папы, – не позволят людям так легко провозгласить свою независимость.

Вы должны понять это глубоко. Вся моя работа здесь состоит в том, чтобы позволить вам провозгласить свою свободу и полную независимость от всех тюрем – религиозных, национальных, расовых. Только это даст вам жизнь празднования. Ваша свобода даст вам пространство, чтобы танцевать, петь, праздновать. Мое видение религиозности – в сущем праздновании, в безмерной радости жизни, в любви, в творческих действиях. Это мой манифест, Манифест Дзен.

Пока человечество не будет освобождено из тюремных камер – мы живем в темные века – каждый из членов круговой поруки будет против меня, будет против вас. Каждый манифест свободы будет раздавлен.

Не случайно Сократ был отравлен, Аль-Хилладж Мансур убит, Иисус распят, Сармад умерщвлен, и много покушений было совершено на жизнь Махавиры, на жизнь Гаутамы Будды, который в конце концов умер от пищевого отравления. Есть подозрение, что это отравление было преднамеренным. Гаутама Будда был, несомненно, религиозным человеком. И умирая, он сказал своим ученикам, особенно Ананде – он подозвал его близко и прошептал ему:

– Неважно, что я умираю. Меня беспокоит человек, который дал мне еду, которая меня отравила. Ты должен его защитить, иначе люди, которые меня любят, убьют его.

Поэтому распрости среди моих учеников, среди тех, кто меня любит, тех, кто мне соперничает, слух, что двое людей более всех благословенны: один, который впервые дает пищу просветленному – конечно, это мать, – и второй, который дает ему пищу в последний раз. Эти двое людей – самые благословенные. Создай этот слух, чтобы человек, отравивший меня, не пострадал напрасно.

Это образ действия религиозного человека – полная забота даже об убийце. Пока мы не наполним землю такими людьми, человечество не получит великих опытов, достичь которых имеет право от рождения каждый человек.

Каждому запрещают сделать землю раем лотосов, пережить в собственном теле само сознание Гаутамы Будды. Все религии против вас, потому что они против свободы, против человеческой культуры, цивилизации. Они против любого рода диалога. Их аргумент – убийство.

Это просто показывает бедность всех религий, и это также показывает, что человечество должно взбунтоваться против этих религий, этих церквей, этих храмов, этих мечетей. Только огромный бунт, восстание могут дать вам возможность расти, иначе вы будете просто стариться, не взрослеть. И помните разницу между этими двумя вещами.

Старение не имеет никакой ценности; это делает любое животное, для этого не требуется разума. Взросление – это совершенно другой опыт. Старение горизонтально; взросление вертикально; оно приводит вас к высотам, ведет вас в глубины.

И довольно странно... вы будете удивлены, узнав, что время горизонтально. Проходит одно мгновение, приходит другое, за ним еще одно, еще одно... по линии, горизонтальной линии. Время горизонтально, и ум тоже горизонтален. Одна мысль следует за другой, за ней – еще одна, за ней – еще одна, по линии, в ряд, в последовательности, точно как транспортный поток, – но это горизонтально.

Медитация вертикальна; это выход за пределы ума и времени. И, может быть, в конечном счете вы найдете, что время и ум равнозначны, два названия одного и того же явления – горизонтальной последовательности мыслей, мгновений. Медитация – значит остановить и время, и ум; и внезапно вы начинаете подниматься в вечность. Вечность – не часть времени, вечность – не мысль; это опыт.

Это трудная задача: избавиться от Бога и ориентированных на Бога религий, и священники, которые поддерживают эту ложь, угрожают людям убийством. Эти убийцы должны быть разоблачены, они должны быть низложены. Совершенно необходимо глубокое пони-

мание вами собственной божественности. Тогда нет надобности ни в каком внешнем Боге, и нет надобности ни в каких посредниках между вами и Богом.

Медитация – это бунт, может быть, самый радикальный бунт против всех вымыслов, против всех видов лжи, против всех тех, кто живет этими вымыслами и ложью.

Я учу вас восстанию, я учу вас бунту.

Я учу вас свободе собственной индивидуальности. Разрушьте все виды тюрем, разрушьте все виды лжи – а вы можете их разрушить только путем медитации. Поднимитесь над временем и умом, и вы найдете, что божественны не только вы сами, но божественно и все существование, божественна жизнь. И вы войдете в жизнь в совершенно новом измерении, вход в которое был совершенно загорожен писаниями, священниками, Богом, раем и адом, всеми видами страха, всеми видами жадности.

Очень неестественное явление – что человек продолжает расти физически, но его ум останавливается где-то в районе семи лет. Это не может быть естественным! Ум удерживается отсталым искусственно, иначе с ростом вашего тела, с физиологическим ростом одновременно рос бы и умственный возраст. Когда вам семьдесят лет, ваш умственный возраст *должен* быть семьдесят лет. Но он остается семилетним возрастом...

Однажды Эмерсона спросили:

– Сколько вам лет?

– Триста шестьдесят лет, – ответил он.

Человек, задавший вопрос, не мог поверить. Триста шестьдесят лет?.. Он сказал:

– Я не расслышал, пожалуйста, повторите, что вы сказали.

Эмерсон сказал:

– Вы слышали: триста шестьдесят лет.

– Но я не могу поверить. Наверное, вы шутите... по виду вам не больше шестидесяти.

Эмерсон сказал:

– Да, моему телу только шестьдесят лет, но мое сознание в шесть раз старше шестидесяти. Я считаю свой возраст по разуму, не по телу, потому что я – не тело, я – разум.

Религии удерживают вас в цепях, потому что человек разума не станет верить в ложь. Должен быть искалечен разум, и все религии участвовали в этом калечащем процессе.

В Японии был один метод, который кажется мне очень уродливым, но которым японцы очень гордятся. Они выращивают деревья, которым четыреста лет, но они высотой всего в шесть дюймов. Они выглядят очень древними, но в них всего шесть дюймов. И стратегия, которая к ним применялась, была стратегией, применяемой против

всех людей всеми вашими религиями, вашим Богом и ориентированными на Бога теологиями.

Трюк очень прост. В продолжение четырехсот лет семья, поколение за поколением, растит дерево. Его держат в горшке без дна, и ему постоянно снизу подрезают корни. Если не позволять расти корням, дерево не сможет расти вверх. Остальной части дерева не касаются; оно просто становится старше, старше и старше. Но дерево не достигает высоты, которая была его потенциалом, потому что ему постоянно подрезают корни.

Разум – это *ваши* корни.

Японцы показывают эти деревья словно произведения искусства.

По-моему, это против природы, против этих бедных корней. Вы не позволяете им расти. И, может быть, у этих деревьев тоже есть ум, определенного рода разум, и они думают: “Такие мы и есть: шесть дюймов росту”. Они не могут обнаружить, что их удерживают в тюремном заключении, подрезая корни – потому что они не видят своих корней.

Вы не видите своих корней в существовании.

Только медитирующий приходит к тому, чтобы видеть свои корни в существовании. Эти корни совершенно обрублены, обрубаются постоянно, век за веком, поколение за поколением, – священниками. Вас удерживают в умственно отсталом состоянии.

Люди меня спрашивают, почему ко мне не приходят массы. Они не могут меня понять. Только очень разумные люди, в которых есть определенная индивидуальность и определенное чувство свободы, могут меня понять. Массы могут только меня убить. Только самые разумные, элита...

Чтобы меня понять, вам придется пережить преображение, вам придется заглянуть в собственные корни: Кто обрубил эти корни? Кто те крысы, что обрубают ваши корни? Все ваши равнины, ваши епископы, ваши аятоллы, ваши шанкарачарьи... вот крысы, обрубающие ваши корни. И они не дают вам ни малейшего шанса достичь более полной жизни. Иначе каждый человек жил бы неизмеримой жизнью, жизнью такой огромной осуществленности, что ему не было бы дела до того, что случится после смерти! Он жил так тотально, любил так тотально, что какая ему разница, что будет после смерти?

Есть только две возможности: вы либо умрете, и тогда не будет никакой проблемы, – либо будете продолжать жить. А если вы умеете жить, умеете быть тотальными, то будете жить еще более тотально без тела. Тогда для вас будет доступно все небо. Атеисты вы или теисты – это не имеет значения. Значение имеет лишь то, чтобы жить так тотально, чтобы смерть стала абсолютно неважной, потому что останутся только две альтернативы: либо вы умрете... тогда в чем проблема?

Думаете ли вы, что была какая-нибудь проблема, прежде чем вы родились? Просто подумайте об этом. У вас не было никакой проблемы, не было вас. Как проблема может существовать без вас? Помните ли вы какую-нибудь проблему до того, как родились?

Я вам говорю: это одна сторона; другая сторона – смерть. У вас не будет никакой проблемы, если вы действительно умрете. Если вы не умрете, у вас будут все возможности, больше, чем есть теперь. Но вы должны дисциплинировать себя, чтобы жить как возможно более изобильно, потому что тогда у вас будет больше места, чтобы танцевать, больше места, чтобы праздновать.

Что касается меня, я знаю, что смерти нет. Но я не хочу, чтобы вы в это верили; я хочу, чтобы вы это пережили.

Религии прибегали ко всем возможным средствам, чтобы удерживать вас в слепоте и темноте.

Древняя поговорка, описывающая философа, говорит: Философ – это человек, который слеп, и в темном доме, где нет света, ищет черную кошку, которой там нет.

Это описывает и определяет не только философа. Это – точное описание и определение всех людей. Религии удерживали их в слепоте, в полной тьме, говоря им ложь, предлагая им найти ее: черную кошку, которой нет! Все религии говорили вам найти Бога, а у вас нет ни глаз, ни света, да и Бога тоже нет. Бог – это и есть кошка!

И вы продолжаете нащупывать и спотыкаться. Чем более вы нащупываете, тем больше спотыкаетесь; чем больше вы ломаете костей, тем больше отчаяния, тревоги и тоски, что, может быть, другие поймали кошку, а вы не выполнили обещания. Ваши руки пусты, и смерть с каждым мгновением подходит все ближе. Естественно, все человечество лишилось чувства юмора. Люди улыбаются только улыбками, нарисованными помадой. Дальше помады дело не идет. А помада делает женщин такими уродливыми – все, что фальшиво, делает людей уродливыми.

Даже мои саньясинки, возвращаясь на Запад, начинают красить губы. Когда они возвращаются, уходит несколько дней, чтобы очистить грязь, которую они наносили на губы. Я не могу представить себе, чтобы хоть сколько-нибудь разумный человек поцеловал женщину, у которой губы накрашены помадой! Эта помада создает почти что Китайскую стену – достичь этой женщины никак нельзя. По крайней мере, в отношении себя я уверен. В то мгновение, когда я вижу помаду, я знаю, что женщина поддельная. Избегайте ее; у нее нет души, это только маска.

Всего несколько дней назад очень богатая молодая индианка – вообще индианки не красят губы, если только они не очень богаты и не получили традиционного образования – пришла сюда, потому что

она владелица журнала и газеты. Она собиралась написать обо мне статью, и хотела сфотографироваться со мной.

И Анандо – мой официальный секретарь – сказала мне, что это очень красивая женщина. Когда я ее увидел, я увидел только красную помаду и ничего больше. Я старался не смотреть ей в лицо, и я сказал Анандо: “Ты мне говорила, что эта женщина красивая. Разве ты не видела ее помады?”

Никакая подделка не может быть красивой, – только подлинность, искренность. Когда вы как есть, в полной наготе, в вас есть красота, в вас есть индивидуальность.

Но все религии порождают лицемеров. Мало того, что ложен их Бог, они заставляют и все человечество погрязнуть в глубоком лицемерии. Притворяйся – вот что они проповедуют. Показывай, что ты моралист, пуританин, святой. Они не позволяют вам пережить никакой трансформации. Они только дают вам маски, личности и лишают индивидуальности, которая является вашим исконным правом.

Воспользуйтесь же этим исконным правом, и это разрушит всех богов и священников, которые строят заговоры против всего человечества.

Ваш Бог – не создатель жизни; он враг жизни, потому что жизнь – это истина, а Бог – ложь! Но он продолжает жить – благодаря священникам. Именно поэтому у священников нет никакого доказательства, никакого довода в пользу Бога, – кроме убийства!

И вот эта бессмыслица, что человек, который никому не причинил никакого вреда и просто констатировал факт, принятый самим Мухаммедом... что дьявол вдохновил его написать несколько стихов, описывающих три женских божества. Если пророки Бога не могут даже понять, кто их вдохновляет, Бог или дьявол, – они не заслуживают того, чтобы называться пророками Бога. И какая уверенность может быть в остальных утверждениях этих людей? Может быть, они тоже были продиктованы дьяволом!

Это стратегия, та же самая, о которой я вам рассказывал по поводу американского телевизионного проповедника, Баккера, – который был одним из самых популярных телевизионных проповедников. В Америке возникает новая разновидность священников... Миллионы людей слушали его по воскресеньям. Он говорил о безбрачии, а сам он был пойман с поличным в отношениях с женщиной. Затем было также обнаружено, что он имел и гомосексуальные отношения со своим ассистентом. И поскольку он был пойман с поличным, – очень легко во всем обвинять дьявола, – он тут же сказал: “Меня принудил дьявол!”

Странное дело. Он имел любовные романы всю жизнь, но никогда не говорил об этом во всех этих проповедях – каждое воскресенье, много лет. “Меня принудил дьявол...” Теперь вдруг, когда его

поймали... если бы его не поймали, он оставался бы представителем Бога.

Но, странно, что этот человек обвиняет дьявола!.. Говорит, что дьявол принуждал его заниматься любовью с секретаршей, с ассистентом, который был мужского пола, заниматься любовью с женщинами, которые состояли в его конгрегации... все это был дьявол! Но как тебе знать, что это был дьявол, а не Бог? Если бы тебя не поймали – и это такая простая уловка...

Любой преступник может сказать в суде: “Меня вдохновил дьявол. Я не убивал, это дьявол заставил меня убить. Я не насиловал, это дьявол!” Тогда ни одного преступника не следует наказывать – “Если хотите кого-то наказать, накажите дьявола”.

И тот же самый Баккер, через год наказания, снова на телевидении – и снова в качестве представителя Бога!

Наблюдая всю эту стратегию, я вспомнил о женщине, которая исповдалась католическому священнику...

– Меня изнасиловали, – сказала она.

Священник сказал:

– Тебя постоянно насилуют уже шесть недель. Ты приходишь каждое воскресенье... как тебе это удастся?

Она сказала:

– Это один и тот же человек. И иногда это происходит не один раз за ночь, иногда он насилует меня дважды.

Священник сказал:

– Ты понимаешь, что значит изнасилование?

– Понимаю, – сказала она.

– Один и тот же человек, шесть недель? Иногда даже дважды за ночь... и ты просто исповедуешься? И снова продолжается изнасилование. Почему ты исповедуешься?

Она сказала:

– Мне нравится исповедоваться. Это приносит мне столько радости, почти столько же, как когда меня насилуют. Вся эта сцена...

И она описывала все в полных подробностях, в мельчайших подробностях.

Можете ли вы представить себе слепоту людей? Баккер вернулся...

Мухаммед в последней фазе своей жизни изменил эти стихи, и дело было не в дьяволе. Дело было в мужском шовинизме. Зачем тогда он написал эти три стихотворения? Причиной была его жена.

Он женился на очень богатой вдове, когда ей было сорок лет, а ему только двадцать шесть. Причиной его женитьбы на этой женщи-

не были просто ее богатство, ее престиж, ее власть. У этой женщины, Хадии, было много власти. Она была первой мусульманкой.

Сам Мухаммед был эпилептиком. У него случались припадки, и однажды он пришел домой, дрожа в лихорадке. Хадия спросила:

– Что случилось?

Он был пастухом. Он каждый день выгонял коз и овец в горы, и это случилось в горах. Скорее всего, это был очередной эпилептический припадок, потому что нет никакого Бога, чтобы что-то кому-то говорить.

Он сказал:

– Я почти потерял сознание. Я покрылся пеной – когда я пришел в сознание, я увидел пену у себя на губах, и Бог говорил со мной. И с того момента я дрожу и чувствую сильную лихорадку.

И Хадия укрыла его всеми одеялами, но он продолжал дрожать. И она убедила его:

– Это был Бог! Не беспокойся! Я буду твоей первой ученицей.

Благодаря этой женщине – и ее богатству – Мухаммеду удалось распространить ислам в Саудовской Аравии. Насколько я понимаю, именно из-за этой женщины он включил эти три стихотворения о трех женственных божествах. Как только Хадия умерла, не стало причины сохранять эти стихотворения в Коране. Теперь его мужской шовинистский ум – как и во всем мире у *каждого* основателя *каждой* религии...

Джайнизм, одна из самых утонченных религий в мире, заявляет, что ни одна женщина не может стать просветленной. Но одной женщине удалось стать просветленной. И вся причина того, что женщина не может быть безбрачной – в ее менструальном цикле. Мужчина может притвориться безбрачным, ухитриться, но как может женщина притвориться, что у нее нет менструального цикла? И особенно в религии джайнов, в которой нельзя стать просветленным, не начав жить голым?

Есть пять стадий... мало-помалу человек отбрасывает собственность, и в последней стадии становится *муни* – “муни” значит “обнаженный”. Обнаженная женщина – как ей обманывать людей, когда начинается менструация? В этом все затруднение.

Меня осуждают за то, что я слишком много внимания уделяю незначительным вещам – а Махавира и двадцать четыре тиртханкары джайнов были озабочены женской менструацией! И из-за менструации – поскольку ее нельзя скрыть, и в особенности если жить в нагоде – женщина не может стать просветленной, не может быть безбрачной. Она не может изменить свою биологию – как не может изменить свою биологию и мужчина. Это за пределами контроля ума. Ни один мужчина никогда не был безбрачным... все это притворщики, лицемеры.

Но одна женщина, Маллибай, оказалась очень храброй, – хотя женщины не храбры, особенно в таком обществе как Индия, где женщина должна прятаться в сари... Сари очень красиво скрывает женщину, ее пропорции, изгибы ее тела. Сари – это прекрасное приспособление. Вы видите только лицо женщины, ничего больше. В такой стране, в такой культуре женщина должна стесняться наготы.

Но Маллибай, наверное, была чрезвычайно храброй женщиной. Я безмерно уважаю эту женщину, которая стояла в наготе. И неохотно им пришлось признать ее просветленной. Нельзя отрицать просветление, но им это удалось, как только она умерла. Они изменили ее имя с Маллибай на Маллинатх. Маллинатх – это мужское имя. *Намх* меняет все. *Бай* – значит женщина, и слово *Маллибхай* переделали в “маллинатх”.

И более того... В джайнских храмах вы найдете двадцать четыре статуи тиртханкар, но не найдете ни одной статуи женщины – все они обнажены, и вы можете провести исследование.

Я обычно донимал своего отца каждый раз, когда приходил с ним в храм:

– Где среди этих двадцати четырех статуй Маллибай?

И он говорил:

– Я этого не знаю, а ты спрашиваешь и спрашиваешь. Каждый раз, когда ты со мной приходишь, прежде всего ты спрашиваешь о Маллибай. Откуда я должен это знать? Все эти двадцать четыре статуи мужские, среди них нет ни одной женской.

Я говорил:

– Что случилось с Маллибай?

Изменили даже статую. Это не статуя женщины, это статуя мужчины. Изменено имя, изменена статуя – потому что джайны хотели сохранить мужскую шовинистскую идею, что только мужчина может стать просветленным.

Все религии, так или иначе, осуждали женщину. И Мухаммед, наверное, почувствовал, что когда Хадия умерла, пришло время изменить эти три стихотворения. Теперь во всем был обвинен дьявол.

Коран – одна из самых странных книг, потому что он не написан последовательно – один стих сегодня, другой – через десять дней... потому что Мухаммед был неграмотным. Он не писал сам. Он обычно диктовал каждый раз, когда находил что-то, стоящее записывания. Так называемые священные писания написаны самозваными пророками и мессиями – и они называются “священными”! Я не вижу в них ничего священного.

Столько друзей-мусульман приходит ко мне и говорит:

– Ты говорил о многих религиях – почему ты не говоришь о Коране?

Я говорю:

– Вы хотите, чтобы меня убили?

Мне еще кое-что нужно сделать. В конце концов, когда я решу, что пришло время покинуть тело, я прочитаю лекции о Коране. И я устрою так, чтобы меня убил один из моих саньясинов, чтобы получить два и шесть десятых миллиона долларов за мою работу! Пока моя работа не окончена, я не собираюсь комментировать священные писания, потому что это самый примитивный род литературы.

Эти так называемые пророки страдают всевозможными умственными расстройствами; они эпилептики, неврастеники, психопаты и шизофреники. Они вообще не заслуживают обсуждения. Эти священники во всем мире держат в своих когтях все человечество. Они – стервятники, не люди.

Это ваша работа: распространять послание свободы, индивидуальности, религиозности, которая представляет собой качество, а не членство в какой бы то ни было организованной религии. Это чисто индивидуальное дело, точно как любовь. Это – величайшая, высочайшая и наичистейшая любовь с существованием.

Ты влюбляешься в женщину, это небольшое дело. Ты влюбляешься в мужчину, это небольшое дело. Но как только вы влюбляетесь в само существование, в саму жизнь, тогда это великое дело. Дзенские мастера называются это Великим Романом.

Но это индивидуально, это не имеет ничего общего ни с какой институцией. Когда люди называют брак институцией, я соглашаюсь. Это институция, потому что в институциях живут только сумасшедшие люди.

Религия не имеет ничего общего с организацией.

В то мгновение, когда вы организовываете истину, вы убиваете ее.

Птица в полете – это одно... Вы можете поймать ту же самую птицу и посадить ее в золотую клетку. Внешне это та же самая птица, но внутренне она потеряла свободу. Она потеряла радость солнца, дождя, полета за облака. Она потеряла свое небо, свое пространство; это не та же самая птица. Прежней осталась только видимость, но в истинном смысле она стала рабом.

Птица на крыле жила в тотальной свободе, танцевала над облаками, летела к солнцу, летела в неизвестное без всякого страха. Но теперь лететь некуда – хотя клетка и золотая. Вся ответственность отнята владельцем. Эта птица получит пищу, питание... все, – но она продает свою душу так дешево.

Не будьте в клетке никакой религии.

Будьте религиозными.

Создайте простор неба, – которое уже есть. Вам нужно только открыть его у себя внутри. И вы освободитесь из всех тюрем, от всех религий, от всех Священных Библий, от священного Корана, от свя-

щенной Гиты... ни одно из писаний не священно. Единственное святое место – внутри вас. И как только вы его знаете, вы знаете, что оно – внутри каждого. Везде, где есть жизнь, – всюду есть и божественность, святость.

Вам мешают не только расти в разуме, вам мешают знать подлинную божественность существования, подлинную божественность жизни.

Священники – это убийцы: не буквально – по существу. Они убили больше людей, чем политики. И они все еще есть; они все еще открыто объявляют и поддерживают убийство. И каждый, кто им противостоит, тоже будет убит. Они знают только один язык – язык убийства. Они не научились ничему, что можно назвать человеческим; они – животные. Но даже животные более культурны.

Первый вопрос:

Бог – это вымысел ума, изобретение религиозных политиков. Но мой ум хочет вымыслов, надежд, будущего. Не естественно ли это?

Нет, совершенно неестественно. Тебя запрограммировали, ты не знаешь, что такое естественность. Все эти надежды, в которых, как тебе кажется, нуждается твой ум, искусственны.

Раньше экономисты говорили, что спрос рождает предложение. Теперь все полностью перевернулось. Прежде всего, еще не выпустив продукт, производители всевозможных товаров начинают рекламу. Они вкладывают в рекламу больше денег, чем в производство продукта, потому что реклама создает ложные потребности в человеческих умах, и людям кажется, что им это нужно. Как только появляется потребность... Это ложная потребность, потому что им это никогда не было нужно.

Сама эта постоянная реклама, непрерывно бьющая их по головам из каждого телевизора, из каждого радио, на каждом углу, на улице, в каждом журнале, в каждой газете – долго ли можно ее избегать? Тебя постоянно окружает одна и та же реклама, и вскоре ты начинаешь чувствовать, что тебе это нужно, что ты не можешь без этого жить. Эта вещь даже еще не произведена. Когда производитель находит, что люди начинают чувствовать потребность, он начинает производить. И теперь эту искусственную потребность ты принимаешь как должное, словно это потребность естественная.

Эти священники, религиозные политики, тысячи лет занимались такого же рода рекламой. Они дают тебе идею, непрерывно проповедуют. Их писания непрерывно проповедуют все старые методы. А теперь они используют и средства массовой информации: телевидение, радио, спутниковую связь... для пропаганды лжи.

Ты думаешь, что это потребность – твой ум хочет вымыслов. Нет, эти вымыслы неестественны.

Просто не говори ребенку, что есть Бог, и он никогда не будет чувствовать желания найти Бога. Это так легко понять. В Советском Союзе никто не ищет Бога, потому что у них совершенно другое программирование, коммунистическое программирование, атеистическое программирование. С самого детства ребенку говорят, что Бога нет. Но в прошлом люди были так глупы, что поклонялись лжи, вымыслу.

Один из моих друзей, Рахул Санскритаiana, знаток санскрита, пали и пракрита, был буддийским монахом. Но его также интересовал коммунизм, просто из-за сходства в том, что у Будды нет Бога – и у Маркса – тоже. Он заинтересовался марксизмом и в конце концов стал коммунистом. И Советский Союз пригласил его в Московский Университет преподавать санскрит. И он приехал в Москву.

В Москве все было не так, как виделось из Индии. Здесь для него невозможно было бы оставаться буддийским монахом и все же влюбиться. В Советском Союзе не было никаких трудностей. Он влюбился в прекрасную женщину, Лолу – она была профессором того же университета, и у них было двое детей.

Но Советское правительство не позволило ему увезти жену или детей из Советского Союза. Он мог там остаться, но хотел вернуться в свою страну. И еще он боялся. В определенном смысле, правительство исполнило его глубочайшее желание – как он мог вернуться в Индию с женой и двумя детьми? Его все бы осудили, в особенности буддисты: “Ты же монах!” И, в определенном смысле, он был рад, что само правительство не позволило этого, поэтому об этом не было речи.

Он вернулся. Он сказал мне:

– Когда я впервые приехал в Советский Союз, я спросил маленького мальчика: “Ты веришь в Бога?” Он сказал: “Бог? Люди верили в него в темные века. Если хочешь увидеть изображение Бога, пойди в музей”.

Но и это тоже программирование. Дело не в том, что этот маленький мальчик – или даже сам Карл Маркс – знает, что Бога нет. Только человек великой медитации может знать, есть Бог или нет.

Таким образом, ты запрограммирован, и эта программа так глубока, что ты считаешь ее своей природой. Твои вымыслы, надежды, будущее... ничто из этого не естественно.

Естество не знает ничего, кроме этого мгновения. Естество не знает ничего о надеждах, желаниях и стремлениях. Естество просто наслаждается всем, что доступно в это мгновение, здесь и сейчас.

Ты спрашиваешь:

Или это искажение, отражение больной культуры?

Да, абсолютно и категорически да. Это искажение, отражение больной культуры.

Еще ты спрашиваешь:

Не скрыто ли благодатное состояние, которого я ищу, ради какой-то цели природой?

Никакой цели нет. Цель снова вносит целую грудку лжи. Существование просто есть.

Просто посмотри под таким углом. Когда ты болен, ты идешь к врачу и спрашиваешь: “Какая причина у моей болезни?” Ты просишь поставить диагноз. Когда ты чувствуешь себя здоровым, идешь ли ты к врачу, чтобы спросить: “Диагноз! Какая причина у моего здоровья? Почему я чувствую себя таким счастливым?” Ты не идешь к врачу, не идешь к психиатру, не идешь к психоаналитику. А если идешь, это означает, что ты сумасшедший. Если ты спрашиваешь: “Почему я чувствую себя таким счастливым?..”

Нет, счастье не нуждается в причине. Это просто твоя природа, ты счастлив по своей неотъемлемой сути. Никакой причины, никакой цели, никакого предназначения не нужно. Жизни достаточно самой по себе. Ей ничего не нужно для полноты. Она полна! Она совершенна! Она уже такая, какой должна быть. И у существования нет цели, у существования нет предназначения.

Существование – это сущий танец.

Пикассо постоянно беспокоили, потому что его картины казались лишними цели, бессмысленными. Один критик оставался у него, когда он писал. Он наблюдал и наблюдал, и наконец сказал Пикассо:

– Зачем ты тратишь время впустую? Это ерунда. В твоей картине нет никакой цели.

Он сказал:

– Странно. По крайней мере, я пишу картину. А почему ты сидишь позади меня? Три часа ты тратил время впустую, а мне говоришь, что время впустую трачу я. Я бесконечно наслаждаюсь. Ни в какой цели нет надобности. Просто писать картину, просто играть со всеми этими красками – так хорошо. Кому нужны цель, смысл и предназначение?

Почему ты не пойдешь в сад и не спросишь розы: “Какой смысл в вашем бытии? Почему вы танцуете без цели? Почему вы выглядите такими счастливыми и улыбаетесь? Заткнитесь! У вас нет никакой цели, а вы танцуете на ветру и на солнце. Есть ли в этом великая идея? Зачем вы испускаете аромат?”

Почему ты не пойдешь в сад? И если роза не нуждается в цели, почему должны нуждаться в цели мои картины? Они экзистенциальны.

И этот человек абсолютно прав, – только в неправильном месте.

Таким людям, как Пикассо, нужен дзен, но они жили на Западе, где у всего должна быть цель, иначе ты – ненормальный. Зачем ты это делаешь? Люди не могут понять, что просто само действие может быть из сущей радости. Играть с красками – это само по себе сущая радость. Пытаться найти смысл – это только ваше программирование: все должно быть осмысленным.

Когда я был студентом университета, я побеждал на всевозможных дискуссионных конкурсах красноречия во всей стране. Я наполнил кабинет главы моего отделения всевозможными кубками и наградами – золотыми и серебряными. И он стал мне говорить: “Если ты будешь продолжать и дальше побеждать, я думаю, мне придется перебраться из моей приемной. В ней не остается места”.

Я сказал:

– Тогда вам придется решить, хотите вы быть в этой приемной или нет.

И в конце концов ему пришлось переехать из приемной. Он создал другую небольшую приемную на веранде, где обычно сидел, потому что его собственная приемная превратилась в витрину для гостей.

Однажды он спросил меня – потому что в моем университете должен был состояться международный конкурс – “Зачем ты напрасно так далеко едешь? Какая у тебя цель?”

Я сказал:

– Никакой цели нет. Я это люблю – это моя игра. Я люблю рассказывать истории, у которых нет совершенно никакой цели. Просто сущая радость, бьющая через край жизнь. Я недостаточно стар для того, чтобы думать о целях.

– Что? – сказал он.

– Да, я недостаточно стар, и никогда не буду достаточно старым, чтобы думать о цели и смысле. Я радуюсь всему, что бы ни делал. Никакой цели нет.

Думаете ли вы, что в том, что я с вами говорю, есть какая-то цель? Я просто наслаждаюсь этим. Вы наслаждаетесь тем, что слушаете, все завершено. Помимо этого никакой потребности нет. Если что-то происходит внутри этих пределов, я за это не ответствен.

Если вы станете просветленными, это ваша проблема.

Будьте осторожнее!

Я просто наслаждаюсь тем, что говорю, вы наслаждаетесь тем, что слушаете. Между этими двумя вещами возможно что угодно. Вы можете стать просветленными, но помните, никогда не обвиняйте меня в своем просветлении. Это ваша проблема, не моя. У меня есть свои проблемы – вы о них не беспокоитесь.

И я сказал главе отделения:

– Никакой цели нет. Мне нравится говорить. Я люблю говорить от сердца к сердцу.

И в тот день должен был состояться конкурс... Обычно выступало два человека из каждого университета – один выступал за, другой против. Я был против, но мой партнер стал нервничать... это был первый раз, когда он вышел на сцену.

Студент, который обычно ездил со мной по всей стране, умер в результате несчастного случая, и у меня был новый партнер, и это было его первое выступление. Я изо всех сил пытался его подготовить... он повторял свою речь много раз, но в конце концов, когда пришло время, он исчез.

И проректор спросил меня, что я собираюсь делать. Я сказал:

– Я сам справлюсь. Сначала я буду говорить в поддержку – потому что мой партнер отсутствует, а я не хочу лишиться награды – потом буду возражать.

– Боже мой! – сказал он. – Ты будешь делать то и другое?

– Просто попытаюсь, – сказал я. – Это принесет мне столько радости.

И я говорил сначала за, потом против предмета, и получил оба приза, первый и второй.

Когда я выходил, проректор отвел меня в угол и сказал:

– Это было чудо. Когда ты говорил в поддержку предмета, я думал: что ты будешь дальше делать? Ты приводил такие прекрасные доводы в его пользу, и я не думал, что тебе удастся их опровергнуть. Но когда ты начал опровергать, я подумал: “Боже мой! – твои доводы так ясны. Что случилось с другими доводами?..”

Он сказал:

– Но я хочу кое-что у тебя спросить, и именно ради этого я увел тебя из толпы. У тебя есть собственные убеждения?

– Я просто люблю говорить, – ответил я. – Вы слышали только две стороны – а сторон много. И если хотите, однажды я буду говорить со многих точек зрения. Это были только две полярные противоположности, но есть еще промежуточные позиции, и есть, по крайней мере, еще семь позиций в отношении этого предмета.

– Это сведет меня с ума, – сказал он. – Только эти две позиции совершенно вывели меня из равновесия. Я не думаю, что сегодня усну, потому что я думаю о том, что же из них правильно.

– Это ваша проблема, – сказал я. – Я наслаждался всей этой игрой, я получил оба приза. И так гораздо лучше. Если вы сможете убедить остальных проректоров, что достаточно одного человека, чтобы представлять обе стороны, для меня это будет гораздо легче, потому что мне не придется готовить партнера. Так будет легче и лучше. У меня нет никаких верований, у меня нет никаких предубеждений. Я совершенно открыт. И поскольку я это люблю, это остается игрой.

Твоя жизнь должна быть игривостью, не целью.

Твоя жизнь должна быть ориентированной на радость, не на цель.

Жизнь не должна быть делом, она должна быть чистой любовью. В чем цель любви? Если в любви нет цели, почему должна быть цель в медитации? Почему должна быть цель у природы и существования?

Цель – это всегда точка назначения, где-то далеко, точка, которой ты должен достичь. Цель – это достижение отдаленной точки назначения, она никогда не здесь и сейчас, а жизнь всегда – здесь и сейчас. Она никуда не идет, в ней нет никакой цели.

И ты не понимаешь сопряженных смыслов слова “цель”. Если однажды цель осуществится, жизнь умрет. Тогда не будет необходимости в существовании – цель осуществлена, игра кончена. Поскольку это нескончаемая игра, от вечности до вечности, существование не может позволить себе иметь никакой цели, не может позволить себе смерти, не может позволить себе иметь никакой точки назначения.

Пока ты не поймешь, как жить бесцельно, ты не поймешь смысла, значения жизни.

Жизнь содержит все, что ей нужно, в себе самой; это – внутренне, не внешне. Это разворачивание большей и большей радости, большего и большего блаженства, большего и большего экстаза. Но это разворачивание – в настоящем. По мере того как ты движешься глубже и глубже, выше и выше, ты становишься более и более игривым. И игривость удаляет всю серьезность.

Цель делает людей серьезными, а я рассматриваю серьезность как болезнь души. Смех есть здоровье, но в смехе нет цели. Он красив сам в себе, ему не нужна никакой цели. Это не средство к какой-то цели. Это одновременно и средство, и цель.

И, наконец, ты спрашиваешь:

Является ли моя отождествленность с эго необходимой стадией в естественном процессе?

Нет, снова это искусственное явление, созданное священниками, политиками, твоими родителями.

Ребенок рождается без всякого эго. Ты когда-нибудь наблюдал маленького ребенка, который говорит – если его зовут Джонни: “Джонни хочет пить”? Он никогда не говорит: “Я хочу пить”, это придет позже, когда случится программирование. Сначала ребенок говорит: “Джонни хочется спать”.

Один из индуистских мистиков, Раматиртха, никогда не говорил “я” за всю свою жизнь. Он всегда говорил: “Рама устал. Рама голоден...”

Он приехал в Америку. Здесь окружающие его люди его понимали, но в Америке язык, который он использовал, казался очень странным. “Рама хочет пить” – и люди озирались по сторонам в недоумении.

нии: “Кто такой Рама?” И они его спрашивали: “Почему ты просто не скажешь: “Я хочу пить”?”

Он говорил:

– Этого я не могу сказать, потому что “я” нет. Поэтому я просто говорю имя, и это ложное имя, очевидно ложное, – потому что оно было мне дано. Это ярлык, повешенный на меня, но во мне нет никого “я”. И мое глубочайшее внутреннее пространство не испытывает ни голода, ни жажды. Это тело, и ярлык этого тела – Раматиртха. Это не мое имя. Я – безмятный и бесформенный; имя и форма принадлежат телу. И я не могу использовать слова “я” – потому что у меня внутри нет соответствующей реальности.

Эго создается амбицией, желанием, жадностью. Все тебе говорят: “Стань кем-то особенным. Добейся власти, престижа, респектабельности, денег, вещей, имеющих вес в этом мире”. И это мало-помалу создает идею эго, превосходства, “святое-чем-ты”, “выше-чем-ты”. Это эго создает ваших святых, это эго создает ваших так называемых священников, ваших политиков, ваших президентов, ваших премьер-министров. Все это – проецирование эго.

Но у эго нет естественного существования. Это побочное следствие определенной запрограммированности, которой обществу удалось тебя одурачить.

Как только ты видишь, что эго ложно, передано тебе другими, все здание ложности просто исчезает, как исчезает темнота, когда ты вносишь свет.

Медитация приносит из самого твоего центра свет, прохладное пламя. И когда твое внутреннее пространство осветится, ты не найдешь никакого эго, никакого “я”. Ты просто найдешь, что в тебя вливается все существование.

Эго – это также и тюремное заключение.

Оставаясь лишенным эго, ты снова вне золотой клетки.

Мои родители мне говорили:

– Если ты будешь так продолжать и дальше, то в конце концов станешь никем.

А еще кто-то говорил:

– В конце концов ты окажешься *ни на что* не годным.

Я в конце концов действительно оказался никем и пришел в *ничто*. Но я наслаждаюсь этим ничто-жеством, этой никем-ностью так, что каждое мгновение становится великолепием, волшебством, чудом.

Из этого ничтожества возникает моя свобода, моя целостность. Из этого ничтожества я встречаю существование с легким сердцем, в расслаблении, в глубоком позволении. Нет никакого эго, нет никого, чтобы мне помешать. У меня нет никаких границ, никаких пределов. В этом ничтожестве я достиг самого источника существования.

Я бы очень хотел, чтобы и ты тоже был *ни на что* не годным, никем. И тогда ты найдешь безмерное достоинство – без причины, но просто потому, что все существование переполняется, и всюду вокруг тебя расцветают цветы и танцуют звезды. Впервые, когда ты никто, ты чувствуешь свое биение сердца и биение сердца вселенной в глубокой синхронности. Это чувство – величайший опыт в существовании, самый божественный, самый богоподобный.

Теперь сутры:

Наш Возлюбленный Мастер,

Став монахом под руководством Ма-цзы, Гозецу пришел к Секито и сказал:

– Если ты разрешишь это одним словом, я останусь. Если нет – уйду.

Его вопрос, несомненно, показывает, что он пришел от Ма-цзы.

Ма-цзы был самым странным мастером, который только случался. Наверное, он слышал это утверждение от Ма-цзы, или в окружении Ма-цзы, где многие люди воспламенялись, возвращались в свой настоящий дом.

Он спрашивает Секито:

– Если ты это разрешишь... – помните это слово “это”. Все ударение на слове “это” – “если ты это разрешишь одним словом...” Он говорит: “Если одним единственным словом ты можешь сказать, что это такое, я останусь *здесь*. Если нет, я уйду”.

Секито, видя, что это подает надежды... – сам его вопрос показывает интенсивное желание понять *это*. Но он не хочет вдаваться в детали, он не хочет ненужных комментариев. Он просто хочет одно слово: “Установи это, и я останусь *здесь*; иначе я уйду”.

Человек, достаточно огненный, достаточно дерзкий, достаточно храбрый, чтобы бросить вызов такому человеку, как Секито.

Секито, видя, что этот человек подает надежды... – он смог увидеть это обещание в его глазах, в самом его поведении, в самом его подходе – *сделал жест*, безмолвный жест. Даже одного слова слишком много. Это было ударение Секито: “Почему ты просишь даже одно слово? Одно слово ведет к другому, другое – к третьему, третье – к четвертому, а затем – ко всей теологии и философии, и вырастает целая религия. Слова и слова... и ты забываешь все об *этом*”.

“Поэтому, – говорит Секито, – я не использую даже одного единственного слова; этого будет слишком много. Ты уже ушел, ты уже прошел мимо *этого*. Ты ушел из существования в язык. А это величайшее в мире расстояние: опыт этого и высказывание об этом. Это величайшее из всех возможных расстояний. Даже звезды не так дале-

ки. Может быть, они удалены на миллионы световых лет – но это неважно. Расстояние между *этим* и высказыванием *об этом* – величайшее возможное расстояние между двумя точками”.

Секито попытался избежать даже одного единственного слова.

Всегда помните, одно ведет к другому, другое – к третьему, и тогда этому нет конца. Вы теряетесь в дебрях слов. И он не захотел сказать ни слова, он просто сделал жест. И его жест был безмерно глупок, он был совершенно безмолвен.

Гозецу его не понял. Он хотел слова. Он искал слова, именно поэтому он упустил жест. Каждый раз, когда вы ищете что-то, вы упускаете истину. Не ищите *что-то*! Просто идите с пустыми руками, без всяких проекций, без всякого предубеждения, без всякого верования. Может быть, он пришел от Ма-цзы, услышав его слова, и хотел, чтобы Секито сказал что-то большее, одним единственным словом, сжа-то. Одно слово или тысяча слов... это не играет никакой роли.

Секито был всецело верен истине, абсолютно честен. Не сказав ни единого слова, он просто сделал жест. И в его жесте была *естьность*. В его жесте была *таковость*. В его жесте было все существование. В его присутствии и жесте содержалось все; ничто не было забыто. Ничего не было сказано, но все было указано – намек, обнаженная истина без одежд.

Все слова – это одежды. Чем больше слов, тем больше одежд. В конце концов образуется столько слоев языка, что истина теряется в его дебрях.

Но Гозецу упустил это, потому что ждал слова. Он был сосредоточен на слове, иначе он бы не упустил. Он был бдителен и ждал слова, но слова не прозвучало. Из-за этого сужения ума на слове он упустил безграничность *этого*, на которое Секито указывал ему жестом.

Никогда не ищите “что-то”. То, что есть, объявит себя вам само, просто будьте безмолвны и ждите. Да, ожидание – это правильный подход к истине.

Ждите, будьте свидетелем, будьте терпеливы.

Держите двери открытыми для гостя, потому что никто не знает, когда гость придет и постучится к вам в двери.

Помните ли вы небольшое стихотворение Рабиндраната Тагора “Король Ночи”?

Был один древний храм, очень древний храм. Храм был огромный. В нем были тысячи статуй и тысячи священников. Верховному священнику однажды ночью приснилось, что Бог говорит ему: “Завтра в какое-то время я приду посетить твой храм. Почисти его, подготовь его. Я впервые приду в твой храм. Ты долго ждал, и теперь время пришло”.

Он проснулся среди ночи. Он созвал всех священников из спален. Они были удивлены: “В чем дело?” – потому что такого никогда раньше не бывало.

Верховный священник сказал им:

– Мне приснился сон. Хотя это был и сон, кто знает? Может быть, это правда, может быть, это указание, что он придет.

Он стали сомневаться, посмеиваться. Они сказали:

– Ты стареешь, ты впадаешь в детство. Сон есть сон, а ты разбудил всех нас.

Верховный священник сказал:

– Простите меня, но я должен сказать, что мы не должны оставлять места для случайности. Никакого вреда не будет в том, что мы очистим храм и приготовим самую лучшую еду, лучшую комнату, чтобы он отдохнул. В любом случае, это будет для храма хорошей весенней уборкой. Его не чистили сотни лет, и это хороший случай. Если он придет, хорошо; если он не придет, не будет никакого вреда.

Они согласились с его доводом.

И он сказал:

– Если он придет, а мы ничего не сделаем, не вините меня. Я не буду за это ответствен. Я вам все рассказал.

Все они почувствовали, что в этом доводе есть какое-то зерно истины, очень убедительное. И на следующий день они очистили весь храм. Это был огромный храм. Чтобы его очистить – а его не чистили сотни лет – нужно было проделать огромную работу. Они созвали много других людей из ближних деревень, которые приходили в храм на поклонение. И они пришли, и все статуи были очищены; благовония, цветы, гирлянды, обилие сладостей и самая вкусная еда – все было приготовлено. Впервые должен был прийти Бог. Но все они глубоко внутри знали: “Это только сон, и мы напрасно беспокоимся, – но что нам остается?”

И они ждали, ждали и ждали. Наступил закат солнца, и он не пришел. И они разозлились, потому что священники не могли есть, пока не примет пищу Бог. Каждый день они предлагали еду статуям, а статуи не едят – это единственное, что есть хорошего в статуях. И вот, они предлагали пищу, но забирали ее обратно. Теперь это подношение стало священным, Бог дал пищу в подарок. Она стала *пра-садом*, святой, священной. Тогда они ее ели.

Но сегодня все было по-другому. Должен был прийти сам Бог, и если бы он застал их за едой, прежде чем он пришел, было бы плохо. К вечеру они очень разозлились на верховного священника. Они сказали:

– Твой сон потревожил нам вечер, потревожил нам день. Мы трудились весь день, и теперь мы хотим есть, но не можем есть, не можем пить. Садится солнце, день окончен. Лучше всего будет теперь

предложить еду нашим статуям, взять ее обратно, поесть и лечь спать.

Верховный священник ничего больше не сказал. Он тоже чувствовал:

– Они правы.

Но глубоко внутри его сон был таким живым и ярким, и лишь очень неохотно он им это позволил.

Но он понимал их доводы:

– Сколько мы можем ждать? День кончился, мы ждали достаточно.

И они поели. Они устали и легли спать очень рано...

И среди ночи приехала колесница Бога, производя большой шум... колеса колесницы на пыльной дороге. Кто-то услышал шум, и наполовину во сне, наполовину наяву сказал:

– Слушайте! Кажется, он приехал. Я слышал звук колес колесницы.

Кто-то закричал:

– Замолчи! Не поднимай снова эту тему. Ты что, снова хочешь нас разбудить? Это не колесница! Это только облака и гром в небе! Спи!

И колесница остановилась у храма, но дверь была закрыта. Все же он поднялся по ступеням – к храму вело много ступеней.

В Индии есть храмы с сотней ступеней, двумя сотнями ступеней, тремя сотнями ступеней... тогда вы достигаете главной двери.

Король Ночи постучал в дверь. И снова другой священник услышал стук. Он сказал:

– Послушайте, кто-то стучит в двери. Может быть, он пришел.

Снова кто-то крикнул:

– Когда вы это прекратите? Позвольте нам отдохнуть. Никто не стучит в дверь! Это просто дует ветер!

И они уснули.

Король Ночи ждал у дверей. Не было никаких признаков, что кто-то собирается открыть дверь, и он вернулся в колесницу.

Наутро они увидели, что колесница подъезжала. Они видели следы колес колесницы на пыльной дороге, видели в пыли, собравшейся на ступенях, что кто-то поднимался к двери. Но теперь было слишком поздно – ничего нельзя было сделать. Они упустили.

Это небольшое стихотворение Рабиндраната Тагора подчеркивает одно: ожидание. Никогда не достаточно. Ожидать постоянно, бдительно, свидетельствуя все, что бы ни происходило, но не ожидая, чтобы исполнилась определенная гипотеза, потому что ум обладает способностью создавать галлюцинации, которых вы просите. Вы можете увидеть Христа, вы можете увидеть Кришну, вы можете увидеть кого захотите.

Ум обладает способностью видеть сны, и видеть сны с открытыми глазами – это называется галлюцинацией. Если вы постоянно о чем-то просите, это покажется реальным. Ум может придать реальность любой лжи.

Таким образом, вы должны отложить в сторону все свои предубеждения, все свои концепции, все свои проекции... отложить в сторону всех богов. Вы должны войти в собственное существо, просто наблюдая, ожидая, доверяя существованию, что когда время созреет и придет ваша весна, трава вырастет сама собой.

Каждое дерево доверяет существованию: приходит весна, цветы расцветают, созревают плоды. Почему вы не можете ждать правильного времени? Почему вы должны предъявлять требования природе? Требовательный ум – не ум искателя. Искатель просто ждет и позволяет существованию выбрать собственное время, последовать собственной мудрости. Когда бы ни пришло время, когда вы готовы, двери откроются для вас. Вам не нужно стучать.

Иисус говорит вам: “Стучите, и двери откроются”. Я говорю вам: “Не стучите, ждите! Когда время придет, перед вами откроются двери”. Стучать значит требовать, стучать значит вмешиваться. Стучать – это проявление недоверия. Стучать – значит вынуждать существование проявиться определенным образом, согласно вашей гипотезе, согласно вашей системе верований. Нет, никакого стука! Просто ждите и наблюдайте.

Иисус говорит: “Просите, и вы получите ответ”. Нет, никогда не просите, иначе вы никогда не получите ответа. Просто ждите. В правильное время вы найдете ответ.

Иисус говорит: “Ищите и обрящете”. Я говорю вам: “Не ищите, иначе никогда не обрящете”, потому что поиски означают, что вы уже знаете, что ищете. Поиски означают, что вы уже верите в определенную гипотезу. Поиски означают, что у вас уже есть представление об истине. Это опасно. Никаких поисков, просто ждите... в полном молчании, в безмерном доверии. И по мере того как ваше молчание углубляется, вы увидите, что все случается само собой. И когда все начинает случаться само собой, углубляется ваше доверие. Это почти спонтанно.

Просто ожидая, Гозецу понял бы жест Секито. Но он спрашивал, требовал. Просто посмотрите на его вопрос: “Если ты можешь разрешить это одним словом, я останусь”. Как будто Секито нуждается в том, чтобы он остался. Он заключает сделку: “Я останусь, если ты объяснишь одним словом” – вот это требовательный ум. “Если нет, я уйду”. Кому он угрожает? Но из-за этого он оказался полным ерунды и упустил.

И даже несмотря на то, что он упустил, Секито знал, что за пределами этой ерунды был кто-то очень обещающий, бодхисатва. Как

только этот вздор будет отброшен, бодхисатва выйдет на поверхность буддой, пробужденной душой.

Секито, видя, что этот человек подает надежды, сделал жест, но Гозецу его не понял. И Гозецу простился и пошел к воротам, но Секито позвал его:

– Учитель!

Вы должны понять разницу между мастером и учителем. Мастер – это тот, кто знает, учитель – тот, кто не знает, но полон знаний. Он собрал много информации, но не пережил преображения. Поэтому когда Секито позвал его, он обратился к нему “учитель”, не “мастер”.

Он был полон знания; это показывает его вопрос. Он много слышал, много читал. Он был знатоком, знающим человеком, ученым; поэтому Секито называет его “учителем”.

Гозецу обернулся, и Секито сказал:

– От рождения до старости есть лишь единственный человек, ничего больше – не ищи больше нигде.

Что он говорит? Он говорит: “Чего ты просишь? Это с тобой от рождения до смерти, от вечности до вечности. И, просто обернувшись, ты сам дал себе ответ. Просто посмотри туда, не иди больше никуда, обернись. Обратись вовнутрь – это полное возвращение. Не иди дальше, просто обратись вовнутрь, и ты найдешь *это* – такую *сущность* существования, *татхату*. Она была здесь всегда.

Этот поворот... ‘*От рождения до старости, есть лишь единственный человек...*’ Кто обернулся? Кто услышал слово ‘учитель’? Кто последовал слову и обернулся? Вот оно! Человек у тебя внутри... ‘*человек, и ничего больше – не ищи больше нигде*’”.

При этом Гозецу был очень просветлен. Он сломал свой посох, наступив на него ногой, и остался.

Люди, которые идут в горы, берут с собой посох, чтобы на него опираться... крутые горы. И он пришел с посохом в горы, где на скале сидел Секито.

Вы знаете, что Ма-цзы сказал другому человеку, который отправлялся к Секито:

– Ты уходишь. Это очень хорошо, но помнишь ли ты, что путь Секито очень скользкий?

Он сидел на скале, и путь был очень скользкий, и каждый, кто приходил к нему, брал с собой посох.

Это действие Гозецу, когда он сломал посох, показывает, что теперь он нашел своего мастера, и не нужно больше никуда идти. Он не собирался больше спускаться с этого крутого холма. Кончено! Он это услышал, он это нашел. Этот жест с его стороны показывает, что те-

перь он остается навсегда. Все мосты разрушены. Сломав этот посох, он покончил со всеми мостами, ведущими обратно в прошлое. Он нашел человека, он влюбился. Он понял: “Ты – мастер”.

Он был очень просветлен благодаря простому действию Секито, когда тот позвал его: “Учитель!” – и он обернулся, и Секито сказал ему: “Этот человек был всегда и будет всегда. Не иди дальше”.

Очень емкое утверждение, но оно требует очень бдительного ума. Сначала Гозецу задал вопрос, он был полон этим вопросом и хотел одного слова. Было желание, стремление – всевозможные вещи. Теперь, когда он уже выходил из хижины – отбросив идею о том, чтобы что-то найти у Секито – внезапно он услышал: “Учитель!” И он обернулся. Наверное, он был совершенно пуст, потому что вопроса больше не было. Он ничего не спрашивал. В этом молчании он услышал это безупречное, глубокое утверждение: “Этот человек, который обернулся, был всегда и всегда”.

Единственное утверждение из уст мастера иногда запускает цепную реакцию и приводит безмолвное существо к просветлению. Это один из самых важных даров дзен человечеству.

Однажды Секито сказал собравшимся монахам:

– Даже если использовать язык, это не коснется сути.

Все языки не имеют отношения к сути, в том, что касается истины.

Услышав это, Якусан, другой мастер, сказал: “*Даже если не использовать язык, это не коснется сути*”.

Язык, безусловно, не имеет отношения к сути. Вы можете не пользоваться языком, держать рот закрытым, но язык вращается и вращается у вас в голове. Таким образом, просто не использовать язык недостаточно – и это тоже не имеет отношения к сути. С языком или без языка, то и другое несущественно.

“*Здесь не пройдет даже иголка*”, – сказал Секито. Он говорит: “*Здесь не пройдет даже иголка* – что касается истины, путь так узок, и только свидетельствующий, безмолвно свидетельствующий ум может пройти. Он гораздо тоньше, чем даже иголка. Даже иголка слишком груба, слишком осязаема, слишком материальна и не может пройти в нематериальное пространство существа”.

– *Это все равно что посадить цветок на камнях*, – сказал Якусан.

Оба мастера наслаждаются, разыгрывая друг друга. Это может случиться только в мире дзен; иначе – Аятолла Хомейни!.. Такого рода игривые диалоги между мастерами обладают безмерной красотой.

Сказанное Секито было абсолютно правильно, как и сказанное Якусаном – разные выражения.

– *Это все равно что посадить цветок на камнях.*

Нельзя посадить цветок на камнях. Призвать язык на службу истины – все равно что посадить цветок на камнях, где он не сможет расти. Он просто умрет. В то мгновение, как истина вносится в язык, она по пути умирает.

Но если просто не использовать язык, этого тоже недостаточно. Нужно использовать молчание. Не использовать язык – это негативно; использование языка – это позитивная сторона, но они относятся к языку. Если говорить, это позитивно; если не говорить, это негативно, – но то и другое несущественно. Нужно указать, ни используя язык, ни отказываясь его использовать. Нужно создать средство, жест – может быть, посмотреть в глаза ученику, или просто, как Секито, позвать его: “Учитель!”, и он обернется, совершенно пустой. Он поймал его в правильное мгновение.

Когда Гозецу пришел, сначала он был слишком полон знания. Теперь он отбросил идею о том, чтобы быть с Секито, и внезапно он был пойман. И каждый раз, когда вас ловят внезапно, ум не может действовать. Уму требуется время, чтобы он сообразил, что к чему. Лишь небольшое пространство не-ума и не-времени – и внезапно он осознает, что Секито говорит: “Этот обернувшийся, этот человек – и есть ответ. Это обращение – и есть ответ. Не иди дальше!”

Секито выразил одобрение сказанному Якусаном.

Он ничего не сказал, просто выразил одобрение. Мы не знаем, как он его выразил. Может быть, он взял Якусана за руку и пожал ее, или просто посмотрел в глаза и излил свою любовь, или просто остался в молчании с закрытыми глазами, излучая вибрацию человека, который знает собственное ничто.

Не говорится, как он выразил, но есть миллионы путей – согласно каждому из них, мастер использует определенный способ выражения. Но он одобрил сказанное Якусаном. Оба они сделали значительные утверждения.

Дзен – не аргументы, но то, что очень понравилось бы Мартину Буберу: диалог; диалог, в котором двое людей не навязывают друг другу своих идей, в котором двое людей пытаются вместе найти что-то экзистенциальное. Вопрос не в том, чтобы нанести поражение или одержать победу. Настоящий диалог – это когда двое людей беседуют, просто чтобы найти истину. А истина не бывает ничьей монополией – никто не победитель, никто не побежденный. Победителем выходит истина, и оба участвующих сдаются истине. Вы должны помнить в этих диалогах это иное качество.

Сократические диалоги аргументативны; они – логические. Дзенские диалоги – абсолютно за пределами логики, за пределами ума. Они очень таинственны, но гораздо более глубоки, чем сократические. Даже диалог в понимании Мартина Бубера – не окончательное понимание, потому что он продолжает диалог этими двумя словами: *я* и *ты*. В дзенском же диалоге нет никакого *Я* и никакого *Ты*.

Два дзенских мастера, каждый из которых пуст, играют точно как дети на берегу моря: бегают, находят цветные камешки и раковины... Два дзенских мастера точно как дети: вопят, вскрикивают, визжат совершенно без причины.

Вы знаете, как вскрикивает Авирбхава... Это дзенские вскрики – совершенно без причины. Потому что я с ней ничего не делаю!.. Но мне ее недостает, когда ее нет у дверей. Она – почти как гонг, объявляющий: “Мастер пришел!” Когда ее нет, мне ее недостает. Своими воплями она так похожа на ребенка, они так невинны, лишены всякой цели. Но она тотальна, когда вопит, это не из ума, это приходит из более глубоких пространств. И иногда, когда я вхожу в зал, она продолжает вопить. Моя машина уезжает, и она падает на землю в полной радости.

Диалог дзен отличается как от сократического диалога, так и от диалога в представлении Мартина Бубера.

Мартин Бубер не смог отбросить идею “*я* и *ты*”; поэтому он остался в уме, не смог войти в запредельное. А дзенское небо принадлежит запредельному.

Бончо написал:

*Пение соловья.
Редкие снежинки.*

Видите ли вы связь? Видите ли вы какую-нибудь логику?

“Пение соловья” – это одно.

“Редкие снежинки” – это совершенно другое.

Но в медитативном уме ничто не отдельно. Все вещи связаны друг с другом. Пение соловья и тонкие редкие снежинки: то и другое – части существования, и они не могут быть разделены. Только ум их разделяет: это одно, это другое. И как вам только *удается* снова их собирать? Но они *и есть* вместе, и не только эти две вещи. Потрескивание бамбука, порыв ветра в краях сосен, облака, молния, тучи, летающие с большими молниями – все взаимосвязано.

Этими двумя небольшими предложениями он сказал, что все так взаимосвязано, что нельзя создать никаких разделений.

*Пение соловья.
Редкие снежинки.*

Я слышал, что ученые говорят, что если – а однажды это случится – Солнце потеряет всю энергию... Оно ее теряет с каждым мгновением; оно прогорает. Однажды оно станет черной дырой, и на Землю не будет приходить никакого света. Свету требуется десять минут, чтобы дойти до вас, но если Солнце умрет... оно неизбежно умрет. Все-му, что родилось, однажды понадобится отдых. Все устает, все устает. Даже солнца умирают, и рождаются новые солнца.

Говорят, пройдет четыре миллиарда лет, прежде чем оно умрет. Но в вечности четыре миллиарда лет – словно четыре секунды, или, может быть, даже меньше. Но ученые говорят, что если Солнце умрет, еще десять минут вы будете получать свет. Поэтому, когда Солнце умрет, еще десять минут будет продолжаться жизнь. А потом жизни не будет, без Солнца, без тепла – никакой жизни.

Но ученые не посмотрели на это под другим углом, потому что они не знают, что есть и другая сторона. Это правда, Солнце дает нам жизнь, но это односторонне. Если на Земле жизнь исчезнет, я вам говорю, что Солнце тотчас же умрет. Не пройдет и десяти минут, потому что жизнь – это постоянное общение, это диалог.

Если нам нужно Солнце, Солнцу нужны мы! Неужели вы думаете, что восход солнца возможен без нас?

Я абсолютно уверен, что без жизни на земле солнце больше не взойдет. Для кого? Зачем? Нет больше цветов, соловьев, людей, птиц. На мертвой земле даже солнцу будет стыдно взойти, потому что все так глубоко связано – от мельчайшей травинки до величайшего солнца в небе.

Наше солнце – очень посредственное, “миддл-классовое”. Есть солнца большие, чем оно, но даже самая маленькая травинка на земле связана с самой дальней из звезд. Все они – двоюродные братья и сестры, части одного и того же существования.

Но Мартин Бубер не смог понять, что между Я и Ты может быть дискуссия, но не диалог. Для диалога не нужно Я, не нужно Ты.

Когда я прочитал его книгу “Я и Ты”, я тут же отправил ему письмо – он был еще жив – и попросил его: пожалуйста, поймите, попытайтесь понять: “Ни меня, Ни тебя”. И я сказал: “Это абсолютно необходимо для диалога. Когда вы говорите о диалоге, это только дискуссия”.

Я получил от него небольшую записку: “Я это обдумую”. Я тут же ответил: “Обдумывание ничего не разрешит. Мышление станет преградой. Именно мышление заставляет вас предполагать, что диалог происходит между Я и Ты. Я говорю из состояния не-мышления. Ни я, Ни ты – и тогда есть диалог, и очень игривый диалог”.

Он больше не ответил, видя ту ситуацию, что все, что бы он ни сказал, будет частью мышления. Он был великим мыслителем, несомненно, но даже величайшему мыслителю нечего сказать об истине. Только пространство, которое за пределами ума, приводит вас ближе

к жизни и существованию. И если два человека утвердились в существовании и сонастроились с ним, нет ни Я, ни Ты – только игра. Эту игру можно назвать диалогом. Только дзенские мастера знают, что такое диалог.

Вопрос Маниши:

Наш Возлюбленный Мастер,

Хьюберт Бенуа предлагает идею, что даже те люди, которые достаточно развиты интеллектуально, чтобы не верить в личного Бога, все же сохраняют эту концепцию, хотя и в других терминах.

Он говорит: “Они воображают свое сатори и себя после сатори, и это становится личностным Богом – насильственным идолом, беспокоящим, злопамятным. Они должны реализовать себя, они должны освободить себя. Их ужасает мысль, что они могут не достичь этого состояния, и приводят в восторг внутренние явления, несущие надежду”.

Возлюбленный Мастер, согласился бы ты, что есть опасность, что это случится с медитирующими?

Маниша, Хьюберт Бенуа написал очень ученую книгу о дзен, “Высшая доктрина”, но это – только интеллектуальное понимание. Хотя он и был в Японии и жил в дзенских монастырях, он только наблюдал за медитирующими, а думает, что узнал внутреннюю историю – и в этом он ошибается.

Просто быть в дзенском монастыре еще не значит, что ты становишься внутренним его участником. Ты все еще зритель – ты наблюдаешь, как другие медитируют. Ты не медитируешь, а пока не медитируешь ты, в тебе обязательно будут возникать такие вопросы.

Таким образом, Хьюберт Бенуа написал прекрасную книгу для интеллектуалов. Он – гигант, и я не думаю, что есть другая книга, написанная западным философом или мыслителем, описывающая дзен лучше, чем “Высшая доктрина” Хьюберта Бенуа.

Но все же он – интеллектуал, очень полированный, рафинированный; его доводы красивы, но не основываются на опыте; они не экзистенциальны. Именно поэтому он смог сказать, что люди даже в сатори думают, что они *есть*. Но если они думают, что они есть, значит, это их личностный Бог – он снова утверждает себя. Они отрицают Бога, но теперь они сами стали Богом. Но это точка зрения постороннего. Он не знает, что такое сатори.

В сатори, или самадхи (*сатори* – это японское название *самадхи*) человека нет. Так кому считать себя Богом? Гаутама Будда использует слово *анатта*. В пали, языке, которым пользовался Будда, *атта* значит “я”, а *анатта* – “не-я”. В самадхи, в сатори ты приходишь к точке, когда внезапно вспоминаешь, что тебя нет – лишь чистое пространство, пульсирующее жизнью, танцующее в радости, но *тебя*

больше нет. Ты расплавляешься, точно как тает и становится океаном лед.

Он озабочен, потому что не знает настоящего опыта сатори. Он говорит: “Они *должны* реализовать...” Нет вопроса о реализации. Реализовывать некому, и нет речи ни о каком “должны”. В языке дзен нет слова “должен”.

Я прочитал книгу, написанную известным американским автором, Наполеоном Хиллом – “Ты должен расслабиться”. Если есть слово “должен”, какое может быть расслабление?

И Хьюберт Бенуа говорит: “Они *должны* реализовать”. Нет никого, чтобы реализовывать. О ком он говорит? “Они *должны* реализовать себя, они *должны* освободить себя”. От кого? Никого нет. Освобождение – когда тебя нет. Нет речи о том, чтобы освободить себя, потому что, когда ты свободен, тебя не будет.

Но это проблема всех интеллектуалов. Они не могут смотреть за пределы слов, логики и языка. “Ты *должен* реализовать” и “Они *должны* освободить” – но кого? Нет никого, кто не освобожден, как нет и никого, кто бы заставлял их оставаться не освобожденными. Это просто освобождение!

Медитирующий приходит к видению того, что он освобожден от самого себя. Его больше нет – это и есть его освобождение. Но, смотря снаружи, даже человек такого утонченного и культурного ума, как Хьюберт Бенуа, совершенно упускает суть.

Когда ты глубоко в медитации, тотчас же тебя нет – это освобождение, и никакого другого освобождения нет.

Мы достаточно долго были серьезными. Пришло время Сардара Гурудаяла Сингха. Зажгите свет! Хорошо, что вы можете быть серьезными, пока темно, но когда зажигается свет, расцветает смех.

Однажды днем в приемную Доктора Хорошее-Самочувствие, спотыкаясь, входит Бастер Чаббз. Это самый изможденный пациент, которого только Доктору Хорошее-Самочувствие приходилось видеть за последнее время.

– Я не могу спать, доктор, – стонет Бастер и рвет на себе редящие волосы. – Слева от меня собаки, справа собаки, собаки везде! Они лают всю ночь – и я вам говорю: от них я скоро совсем спячу!

– Не волнуйтесь, – говорит Хорошее-Самочувствие сочувственно. – На рынке появилась новая снотворная таблетка, которая называется “Отключка”. Я прописывал ее с большим успехом. Попробуйте ее!

Бастер Чаббз заходит в аптеку, покупает упаковку новой таблетки и, спотыкаясь, бредет домой. Через неделю он возвращается в приемную Хорошего-Самочувствия. Он выглядит еще хуже, чем прежде.

– Бесплезно, док, – стонет Бастер. – Я не спал целую неделю. Я провожу всю ночь, гоняясь за этими *проклятыми* собаками. И даже когда я их ловлю, они отказываются глотать таблетку!

Молодой Дункан Мак-Ферсон на цыпочках входит в комнату, где Хамиш Мак-Тавиш сидит у огня, читая газету.

– Мистер Мак-Тавиш, – говорит молодой Дункан нервно. – Я пришел попросить вашего любезного позволения. Я хотел бы попросить у вас руки вашей дочери, Тилли.

– Так-так, мой мальчик! – говорит Хамиш, поднимая глаза. – Прежде чем я скажу хоть слово в этом деле, скажи, видел ли ты уже мою жену, миссис Мак-Тавиш?

– Да, сэр, – отвечает Дункан. – Но все же я предпочитаю вашу дочь!

Сцена в Подмосковье очень снежной зимой. Колоссус Г. Магнус, величайший голливудский режиссер всех времен – известный как Биг Джи Магнус – готов завершить самый свой дерзкий эпический замысел, мультимиллиардный фильм: “Наполеон пожирает Россию!”

По краям огромной заснеженной равнины Биг Джи Магнус соорудил четыре вышки, каждая из которых была оборудована камерами, светом и обслуживалась командой звукооператоров.

Гигантские снежные машины стоят наготове, готовые произвести немедленный порыв снежного бурана. Команды готовы, и актерский состав из пяти тысяч солдат, с лошадьми, пушками, мечами и всем остальным, замерли и готовы к действию.

Большой снежный насос медленно начинает вращаться, и внезапно режиссер Магнус, сидя на башне номер четыре, кричит:

– Действие!

Невероятный накал битвы начинается с яростью и полным правдоподобием. Сорок минут русские и французские армии сражаются, восстанавливая историю, среди канонады пушек и криков людей и лошадей.

В конце концов Биг Джи Магнус кричит в микрофон:

– Стоп!

Тотчас же актеры, техники и команды раздражаются громкими одобрительными криками и аплодисментами.

Биг Джи удовлетворенно улыбается сам себе и тянется к телефону. Он набирает номер башни номер один.

– Вы все засняли, Пэдди? – спрашивает режиссер.

– Мистер Магнус, – икает Пэдди, – сегодня четверг – электричество отключили! Мы не сделали ни одного кадра!

Кажется, Пуна тоже принадлежит России – каждый четверг электричество отключается!

– Что!?! – вопит Магнус, бросает трубку и набирает номер башни номер два.

– Симус, – вопит продюсер, – как у вас прошло?

– Мистер Магнус, – отвечает Симус, – пожалуйста, не сердитесь, но мои операторы забыли вставить пленку в камеры.

– Идиоты! Болваны! – кричит Биг Джи. – Вы все уволены!

Лихорадочно Магнус вызывает башню номер три.

– А что у вас, Син? – кричит он, покрываясь испариной. – Как все прошло?

– Ах, мистер Магнус! – отвечает Син. – Никогда в жизни не видел такой сцены! Это войдет в историю кинематографа! Вы гениальны!..

– Хватит ерунды, Син! – кричит Биг Джи. – Ты заснял это на пленку?

– На пленку? – говорит Син. – Вы хотели, чтобы я это снимал? А я думал, это репетиция!

– Болван! – ревет Магнус. – Имбецил! Ты никогда больше не будешь у меня работать!

И он швыряет трубку телефона.

Биг Джи Магнус вытирает лоб платком и оборачивается к собственному оператору, Нискрие Каменноголовому.

– Хвала Господу Иисусу Христу! – кричит Магнус. – Слава Богу, хотя бы ты здесь, Каменноголовый! Я уверен, что здесь все в порядке!

– Абсолютно! – подтверждает Нискрия Каменноголовый. – Первый класс – первый номер!

– Достаточно пленки в камере? – спрашивает Биг Джи.

– С избытком, Мистер Магнус, – отвечает Каменная Голова.

– Звук в порядке? – спрашивает Магнус.

– Держу пари! – отвечает Каменная Голова. – Полный порядок.

– А эти лампы из Берлина нормально работают? – спрашивает Магнус.

– Просто потрясающе! – восторженно отвечает Нискрия.

– Слава Богу! – кричит Магнус.

– Йа! – говорит Нискрия. – Я готов начать, только подайте знак!

Ниведано...

Ниведано...

Стоп. Закройте глаза...

Будьте в молчании... почувствуйте, что ваше тело застыло, словно замороженное.

Это подходящее мгновение, чтобы двигаться вовнутрь.

Соберите всю свою энергию, всю тотальность сознания и устремитесь к центру своего существа. Он находится прямо под пупком – в двух дюймах от пупка, внутри. Японцы называют его *харой*. Это – центр жизни. Вы должны двигаться быстрее, с такой поспешностью, словно это мгновение в вашей жизни последнее.

Сейчас или никогда.

Быстрее и быстрее...

Глубже и глубже...

По мере того как вы приближаетесь к центру, на вас нисходит неслуханное молчание, словно вас орошает дождь, мягкий дождь. Вы ощущаете его прохладу.

Еще немного ближе к центру, – и вас окружает безмерный покой. Все внутреннее существо наполняется светом, сиянием, которого вы никогда раньше не знали... блаженное мгновение, совершенно экста-тичное.

Это подходящее мгновение, чтобы шагнуть в сам источник жизни. Вы почувствуете себя опьяненными божественным. Вы найдете свое оригинальное лицо. Символически лицо Гаутамы Будды было принято на Востоке как оригинальное лицо каждого.

Помни лишь одно: у будды только одно качество – качество свидетельства.

Свидетельствуй, что ты – не тело...

Свидетельствуй, что ты – не ум...

Свидетельствуй, что ты – только свидетель и ничто другое. Это поведет тебя глубже и глубже, в сам источник существа. Это откроет двери в вечность.

Чтобы сделать это свидетельство более и более глубоким, Ниведано...

Расслабьтесь... но помните, что вы – только свидетель. Вы – не тело, не ум, только чистое свидетельство. И тотчас же Аудитория Гаутамы Будды начинает становиться океаном сознания. Десять тысяч будд исчезают как отдельные существа в одном океаническом сознании.

В это мгновение вы – самые блаженные люди на земле.

Все заняты банальностями, никто не заботится о том, чтобы смотреть вовнутрь. Глаза всех остальных сфокусированы на объектах, которые вам не помогут, которые не останутся с вами.

Смерть отнимет у вас все: деньги, власть, престиж. Смерть оставит только одно: свидетельство. Если оно у вас есть, смерти нет. Если у вас его нет, нет ничего, кроме смерти.

Есть три шага, которые нужно запомнить в это мгновение молчания. Первый шаг – будда следует за тобой как тень. Второй – вместо того чтобы будда был тенью, тенью будды становишься вы. И третий – ты исчезаешь, исчезает даже тень тебя, и остается лишь будда.

Остается лишь чистое свидетельство – не Я, не Ты, не Бог, не душа, лишь безграничное ничто. Громадная вселенная открывает тебе все свои двери, изобильно вливается в тебя... великолепие, чуде-

са. Твоя жизнь начинает становиться волшебством, изяществом, красотой, истиной.

Соберите все эти опыты, которые испытываете теперь. Вы должны принести их из центра на поверхность, внести в обычную повседневную жизнь.

И убедите будду прийти вместе с вами. Он – ваша *дхамма*, он – ваша природа, он – ваше *дао*. Он обязательно придет. Он ждал и ждал, но вы никогда его не приглашали. Вы никогда даже не заботились о нем.

Долгое время, тысячелетиями, он ждал внутри, точно как семя. Дайте ему пространство. Пригласите его, чтобы он мог прорасти на поверхность, точно как лотос, вырастающий из грязи и проходящий сквозь воду, раскрывающий лепестки к солнцу, луне и звездам.

Ниведано...

Вернитесь... но вернитесь как будда. Вернитесь с изяществом, молчанием, покоем. Посидите еще несколько мгновений, чтобы напомнить себе золотой путь, которым путешествовали, безмерное молчание, покой и экстаз, которые пережили. Вы все еще пьяны божественным.

Вы ощущаете будду позади вас, его тепло, его любовь, его присутствие. Он – только присутствие, он не личность.

Я надеюсь, что за первым шагом последует второй, за вторым последует третий, и недалеко будет день, когда вы найдете, что вас больше нет и есть только существование. Это будет самый славный в день в вашей жизни. Не только вы будете праздновать, все существование будет праздновать вместе с вами.

Празднование – это мой манифест.

Пусть это будет и вашим манифестом.

Хорошо, Маниша?

Да, Возлюбленный Мастер.

Придите на собственный праздник

*Наш Возлюбленный Мастер,
Шодай, родившийся в Китае в 788 году и умерший в
820, был учеником Секито.*

*Шодай оставался на горе Нангаку у Секито три
года, затем пришел на гору Шуко, где встретился с Ма-
цзы.*

Ма-цзы спросил:

– Зачем ты сюда пришел?

– Я пришел на даршан джамуны будды, – сказал

Шодай.

– У Будды нет даршана джамуны, – сказал Ма-цзы.

*– Даршан джамуны есть мир иллюзии. Ты пришел с горы
Нангаку, но, кажется, ты еще не знаешь, что тебе
нужен Секито. Поэтому ты должен вернуться
обратно.*

*Услышав это, Шодай пришел к Секито. Встретив
мастера, Шодай спросил Секито:*

– Что такое будда?

– В тебе нет природы Будды, – сказал Секито.

– А во всех живых существах? – спросил Шодай.

– В них есть природа будды, – ответил Секито.

– Почему ее нет во мне? – спросил Шодай.

– Потому что ты ее не принимаешь, – ответил

Секито.

При этом Шодай решил остаться.

*Впоследствии он жил в храме Шодай-джи и
тридцать лет не выходил наружу. Каждый раз, когда
к нему приходил искатель, он говорил:*

– Уходи: в тебе нет природы Будды.

Друзья,

Знаменитый психоаналитик, Франц Штрунц из Мюнхена, изучая поведение ребенка в снах, нашел, что изначальная идея Зигмунда Фрейда была ошибочной.

Изначальной идеей Зигмунда Фрейда было, что ребенок – каждый ребенок, особенно в цивилизованном и культурном мире – живет под гнетом подавляющей морали, подавления священников, подавления родителей и не может ясно понимать, почему его естественное и спонтанное поведение неприемлемо. Он еще не вырос в уме – ум приходит постепенно, – но родился естественным существом. Поэтому ему оказывается очень трудно понять, почему осуждают его естественное поведение.

Но поскольку он вынужден зависеть от родителей – совершенно беспомощный, – ему приходится принять Бога, в которого верят родители, принять все заповеди, в которые верят родители. И они толкают ребенка в церковь или в иную религиозную организацию, к которой принадлежат. Это начало программирования ребенка.

Изначальным тезисом Зигмунда Фрейда было то, что под влиянием этих обстоятельств ребенок находит свободу только в снах. Нет больше родителей, нет священников, больше нет Бога... никакой морали, никакого осуждения, никакого подавления, никаких ограничений. В снах он живет очень естественной и приятной жизнью. Это становится для него заменителем. И я абсолютно согласен с Зигмундом Фрейдом.

Ребенок еще не знает, что такое сон и реальность, чтобы это осознать, требуется немного времени. Именно поэтому вы не сможете вспомнить, если будете двигаться вспять. До возраста четырех лет, может быть, вы кое-что вспомните; далее все совершенно пусто, тогда как что-то происходило. С вашего рождения и до возраста четырех лет что-то происходило, но у вас в памяти не осталось ничего, потому что у вас еще не было ума.

Ум – это продукт общества. Требуется, по крайней мере, четыре года, чтобы запрограммировать ребенка так, чтобы он был готов принимать все, что ему говорят, потому что он знает, что если он это отвергнет, то пострадает от наказания – и не только здесь, но и потом, в адском огне.

Но в снах, до четырех лет, он наслаждается абсолютной свободой. Поэтому Зигмунд Фрейд говорит, что сны ребенка очень приятны, очень красивы. Фактически, ребенок может справляться с действительностью только благодаря снам. Сны компенсируют.

Этот человек, Франц Штрунц, подверг исследованию сотни детей и их сны, и его заключением было, что Зигмунд Фрейд ошибался. Таким образом, сначала я должен привести вам его утверждение.

Взгляды Зигмунда Фрейда были подвергнуты пересмотру мюнхским психологом Францем Штрунцем.

Зигмунд Фрейд заявлял, что детские сны открывают ориентированную на удовольствие природу ночных плодов воображения, не стесненных угнетением и подавлением эмоциональных установок взрослых, и направленных на осуществление тайных желаний.

Очевидно, сны остаются очень личными. Никто не может войти в ваши сны, никто не может знать, что вам снится. Ребенок располагает абсолютной свободой, но он не свободен, когда просыпается – естественно, он компенсирует. Если ребенку в чем-то отказывают в жизни бодрствования, он исполняет эти желания во сне. И поскольку он не может сделать разграничения, что сон – это просто сон, а действительность – совсем другое дело, он совершенно счастлив. Он может терпеть это общество, и его подавляющую культуру, и все эти неестественные требования, предъявляемые религиями, их Богом, их священниками, просто благодаря тому, что у него остается свобода, хотя бы когда он спит.

Это было подвергнуто пересмотру этим мюнхским психологом:

Исследование Штрунца показывает, что ночные фантазии детей чаще всего сопровождаются сдерживающими чувствами неловкости и огорчения, и что всевозможные угрожающие животные, воры, грабители, убийцы, катастрофы, смерть и пугающие незнакомцы очень беспокоят спящих детей.

Большинство детей, – говорит он, – парализует страх опасностей, которые им снятся.

Я абсолютно не согласен с этим мюнхским психологом. Поспешив подвергнуть критике Зигмунда Фрейда, он забывает, что Зигмунд Фрейд исследовал сны совершенно других детей. С тех пор случилось большая перемена, которую он не принял во внимание, – телевидение.

Именно телевидение изменило сны детей – то, что не удалось Богу, не удалось священнику, не удалось родителям. Они применяли алфавитный язык, логику, которой ребенок еще не способен был понять. Ребенок живет очень первобытно. Он понимает картинки; его логика образна. Его сны – очень яркие, очень красочные и живые.

Телевидение оказало огромное влияние на детей, на их поведение, на их сны, потому что сны и телевидение выглядят похожими. И ребенок не может сделать различия между телевидением и снами. И

по телевизору он видит все те вещи, которые этот мюнхский психолог пытается привести в опровержение основной гипотезы Зигмунда Фрейда: “...стесняющие чувства неловкости и огорчения, всевозможные угрожающие животные, воры, грабители, убийцы, катастрофы, смерть и пугающие незнакомцы очень беспокоят спящих детей”.

Все это – дары телевидения. Это не имеет ничего общего с основной гипотезой Зигмунда Фрейда; она по-прежнему верна.

Но именно так бессознательны даже ваши психологи, всемирно известные люди. Он совершенно забыл, что между ним и Зигмундом Фрейдом случилось что-то новое – и это было телевидение. Это изменило не только сны ребенка, но и его поведение.

Он видит всевозможные ограбления, изнасилования, убийства, воровство... видит по телевизору всевозможных опасных людей. Это образно. Проповеди священника не образны, они лингвистичны. Учения родителей были лингвистическими, а он еще не мог понимать язык и логику. Но картинки он понимает. И телевидение дало умам детей всевозможные угрожающие, волнующие, опасные идеи.

Именно телевидение должно было привлечь внимание этого психолога. Но вместо того чтобы сосредоточиться на телевидении, он тут же принялся критиковать Зигмунда Фрейда.

Я привожу этот пример, чтобы дать вам представление о том, что даже ваши психоаналитики, психиатры, психологи так же бессознательны, как и все остальные. Они ничем не отличаются от других.

Изменились не только сны, изменилось и поведение детей.

В Америке несколько дней назад один ребенок пришел в школу с отцовским пистолетом, начал стрелять – наугад – и убил четырех детей. Они не были его врагами, ничего подобного – просто наугад. Он начал стрелять, потому постоянно видел по телевизору убийство... столько волнения. И это не исключительный случай.

Маленькие мальчики пытались насиловать маленьких девочек. Эта идея была дана телевидением. Дети возраста семи и восьми лет принимают наркотики. Они оставили хиппи далеко позади. По крайней мере, чтобы быть хиппи, нужно было дорасти до восемнадцати, девятнадцати, двадцати лет...

“Хиппизм” существует только от двадцати до тридцати лет. После тридцати лет хиппи исчезает – на его место приходит йиппи. К тому времени, как ему тридцать, он начинает понимать, что такой образ жизни не может длиться долго. Теперь родители отказываются его поддерживать, и хиппи приходится вписаться в квадратный мир. Ему приходится вернуться в то же самое общество, чисто выбритым, хорошо одетым, выглядящим очень профессионально и эффективно. Йиппи доказали, что способны на многое. Теперь у них есть свои до-

ма, машины, жены, дети. И никто не может себе представить, что эти люди ходили по улицам грязными, немывтыми.

Не мыться – это было их философией. Это была реакция, потому что родители им говорили: “Чистота угодна Богу”. И они услышали новость, что Бог умер. Что теперь ему угодно? Чистота? Реакция была направлена против родителей и их постоянных попыток подавить их природу. Они стали двигаться в одну крайность, в другую крайность. Они создали философию грязи, нечистоты. Но тогда они стали отщепенцами, и общество их не принимало; они перестали в него вписываться.

Но им это удавалось только до тридцати лет. К тому времени родителям надоело – они сделали все, что только могли, но они их не слушали. Они не ходили в церковь, они двигались в направлении Кабула, Кулу Манали, Катманду, Гоа... и в конце концов оказывались в Пуне! Таким был их маршрут. Вы знаете, какой маршрут привел вас сюда – Пуна становится тупиком!

Но новые дети принимают наркотики, потому что смотрят всевозможные истории о наркотиках по телевизору, и, конечно, им становится интересно. Детям очень любопытно исследовать все, что они видят по телевизору. Семилетние дети принимают наркотики, тяжелые наркотики, и эта опасность в Америке распространяется.

Их сны полны опасностей, убийств, самоубийств – именно это они смотрят в среднем семь с половиной часов в день! Нельзя ожидать... Если выбрасывать треть своей жизни на телевизор, это окажет глубокое влияние. Дети понимают язык образов, и телевизор приносит все эти красочные, волнующие чувства истории.

Их сны изменились, изменилось их поведение.

Я хотел бы, чтобы этот мюнхский психолог провел исследование в каком-то месте, куда еще не вошло телевидение, и я абсолютно уверен, что ему придется согласиться с гипотезой Зигмунда Фрейда. И если он действительно хочет глубоко войти в это исследование, ему следует обратиться к аборигенам, которых еще не коснулось даже телевидение. Их не коснулся даже священник, даже о Боге еще ничего не слышали. Люди живут естественно: никакой подавляющей, ограничивающей морали. Если Франц Штрунц попадет в такие места, он будет удивлен.

Сначала он должен исследовать страны, в которые еще не вошло телевидение, потому что там он найдет детей, которых изучал Зигмунд Фрейд.

Я знал детей в Индии... почти девяносто процентов, или даже больше, детей в Индии не имеет ни малейшего понятия о телевизоре или кино. Маленькие деревни... Я сталкивался с людьми, которые никогда не видели даже железнодорожного поезда. Электричество еще не добралось до многих мест, поэтому о телевидении нет и речи. И

телевидение лишь недавно было представлено в Индии, и только в больших городах – Бомбей, Нью-Дели, Калькутта, Мадрас, – может быть, там есть телевидение, но это небольшие части страны. Он может изучать детей.

Я изучал детей в своих собственных целях и могу дать гарантию, что если телевидение и кинематограф до них еще не добрались, вы найдете гипотезу Зигмунда Фрейда абсолютно правильной. А если пойти к аборигенам...

В частности, одно племя аборигенов в Бирме было исследовано психологами, и они не могли поверить: это племя никогда не участвовало ни в одной войне. Они не ссорятся друг с другом – даже в снах. Им снится не так много снов, как вам. В этом племени есть сотни людей, которые никогда не видели снов. Когда вы говорите о снах, они просто смотрят на вас: “О чем вы говорите? Когда мы спим, мы спим. Что такое сны?” В их языке нет слова, означающего сновидение.

И если изредка маленькому ребенку снится сон, или взрослому снится сон – например, ему снится, что он ссорится с соседом или вступает в отношения с какой-то женщиной – прежде всего рано утром он должен признаться в этом сне своим родителям. И тогда все старейшины деревни собираются, чтобы решить, кого этот человек убил во сне, или с кем поссорился, или в какую женщину влюбился. Они это устанавливают. Он дает полное и подробное описание, очень яркое и реальное. И они устанавливают, кто этот человек – племя немногочисленно.

Затем старейшины племени говорят человеку, увидевшему сон: “Ты должен принести сладости, цветы и подарки этой женщине, сообщить ей, что плохо с ней обошелся во сне и пришел попросить прощения. Пойди и попроси прощения у женщины или мужчины, с которыми был насильствен. И оставайся с ними, не уходи, пока они тебя не простят”. И, очевидно, этот человек не имел с этим ничего общего, – его не убили, это был только сон, – и он готов дать прощение.

Такой их культура была много тысячелетий: даже сны нужно было принимать во внимание. И конечным результатом стало то, что этим людям обычно ничего не снится. Изредка кому-то снится сон, и это происходит только если он подавляет что-то естественное. Например, он посмотрел на женщину с вожделением, но не смог выразить этого в реальности; поэтому появляется сон, в качестве исполнения желания.

Этому обществу известен гораздо лучший психоанализ, чем нашему так называемому цивилизованному миру. Эти люди практиковали психоанализ тысячи лет, и их метод гораздо эффективнее. Они

совершенно освободили людей от снов. Они знают подлинный сон, который Патанджали называет сном без сновидений.

Он разделяет состояния ума на четыре части: так называемое состояние бодрствования, состояние сновидения, затем, немного глубже – сон без сновидений, и еще глубже – самадхи; последнее называется настоящим бодрствованием, которое делает человека буддой.

Но у этих первобытных племен вообще не бывает состояния сновидения. Из состояния бодрствования они просто движутся в сон без сновидений. И они невинны, очень дружелюбны. За всю историю – ни единой войны, ни единого убийства, ни единого самоубийства! Они точно как цветы: невинные, естественные.

При этом вы называете себя цивилизованными, а их – первобытными... дикарями... язычниками?..

Таким образом, если этот психолог действительно заинтересован, сначала он должен изучить людей, у которых нет телевидения, которые не знают кинематографа, и он найдет гипотезу Зигмунда Фрейда абсолютно правильной.

Затем ему следует изучить этих аборигенов, которые живут так естественно, без всякой подавляющей церкви, без всякого христианства, без всякого Бога, без всякого священника... точно как животные, точно как птицы, точно как деревья: часть этого громадного существования, естественно струящаяся, – у них совсем нет снов. Изредка кому-то снится сон, но лишь изредка. И тогда старейшины сообщества собираются, чтобы решить, что делать.

Сначала нужно определить, кто на самом деле был человек, который приснился. Увидевший сон приводит все подробности, затем приходит с извинениями и подарками: сладостями, фруктами, цветами, – эти люди бедны. Он просто предлагает эти подарки и просит прощения. Во сне он обошелся с этими людьми плохо, проявил гнев, насилие, похоть. Теперь непременно и обязательно он должен попросить прощения: “Пока они тебя не простят, сиди перед их домами...”

Это более подлинный психоанализ: вместо того чтобы лежать на кушетке психоаналитика или пересказывать свои сны... Это продолжается до бесконечности, потому что каждый день вы столько всего подавляете, что это всплывает в снах. Ни один психоанализ никогда не был завершен. В мире нет ни единого человека с завершенным психоанализом.

Психоанализ нельзя завершить, потому что каждый день создается свежий материал для новых снов. Вы продолжаете анализ, а священник продолжает вас подавлять, – прикрываясь именем Бога.

Бог и священник совместно составили заговор против человеческого сознания, так глубоко и насильственно, что потревожили и ваше состояние бодрствования, и состояния сновидения. И поскольку

эти состояния потревожены, вы не можете пойти за их пределы. Эти нарушения удерживают вас привязанными и занятыми.

Люди, которые движутся прямо из бодрствования в состояние сна без сновидений, с легкостью способны соскользнуть в четвертое состояние. Именно поэтому дзенские мастера древности всегда говорили, что нужно только расслабиться, ничего не нужно делать.

Дело не в том, чтобы что-то делать, дело в том, чтобы не-делать. Просто расслабьтесь и отдохайте, и вы можете достичь четвертой стадии, в которой, внезапно, вы впервые пробуждены. Тогда вы знаете, что так называемое пробуждение не было подлинным, оно было крохотным, тонким слоем, очень раздробленным, почти бесполезным.

Вы удивитесь, узнав, что в этих первобытных обществах нет будд. В этом нет надобности. Эти люди в конце концов естественно входят в четвертую стадию. По мере того как они получают больше и больше опыта, становятся более и более мирными, центрированными, они начинают двигаться в четвертую стадию без всяких усилий, без всякого учения, без всяких писаний.

Если вы меня понимаете – естественная жизнь оканчивается просветлением без всякого усилия. Внезапно вы найдете, что вы – просветленный. Именно поэтому никакого признания не дается просветленному человеку. Это естественное явление, точно так же, как если каждый розовый куст хорошо поливать, позволить ему получать достаточно света, предоставить хорошую почву, он придет к цветению. Это не чудо.

Каждый человек приходит к цветению, становится Гаутамой Буддой без всякого усилия. И поскольку каждый естественный человек обязательно становится просветленным, из этого не выносятся никакого признания. Точно так же за детством следует молодость, за молодостью – средний возраст, за средним возрастом – старость, и вы знаете, что за старостью следует смерть. Это естественная последовательность.

Природа будды должна быть естественной последовательностью. Это не так – из-за вашего Бога, из-за вашего священника и писаний; они вам препятствуют. Свобода от всего этого абсолютно необходима.

И, странное дело, каждое правительство знает, что телевидение наносит людям огромный вред, разрушает их физическое самочувствие, разрушает их умственное здоровье. Тем не менее, поскольку все крупные корпорации, поддерживающие политиков на выборах, владеют этими телевизионными компаниями... У церкви есть собственные телевизионные станции, радиостанции, журналы, газеты – под измененными названиями, чтобы вы их не узнавали.

Одно британское издательство, Шелдон, опубликовало девять моих книг. Я понятия не имел, что это был только фасад, а позади стояла церковь. Когда церковная администрация узнала, что публикуются мои книги, тогда узнал и я. Человеку, работавшему управляющим Шелдон Пресс, наверное, нравились мои мысли, мой подход. И он продолжал печатать, не спрашивая разрешения у церкви. Было опубликовано девять книг. Но затем он мне сообщил: “Церковь узнала, что я печатаю ваши книги, и наложила на это абсолютный запрет. Поэтому, пожалуйста, извините меня, но я больше не могу продолжать печатать. Администрация отдала приказ, чтобы эти книги были пущены в переработку, – все, которые уже напечатаны – чтобы они были уничтожены”.

Но этот человек, наверное, очень меня любил. Он не отдал их на фабрику в переработку. Он продал их комиссионному книжному магазину и сообщил моим саньясином: “Вы можете их найти в комиссионном магазине”. И мы получили все книги по бросовой цене, но это устроил именно управляющий Шелдон Пресс. Тогда мы узнали, что название “Шелдон” было фальшивым. Никто бы не подумал, что оно имеет какое-то отношение к церкви.

Из Германии мне сообщили, что все большие газеты принадлежат церкви, но вы об этом не узнаете. Телевизионные каналы принадлежат церкви, радиостанции принадлежат церкви. Спутники принадлежат церкви... и крупным корпорациям.

Люди не присматриваются к крупным корпорациям, международным, как, например, Кока-кола. Только Советский Союз не знал Кока-колы, но товарищ Горбачев запустил Кока-колу в Советский Союз. Теперь единственное международное явление – Кока-кола. Куда бы вы ни приехали, вы везде найдете рекламные щиты: “С Кока-колой жизнь становится лучше”.

Сейчас есть десять расширяющихся корпораций, и одно из исследований говорит, что в ближайшие десять лет в мире останутся только эти десять корпораций, потому что они скупают все мелкие корпорации. Мелкие корпорации не могут с ними конкурировать. Эти десять корпораций получают все богатство мира, под разными названиями, чтобы вы даже не заподозрили этого нового и очень тонкого вида империализма, чтобы вы никогда не смогли установить, кто за этим стоит.

Этим корпорациям принадлежат почти все телевизионные каналы, а их не интересует психология людей, не интересует, что их беспокоит. Весь их интерес состоит в том, что пятьдесят процентов телевизионного времени выделено рекламе – это их доход. Но этот доход возможен, только если миллионы людей смотрят их программы, иначе никто не станет размещать рекламу.

Чтобы привлечь миллионы людей к этим программам, они должны сделать их как можно более будоражащими. В истории должен быть треугольник: две женщины и один мужчина, двое мужчин и одна женщина. Каждый день нужно показывать убийство, самоубийство, помешательство, безумие и всевозможные сенсации. Это одна и та же история, и она продолжается.

И вам не позволяют увидеть всю историю целиком. Вам дают фрагмент, затем идет реклама. Когда вы разгорячены, взволнованы, внезапно входит реклама. В разгоряченном, уязвимом состоянии вы тут же проглатываете рекламу. Вам все равно, здоровая эта вещь или нездоровая, нужна она вам или нет; она просто оставляет отпечаток у вас в уме.

И снова продолжается история, и у вас даже нет времени обдумать то, что вошло вам в ум; вам не дают шанса обдумать. Снова начинается история, и вы забываете о рекламе. Снова фрагмент, и снова повторяется та же реклама. Это продолжается с шести часов утра до двенадцати ночи. И в людей просто впечатывается всевозможная ерунда и глупость.

Телевидение стало одной из величайших опасностей человечества. Оно могло бы быть огромным блаженством, великим благословением. Оно могло бы приносить огромную пользу в деле образования.

С моей точки зрения, все телевизионные станции должны принадлежать университетам, колледжам, школам. И они должны показывать программы, приносящие людям образование. Никакой рекламы! – это не образование, это деобразование, это эксплуатация. Людей нужно учить истории, географии... Маленьких детей, которые не могут получить сведений посредством языка, легко заинтересовать изучением истории, изучением географии, изучением всевозможных предметов. Науки, искусства, литература, поэзия, живопись... все возможные искусства можно принести детям всех возрастов.

Таким образом, должны быть телевизионные станции для маленьких детей, затем, некоторые станции для выпускников колледжей. И должно быть телевидение для высших курсов, для аспирантов и ученых-исследователей. Профессора должны получать постоянную информацию обо всех новых открытиях, иначе они начинают отставать от жизни, жить почти двадцать лет назад. Двадцать лет прошло с тех пор, как они сами учились в аспирантуре, но это знание уже устарело.

При помощи телевидения будет очень легко обновлять профессоров. Предоставлять студентам всевозможные предметы, все, что их интересует... Если их интересует музыка, их можно учить музыке, технике музыкальных инструментов. Если их интересует живопись, их можно учить живописи, скульптуре. Их можно учить медитации. Есть все возможности, если только телевидение вырвать из рук экс-

плуататоров, из рук религиозных проповедников. И тогда дети будут абсолютно подтверждать гипотезу Зигмунда Фрейда.

Этот человек пошел на поводу у мстительности. Так бывает всегда. Поскольку Зигмунд Фрейд считается основателем психологии, каждому психологу хочется ему отомстить, точно как каждому ребенку хочется отомстить родителям.

Это исследование просто показывает очень глубоко скрытый секрет этого психолога: он хочет отомстить фигуре отца, Зигмунду Фрейду. Иначе было бы так просто понять, что технология принесла детям множество вещей, которых не было во времена Зигмунда Фрейда. Никаких других детей не было в его распоряжении для изучения, и он не знал о детях первобытных племен. Он знал только христианских и еврейских детей – а обе эти религии подавляющие.

Христианство родилось из иудаизма. Как и ислам. Все эти три религии, родившиеся за пределами Индии и являющиеся ответвлениями иудаизма – подавляющие. Бог гневен, Бог ревнив, Бог угрожает вечным адским пламенем. Эти слова не проникают в умы детей. Это начнется после четырех лет, но телевизор можно смотреть и до этого возраста.

Маленькие дети смотрят телевизор, потому что знают язык картин и цвета. Их мир состоит из образов. Именно поэтому в детских книгах сначала нужно напечатать большую картинку. Если вы хотите их научить, что такое манго, вам придется напечатать большую картинку, изображающую манго. Сначала выделяется слюна; затем – слово “манго”. Глядя на картинку, ребенку начинает хотеться съесть манго, и постепенно картинка начинает ассоциироваться со словом “манго”. По мере того как ребенок растет, картинка манго становится все меньше и меньше. Ко времени университета картинки полностью исчезают из книг; слова сжимаются, становятся длиннее, труднее, предложения становятся более сложными. Теперь ребенок переместился из образного языка к алфавитному языку – к словам от образов.

Таким образом, у слов нет цвета, и слова не оказывают такого рода влияния, которое может воспринять ребенок.

Итак, вот что должен понять этот психолог, – я собираюсь отправить ему всю эту лекцию: его гипотеза абсолютно ошибочна и предвзята, и это – просто месть Зигмунду Фрейду. Если бы это было не так, сознательному исследователю следовало бы обратить внимание на то, какие перемены случились до нашей поры со времен Зигмунда Фрейда.

Остались ли дети, которых вы исследуете, прежними? Это не те же самые дети. Значит, вы не можете осуждать гипотезу Зигмунда Фрейда, потому что он изучал других детей. Эти дети исчезают на Западе, поэтому эта гипотеза будет принята. Именно поэтому я вынес на ваше рассмотрение ошибочность этой гипотезы. Эта гипотеза не-

избежно будет принята, потому что вы можете изучать детей, и результаты изучения ее поддержат. Но причина – в телевидении, не в детях! Удалите телевидение, и вы найдете детей точно такими, какими их находил Зигмунд Фрейд. Но и он также упустил из виду детей племен аборигенов, которые вообще не видят снов.

Он не смог бы представить себе людей, которые не видят никаких снов, потому что христианско-иудейская религия – такая подавляющая. Люди, воспитанные в этой культуре, не могут вообразить, что где-то мире, далеко в лесах, все еще есть племена аборигенов, и это абсолютно естественные существа. Эти люди никогда не слышали, что что-то нужно подавлять.

Как раз посередине Индии есть штат Бастар. Раньше он был независимым государством под британским правлением, и король Бастара был моим другом. Он стал моим другом в результате странного совпадения...

Мы оба ехали в поезде в одном купе, и мы были похожи. У него была борода точно такого же размера, что и у меня в то время, и он ходил в такой же длинной робе и оборачивался лунги. И вот мы сидели в поезде в одном купе, смотрели друг на друга и думали: “Вот странно!” И он тоже смотрел на меня, наблюдал и думал: “В чем дело?”

В конце концов он мне сказал:

– Мы так похожи. Откуда вы едете?

Я ему ответил. Он спросил:

– Странно... а куда?

Оказалось, что мы едем в одно и то же место, в Гвалиор. И мы оба должны были быть гостями в одном и том же дворце махарани Гвалиора, королевы Гвалиора. Мы оба собирались участвовать в ежегодной конференции, которую она называла Всемирной Конференцией Всех Религий.

Он собирался представлять идею аборигенов. Они – язычники, у них нет никакой организованной религии или догмы; у них нет никакого священного писания, у них нет никакого священника. И поскольку он был образованным человеком, он собирался представлять язычников.

Я был приглашен по какому-то недоразумению. Махарани, должно быть, прочитала какие-то из моих книг и сочла меня религиозным человеком. В первый же день собрания она очень обеспокоилась, потому что в окрестностях дворца собралось, по меньшей мере, пятьдесят тысяч человек...

Дворец Гвалиора – очень большой, и его окружает много акров зеленых насаждений, среди которых расположены небольшие бунгалло; все это в пределах обнесенного стеной сада. Почти половина города принадлежит этому дворцу. И прямо за дворцом – огромная го-

ра, где устроили школу для принцев этой страны и даже других стран. Школа принадлежит дворцу. Изначально она была создана для сыновей и дочерей королевской семьи Гвалиора. Затем она стала королевской школой для королевских семей всех штатов Индии.

Это красивый дворец, и его окружает огромная территория, на которой каждый год может собраться пятьдесят тысяч человек... – Но когда я выступил, махарани была в полном шоке. Она не могла уснуть. В двенадцать ночи она постучала ко мне в дверь. Я расстался с ней в десять часов, после собрания. Я не мог себе представить, кто может ко мне постучать, и я открыл дверь, и это была сама королева. Она сказала:

– Я не могу уснуть. Вы разбили весь мой ум. И теперь я не могу позволить вам выступать и завтра. – Конференция должна была продлиться семь дней, я выступал только один раз. И она сказала: Мой сын хотел с вами увидеться, но я ему запретила.

И она сказала:

– Все, что вы говорите, ощущается как истинное, но это противоречит всем нашим верованиям, всем нашим религиозным чувствам.

– Вас заботит истина или ложь и утешения? – сказал я.

– Я все понимаю, – сказала она, – но мой сын, которому предстоит стать главой государства, еще слишком молод, а вы произведете на него большое впечатление.

Она меня попросила:

– Просто ради меня: даже если он придет, не впускайте его.

И я сказал:

– Если я не буду выступать, мне незачем здесь оставаться. Вы меня пригласили на семь лекций; всего одна лекция – и вам хватило... Дайте мне сделать мою работу. Эти пятьдесят тысяч человек попросят, чтобы я продолжал.

Она сказала:

– Я это знаю, потому что вы были единственным, кто, как казалось, их заинтересовал, и было абсолютно тихо. Я никогда не слышала в толпе такого молчания. Священники продолжают говорить, но кому до них есть дело? Они говорят одно и то же год за годом, одни и те же догмы. Впервые, – сказала мне королева, – я поняла, что это значит: “слышно, как падает иголка”. И они вас попросят, но все не просто, потому что все остальные участники будут абсолютно против.

Индуисты, мусульмане и христиане – все они были там, и все они пришли к махарани после лекции:

– Если этот человек пробудет здесь все семь дней, мы все уезжаем. Мы не можем оставаться с ним на одной сцене, потому что он разрушает каждую религию.

Я сказал:

– Их так много, они могут защищаться. Я один... – со мной на сцене было, по меньшей мере, двенадцать человек. – У них достаточно времени... Их двенадцать, они могут защищаться.

Махарани сказала:

– Я знаю, что они не смогут. У них не хватит духу, не хватит доводов, и они понятия не имеют, как защищаться. А вы разрушили их идеи вплоть до малейших вещей, о которых они не могли и вообразить, что они *могут* быть разрушены!

Как раз передо мной выступал один из шанкарачарий, и он рассказал небольшую историю, которую я люблю рассказывать сам, но когда ее рассказывает кто-то другой, это совершенно другое дело.

Это была древняя история:

В истории говорится, что десять слепых пересекали разлившийся поток. В страхе они держались за руки, но так или иначе, им это удалось. Было неглубоко, но течение было очень сильное. Они добрались до другого берега, но один из них сказал:

– Мы должны пересчитать друг друга, потому что мы не знаем, унесла ли река кого-нибудь из нас или мы здесь все.

И они стали считать. Посчитали каждого, но счет всегда кончался на девяти, потому что считающий забывал посчитать самого себя. Он считал других: один, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять – одного не хватает! Все они попытались, но счет каждый раз кончался девятью!

Один человек на обочине дороги, работающий на своем поле, наблюдал всю эту бессмыслицу. Но все десять слепых стали плакать и рыдать, потому что одного из них, их друга, унес поток.

И в конце концов этот человек подошел и сказал:

– Что случилось?

Он тут же посмотрел – их было десять. И он сказал:

– Я наблюдал за вами. Теперь сосчитаю я. Встаньте! Я буду шлепать каждого. Сначала я шлепну первого человека один раз и скажу: “Один!” Потом я шлепну второго два раза и скажу: “Два!” Потом я шлепну третьего трижды и скажу: “Три...” И так я сосчитаю вас всех.

– Как знаешь... – сказали они. – Только верни нам десятого.

И он их сосчитал – и получилось десять. Они обрадовались, хотя и были побиты.

Это древняя история. И шанкарачарья рассказал ее, чтобы указать, что вот так мы живем: забываем себя и смотрим на остальной мир; пытаемся найти покой, пытаемся найти блаженство, пытаемся найти Бога, но не смотрим вовнутрь, не считаем самих себя.

После него должен был говорить я, и впервые мне пришлось подвергнуть критике его историю, историю, которую я вам рассказывал сам. Но мой контекст был совершенно другим!

И я сказал шанкарачарье:

– Ваша история абсолютно нелепа, потому что сначала вы должны были объяснить, откуда они вообще узнали, что их десять. Прежде чем войти в реку, как им удалось друг друга сосчитать? А если они знали, как сосчитать, как же они это забыли, просто перейдя реку?

Он растерялся.

Я сказал:

– Есть только две возможности: первая, что кто-то другой сосчитал их точно так же, как потом это сделал этот человек.

– Может быть, – сказал он.

– В этом состоит проблема заимствованного знания, – сказал я. – Поскольку их сосчитал кто-то другой, это создало все трудности. То, что их десять, не было их собственным пониманием. Кто-то другой понимал, что их было десять, и они несли с собой заимствованное знание. Это заимствованное знание не поможет. Когда они стали считать сами, заимствованное знание оказалось совершенно бесполезным. Снова им потребовался кто-то другой, чтобы их сосчитать, снова – заимствованное знание.

Я против заимствованного знания, потому что оно вам не поможет. Оно создаст больше страдания, боли, тревоги. Что случилось с этими десятью слепыми?

И я спросил шанкарачарью:

– Все, что вы знаете: это ваше знание или заимствованное? И будьте честны, потому что у меня есть способы проверить, заимствованно ваше знание или нет.

– Я сам не знаю, – сказал он. – Я ученый человек. Я знаю Веды, я знаю Упанишады, но я не знаю себя.

– Значит вы – слепой, – сказал я. – Рано или поздно, когда придется пересечь реку, вы столкнетесь с трудностями. Вы всегда будете оставаться зависимым от других, никогда не будете свободны. А без свободы не бывает никакой духовности.

Впервые внезапно я нашел основания для критики; я никогда раньше об этом не думал.

Но королева мне сказала:

– Это опасно. Вы прикончили шанкарачарью, и все смеялись и радовались. Теперь шанкарачарья очень зол. Он сидит у меня во дворце.

Я жил в доме для гостей. Все мы жили в домах для гостей. В гуще сада было, по крайней мере, двадцать домов для гостей... и гигантские древние деревья. Шанкарачарья сидел в главном здании дворца, где жил король. Он говорил:

– Я не уйду, пока вы не примете меры. Либо мы все уезжаем – двенадцать человек...

Я сказал:

– Не беспокойтесь, я буду выступать непрерывно три часа. Эти двенадцать человек не нужны. Я займу пятьдесят тысяч человек. Фактически, завтра у вас будут трудности, потому что людей будет больше. Эти пятьдесят тысяч человек расскажут, по крайней мере, еще сотне тысяч. Так что не беспокойтесь, завтра собрание удвоится. Примите для этого меры. Пусть эти люди уедут, я беру все семь дней на себя.

– Я все понимаю, – сказала она. – Вы закончите, но я не могу позволить этим двенадцати религиозным лидерам уехать. Их двенадцать, вы один.

– Это неважно, – сказал я. – Меня достаточно на двенадцать человек. Если они не хотят выступать со мной на одной сцене, сделайте для них другую, а я буду сидеть отдельно, на своей собственной. Я позабочусь обо всех двенадцати.

– Вы создадите проблемы, – сказала она, – а я не хочу проблем.

– Значит, если вы хотите удержать этих двенадцать человек, вы не понимаете: у вас будут проблемы и в этом случае.

В этот момент вошел также махараджа Бастара. Он жил в одном со мной доме для гостей, в соседней комнате. И он сказал мне:

– Вы сделали потрясающую работу, и если вам придется уехать, я уезжаю с вами.

Так мы стали друзьями. И он пригласил меня в свой штат. И из Гвалиора я поехал прямо в Бастар. Они были аборигенами, они жили почти голыми. Они оборачиваются небольшим куском материи, когда приезжают в столицу, Джагдалпур – а обычно, в лесу, в горах, они живут обнаженными.

Вы можете спросить женщину, даже коснуться ее груди: “Что это такое?”, – и она не будет смущена, не почувствует себя оскорбленной. Она скажет: “Это просто чтобы давать молоко моему ребенку”, без всякой идеи: “Ты наносишь мне оскорбление, касаешься моей груди”. Она не закричит, она не пойдет в полицейский участок; фактически, там нет никаких полицейских участков.

И эти люди так невинны, и так редко случается, что кто-то кого-то убивает. Может быть, это случалось дважды за всю жизнь махараджи. Тогда человек, который убил, сам приходит в столицу, потому что только в столице есть полицейский участок и суд. Он приходит в полицейский участок и сообщает: “Я убил человека, и меня нужно наказать”. Иначе никто бы никогда и не узнал, что он кого-то убил. Никто не ходит так далеко в лес. Они живут в пещерах; туда никто не ходит. И у них такие красивые пещеры.

Они – такие красивые люди. Вы не найдете никого толстого, никого худого – все они выглядят похожими. Они живут долго, и живут очень естественно. Даже в сексе они очень естественны, может быть, единственный естественный народ, сохранившийся в Индии.

И точно то, что они делают, следовало бы ввести во всем мире, если вы хотите, чтобы люди не были извращенными. За всеми умственными расстройствами стоит извращенная сексуальность. В Бастаре я впервые нашел, что люди совершенно естественны.

Когда девочка и мальчик достигают совершеннолетия – то есть тринадцати и четырнадцати лет... У них в деревнях, посреди деревни, есть небольшой зал, сделанный из бамбука, как и их хижины. Как только у девочки начинаются месячные, она должна переселиться в центральный зал. К тому времени, как мальчику исполняется четырнадцать лет и он становится сексуально дееспособным, он должен начать жить в зале... Все девочки и мальчики, которые стали сексуально зрелыми, начинают жить вместе, спать вместе, с одним условием – и это прекрасное условие – что ни один мальчик не должен спать с одной и той же девочкой дольше трех дней. Таким образом, ему приходится познакомиться с каждой девочкой деревни, а каждая девочка знакомится с каждым мальчиком деревни.

Прежде чем вы решаете с кем-то пожениться, вы должны знать каждую женщину деревни, чтобы потом не возникло ситуации, в которой вы чувствуете влечение к другой женщине. Вы живете с каждой женщиной своего возраста, и выбор совершается после экспериментирования со всеми женщинами.

И нет совершенно никакой ревности, потому что с самого начала каждый мальчик живет с каждой девочкой. У каждого мальчика есть шанс познакомиться с каждой девочкой деревни, и у каждой девочки есть шанс познакомиться с каждым мальчиком.

Поэтому нет речи ни о какой ревности, и нет совершенно никакого духа соревнования. Это просто эксперимент, возможность для каждого ребенка узнать секс с разными людьми и определить, кто ему подходит, с кем он более всего счастлив, с кем он может гармонично ужиться, с кем он чувствует сердце. Может быть, это самый научный способ найти духовную половину.

Но эти люди называются нецивилизованными, и миссионеры делают огромную работу по их оцивилизовыванию: открывают школы, больницы. Им не нужны больницы. Они такие здоровые люди, и миссионеры приносят им всевозможные болезни. Они никогда не слышали о гонорее, они никогда не слышали ни о каких извращенных болезнях. Миссионеры сначала приносят болезни, потом открывают больницы. Миссионеры внушают им идею, что они бедны. Они никогда об этом не думали – у них все равны, бедны в равной мере. Нет вопроса ни о каком сравнении, и они прекрасно живут, оставаясь здоровыми, питаюсь один раз в день. Они здоровее, чем кто-либо другой в мире.

Как раз недавно ученые экспериментировали с крысами и были озадачены. Они держали две категории крыс одного и того же вида.

Крысам одной категории давали столько еды, сколько они хотели... – американские крысы. И другой категории – бастарским крысам – давали еду только один раз в день. И они были удивлены. У крыс, которым давали все, что они хотели, продолжительность жизни составляла только половину от продолжительности жизни крыс, которых кормили один раз в день. Они жили вдвое дольше – вдвое дольше американских парней!

И люди Бастара живут дольше, хотя и не знают, сколько живут, потому что не умеют считать. Они очень легко доживают до ста лет, очень легко – до ста двадцати. Если поискать дальше в лесах, может быть, можно найти человека, который прожил сто пятьдесят лет. Они этого не знают – это нужно вычислять. И они и не выглядят такими старыми.

Даже самый старый человек продолжает работать. Жизнь у них тяжелая, но красивая. Каждый вечер – особенно во время полнолуния – они танцуют до упаду. Целый день они тяжело работали, а вечером они танцуют. Все женщины, все мужчины вместе... нет речи о том, что каждый должен танцевать со своей женой. Все меняют партнеров. Это социальное явление, это не вопрос собственности, и нет речи о том, что нужно танцевать только со своей женой. Если ваша жена танцует с кем-то другим, вы проявляете ревность, выглядите как убийца.

Я наблюдал их танцы. Они выглядят так красиво. Нет речи ни о какой похоти, потому что они осуществлены, сексуально осуществлены, физически осуществлены.

Они не видят снов. Я спрашивал многих. Я спрашивал махараджу. Он сказал:

– Они не видят снов, но я их вижу, потому что я образованный человек. Меня разрушили. Я родился на этих холмах, и я бы так хотел оставаться точно таким же необразованным, таким же некультурным, как и эти люди. Их радость заразительна, их смех заразителен. Но им не снится снов.

Они не нуждаются в снах. Сновидение – это потребность, созданная подавляющей моралью, подавляющим Богом, подавляющим священничеством. Вот люди, создавшие сновидения. И начинает существовать другого рода священничество: психоаналитики. Они эксплуатируют ваши сны. Одна разновидность священников создала сны, другая разновидность... и оба основателя – евреи.

Иисус был евреем, и Зигмунд Фрейд был евреем. Один еврей создал христианство – самую подавляющую религию в мире, а другой еврей создал психоанализ, чтобы анализировать ваши сны. И оба очень довольны. Оба они – самые высокооплачиваемые люди... психоаналитики и миссионеры, священники и епископы, кардиналы и папы...

Психоанализ останется незавершенным, пока не придет к пониманию людей, которые не видят снов. Тогда вам придется изменить всю идею. Не анализируя сны людей, вы вернете им умственное здоровье – вопрос в том, как помочь им перейти к лишенному сновидений сну, чтобы расслабиться в четвертой стадии, называемой *турией*, *самадхи*, *сатори*, где человек становится полностью пробужденным, приходит в состояние Гаутамы Будды.

И еще – хорошая новость, прежде чем перейти к сутрам.

Известная нью-йоркская женщина-скульптор, Мартин Фогель, как раз сейчас приняла саньясу в нью-йоркском центре Международной Нео-Саньясы. Она – всемирно известный скульптор. Наверное, она слушала мои записи, и, должно быть, каждый день слышала имя Сардара Гурудаяла Сингха. И вот, не видя его – она еще не приезжала в Пуру, она еще не видела Сардара Гурудаяла Сингха... но это чувствительность художника, творчество. Она сделала статую Сардара Гурудаяла Сингха и прислала мне фотографию этой статуи, чтобы посмотреть, права ли она. Я был изумлен. Она абсолютно права. Фотография выглядит почти как настоящий Сардар Гурудаял Сингх.

(Мастер поднимает “фотографию Сардара Гурудаяла Сингха”, чтобы все посмотрели. В ответ все радостно кричат и аплодируют.)

Сардар Гурудаял Сингх... возьми свою фотографию!

(Мастер, невероятно наслаждаясь ситуацией, протягивает фотографию Сардару.)

Первый вопрос:

Так называемые “современные христиане”, в особенности молодые протестанты, говорят о Боге так, словно это не личность: например, “Бог везде, в каждом существе, в каждом дереве, в природе” – не человек, прячущийся в облаках.

Понимают ли они суть или это просто хитрость, потому что видят, что старый человекообразный Бог не имеет под собой никаких оснований, у него нет будущего?

Это абсолютная хитрость, потому что они продолжают говорить, что Бог – это личность. Зачем тогда ходить в церковь? Зачем тогда они продолжают молиться Богу как личности? Если Бог – не личность, молитва должна быть прекращена, хождение в церковь должно быть прекращено. Если Бог – не личность, тогда Иисус не может быть его единственным единокровным сыном. Тогда вы должны отбросить идею о каком-то особенном родстве Иисуса с Богом.

Если Бог действительно всюду, тогда в Иисусе Христе его не больше, чем в вас. Зачем тогда вы поклоняетесь? В чем тогда функция священника, если нет Бога как личности? Священник должен исчезнуть.

Именно поэтому я говорю, что эти люди просто повторяют подход дзен, который теперь приобрел известность на Западе, – что Бога нет. Но они не могут пересказать это в точности: “Бога нет” – это ранит их запрограммированные умы. И они находят предлоги таким образом, чтобы казалось, что Бог есть, но не как личность.

Но они не понимают всех следствий. Они говорят: “Бог всюду”. Если Бог всюду, ни одно место не может называться святым. Если Бог всюду и в каждом существе, тогда вы не можете быть насильственными с животными, не можете охотиться на животных, не можете убивать животных ради пищи. Вы убиваете Бога. Если Бог – в каждом существе, тогда каждый должен быть вегетарианцем. Никто не может быть невегетарианцем; иначе вы убиваете Бога и едите Бога.

В каждом дереве, в природе... а вы рубите деревья, разрушаете экологию природы.

Когда Индия стала независимой, сорок лет назад, в этой стране было около ста пятидесяти миллионов гектаров леса. Теперь осталось только около шестидесяти миллионов гектаров. Более половины деревьев в Индии было срублено. И христиане говорят, что Бог везде, даже в деревьях?... Индуисты веками говорили, что Бог всюду. В этом смысл его вездесущества. А если Бог всюду, зачем тогда вы ходите в церковь, зачем вы ходите в храм, зачем вы ходите в мечеть? И зачем вы слушаете все эти проповеди? Зачем носите с собой Священную Библию или священный Коран?

Я не думаю, что безличный Бог мог написать Веды, Библию и Коран – или что безличный Бог может посылать посланников, пророков и мессий. Тогда, чтобы быть честными, все ваши священные писания придется сжечь. Все ваши церкви придется снести, чтобы быть честными. Всем вашим священникам придется сказать: “Вы достаточно занимались эксплуатацией; теперь начинайте работать. Если вы не будете работать, вам нечего будет есть”.

Если вы этого не делаете, значит, это только хитрость, потому что вы больше не можете доказать личного Бога. Вы пытаетесь создать безличного Бога, но вся ваша религия продолжается по-старому. Она не меняется.

Переход от личного Бога к безличному так велик, что всей вашей религии придется претерпеть революцию: никаких больше церквей, никакого священника, никакого священного писания. Теперь священным писанием становится все существование.

И если Бог всюду, нет необходимости молиться. Ближе всего к вам – ваше собственное существо, значит, прежде всего найдите Бога в собственном существе.

Но все же эти христиане не интересуются медитацией. Эти христиане по-прежнему молятся – безличному Богу.

Молитва абсолютно абсурдна. И если бы эти христиане понимали следствия, тогда христианство исчезло бы, и снова появилось язычество. Это было единственной проблемой. Христиане убили миллионы язычников, которые верили во всю природу, которые поклонялись деревьям, которые поклонялись луне, которые поклонялись солнцу, которые поклонялись рекам, горам, всему – потому что все было священо. Христианство уничтожило их, обратило этих язычников в христиан: направило от безличного Бога к личному Богу, превратило из естественных людей в подавленных маньяков!

И теперь, если вы снова рассеиваете личного Бога во всей вселенной, вам придется рассеять и все христианство. Вам придется распустить все религии, и вся земля будет полна язычников, Зорб.

Это мое усилие: создать Зорбу в качестве прочного фундамента для будды.

Зорба – это земля.

Будда – это небо.

И когда эти двое встречаются, происходит сопричастие. Когда эти двое встречаются, возникает синхронизация. Когда эти двое встречаются, случается революция. Ты – больше не прежний, и не остается прежним мир. Все меняется и видится под совершенно другим углом. Открываются новые двери: новый человек, и новое, свежее существование, без всякого священника, чтобы отравлять вашу природу.

Нет, эти люди, так называемые новые христианские теологи, только обманывают себя и других христиан, потому что вся их структура остается прежней. Просто Бог... так как они не могут поддержать его логикой или доказательством, они принимают позицию дзен, по крайней мере, интеллектуально. Чтобы не чувствовать себя униженными, они говорят о безличном Боге.

Именно это делал Экхарт, и именно это делал Святой Бернард: они пытались сделать Бога безличным. Но они не понимают, что это значило бы разрушить всю структуру религии. Если бы они действительно понимали это явление, то уничтожили бы все Библии, все церкви, пап, Ватикан... со всем этим должно быть покончено, в этом нет надобности. Бог всюду – нет никакой надобности в том, чтобы между вами и Богом стоял священник. Он окружает вас, он – в воздухе, он – в вашей крови и плоти. Он – в самом мозге костей, он – в вашем внутреннем пространстве, – и он всюду.

Но знать, что Бог всюду – не логическое заключение. Знать, что Бог всюду – это должно быть экзистенциальным опытом. Сначала

нужно войти в самого себя. Пока вы не знаете Бога в себе, вы не можете знать, есть ли он в деревьях, в каждом животном и в каждом живом существе. Ты сам живое существо – сначала войди в себя.

Эти христиане совершенно не говорят о медитации. Таким образом, все эти разговоры – обман других и себя: словно они поднялись к тем же высотам, что и дзен. Одними разговорами этого сделать нельзя. Вы должны представлять свидетельство, доказательство собственным жестом, каждым своим действием, каждым своим словом.

Но я наблюдаю, я знаю об этих новых христианских теологах, и их поведение осталось таким же, как и у любых других христиан. Их поведение доказывает, что их понимание – только маскировка для умов людей, попытка создать замешательство. Они защищают старого Бога под новым именем – “безличный Бог” – потому что вся их религия остается прежней.

Как она может оставаться прежней, если Бог безличен? Это равнозначно тому, что Бога нет, но есть лишь божественность, качество, пронизывающее весь космос.

Есть прекрасная история...

Аль-Хилладж Мансур, который стал великим просветленным существом и в конце концов был убит мусульманами, был беден, но хотел побывать в Каабе, потому что это долг каждого мусульманина: хотя бы один раз в жизни совершить *хадж*, священное паломничество в Каабу. Если этого не сделать хотя бы однажды в жизни, ты не мусульманин. И даже самые бедные мусульмане продают свои дома, свою землю, чтобы хотя бы однажды побывать в Каабе.

Мансур был очень беден. Его отец и мать умерли, когда он был ребенком, и он был сиротой, почти нищим. Соседи помогали ему до молодых лет, и тогда он решил отправиться в Каабу... У него не было возможности получить образование. Люди собирались... каждый год в особенный месяц мусульмане всего мира отправляются в Каабу. В деревне многие собирались в Каабу, и он стал им говорить: “Я тоже хочу с вами”. Но они сказали: “У тебя нет денег”. И он собирал деньги в каждом доме. К тому времени, как он собрал достаточно денег, остальные паломники уже уехали.

И он начал путешествие один. У самой деревни под деревом сидел человек, которому предстояло стать его мастером – Джуннаид. И он сказал молодому человеку:

– Куда ты идешь?

– В Каабу, – сказал Аль-Хилладж. – Все остальные паломники уже ушли.

– Иди сюда! – сказал Джуннаид.

У Джуннаида был такой голос... у него были такие глаза, что Аль-Хилладж не мог отказаться. Джуннаид сказал:

– Отдай мне деньги! Никуда идти не нужно. Я – Кааба, и я пришел в эту деревню только ради тебя. Ты можешь обойти вокруг меня семь раз, точно так же, как другие паломники будут семь раз обходить Каабу. Это камень, но я – живой человек.

Аль-Хилладж почувствовал такое магнетическое притяжение к этому человеку, что отдал ему все деньги и обошел вокруг него семь раз.

И Джуннаид сказал:

– Теперь можешь возвращаться к себе в деревню. А я уйду завтра, и если хочешь, можешь пойти со мной.

Он вернулся в деревню. Люди спросили:

– Что случилось? Ты же собирался в Каабу – обычно на путь в Каабу уходило три месяца, и еще три месяца на обратную дорогу – а вернулся через полчаса. Где деньги?

Аль-Хилладж сказал:

– Что делать? Я встретил Каабу прямо у деревни. Он сидел под деревом.

Они сказали:

– Идиот! И ты отдал деньги *этой* Каабе?

– Он их попросил и сказал мне обойти вокруг него семь раз. И я обошел вокруг него семь раз и почувствовал себя осуществленным и полным достоинства, потому что ко мне Кааба пришла сама.

– Пойдем с нами, – сказали они. – Мы хотим посмотреть на человека, который тебя обманул. Ты простофиля! Как может Кааба прийти сюда, и к тому же ради тебя?

– Вы можете пойти со мной, – сказал он. – Завтра утром Кааба уходит, и я уйду вместе с ним.

– Мы пойдем с тобой, – сказали они. – Но сначала скажи нам, кто он такой. Это человек?

– Конечно, – сказал Аль-Хилладж. – И очень волшебный человек. Я думаю, он воплощенная Кааба.

– Лучше помалкивай, – сказали они, – и следуй за нами.

Собралась вся деревня, и они увидели. Этого человека окружал неопишуемый свет – была ночь – и они почувствовали, приближаясь к нему, что он был в глубоком молчании, с закрытыми глазами. Свет исходил из него, и Аль-Хилладж не ошибался, в нем было безмерное притяжение, этот человек обладал харизмой.

Все они обошли вокруг него, и Джуннаид сказал:

– Сначала положите деньги! Я проделал весь путь к вашей деревне, а вы совершаете *хадж*, не заплатив денег. Сначала принесите деньги!

Аль-Хилладж сказал:

– Теперь вы видите, что это не обычная Кааба, он еще и говорит!

И все жители деревни собрали все, что у них было, и отдали ему.

Джуннаид позволил им обойти вокруг себя и на следующий день ушел с Аль-Хилладжем. Вся деревня собралась, чтобы их проводить. Они подумали:

– Этот Аль-Хилладж, хотя и был сиротой, оказался более благословенным, чем мы. Он нашел мастера.

Только просветленный человек может сказать такую вещь: что нет Бога, – потому что знает, что Бог есть качество, аромат; его нельзя уловить, но он всюду. Везде, где есть жизнь, где есть смех, где есть любовь, это качество пронизывает сердце и проникает в него. А в медитации оно достигает глубочайших частей вашего существа. Только тогда вы можете сказать, что нет Бога. Это не значит, что вы атеисты, это просто значит, что вы отрицаете личного Бога, Бога-создателя, и принимаете само существование как божественное. Но тогда нет никакой церкви и священника, тогда нет никакого священного писания.

Если бы эти нео-теологи были действительно искренними, честными людьми, им следовало бы начать уничтожать священные писания – по крайней мере, христианские, раз они христиане. И они должны начать разрушать Ватикан, отнимая власть у священников, снося монастыри.

Но они не делают ничего подобного, и все это вздор – просто вздор и ничего больше.

Сутра:

*Наш Возлюбленный Мастер,
Шодай, родившийся в Китае в 788 году и умерший в 820, был учеником Секито.*

Шодай оставался на горе Нангаку у Секито три года, затем пришел на гору Шуко, где встретился с Ма-цзы.

Ма-цзы спросил:

– Зачем ты сюда пришел?

Вы можете увидеть, чем отличаются дзенские мастера от так называемых религиозных людей. Ма-цзы знал, что он пришел от Секито. Вместо того чтобы радоваться, что он заполучил нового ученика от Секито и число его учеников стало одним больше, Ма-цзы сказал: *“Зачем ты сюда пришел? Секито было для тебя достаточно”*.

В этом красота дзен: безмерное почтение перед каждым, кто просветлен. Нет совершенно никакого соревнования. В мире дзен никто никогда не слышал слова “соревнование”... никаких попыток кого-то обратить. Ма-цзы просто спросил его: *“Почему ты сюда пришел? Зачем? Там, откуда ты пришел, все уже было”*.

– Я пришел на даршан джамуны будды, празднование дня рождения Будды, – сказал Шодай.

Приближался день рождения Будды. А день рождения Будды был очень особенным совпадением. Он родился в такую же ночь полнолуния, как и когда стал просветленным, в тот же месяц, в ту же ночь полнолуния, что и умер восемьдесят два года спустя – в тот же месяц, в ту же ночь полнолуния. Станный человек: рождение, просветление, смерть – все это случилось в одну и ту же ночь полнолуния, в один и тот же месяц года. И его день рождения одновременно является и днем просветления. Это также и празднование дня его смерти. В этот единственный день произошли все эти опыты. Именно поэтому в дзен ночь полнолуния стала чем-то особенным – потому что все, что случилось с Буддой, случилось в эту ночь.

И в каждом дзенском монастыре в ночь полнолуния люди просто садятся под деревом и наблюдают полную луну. Полная луна стала символически ассоциироваться с Гаутамой Буддой. И просто наблюдая и свидетельствуя луну, они входят в глубокую медитацию.

Ночь полнолуния обладает еще и другой особенностью, которую теперь признала сама современная наука. Ученым пришлось приблизиться к ней не с той стороны, потому что ученые живут не с той стороны земли – на Западе. Они установили, что в ночь полнолуния совершается больше убийств, больше самоубийств, больше людей сходит с ума в ночь полнолуния... странно. Ночь полнолуния, несомненно, влияет на людей и их психологию. Она влияет на океан – это известный факт. В ночь полнолуния волны становятся приливными – словно океан пытается дотянуться до луны. Человек на восемьдесят процентов состоит из океанской воды, и что-то в нем тоже начинает чувствовать тонкую вибрацию. Ученые говорят, что первым живым существом была рыба. Человек – это другой конец прогресса; в начале была рыба. И все мы находимся в глубокой связи. Наши настоящие праотцы жили в океане – они были рыбами.

Поэтому не ешьте рыбу! Вы едите своих праотцев, это очень гадко! Я вижу людей, которые приносят консервированную рыбу – консервированных праотцев! И люди любят есть рыбу...

Если жизнь родилась в океане, тогда жизнь обязательно подвергнется воздействию, когда подвергнется воздействию океан. Есть глубокая связь, подспудные потоки. Но западные психологи узнали это не с той стороны: самоубийство, убийство, безумие. Восток установил, что люди чаще становились просветленными в ночь полнолуния; фактически, все, кроме одного, Махавиры.

Он стал просветленным в безлунную ночь, *амавас*. Ночь полнолуния называется *пурнима* – луна становится совершенной, *пурна*. А безлунная ночь – это когда луны вообще нет, абсолютная темнота. Кроме Махавиры, никто не стал просветленным в амавас, в безлунную ночь. Махавиру звали не Махавира – Махавира значит “великий воин”. Его звали Вардхаман. Но поскольку он стал просветленным в

амавас, в безлунную ночь, он доказал, что может двигаться против течения. Для каждого естественно было стать просветленным в ночь полнолуния, но этот парень, Махавира, попытался пойти против естественного порядка вещей – и все же ему удалось стать просветленным.

В Индии люди совершенно забыли, почему каждый год в определенный амавас, в безлунную ночь они празднуют Дивали, праздник огней. Наверное, вы видели людей, зажигающих в домах всевозможные свечи, лампы, огни. Это та ночь, когда Махавира стал просветленным. И этот праздник – в память о Махавире, но никто даже не думает о Махавире.

Эти фейерверки – в честь Махавиры. Он, несомненно, совершил нечто уникальное, чего никогда не случилось ни до него, ни после него. Поэтому совершенно правильно было назвать его Махавирой, великим воином. Очень сильный человек... обычно почти невозможно, чтобы кто-то стал просветленным в безлунную ночь.

В дзен каждый месяц в ночь полнолуния люди наблюдают луну всю ночь. И пока они продолжают свидетельствовать луну, на них нисходит глубокий покой и молчание, особенно в ту ночь, когда Гаутама Будда родился, стал просветленным и умер. Таким образом, это особенная, очень особенная ночь для людей, принадлежащих небольшой струе дзен.

Шодай сказал: “Я пришел сюда на празднование дня рождения Будды”. Ма-цзы был очень знаменитым мастером; Секито не был так знаменит. Мало-помалу, после смерти, он приобрел известность, но Ма-цзы был знаменит при жизни – очень знаменит из-за своего странного поведения. Шодай, наверное, подумал, что во время празднования этого полнолуния хорошо будет прийти к Ма-цзы – может быть, что-то будет передано. И он сказал:

– Я пришел на празднование дня рождения Гаутамы Будды.

Ма-цзы сказал: “У Будды нет ни дня рождения, ни дня смерти – Будда вечен. В жизни нет ни начала, ни конца, она вечна. Само слово “рождение” принадлежит миру иллюзии, потому что то, что в тебе подлинно, никогда не рождается. Оно переходит из одного дома в другой, из одного тела в другое, но само по себе оноечно. Поэтому с ним не происходит ни рождения, ни смерти. Это происходит только с внешним домом, который изнашивается, и его приходится обновить – или переехать в другой дом”.

Ма-цзы сказал: “У Будды нет ни рождения, ни смерти. Сама идея о рождении и смерти есть иллюзия. Ты пришел с горы Нангаку, но, кажется, ты еще не знаешь, что тебе нужен Секито. Он – твой мастер. Я не думаю, что сейчас для тебя правильное время или есть необходимость сменить мастера. Ты еще не позволил своему мастеру

трансформировать себя. *Поэтому ты должен вернуться. Ты не можешь оставаться здесь*".

Услышав это, Шодай пришел к Секито. Встретив мастера, Шодай спросил Секито:

– Что такое будда?

Всю обратную дорогу, наверное, он думал: "Ма-цзы сказал, что нет ни рождения будды, ни смерти будды. Что же тогда такое будда?"

"Будда" равнозначен пробужденной жизни.

Секито ответил:

– В тебе нет природы будды.

Шодай спросил:

– А во всех живых существах?

– В них есть природа будды.

Секито был странным по-своему. Ма-цзы был известен странным поведением; он дошел до крайности. Но и Секито не был обычным просветленным мастером; в нем была собственная уникальность. Он сказал: "Во всех живых существах есть природа будды, но в тебе, Шодай, ее нет!" Это очень странное утверждение. Почему в этом бедняге Шодае нет природы будды? Во всех живых существах, даже в деревьях, природа будды есть – только в Шодае нет!

Шодай спросил:

– Почему ее нет во мне?

– Потому что ты ее не принимаешь, – сказал Секито.

Вопрос только в признании, в принятии, в том, чтобы вспомнить. Даже если ты владеешь несметными сокровищами, но не знаешь о них, имеет ли значение, есть ли они у тебя?

В древней истории говорится, что один мастер и ученик отправились из одной деревни в другую. Но они вышли поздно, потому что люди пытались их убедить еще ненадолго остаться с той деревне. Выйдя поздно, мастер постоянно заглядывал в сумку. Он никогда раньше этого не делал. Ученик шел позади и думал: "Что случилось? Почему он постоянно заглядывает в сумку, потом закрывает ее?"

И снова и снова он говорил:

– Мы должны идти быстрее, мы должны добраться до другой деревни до захода солнца.

Ученик просто не мог поверить, потому что много ночей они провели в самых диких местах леса, где их окружали всевозможные опасности... и мастер никогда не беспокоился. Он крепко спал под

деревом, прекрасно зная, что его окружает опасность. Но что случилось сегодня? Он хотел добраться до другой деревни до заката. Была опасность – но какая опасность?

Затем они остановились у колодца, и мастер должен был умыться и совершить вечерние молитвы до захода солнца, и он торопился. Он отдал сумку ученику и сказал ему:

– Береги ее как можно лучше!

Конечно, он *и так* всегда берег ее как можно лучше.

И когда мастер начал набирать воду из колодца, ученик заглянул в сумку. И тогда он узнал, в чем была проблема: он нес слиток золота, цельный слиток чистого золота. Теперь он узнал, в чем была опасность. Пока мастер молился – а он молился быстро, поспешно – ученик бросил золотой слиток в заросли у края колодца, а вместо него положил в сумку камень такого же веса.

Мастер быстро окончил молитву и тут же взял сумку... почувствовал вес. Солнце садилось, и становилось темно. Чувствуя вес, он ощупал сумку и был вполне удовлетворен. Они стали двигаться, и мастер сказал:

– Нам придется бежать. Мы должны обязательно добраться до деревни, мы не можем оставаться в лесу ночью. Это опасно.

И две мили они бежали; оба усталые, запыхавшиеся, задыхающиеся... В конце концов мастер сказал:

– Кажется, мы пошли по неправильной дороге, потому что впереди, кажется, нет никакой деревни. Видно далеко вперед – нет ни единого огонька. А здесь опасно...

Ученик сказал:

– Не волнуйся, я выбросил опасность у колодца.

– Что!!!

Он заглянул в сумку, вынул камень и сказал:

– Ты выбросил золотой слиток? Я же тебе говорил беречь его как можно лучше!

– Я *и сберег* его как можно лучше! – ответил ученик. – Две мили ты так же тщательно хранил этот камень. Не зная, что это камень, ты беспокоился. А теперь мы можем остановиться на ночлег?

– Теперь никаких проблем нет! – сказал он. – Ты действительно выбросил всю опасность.

И они очень хорошо спали в ту ночь...

Если ты не знаешь, то можешь нести камень так, словно это золото. И ты можешь нести золото так, словно это ничто, если не знаешь.

Вы несете в себе несметное сокровище – природу будды, просветление. Но пока вы его не реализуете, есть оно или нет – неважно. Это все равно.

Именно поэтому Секито сказал:

– В тебе ее нет. Может быть, во всех живых существах она есть, но в тебе ее нет. Это точно. Всех живых существ здесь нет, и я не знаю, но о тебе я знаю – в тебе ее нет.

– Но почему? – сказал он. – Зачем тогда делать меня исключением? Если она есть в каждом живом существе!..

– *Потому что ты ее не принимаешь*, – сказал он. Ты ее не исследуешь, ты ее не признаешь. Ты не вспоминаешь забытый язык.

При этом Шодай решил остаться с Секито.

Ма-цзы был прав. Это был для него нужный человек.

Сначала, наверное, он немного разочаровался в Ма-цзы, почувствовал себя немного униженным, что его отправляют обратно. Но теперь он признал: “Ма-цзы был прав. Секито держит в своих руках этот секрет, и он – мой мастер. У Ма-цзы была другая дисциплина, и ему пришлось бы начать с самых азов, а Секито уже работал надо мной много лет”.

И теперь стало ясно, почему его отправили обратно. “Пойди к тому же мастеру, который работал над тобой; он работал совершенно правильно. Его метод тебе подходит; мой метод – другой”.

Методы не имеют значения, это средства, чтобы вызвать определенную осознанность, определенную реализацию, определенное углубление вашего сознания. Это утверждение: “Поскольку ты ее не принимаешь, в тебе ее нет. Просто осознай ее, и она в тебе есть: она уже есть в тебе много веков, но ты никогда не смотрел в нее”. При этом, наверное, в уме Шодая, в его сознании случилась вспышка молнии. Он решил остаться с Секито.

Впоследствии он жил в храме Шодай-джи – он создал храм, жил в храме, который обычно называли храмом Шодай-джи – *и тридцать лет не выходил наружу.*

Это – просто символ, и, с другой стороны, достоверно фактически. Он не выходил наружу тридцать лет. После этого утверждения Секито – “Она в тебе есть, но поскольку ты ее не принимаешь, в тебе ее нет” – тридцать лет он не выходил из храма. И тридцать лет также он не выходил и из самого себя, он продолжал двигаться вглубь и вглубь. И эти тридцать лет он даже не считал. Единственным, что имело значение, было попытаться вспомнить скрытый секрет природы будды. Ему пришлось дать рождение собственной природе будды – а он ходил к Ма-цзы на празднование рождения Будды.

Как можно праздновать день рождения Гаутамы Будды, если еще не родился твой собственный будда? Ты не можешь понять, что значит Будда, не можешь понять, чему посвящен этот праздник, потому что еще не пришел к собственному празднику.

Сначала ты должен праздновать самого себя.

Только тогда ты можешь праздновать всех будд, пробужденных или спящих, можешь праздновать все существование. *...И он три-*

дцать лет не выходил наружу – ни из хижины, ни из себя. Он продолжал идти вовнутрь и вовнутрь – продолжал копать.

Каждый раз, когда к нему приходил искатель, – видя храм и зная, что внутри него тридцать лет медитирует Шодай... люди приносили рис, какую-то еду, воду внутрь храма. Но он никогда никого ни о чем не просил и никогда не выходил наружу.

На Востоке считалось добродетельным действием, если кто-то медитирует так глубоко, что у него нет времени на еду, нет времени просить подаяния, нет времени выходить наружу... Люди проявляли безмерное почтение к медитирующим. Может быть, они были бедны, но они разделяли собственную пищу надвое – одну половину ели, другую относили и предлагали Шодаю.

На Востоке медитация не считалась личным делом. Это не что-то эгоистическое, что ты делаешь для себя; это что-то такое, что ты делаешь для всего существования. Если ты расцветаешь, ты будешь доказательством того, что расцвести может каждый. Ты будешь доводом в пользу внутреннего мира. Ты станешь побудительным мотивом для других также исследовать – это возможно, это не невозможно. Не только Гаутама Будда мог стать просветленным; просветленным может стать Шодай. Секито ему в этом отказал – “У тебя ее нет!” Это больно его ударило.

Но это было средством Секито. Он нуждался в такого рода ударе. И он удалился в храм, медитировал тридцать лет, стал просветленным. Но каждый раз, когда кто-то приходил к нему, он говорил: “Уходи – в тебе нет природы будды”.

Всю жизнь он продолжал использовать то же самое средство, которое применил к нему его собственный мастер. И он многим помог, потому что в тот момент, когда он говорил: “В тебе нет природы будды”, его тут же спрашивали: “А в живых существах?” И он говорил: “Конечно, в них она есть”.

Естественно, один и тот же диалог случался снова и снова, и человек говорил: “Ты говоришь абсурд. Если она есть в каждом, почему ее нет во мне?” И он говорил: “Потому что ты ее не принимаешь”. Просто вспомни – это забытая природа. Просто иди вовнутрь.

Шодай был не очень изобретателен – вот что я называю “нормальным” дзенским мастером. У него было только одно простое утверждение. И даже это небольшое утверждение помогло многим, но не смогло помочь действительно большому числу людей, потому что те люди, которые приходили к нему, были не в таком же состоянии, в котором был он, когда пришел к Секито. Он медитировал с Секито много лет. Он был на грани... последний толчок...

Но люди, которые приходили к нему, были абсолютными новичками, и многим ничего не было передано. Изредка, если человек приходил от какого-то другого мастера... может быть, мастер умер, или,

может быть, устал – сколько он должен ждать? И он начинал тревожиться: “Мой мастер стареет, а я еще не просветленный...” Подобные люди, которые уже медитировали и были на самой грани – этот человек, Шодай, добивался успеха, ударяя их. Он знал только один удар – бедный дзенский мастер.

Бывают бедные дзенские мастера, богатые дзенские мастера и сверхбогатые дзенские мастера. Вы попались сверхбогатому дзенскому мастеру! Я ударяю вас, не ударяя. Я ударяю вас множеством способов, с каждой возможной стороны, и мои удары не так жестоки и примитивны. Они очень современны – фактически, очень немногие современные люди смогут меня понять. Может быть, век или два века спустя мои удары приведут людей к пробуждению. Но прямо сейчас вы пойманы и не можете никуда деться, потому что вы не найдете меня больше нигде в мире. Вы найдете бедных мастеров. Эти сверхбогатые мастера исчезли из мира.

Мы живем в мире, более бедном духовно, чем раньше. Материально мир, в котором мы живем, стал богаче, но духовно этот мир очень беден. Когда были Ма-цзы и Секито, когда были Ринзай и Нангаку, когда был Якусан... было столько мастеров в одной Японии – и в Китае!.. Когда Гаутама Будда был здесь, в Индии, было восемь мастеров только в небольшой провинции Бихар, и они передали просветление сотням людей.

Но вы благословенны. Вы нашли сверхбогатого дзенского мастера. Не упускайте эту возможность, потому что мир становится жиже и жиже в том, что касается духовности.

Вы должны создать на земле великое восстание.

Вы должны опрокинуть вверх дном все организованные религии.

Только тогда люди могут быть освобождены от программ своих умов. А освободить кого бы то ни было от умственной запрограммированности, обусловленности – одна из величайших добродетелей. Вы помогаете этому человеку двигаться в направлении свободы. Но вы можете ему помочь, только если свободны сами. Если вы не свободны, нет никакой возможности помочь. Слепой человек не может помочь другому слепому. Сначала вы должны раскрыть собственные глаза и осознать *собственную* природу будды, и тогда очень легко спровоцировать тот же опыт в других.

Есть многие, кто готов, на самой грани, но нет никого, чтобы их подтолкнуть. Каждый нуждается в толчке, и каждому нужно определенное доказательство, что природа будды – реальна.

Вы будете удивлены, узнав, что когда христианские миссионеры впервые приехали в Индию – а они были первыми, кто перевел буддийские писания на английский язык, – они не считали, что такой человек, как Будда, когда-нибудь существовал. Это казалось почти невозможным; они никогда не слышали о просветлении. Они слышали

о пророках, приходящих от Бога, они слышали о мессиях, посланниках, они слышали о единственном единородном сыне Иисусе. Они *верили* в них, но никогда не слышали о просветлении.

Был ли Моисей просветленным? Был ли Иисус просветленным? У них не было ответа. Они вообще никогда не слышали об этом явлении. Поэтому Будда был странным явлением. Ранние миссионеры просто отвергли идею, что он был историческим лицом. Потребовалось почти сто лет исследований, чтобы христианские миссионеры приняли, что Будда был реальным человеком, не вымыслом. Это показывает, что они верили в вымыслы!

Они думали, глубоко внутри... никто не может верить в Иисуса и чудеса. Как бы вы ни пытались верить, подспудно остается сомнение, и оно всплывает на поверхность каждый раз, когда что-то колеблет это верование – а ее может поколебать что угодно, потому что в веровании нет очевидности, нет доказательства.

Каждый христианин, каждый еврей, каждый мусульманин, каждый индуист живет во власти таких верований и сам знает, что они не могут быть правдой. Но из страха они их принимают.

Но страх не может вас трансформировать. Есть только один путь трансформации: найти собственную природу будды. Это даст вам доказательство, что другие будды действительно случились.

Если ты можешь стать буддой, ты – аргумент, ты – доказательство. И пока ты не знаешь природы будды, ты не можешь прийти к доверию, что такое чудо возможно. А это – величайшее чудо. В том, чтобы ходить по воде нет никакого чуда; это просто глупость.

Однажды это случилось...

К Рамакришне пришел человек, который практиковал определенный метод йоги. Есть методы йоги, благодаря которым вы можете выбросить весь воздух из своего тела и стать вакуумом внутри. Нельзя оставаться вакуумом более десяти минут, но десяти минут достаточно, чтобы удалась пройти по воде. Если человек становится вакуумом, он может ходить по воде.

Но требуется от восемнадцати до двадцати лет, чтобы научиться методу создания вакуума. Как только вы создаете вакуум... Я видел только одного человека. Если вы можете создать вакуум, вы можете делать странные вещи. В детстве я видел этого человека, и этот человек остался абсолютно ясно у меня в памяти. Я все еще могу видеть его, потому что он делал такие странные вещи. Он пил воду своим членом! А это возможно только если вы можете создать вакуум внутри. Тогда вакуум притягивает воду, накачивает воду вовнутрь. Но я стал кивал только с одним человеком. Я пытался найти кого-то снова...

Я спросил его:

– Сколько тебе потребовалось времени?

Он сказал:

– Это очень трудная работа. Потребовалось около двадцати лет, чтобы создать вакуум. И всего на десять минут!..

К Рамакришне пришел человек, и он сказал:

– Я много о тебе слышал, но можешь ли ты ходить по воде?

– Это ерунда, – сказал Рамакришна. – А ты можешь?

– Конечно, – ответил он.

– А я предпочитаю кататься на облаке, – сказал Рамакришна. – Знаешь ли ты это искусство?

– Нет, я никогда о нем не слышал.

– Сколько тебе потребовалось, чтобы освоить этот навык? – сказал Рамакришна.

– Восемнадцать лет я постоянно...

– Ты идиот, – сказал Рамакришна, – потому что когда я хочу пересечь Ганг... а они оба сидели на берегу Ганга, под красивым деревом, где обычно Рамакришна сидел и просто наблюдал, как течет Ганг. Рамакришна жил в очень красивом месте: недалеко от Калькутты, очень тихое, мирное место. В те времена существовал только один храм, в котором он жил, прямо на берегу Ганга...

И Рамакришна сказал:

– Каждый раз, когда я захочу пересечь Ганг – видишь эти лодки? – это стоит всего два пайса. И даже их лодочник с меня не берет. Он говорит: “Только не у тебя... я достаточно зарабатываю, я могу взять тебя бесплатно”. Поэтому, если я могу переправиться на ту сторону, даже не платя двух пайсов, зачем тратить впустую восемнадцать лет жизни и учиться ходить по воде? Неужели ты думаешь, что в этом есть что-то от духовности? Это делают все рыбы, и в воде живет столько животных... так какой смысл? Как, по-твоему, это связано с твоим духовным ростом? Ты потратил восемнадцать лет на такую глупость. И я не катаюсь на облаках. Я просто пытался тебе показать, что даже если кататься на облаках, в этом нет никакой ценности.

Вот единственная ценность: познакомился ли ты с буддой в себе?

Это единственное, что имеет значение.

Когда христиане, миссионеры узнали о Будде и его писаниях, они были чрезвычайно изумлены, потому что эти сутры о Будде обладают такой красотой, что Библия перед ними просто меркнет, выглядит очень детской.

Один великий миссионер в Японии пришел встретиться с дзенским мастером, и он верил, что сможет его обратить. Его идея была в том, что если он сможет обратить этого дзенского мастера, к которому приходит даже император Японии – у него было много последователей, – просто обратив одного этого человека, он сможет обратить всю Японию. Император был бы обращен, тысячи учеников были бы

обращены. Поэтому, вместо того чтобы работать над обычными людьми, лучше работать над этим человеком. И, конечно, в Библии есть прекрасные утверждения, особенно Нагорная Проповедь, и он взял с собой Библию. Дзенский мастер его приветствовал, и он сказал:

– Я принес тебе наше священное писание. Я бы хотел прочитать его тебе и узнать твое мнение.

И он стал читать Нагорную Проповедь. Когда он прочитал три или четыре строки, дзенский мастер сказал:

– Достаточно. Кто бы ни был тот, кто это написал, в следующей жизни он может стать просветленным.

Он даже не дослушал проповедь до конца. Он сказал:

– Хватит. Кто бы это ни написал, в следующей жизни он станет просветленным. Но прямо сейчас эти сутры исходят от непросветленного человека.

Миссионер был в шоке, он не мог понять: “Иисус Христос – не просветленный?”

Но идея просветления никогда не случалась на Западе. Сама идея отсутствует. Поэтому людям Запада очень трудно понять, что существовали совершенно другие люди. Они всегда верили в Бога, его сына, который невозможен без Бога. Его пророки, пришедшие от Бога, его посланники, пришедшие от Бога – все приходит от Бога. Эта гипотеза лежит в основе всего. Если ее отрицать, тогда весь иудаизм, христианство и ислам – все три религии развалятся. Они просто исчезнут вместе с одной гипотезой, которая абсолютно бездоказательна.

Здесь они пришли к пониманию совершенно другого процесса. Будда не приходит сверху, он приходит снизу и движется вверх. Вы видите разницу: он становится подобным богу, по мере того как движется вверх. А все христианские, еврейские или мусульманские пророки и мессии приходят сверху вниз.

Будда – это эволюция. Это внутренний потенциал, который начинает расти вверх, подобно дереву, и когда приходит весна, он расцветает. Они никогда не думали, что человек становится подобным богу; они всегда думали, что только Бог может спуститься вниз. Индуисты верят в инкарнацию: Бог приходит в облике Кришны, Бог приходит в облике Рамы...

И абсолютно ясно, что Бог приходил много раз – а мир остался в таком хаосе! Что сделал Бог с миром? Бог приходит в совершенной инкарнации Кришны – и что сделала эта совершенная инкарнация? Никто не задает вопроса: “Зачем, прежде всего, он приходил? И если он пришел, что он сделал?”

Кришна обещал – и индуисты все в это еще верят, – что он вернется. Его обещание было: “Когда снова будет опасность, когда че-

ловечество будет в боли, тоске и тревоге, когда атеизм распространится по миру, когда святые подвергнутся мучениям... каждый раз, когда религия будет переживать кризис, я буду возвращаться”. Но я спрашивал так называемых индуистских святых: “Когда он приходил в последний раз, что он сделал? И зачем его ждать? В прошлый раз он ничего не доказал. Даже если он придет, он ничего не сделает. И сколько раз он должен приходиться?”

Индуисты верят, что он уже приходил двадцать три раза; он должен прийти в двадцать четвертый раз. Но эти двадцать три раза оканчивались поражением. Это достаточное доказательство: двадцать четвертый раз не будет успешным.

И что сделали пророки евреев? Что сделали такие пророки, как Иисус или Мухаммед, для христианства или ислама? Они создали уродливую, психопатическую человеческую психологию. Они не помогли эволюции сознания.

Таким образом, Будда относится к совершенно другой категории. Он не нисходит вниз ни от какой гипотезы. Он – не особенный. Он – просто обычный человек, как мы с вами, но он начинает растить свой потенциал вверх. Он касается самых звезд, он пускает корни в землю, доходит до самой глубокой возможности. Он стоит вертикально, покидая горизонтальный план сознания, который принадлежит животным. Он – действительно бунтарь, подлинный бунтарь.

Естественно, каждое слово, исходящее от него, имеет огромный смысл, потому что он не принимает никакой лжи, никаких утешений. И он не дает людям никакой лжи или утешений. Он просто описывает свой опыт и говорит, что это может быть и вашим опытом.

Будда создал совершенно другой мир, и следом за ним множество мастеров... но, конечно, это остается очень тонкой струйкой. Будда относится к очень разумным людям. Он – не для посредственных, не для умственно отсталых, не для масс.

Но если разумные люди мира поднимутся до природы будды, они помогут всему человечеству, по крайней мере, увидеть, что возможно для человека, что в нас скрыто. И если тысячи людей могут привести это к цветению, почему не можем мы?

Каждый будда становится доказательством, доводом для всего человечества. Он поднимает уровень духовности существования, и каждый будда поднимает уровень человечества, хотя вы этого не знаете. Теперь, через двадцать пять веков, вы ближе к будде, чем были, когда Будда был жив.

Большинство из вас были вокруг него. Большинство из вас, наверное, были с другими буддами, потому что вы не новички в этом мире. Вы были здесь всегда, но никогда до сих пор вам не удавалось двигаться так интенсивно, как это возможно. Поэтому я настаиваю: не упустите эту возможность.

Вы должны решиться – и быть очень решительными: “Я должен привести свой потенциал к его высочайшему цветению. Я должен стать праздником, празднованием. Я должен внести вклад в красоту, истину и божественность существования”.

Басё написал:

*Ранняя весна,
Безымянный холм по колени
В дымке утренней тишины.*

Все это утверждения медитирующих, и Басе – великий мастер и одновременно один из величайших поэтов хайку.

“Ранняя весна” – просто визуализируйте ее. “Ранняя весна” – она только что пришла и свежа. Деревья ее ждали, земля ее ждала. Те, в ком есть эстетическое чувство – художники, поэты, музыканты, танцоры – они ее ждали. Она пришла. Ранняя весна – за ней следует такая радость, ее окружает такая свежесть. Такой аромат цветов...

“Безымянный холм по колени в дымке утренней тишины”. Даже холм чувствует дуновение весны: “по колени в дымке утренней тишины”. Не только я становлюсь на колени в своей благодарности за существование, за эту свежую весну, но снова эта гора по колени в дымке – она так же благодарна, что и я.

*Ранняя весна,
Безымянный холм по колени
В дымке утренней тишины.*

Эти ранние часы перед восходом солнца, когда ночь уже уходит, а солнце еще не появилось на горизонте – самые мирные. И медитирующие нашли, что это лучшее время, чтобы медитировать – особенно на востоке, где эти мгновения за весь день самые прохладные.

Может быть, это неверно в отношении Запада; может быть, там слишком холодно. Может быть, для людей Запада самым лучшим временем будет полночь. Она хороша и для Востока, но раннее утро, когда цветы только распускаются, чтобы приветствовать солнце, и птицы трепещут крыльями, готовые петь свои песни и танцевать в воздухе...

И эта тишина... Ночь ушла, почти ушла, а утро еще не родилось. Этому промежуточному моменту на Востоке было дано особенное имя: *сандхья*. *Сандхья* значит интервал между днем и ночью. И он приходит дважды: утром и вечером, когда солнце село, а ночь еще не пришла. И эти два времени суток называются *сандхья*, интервалы.

В эти интервалы вы можете медитировать глубже, чем в любое другое время. Это просто экзистенциальный опыт тысяч медитирующих.

Басе выражает собственный опыт в этом хайку.

Вопрос Маниши:

Наш Возлюбленный Мастер,

Пол Тиллич, протестантский теолог, сказал: “Бог будет оставаться так или иначе отдаленным, ‘где-то там’, пока не случится полный переворот в том, что все обращения к высокому и запретельному будут переведены в термины глубины. Эта бесконечная и неисчерпаемая глубина и почва под ногами всех существ – есть Бог. Эта глубина, которую означает слово ‘Бог’, означает: тот, кто знает о глубине, знает о Боге”.

Не хотел бы ты прокомментировать?

Маниша, Пол Тиллич и нео-теологи изо всех сил пытаются так или иначе спасти Бога, но нет способа его спасти, он уже умер!

Теперь он дает другую идею: извлечь Бога из-за облаков и переместить в глубину. Но что это меняет? В глубину чего? – Америки? Потому что в этом самом месте, если продолжать копать, внезапно вы увидите: Боже мой! – все американцы ходят вверх ногами! Они что, выполняют *сиршасану*, стойку на голове? Потому что отсюда вы попадете точно в Америку – кратчайшим путем. Люди напрасно летают... просто выройте яму! И можно сразу начать с обеих сторон – из Америки копать в направлении Индии, из Индии – в направлении Америки. И встреча произойдет точно посередине.

Но что касается Америки, Индия будет ее глубиной. Что касается Индии, ее глубиной будет Америка. Куда вы собираетесь поместить Бога? В какую глубину? Они просто доходят до абсурда в попытках спасти имя Бога, потому что опасность в том, что Бог становится гипотезой, которую все более и более невозможно доказать.

Следовательно, нужно изменить его местопребывание. Выньте его из облаков, извлеките из запредельного и поместите в глубину.

Но вы не сможете его спасти. Он умер там, в запредельном, и останется мертвым в своей могиле, перемещенной в глубину. Вы только выкопаете ему могилу. Пол Тиллич – просто могильщик, ничего больше.

И вы можете ясно увидеть, что он говорит: “Бог будет оставаться так или иначе ‘где-то там’, отдаленным, пока не случится полный переворот...” Но расстояние все равно останется прежним.

Сначала он был высоко за облаками; теперь он будет глубоко под землей. Фактически, добраться до облаков было легче, проникнуть в землю будет труднее. И вы не знаете, что находится внутри земли:

вулканы... Все горячее и расплавленное. Чем глубже вы спускаетесь... вы достигнете точки, где все расплавлено... Огонь, еще живой, который извергается из вулканов. Вы можете это видеть. Вы помещаете туда Бога? Мне нравится это место. Это будет его погребальный костер.

“Эта бесконечная и неисчерпаемая глубина и почва под ногами всех существ – *есть* Бог”. Но он цепляется за слово “Бог”. Ничего существенного не меняется, меняется только место. Бог остается прежним – он переехал на новую квартиру. “Эта глубина – вот что значит слово *Бог*”. Сначала он был высотой, теперь стал глубиной, но он *есть*.

“Тот, кто знает о глубине, знает о Боге” – потрясающе!

Те, кто узнал глубины или высоты – именно эти люди и объявили, что Бога нет. Есть только качество, благоухание, которое нельзя уловить, но можно почувствовать себя им ошеломленным. Но это не Бог, это аромат самого существования. Это – сама жизнь.

Зачем создавать ненужные гипотезы? Будьте немного научнее. В науке признан факт, что не следует принимать никаких ненужных гипотез. Обходитесь возможно меньшим количеством гипотез, потому что каждая гипотеза создает новые проблемы и ничего не решает – и особенно гипотезы недоказанные, такие, которые человек пытался доказать веками и всегда терпел поражение. Все теологи потерпели поражение! Ни один теолог так никогда и не смог привести ни единого доказательства Бога.

Маниша, они пытаются сделать что-то невозможное. Бог умер, и хорошо и правильно, что Бог умер, потому что это несет жизни, существованию свободу и достоинство. Это разрушает наше духовное рабство, это дает нам огромную гордость, что мы есть существование, и нет никого над нами.

Один из баульских мистиков, Чандидас, сделал прекрасное утверждение: *Сабар унас манус сатья, тахар упар наин*. Он был бенгальским мистиком; его утверждение – на языке бенгали. *Сабар упар манус сатья* – превыше всего истина человека. *Тахар упар наин* – и за пределами ее ничего нет.

Вот что я называю достоинством человека, жизни, существование. Зачем напрасно тащить человечество в рабство? Пол Тиллич и все те, кто пытается спасти Бога, нео-теологи христианства, обречены на поражение, потому что все, что они могут – это придумать новые слова, придать новый смысл, создать новые термины, новый адрес. Но когда вы его достигнете, то ничего не найдете. Он не прячется ни “где-то там” в вышине, ни “где-то там” в глубине.

Бога не существует и никогда не было в существовании.

Существует жизнь.

Празднуйте жизнь.

Радуйтесь жизни.

Пусть жизнь будет вашей свободой, вашей гордостью, вашим танцем, вашим празднованием.

Пришло время Сардара Гурудаяла Сингха. Зажгите свет!

Престарелая мисс Тумбум, Свидетельница Иеговы, совершает обход от двери к двери, собирая деньги на миссионеров за границей. Она стучится в дверь к шотландцу Хамишу Мак-Тавишу, и когда Хамиш открывает дверь, она заводит свою речь.

– Восхвалите Бога, дорогой сэр! – заливается она соловьем. – Мы планируем послать двадцать Свидетелей Иеговы в африканские страны. Пожалуйста, будьте щедры и подайте на нашу миссионерскую службу на других континентах!

– Нет, и точка! – отвечает Хамиш. – Я абсолютно против этих заграничных миссий.

– Но, дорогой сэр, – восклицает мисс Тумбум, – ведь писания велют нам накормить голодных!

– Ну, это еще ничего, – говорит Хамиш, – но уж, наверное, мы можем их кормить чем-то менее дорогостоящим, чем миссионеры!

Новый деревенский священник, молодой Отец Лихорадка, приезжает с визитом к семейству Дыра-Захолустье. Мать маленькой Салли дает дочери некоторые наставления.

– Если новый священник спросит, как тебя зовут, – говорит миссис Дыра-Захолустье, – скажи: “Салли-Джейн”. А если он спросит, сколько тебе лет, скажи: “Мне семь лет”. А если он спросит, кто тебя сделал, скажи: “Меня сделал Бог!” Все запомнила?

– Кажется, да, – говорит Салли.

Через несколько минут прибывает молодой Отец Лихорадка. Он кладет шляпу и Библию и подходит к маленькой Салли. Погладив ее по головке, он говорит:

– Я Отец Лихорадка, ваш новый священник. А как тебя зовут, маленькая девочка?

– Салли-Джейн, – отвечает Салли.

– А сколько тебе лет, Салли-Джейн? – спрашивает священник.

– Семь лет, – отвечает Салли.

– Это очень мило, – говорит Лихорадка. – А знаешь ли ты, кто тебя создал, Салли-Джейн?

Маленькая Салли мгновение колеблется, потом говорит:

– Вот дерьмо! Мама же мне говорила, но я забыла, как звали этого парня!

Однажды поздним вечером на маленьком греческом острове Крит престарелая миссис Лилипополис рыдает в черный платок, оплакивая недавнюю смерть своей старой подруги миссис Акриполис.

– Ох-ох! – завывает престарелая миссис Лилипополис, обращаясь к Епископу Кретину, который держит ее за руку, – Бог так несправедлив! Он убивает нас, старушек, одну за другой. Я должна сказать, Епископ Кретин, что моя вера в Блаженную Кровотокающую Деву пошатнулась.

– Не беспокойтесь, дитя мое, – утешает ее Епископ Кретин нетерпеливо. – Вам только девяносто семь лет, и в вас еще столько жизни. Просто молитесь Богу Вседержителю, и все будет хорошо.

Но через несколько дней старая миссис Лилипополис совсем теряет голову. Она начинает искать что-то другое, чтобы подкрепить свою веру. Однажды вечером она бродит по улицам городка и забредает в палату предсказания судьбы Мадам Гоггль.

– Я всю жизнь была христианкой церкви Блаженной Кровотокающей Девы, – говорит старая миссис Лилипополис, – а вы спиритуалистка и язычница, но я пришла к вам, потому что потеряла веру в Епископа Кретина. Я пришла к вам в надежде получить ответ на один вопрос.

Мадам Гоггль кивает головой и закрывает глаза, впадая в глубокий транс.

– Продолжайте, – говорит она мистическим голосом. – Скажите мне ваш вопрос.

– Я хочу знать, – говорит старая госпожа Лилипополис, – когда я умру, попаду ли я в рай – я имею в виду христианский рай – и воссоединюсь ли с подругами, миссис Сувлаки, миссис Теокраполис и миссис Акриполис, в славе вечного рая?

Проведя некоторое время в глубоком транс, Мадам Гоггль открывает глаза и говорит:

– Я задала ваш вопрос, попадете ли вы в рай, и мне сказали... мне сказали...

И старая предсказательница потирает большим и указательным пальцами перед носом старой гречанки.

– Ах да! – восклицает старая миссис Лилипополис, роясь в кошельке и вынимая пригоршню денег. Она кладет их на стол, и Мадам Гоггль продолжает:

– Видите ли, есть хорошая новость и плохая. Сначала хорошая... Да, миссис Лилипополис, поскольку вы были таким хорошим человеком, небесные ангелы перенесут вас в рай – к Золотому Трону в небе. И там вы останетесь навечно со всеми остальными блаженными девственницами, сидя на коленях у Бога.

– Ох! – восклицает старая миссис Лилипополис, – ох, я вне себя от радости!

– Обождите! – продолжает Мадам Гоггль. – Вот плохая новость...
– Но, Мадам Гоггль, – прерывает пожилая дама, – после такой чудесной *хорошей* новости, возможно ли, чтобы другая новость была *плохой*?

– Судите сами, – говорит Мадам Гоггль. – Вы туда попадете *сегодня*!

Ниведано...

Ниведано...

Будьте в молчании...

Закройте глаза... почувствуйте, что ваше тело совершенно застыло, словно замороженное.

Это подходящее мгновение, чтобы войти во внутренний мир. Вы должны добраться до точки прямо под пупком, точно на два дюйма ниже, внутри.

Соберите всю свою энергию и всю тотальность сознания и двигайтесь с такой поспешностью, словно это мгновение будет вашим

последним мгновением на земле. Лишь те, в ком есть такая поспешность и интенсивность, достигают центра своей жизни.

Быстрее и быстрее...

Глубже и глубже...

По мере того как вы приближаетесь к центру, на вас нисходит неслуханное молчание, словно падает мягкий дождь. Вы ощущаете его прохладу.

Еще немного ближе – и вы находите взрыв света. Ваш внутренний мир озаряется.

Еще немного глубже – и внезапно вас начинают осыпать цветы блаженства, цветы экстаза. Существование радуется вашему внутреннему путешествию. Это – единственное духовное паломничество.

Еще один шаг – и вы стоите у самого центра существа.

Это – состояние Гаутамы Будды, пространство всех будд. В это мгновение вас больше нет, есть лишь будда. И у будды есть лишь одно качество: свидетельство.

Свидетельствуй, что ты – не тело.

Свидетельствуй, что ты – не ум.

И свидетельствуй, что ты – только свидетель.

Это чистое свидетельство открывает все запертые двери существования и жизни, песни и танца, высшего празднования обретения единства с космосом.

Чтобы сделать это свидетельство глубже,
Ниведано...

Расслабьтесь... но продолжайте свидетельствовать.

Это сама ваша вечность – ни начала, ни конца... бесконечное, неисчерпаемое, священное.

Это ваше оригинальное лицо. На Востоке мы символически называли лицо Гаутамы Будды оригинальным лицом каждого – это только символ.

Узнайте его!

И радуйтесь этому узнаванию.

В это мгновение вы – самые блаженные люди на земле. Все заняты банальностями, вы же пытаетесь исследовать сам центр жизни и существования.

Кроме этого, нет никакой религиозности.

Кроме этого, нет никакой духовности.

И этот опыт абсолютно индивидуален, он не имеет ничего общего ни с каким коллективом, ни с каким обществом, ни с какой организованной религией.

И в это окно вы можете увидеть, что нет никакого Бога, есть лишь божественность, окружающая вас – всюду вокруг, беспредельно.

Эта высота бесконечна.

Эта глубина бесконечна, но вы нигде не находите Бога. Напротив, вы начинаете таять и исчезать.

Аудитория Гаутамы Будды стала океаном сознания. Десять тысяч будд соединились в одно сознание.

Это – ваша истина, и это красота истины, и это божественность истины.

Тот, кто знает этот центр и это окно в существование, знает все.

Соберите как можно больше цветов безмятежности, спокойствия, молчания, мира, экстаза, божественного опьянения. Вы должны принести все эти соки жизни из центра на поверхность своей повседневной жизни. Вы должны начать жить как будды, с таким же изяществом, с такой же красотой, с такой же истиной, с такой же подлинностью, с такой же оригинальностью.

Это открытие и его опыт принесут вам достоинство, в котором не будет эго, гордость, в которой не будет эго, но просто радость, просто память о том, что вы – экзистенциальны, не случайны. Поэтому – возможность празднования.

Случайный человек живет в боли, тревоге, тоске.

Экзистенциальный человек живет в праздновании, в любви, в изяществе, в благодарности.

Не забудьте убедить будду прийти вместе с вами.

Вот три шага просветления.

Первый шаг – будда приходит и следует за тобой как тень. Но эта тень – сияющая, она обладает безмерным теплом, она окружает тебя новым ароматом, ароматом запредельного.

Следующий шаг, второй шаг – тенью становишься ты, будда выходит и становится перед тобой. Тень тебя становится все тоньше и тоньше, по мере того как будда становится более и более осязаемым и экзистенциальным.

Приходит момент, когда сам собой случается третий шаг: тень тебя исчезает, и тебя больше нет; есть лишь будда, есть лишь жизнь, есть лишь существование. Поэтому – празднование.

Ниведано...

Вернитесь... но вернитесь со всей славой и великолепием будды, со всем изяществом, молчанием и миром.

Посидите несколько мгновений, чтобы напомнить себе золотой путь, которым вы следовали, глубину, которой достигли внутри себя, и все эти опыты. И почувствуйте присутствие будды позади вас.

Недалек тот день, когда первый шаг превратится во второй, а второй шаг превратится в третий. Вас больше не будет. И когда вас больше нет, есть танец, есть песня, есть радость, есть празднование жизни.

Я праздную себя, и я не учу вас ничему, кроме празднования.

Религиозность попала не в те руки, и мир сделали печальным и несчастным. Я хочу, чтобы мир наполнился смехом, радостью, праздничностью.

Вся жизнь, из мгновения в мгновение, должна быть прожита как празднование. Это – единственная религиозная жизнь. У вас есть для этого полный потенциал и все возможности.

Лишь немного расслабленного, безусильного таяния в окружающем вас океане – и начинается танец. Этот танец никогда не кончается.

Хорошо, Маниша?

Да, Возлюбленный Мастер.

Существование есть празднование

Наш Возлюбленный Мастер,

Однажды Секито объявил во всеуслышание, что на следующий день все будут полоть траву напротив зала будды. На следующий день все монахи собрались с серпами в руках, но только Танка пришел с подносом, полным воды. Прежде чем прийти сюда, он вымыл голову, но волосы еще не были обриты. Теперь он встал на колени напротив Секито, и, увидев его, Секито рассмеялся и обрил ему голову. Как обыкновенно делал мастер, Секито дал Танке определенные заповеди, но когда он это делал, Танка отошел, закрыв руками уши.

Затем Танка отправился в Косэй, чтобы встретиться с Ма-цзы. Прибыв в монастырь, он пришел в зал и, взобравшись на статую Манджушри, остался там сидеть. Другие монахи были изумлены и доложили Ма-цзы. Он вошел, посмотрел на Танку и сказал:

– Мой сын – теннен.

Танка сошел, поклонился и сказал:

– Спасибо, что ты дал мне имя дхармы.

Тогда Ма-цзы спросил:

– Откуда ты пришел?

– Я пришел от Секито, – сказал Танка.

– Путь Каменной Головы скользок. Не упал ли ты? – сказал Ма-цзы.

– Если бы я упал, то не пришел бы сюда, – ответил Танка.

Друзья,

Сначала вопросы...

Первый вопрос:

Кажется, никогда еще ни одна ориентированная на Бога религия не была более анахроничной, чем сегодня; все же любопытно, что христианство, по крайней мере, кажется процветающим. Вновь рожденные христиане, фрики Иисуса и христиане-фундаменталисты множатся. Не видим ли мы то явление, которое ты описывал, когда что-то вот-вот умрет? – ты сравнивал это с гаснущей свечой, испускающей последний, окончательный всплеск энергии, прежде чем зашипеть и угаснуть.

Происходит именно это. Сейчас уходит из существования не только христианство, но устарели как таковые и все религии. Они ведут посмертное существование.

Все, чему они учили человечество, оказалось преступным. Их Бог – это вымысел, ложь. Все они говорили людям быть правдивыми, а сами учат лжи о рае, аде и Боге. Они сделали все человечество лицемерным.

Страдание, которое вы видите на всей земле, создано вашими религиями. Если только человека заставить испытывать чувство вины, он не может наслаждаться жизнью, не может радоваться существованию. Обрублены его корни, самые корни, которые питают радость, блаженство.

Все религии были против человечества. Они обречены на вымирание. Чем скорее они исчезнут с лица земли, тем лучше. Человеку нужно петь с птицами, танцевать с деревьями. Человеку нужно подниматься к высотам Гаутамы Будды.

Религии не помогли эволюции сознания; напротив, они стали величайшими преградами. Религии превратились в бизнес в руках священников. И, конечно, подлинная религиозность не имеет ничего общего с бизнесом. Она имеет отношение к вашему внутреннему цветению, она имеет отношение к вашему посвящению в вечность, в истину, в красоту, в добро.

Никак невозможно, чтобы религиозность привела человечество к духовному рабству – но именно это делают религии. Все порабощены и подвергаются угнетению, эксплуатации, и каждый отравлен религиями, принужден быть неестественным. А если вы принуждаете кого-то быть неестественным, тем самым вы совершаете величайшее преступление против существования.

Все религии, ориентированные на Бога или нет, учат человека отрекаться от жизни. Они – против жизни, против всего, что может сделать человека целым – не только физически, не только психологически, но и духовно. Они разрезали вас на части, они пытались – упорно, веками – насадить идею отречения. Это неправильный подход к существованию.

Когда вы начинаете отрекаться, тотчас же вы сжимаетесь. Вместо того чтобы расти, вместо того чтобы становиться просторными и бесконечными, вы начинаете сжиматься внутрь себя. Вы теряете всякий интерес к существованию, к любви, потому что вам говорили мучить себя. Отречение от мира – другое название для самоистязания. А человек, который истязает себя – как можно ждать от него, чтобы он танцевал? Как можно ждать от него, чтобы он был экстатичным? Он совершает медленное самоубийство.

Ориентированные на Бога религии, не ориентированные на Бога религии – те и другие должны исчезнуть.

Религия – это индивидуальное дело, не имеющее ничего общего с коллективностью. Это не социальное явление; религия очень интимна, абсолютно интимна, ваше глубочайшее личное дело. Даже любовь не так интимна, потому что в нее, по крайней мере, вовлечены двое. В медитации никто не вовлечен – только вы. Она абсолютно индивидуалистична.

Я учу вас быть индивидуальностями.

Никогда не принадлежите ни к какой организации, никогда не принадлежите ни к каким священным писаниям, церквям, храмам. Никогда не принадлежите ни к какому монастырю. Все это существование доступно для вас – радуйтесь ему, празднуйте его.

Ни одна религия не учит празднованию; религии учат безбрачию! Я абсолютно против безбрачия и всецело за празднование. Я прилагаю все усилия к созданию жизни, которую в прошлом человечество упускало: новой свободы, новых небес, чтобы вы расправили крылья. Все религии обрезали вам крылья, помещали вас в клетки и заставляли верить, что в жизни больше ничего нет. Чтобы это делать, у них была причина. Если не отнять у людей индивидуальность, не разрушить их крылья и свободу, не обрубить питающих их корней, поработить их нельзя. Невозможно создать вооружения и армии; невозможно заставить миллионы людей страдать в бедности – они бы давно взбунтовались. Но религии удерживают их в подчинении страхом божьим, страхом адского наказания, жадностью: если вы последуете заповедям, то будете безгранично вознаграждены.

Я рассказывал вам об этом человеке, Салмане Рушди. То, как повели себя Аятолла Хомейни и другие религиозные лидеры Ирана... обычно люди думают, что это очень странное поведение для религи-

озного человека. Я хочу вам сказать, что это не так: именно это религии делали веками.

Сам Мухаммед всю жизнь носил меч, убивая людей, а он дал своей религии название *ислам*, что значит “мир”! И на его мече золотыми буквами было написано: “Я несу мир” – на мече!

Аятолла Хомейни ведет себя точно как и все религиозные лидеры. Он абсолютно нерелигиозен в своем поведении, но Аятолла Хомейни не единственный, кто за это ответствен: он просто представляет всю прошлую историю религий: убийства, казни, крестовые походы... борьба за странные вещи.

Христиане, мусульмане и евреи, – все эти три религии боролись за странную идею: что Иерусалим является священным городом. В чем проблема? Все три религии могут наслаждаться Иерусалимом. Но они сражались. Евреи претендовали на то, что это *их* священный город. А христиане, конечно, говорили: “Это *наш* священный город, потому что здесь был распят Иисус”. А евреи говорят, что это их священный город, потому что в Иерусалиме раньше был древний иудейский храм, и все еще сохранилась огромная стена, где евреи плачут, это их молитва: напротив древней стены. Каждый день вы найдете сотни евреев напротив этой стены, преклоняющих колени перед стеной. Это *их* священный город.

А потом пришли мусульмане со странным вымыслом, что это их священный город. Вымысел в том, что Мухаммед отправился на небеса, сидя на коне, и по пути в рай остановился отдохнуть в Иерусалиме. Никак не могу себе представить, как может Иерусалим оказать по пути в рай. Рай, не существующий где-то в облаках...

И вот, камень, на котором он отдыхал несколько минут, прежде чем вознестись на небеса, – священный камень, и поскольку этот священный камень находится в Иерусалиме, мусульмане заявляют: “Это наш священный город”. И все три религии боролись и убивали сотни и тысячи лет. Не могу понять, почему они не могут разделить священный город... все они могут прийти и поклоняться. Но сама претензия, что он “наш” – абсолютно нерелигиозна.

В религиозном человеке нет никакого собственности. Это не религиозные люди, они принадлежат к псевдорелигиозным организациям. И они делают все, что только не нужно делать, во имя Бога. Это освящает их безнравственные действия.

Смертный приговор Аятоллы Хомейни четырем людям абсолютно безнравствен, абсолютно недуховен. А потом является другой аятолла и объявляет, что даст два и шесть десятых миллиона долларов человеку, который принесет в Иран голову Салмана Рушди.

Я надеялся, что Салман Рушди окажется цельным человеком – но напрасно. Он стал выпадать из цельности, из индивидуальности. Сегодня он попросил Аятоллу Хомейни: “Я чувствую, что ранил рели-

гиозные чувства людей...” Вчера Аятолла Хомейни сказал, что если Рушди попросит прощения и готов понести наказание, он сможет спасти ему жизнь. Иначе никакого способа нет.

Его заявление не совсем выражает извинение, он только признает, что неосознанно ранил чувства тысяч мусульман и в будущем будет внимательнее. Но он не осознавал, что Аятолла Хомейни ненормальный человек. Он отверг это заявление и снова сказал по радио: “Рушди не извинился, и мы отвергаем все, что он сказал”.

Теперь Салман Рушди начал падать. Вскоре он принесет извинения, а за извинениями Аятолла Хомейни потребует от него принять наказание. “Приезжай в Каабу и постись в течение месяца...” Салман Рушди совершил ошибочный ход. Именно так люди из страха удерживаются в тюремном заключении.

Я надеялся, что человек такого разума, как Салман Рушди, предпочтет смерть извинениям. Он не совершил никакого греха, он не сделал ничего плохого. Я надеялся, что он загонит Аятоллу Хомейни в угол. Ему следовало бы спросить его: “На каких основаниях вы говорите, что я совершил преступление против ислама? Назовите мне точную причину, по которой вы требуете от меня извинений и выносите смертный приговор”. И это разоблачило бы Аятоллу Хомейни, потому что ни один из этих аятолл не привел никаких причин.

Рушди просто констатировал тот исторический факт, что некоторые стихи, которые Мухаммед написал в ранней версии Корана, впоследствии он отбросил, сказав, что написать их его вдохновил дьявол. И это исторический факт, не воображение Салмана Рушди. Почему он должен просить прощения?

Ему следовало бы сказать: “Приведите мне причины” – и он загнал бы этих фанатиков в угол, потому что они не могут указать, в чем, на самом деле, проблема. Я хочу, чтобы вы понимали это, потому что это даст вам прозрение в инстинкт всех религий к убийству. В этом нет никакого смысла, потому что это известный и установленный факт, много веков принятый мусульманскими знатоками, – что несколько стихов было отброшено. И высказывание Мухаммеда хорошо известно тем, кто когда-либо изучал Коран и историю ислама. Если кто-то и виноват, то это Мухаммед, не Рушди.

И они не могут, на самом деле, сказать, что проблеме создают эти стихи, потому что немедленно возникнет вопрос, что это исторический факт. Поэтому никто не говорит, в чем проблема. Проблема в том, что если Мухаммед может подвергаться влиянию дьявола и удалить несколько стихов как вдохновленные дьяволом, это создает трещину во всей фанатической идее о непогрешимости Корана, о том, что Мухаммед – единственный *пайгамбар* Бога, единственный подлинный пророк. “Единственный Бог, единственный пророк Мухаммед, единственная священная книга Коран” – это мусульманские

основные принципы. Принятие того факта, что Мухаммед мог подвергнуться влиянию дьявола и много лет не мог этого осознать, делает Коран сомнительным, делает пророка Мухаммеда погрешимым. Вот причины, которые за этим стоят, которые подразумеваются, но эти люди не могут сказать, что их привело в такой гнев.

Их гнев вызван тем, что если весь мир узнает, что Мухаммеда мог обмануть дьявол, что он не совершенный пророк Бога, – как с остальными стихами Корана? Кто знает, какие из стихов были вдохновлены дьяволом, а какие – Богом? Просто чтобы избежать того, чтобы эти последствия стали очевидны для всех, эти люди рвут и мечут.

По той же причине Галилей был вызван папой: он написал, что не Солнце вращается вокруг Земли, а, напротив, Земля вращается вокруг Солнца. Но Библия утверждает общепризнанный взгляд. Просто потому, что вы видим, что утром Солнце встает, обходит Землю с востока на запад и садится, кажется, что Солнце вращается вокруг Земли. Это общепризнанный взгляд, но Галилей задал Папе вопрос: “Почему вы так боитесь правды? Я проводил эксперименты; это работа всей моей жизни. И даже если я возьму назад свое утверждение, как вы хотите, ни Солнце, ни Земля не изменят своей траектории, потому что они не читают моих книг. Земля будет продолжать вращаться вокруг Солнца. Но почему вы так боитесь?” Галилей спросил, загнал Папу в угол: “Либо докажите, что я неправ, на научной основе... потому что это совершенно не религиозный вопрос. Что общего имеет религия с тем, вращается ли Солнце вокруг Земли или Земля вокруг Солнца? Это не имеет никакого отношения к духовности, это научная сфера. Если кто-нибудь может так или иначе опровергнуть меня научно, тогда, конечно, я возьму свои слова обратно. Но почему вы так боитесь?”

Загнанному в угол таким образом, Папе пришлось признать, что настоящей проблемой было: “Нас не заботит, вращается ли Земля вокруг Солнца или Солнце вокруг Земли. Нас заботит то, что если даже одно утверждение в Библии будет признано ошибочным, вся достоверность Библии кончится. Это работа Бога. Бог непогрешим, Бог не может совершать ошибок. Он создал Землю, он создал Солнце, и он знает, что вокруг чего вращается.

Суть в том, что если одно предложение окажется неправильным, это вызовет сомнение в достоверности всей Библии, поэтому мы не можем вам позволить создать это сомнение в умах людей”.

Галилей был очень стар, почти при смерти. Со смертного одра его притащили на суд Папы. Он сказал:

– Я не хочу напрасно создавать себе проблемы. Я уже умираю. Я отменю это утверждение.

Но, наверное, он был человеком огромного чувства юмора. Он отменил это утверждение. Но в примечании он написал: “Хотя я и

отменяю это утверждение, фактом остается то, что Земля вращается вокруг Солнца. Они не станут меня слушаться, они не принадлежат ни к какой религии и не исповедуют христианства”.

Несомненно, Земля не принадлежит к христианству, как и Солнце. И, несомненно, кто бы ни был тот, кто написал Библию, он не был ни всевидящим, ни непогрешимым.

За триста лет, прошедших со времен Галилея, были открыты сотни фактов, противоречащих Библии, противоречащих Корану, противоречащих Ведам... противоречащих каждой религии в мире. И это доказывает, что эти книги не были написаны Богом, или единственным единокровным сыном Бога, Иисусом Христом, или пророками, представителями Бога, такими, как Мухаммед или Моисей. И они посланники... несомненно, эти послания были плодами их воображения.

Все эти священные писания полны общепризнанных взглядов, не содержат никакого научного исследования, никакого духовного исследования.

Так странно читать священные писания. Они полны такого вздора, что даже газеты кажутся осмысленнее. Если эти писания писал Бог или его специальные посланники, их нельзя считать умственно полноценными.

Все мое понимание состоит в том, что все эти основатели всех религий – пророки, мессии, аватары, тиртханкары – по своей сути мегаманьяки, великие эгоисты. Вот величайшее в мире эго: приписывать себе такую родственную связь с Богом, которой нет больше ни у кого.

Именно поэтому Иисус исключает идею, что есть другой сын, его брат – или сестра. У Бога только один единокровный сын – и это Иисус Христос. Поэтому Мухаммед закрывает двери – “Я последний пророк Бога; больше не придет никаких пророков. И священный Коран – последнее послание Бога; в него нельзя внести никаких исправлений”. Но сам он исправлял его, сам он признал, что был вдохновлен дьяволом.

Религии подавляли истины, и теперь пришло время, чтобы истина была провозглашена, чтобы была провозглашена свобода, чтобы была провозглашена индивидуальность. Человек достаточно жил под гнетом рабства. Ночь была слишком долгой; нужен новый рассвет. Нужен новый человек, нужно новое человечество, и этому новому человечеству совершенно необходимо, чтобы все эти так называемые религии исчезли с лица земли.

Это их последнее издыхание, и твой вопрос абсолютно правилен. То же самое происходит с гаснущей свечой: последний всплеск энергии, прежде чем зашипеть и погаснуть.

То же самое происходит и с человеком. Врачи многие века наблюдали, что прежде чем умереть, человек становится совершенно

здоровым; все его болезни исчезают. Они не могли этого понять: “Что происходит? Он вот-вот умрет, и логично было бы, чтобы его болезни стали более опасными, потому что они его убивают. Но в последний момент все болезни исчезают”.

Это последний всплеск энергии. Прежде чем уйти в темноту, свеча вспыхивает. И часто врачи оказывались обманутыми этой вспышкой энергии; они думали, что исцелили человека. Но к тому времени, как они возвращались домой, звонил телефон, и им говорили, что человек умер. А они думали, что исцелили его, потому что перед смертью все приходит в норму. Человек совершает последнее усилие – бессознательно, конечно, – чтобы остаться в живых. Впервые он становится тотальным, и собирается вся его энергия. Это накопление энергии и создает ложную видимость, что он здоров, что он исцелен.

Все эти религии собирают всю свою энергию – последняя вспышка, прежде чем навсегда исчезнуть вместо со своим Богом, со своими священниками, со своими монахами, со своими церквями, со своими священными писаниями. Тот день будет величайшим днем в истории человека. Человек станет свободным.

Поэтому я говорю, что приближается время празднования. Готовьтесь!

Безбрачие больше не считается научным; мы должны заполнить этот промежуток радостью. По этой причине так называемые религиозные люди против меня: они видят, что то, что я говорю, разрушает их ложь, вымыслы и утешения. Это разрушение они называют “ранением их религиозных чувств”.

Как раз сегодня один человек спросил правительство Индии: “Если вы запретили книгу Салмана Рушди, почему точно так же не запретить и книги Раджниша, которые гораздо опаснее?” Это правда, они гораздо опаснее. Рушди ничего не сделал, и ему докучают напрасно. Если докучать мне, это будет абсолютно правильно, потому что я говорю вещи, противоречащие любой из религий.

Но просить правительство запретить мои книги означает признать поражение. Почему вы не можете со мной спорить? Почему вы не можете принести в существование диалог? Если вы считаете свою религиозную идеологию правильной, я готов принять любой вызов это обсуждать. Почему вы боитесь? В культурном обществе, в демократической нации отнимать у кого-либо свободу слова противозаконно. Я готов к поединку с кем угодно, будь он индуист, мусульманин, христианин, джайн или буддист. Кто бы они ни были, я готов с ними встретиться, но поскольку у них нет никакой возможности ответить на мои вопросы, они тут же движутся в направлении воздействия на правительство.

Индийское правительство – нецерковное, оно не может защищать никакую религию или чьи бы то ни было религиозные чувства. И об-

ращаться с этим к правительству – варварство; это только показывает, что вы примитивны и не умеете вести себя цивилизованно.

Если бы Аятолла Хомейни был цивилизованным, умственно полноценным человеком, он спросил бы Рушди: “Готовы ли вы к спору?” Объявить смертный приговор... и мусульманские преступники, профессиональные убийцы уже проникли в Великобританию из различных мусульманских стран. Даже Пакистан послал людей. Я был шокирован, потому что отец той женщины, которая сейчас президент Пакистана, Бхутто, был без всякой причины приговорен к смерти. Он был самым выдающимся человеком в Пакистане, самым влиятельным. И из-за него человек, который был у власти – он был военным генералом, это была военная диктатура – боялся объявить выборы, и он терпел, приводил предлоги и откладывал. Но сколько можно откладывать? Люди снова и снова спрашивали: “Почему нет выборов?” А причина была в том, что был жив Бхутто. Раньше он был президентом страны, и произошел военный переворот, совершенный армией, силой. До выборов нужно было убить Бхутто.

И против него выдвинули всевозможные обвинения в воображаемых преступлениях, которых он не совершал. Он был хорошо образованным человеком, он не был фанатиком. Его убили. Ему не было предоставлено никакого права обжалования; он не мог просить президента о помиловании. Это противоречило конституции Пакистана, закону Пакистана, но генерал Зия, который был у власти, не был человеком большого общественного влияния. Он пришел к власти путем силы и насилия, потому что был главнокомандующим вооруженных сил: флота, военно-воздушных сил и армии.

Просто по счастливой случайности генерал Зия со своими семьюдесятью четырьмя ближайшими приспешниками из всех армий потерпел несчастный случай, авиакатастрофу, и все семьдесят пять человек погибли.

Эта женщина была врагом генерала Зии и боролась с ним из Великобритании, пытаясь вернуться в Пакистан. И генерал Зия ей не позволял, потому что люди стали бы ей сочувствовать, потому что ее отец был убит, незаконно, вопреки конституции. Но когда Зия умер, она тут же поспешно вернулась в Пакистан и победила на выборах. Теперь она президент – молодая женщина, хорошо образованная, но она делает ту же глупость, что и Зия. Зия без причины убил ее отца: просто потому, что он был самым влиятельным человеком в стране, и Зия не мог выстоять против него на выборах. Это было причиной.

И я думал, что эта женщина – она получила образование в Великобритании, как и ее отец – будет вести себя по-другому. Во-первых, она женщина, и в ней больше сердца, чем в любом мужчине. Во-вторых, ее отец был убит. Ей следовало бы пересмотреть само это стремление убивать людей. А теперь она отправила в Великобрита-

нию батальон смерти, профессиональных убийц, чтобы убить Рушди и троих других участников публикации книги.

Кажется, люди совсем ничему не учатся. Именно поэтому история продолжает повторяться. Повторение истории просто показывает, что люди ничему не учатся. Никакой другой причины для повторения истории нет: если вы учитесь, то совершаете ошибку только один раз, не дважды. Именно в этом и есть смысл учения: совершайте сколько угодно ошибок, но каждую ошибку – только один раз. Совершать ошибки не плохо – это только способ учиться; вам следует совершать ошибки. Если вы не хотите совершать ошибок, то не сможете найти выход из этой темноты, окружающей землю. Но не совершайте снова одну и ту же ошибку, иначе вы окажетесь внутри порочного круга.

Повторение прежней ошибки просто показывает, что вы бессознательны, что вы не ведете себя сознательно. Эта женщина, дочь Бхутто, делает то же самое, что и Зия. А этот человек, Рушди, не сделал ничего плохого.

Но, кажется, он трус. И именно благодаря таким трусам все эти неполноценные люди остаются у власти.

Я готов к любому спору с кем угодно, потому что я знаю, что все их религиозные верования абсолютно лишены оснований. Они не могут доказать Бога, не могут доказать рай, не могут доказать ад. Они не могут доказать, что Бог создал мир, потому что нет никакого свидетеля. Как вы это узнали? Кто вам сказал? Очевидно, не могло быть никакого свидетеля, когда Бог создавал мир. Если свидетель был, значит, уже был и мир. Абсолютно рационально признать, что не может быть никакого свидетеля – потому что не было мира. Откуда взяться свидетелю? Таким образом, у Бога не может быть свидетеля, – как тогда узнали об этом эти люди? От кого?

Вся их идея основывается на лжи о Боге. А я всегда бью в самое основание, я не забочусь о ветвях и листьях. Я обрубаю самые корни. И они не могут защищаться, потому что их храм не имеет никакого фундамента.

Однажды я отправился посетить один храм, очень редкий храм, близ Индора. Храм находится в очень небольшой деревне; это джайнский храм. В джайнской мифологии говорится, что этот храм упал с неба. Он выглядит не очень небесным...

И он упал из-за того, что боги – джайнизм не верит в Бога, он верит в богов – боролись с дьяволами за то, кому будет принадлежать этот храм, и эта борьба продолжалась прямо над облаками. И они так увлеклись сражением, что потеряли контроль над храмом, и он упал рядом с этой деревней. И единственной причиной, благодаря которой удалось поддержать этот миф, было то, что у этого храма нет фундамента. Под него можно подвести тонкую проволоку и обойти его кругом. Проволока пройдет под всем храмом. Два человека могут

взять проволоку и пронести ее подо всем храмом – это круглый храм, и у него нет никакого фундамента.

И это, наверное, вызвало идею, что он упал, потому что как можно построить храм без фундамента?

Это можно сделать, с этим нет больших проблем. Это небольшой храм, и просто воображение какого-то архитектора, который хотел создать что-то абсолютно новое... он воздвиг храм без всякого фундамента.

Но когда я пришел посмотреть этот храм... несколько друзей в Индоре составили мне компанию, и они были изумлены. Они сказали:

– Может быть, этот миф верен.

– Вы идиоты! – сказал я. – Ни один храм не имеет под собой фундамента. Ни одна церковь не имеет под собой фундамента. Ни одна система верования не имеет под собой никакого основания. И этот храм это доказывает!

Человечеству нужен совершенно другой подход. Мы должны дискутировать. Почему дискуссия вызывает столько страха? Этот страх оправдан: они знают, что не могут победить. Все их религии выскальзывают у них из рук; они не могут победить, они сражаются в проигранной битве. Если они люди разума, им лучше выйти из храмов, церквей и монастырей и объявить независимость.

Все мое усилие здесь – в том, чтобы дать вам свободу от всех цепей, от всех тюрем, чтобы вы могли праздновать жизнь.

Утверждение Фридриха Ницше: “Бог умер, и теперь человек свободен...” но свободен для чего? Об этом он не имел понятия. Именно поэтому он сошел с ума. Бог умер – он был утешением. Но утешения не стало, и остался вакуум. Если оставить вакуум, все человечество сойдет с ума.

Великие интеллектуалы Запада кончали жизнь самоубийством или сходили с ума. Фактически, это стало почти критерием: если ты не сошел с ума и не покончил с собой, ты не слишком большой интеллект! Величайшие интеллектуалы сходили с ума, совершали самоубийство, потому что не могли найти, как жить без Бога. Без рая и ада – как им жить? Они внезапно видели, что будущее – полный мрак, смерть. Жить ради смерти?.. Лишившись Бога, они теряли всякую причину, чтобы жить.

И мое усилие здесь в том, чтобы прежде, чем у вас будет отнят ваш Бог – а он будет отнят, потому что лишен всякого основания в истине, – вы должны научиться искусству жить. Вы должны научиться искусству празднования, чтобы никогда не страдать от вакуума, который сводит с ума и создает все виды неврозов, психозов.

Даже основатель психоанализа, Зигмунд Фрейд, поскольку он не верил в Бога... Он говорил, что Бог – это фиксация на фигуре отца, и

его анализ правилен, абсолютно правилен. Именно поэтому вы называете Бога “отцом”, и именно поэтому вы называете “отцом” католического священника – у которого нет жены, нет детей! Что это за отец?.. У Бога, по крайней мере, был один единородный сын, которым он мог похвалиться. Но эти католические священники – если только у них нет незаконнорожденных детей – не могут претендовать на то, чтобы называться отцами. Это очень странно: что это за отцы?..

Зигмунд Фрейд был прав в том, что ребенок растет с идеей, что отец обеспечивает ему безопасность. Он кажется маленькому ребенку таким сильным, таким всемогущим, что может все что угодно. Но по мере того как он растет, он узнает, что его отец не всемогущ. Его чувство безопасности начинает исчезать, он начинает чувствовать себя уязвимым, незащищенным.

Анализ Зигмунда Фрейда показывает, что именно этот страх потери защищенности и безопасности послужил причиной создания Бога-Отца далеко в небе, который никогда не умирает, который всегда наготове, чтобы вам помочь; он сострадательен... Иисус говорит: “Бог есть любовь”. Он очень любящий и сострадательный, поэтому вам не о чем беспокоиться. Все, что нужно делать – это верить в Бога.

Но как только оказывается, что этот Бог умер, как открыл Ницше, что мы несем с собой труп, Бог умер... Он сам не осознал, что создает себе проблему, потому что его собственной психологической конституцией была фиксация на фигуре отца. Теперь он открыл, что отец – даже высший отец – умер. Эти временные отцы продолжают умирать, но ничего страшного. “Папы” всегда умирали, в этом нет ничего особенного. Но вечный Бог... обнаружить, что он умер, было таким шоком, что хотя Ницше и написал это, но после тут же сошел с ума.

В тот момент, когда он завершил книгу “Так говорил Заратустра”, в которой он делает утверждение, что “Бог умер, и теперь человек свободен”, он начал вести себя странно. В конце концов его друзьям и особенно сестре, которая о нем заботилась, пришлось поместить его в сумасшедший дом.

Он не мог найти никакой альтернативы. “Бог умер, и человек свободен” – но свободен для чего? Этого он во всей книге не говорит. Просто быть свободным недостаточно. Быть свободным *от* чего-то недостаточно, вам нужно быть свободными *для* чего-то. Это две стороны свободы – “от” и “для”. Вы можете быть свободными от Бога, но если у вас нет никакой свободы *для*, вы сойдете с ума. Это утешение было очень древним и глубоко укорененным; оно вас убьет. Вы не можете жить в незащищенности, вам нужна немедленная альтернатива: свобода *для*.

Свобода для празднования, свобода для медитации, свобода для радости, свобода для танца – потому что Бог умер. Теперь над вами

нет никого, и вы совершенно свободны от всякого духовного рабства. Теперь вы можете танцевать без всякого чувства вины. Теперь вы можете любить без всякого чувства вины. Вы можете жить как только возможно изобильно. Нет никакого, чтобы главенствовать над вами, нет никого, чтобы посылать вам заповеди, нет никого, чтобы пугать вас адским огнем, нет никого, чтобы вызывать в вас жадность райскими удовольствиями.

Зигмунд Фрейд производил анализ под другим углом – психоанализ. Но и сам он оказался в том же затруднении, что и Ницше. Он не сошел с ума, но почти коснулся границ. Поскольку Бога больше не было, смерть стала единственным, к чему человек движется. И он стал так бояться смерти, – Бог гарантировал безопасность, он ожидал, чтобы приветствовать вас после смерти. Теперь никого не стало, теперь, как только вы входите в этот туннель смерти, выхода нет. Он стал так бояться, что даже слово “смерть” пришлось запретить. У него были сотни учеников, он создал целое движение психоанализа. В его присутствии было запрещено даже упоминать слово “смерть”, потому что оно было таким пугающим, что как только кто-то его произносил, с Фрейдом случался припадок, и изо рта у него текла пена.

И это ваш великий психоаналитик. Он сам страдал той же самой проблемой. Бог был его защищенностью. Он психоанализировал людей и нашел, что Бога нет и это только изобретение большого ума. Логически правильно... но что стало с ним самим?

Вы увидите, узнав, что Зигмунд Фрейд основал психоанализ, но сам никогда не проходил психоанализа, потому что отказывался. Его снова и снова спрашивали ученики, которые стали известными психоаналитиками. Они говорили: “Будет хорошо, если вы сами пройдете психоанализ. Теперь мы готовы, вы нас подготовили, и мы знаем всю технику. И нам бы хотелось заглянуть в *ваши* сны. Будет неоценимым сокровищем узнать сны человека, который основал анализ снов”.

Он отказывался. И причиной его отказа было то, что он боялся, потому что кипел внутри теми же самыми подавленными желаниями, что и вы. Если бы люди узнали его сны, это было огромной угрозой для всего его движения. Его сны оказались бы настолько же сексуальными, преступными, что и сны любого другого – может быть, еще больше. Почему он боялся? Он знал свои сны.

И это показывает, что этот человек не был здоров психологически, хотя и основал психоанализ.

И это продолжается и продолжается. Сами психоаналитики – группа, самая уязвимая для безумия. И они постоянно психоанализируют друг друга. Но это не приносит им психологического здоровья, это приносит только нормальное безумие.

Все человечество нормально безумно – немногие люди безумны ненормально; они выходят за рамки здравого смысла. Но разница между вашими безумными и так называемыми здоровыми – только в степени. Может быть, вы безумны при девяноста девяти градусах, а другой дошел до ста одного – пересек черту. И все, что делает психоанализ – это возвращает его снова в пределы девяностодевятиградусного безумия. При ста одном градусе оно опасно.

Весь психоанализ и все виды других школ, которые из него развились – аналитическая психология, психосинтез, Ассанджиоли, Карл Густав Юнг, Адлер и еще целая линия людей, изобретающих собственные терапии – все они столь же больны, что и любой другой. Ваши священники столь же невежественны, что и любой другой, ваши психоаналитики подвергаются еще большей опасности, чем вы – потому что они знают, что Бога нет. Ваши философы, ваши интеллектуальные гиганты подвергаются гораздо большей опасности, чем умственно отсталые люди. Умственно отсталые люди ни о чем не беспокоятся; они не знают, что Бог умер. Они еще об этом не слышали.

Но рано или поздно они об этом услышат. Долго ли это может оставаться в тайне? Священники держали это в тайне слишком долго, и теперь они сами начинают осознавать, что Бога, в которого они верили, нет. И они изобретают новых богов – последняя вспышка энергии, прежде чем свеча погаснет и станет темно.

Мое усилие – не обычное религиозное проповедование. Мое усилие – прежде, чем эта свеча погаснет, вы должны иметь наготове свой собственный свет, чтобы не пасть в темноту, чтобы не сойти с ума. Я хочу, чтобы вы сознательно отбросили Бога, сознательно отбросили всю ложь и вымыслы, скрывающиеся под именем религии, и приступили к другой части: сначала свобода *от*, затем вторая часть, свобода *для* – свобода для празднования, свобода для радости.

Теперь больше нет никакого смысла отречься. Никто не собирается вас вознаграждать; не мучьте себя понапрасну. Впервые открыто все небо; просто расправьте крылья и наслаждайтесь этой свободой.

Очень немногие люди способны наслаждаться этой свободой, потому что остальные не умеют танцевать. Они стали калеками. Они не умеют петь, они не умеют любить. Люди говорят друг другу: “Я тебя люблю”, – но спросите их: “Что это значит?” Они пожмут плечами и скажут: “Не знаем... а *что такое* любовь?”

Их любовь – это только вымысел.

Ты не можешь любить никого другого, пока не знаешь самого себя. Тебя нет – кому любить? Ты не можешь любить, пока любовь не начнется как наводнение и не начнет тебя переполнять. Сначала у тебя должна быть любовь, лишь тогда ты можешь ей делиться.

Но есть ли у вас любовь? Это побочное следствие медитации. Только люди, которые глубоко медитировали, знают, что такое любовь, и тогда нет речи о том, чтобы “упасть” в любовь.* Тогда происходит восхождение в любви, вы поднимаетесь выше и выше; ваша любовь становится вашей религией, ваша любовь становится самим вашим существованием.

Я учу вас любви, не отречению.

Я учу вас празднованию, не безбрачию.

Я учу вас быть естественными, быть экзистенциальными.

Тогда вы найдете себя очень творческими в том или другом измерении и не будете испытывать страдания от вакуума.

Празднование должно заполнить ваш вакуум, иначе все человечество испытает большие страдания. Эти религии мертвы. Рано или поздно этот факт признает каждый, и тогда воцарится невероятный вакуум, который раньше наполнял Бог. Он был ложью, но и огромным утешением, потому что был кто-то, кто заботился о вас, кто обеспечивал вам безопасность. Даже в смерти вы могли ни о чем не беспокоиться – за пределами смерти – рай.

Но теперь рая нет, Бога нет. Никто не ждет по ту сторону смерти. Ты идешь один.

Вам придется научиться быть в одиночестве.

Вам придется научиться в радости оставаться в одиночестве. Вам придется научиться танцевать – в одиночестве; нет необходимости ни в каких зрителях. И нет необходимости даже в партнерах. Вы можете танцевать в одиночестве, как роза танцует на ветру, в воздухе, на солнце, под дождем. Думаете ли вы, что роза ожидает зрителей или партнеров?

Медитация дает вам глубокое прозрение в собственное одиночество. И помните разницу: одиночество – это не ощущение, что вам одиноко. Если вы не научитесь одиночеству, вам будет очень одиноко. Бога больше нет, все утешения отняты, нет никакого рая после смерти... внезапно вы чувствуете себя очень случайными, нежеланными в существовании, ненужными Богу. У вас нет никакой цели, у вас нет никакого смысла. Внезапно вся ваша личность, которую поддерживала ложь, рушится.

Именно это приносит невроз, нервный срыв.

Не научившись медитации, вы не можете превратить провал в прорыв. Вся алхимия медитации состоит в том, чтобы превратить провал в прорыв, научить вас свободе *для*.

* Английское выражение, означающее “влюбиться”: to fall in love. – Прим. перев.

Свобода – это просто расчистка почвы, создание зала для танца, удаление всех богов и храмов, которые загромождали все пространство.

Вы не можете танцевать в церкви, где всюду вы видите распятого Иисуса с унылым лицом – можете ли вы праздновать в такой ситуации?

Маленького мальчика впервые застали за тем, что он делал уроки. Его родители были удивлены, потому что он никогда их не делал. Они спросили:

– Что случилось? Мы тебе всегда говорили делать уроки, и ты никогда не слушался; что случилось?

– Новая школа... – сказал он.

Его перевели из одной школы в другую, потому что семья переехала в другую местность и ему пришлось пойти в новую школу. Новая школа была монастырской школой, и маленький мальчик сказал родителям:

– В этой школе есть один еврей по имени Иисус, который распят повсюду – а я единственный еврей во всей школе! Поэтому я должен делать уроки и все, что они скажут. Я тут же все делаю, потому что не хочу, чтобы меня распяли!

Он мыслит очень здраво и рационально. Он единственный второй еврей... Он под номером два – и номер один уже распят. Может быть, если он не будет делать уроки или что-нибудь в этом роде...

Вы не можете танцевать, когда Иисус распят. Когда все ваши боги наблюдают за вами, вы не можете любить. Это значит любить среди толпы Богов, каждый из которых будет указывать на вас своим Святым Перстом:

– Вы совершаете преступление!

Вы должны отбросить прочь всех этих богов. Все они искусственные, и не стоит беспокоиться; это работа ваших собственных рук. Мы придумали себе в утешение красивую ложь, и мы вполне способны ее отбросить; никто нам не мешает.

Но вам придется научиться делать обе эти вещи так, чтобы они шли рука об руку. Если вы расчищаете почву, начните напевать песню. Начните двигать ногами; выйдите из многовекового состояния калек. Не только Иисус был распят – все те, кто верит в Иисуса, ведут распятую, искалеченную жизнь. Конечно, Иисус не может танцевать!

Было бы настоящим чудом, если бы он стал танцевать на кресте. Он не мог даже смеяться. Вот это было бы настоящим чудом. Но он так печален, что, может быть, у него появились задние мысли...

И он закричал на Бога в гневе: “Почему ты забыл меня?” Потому что он ждал шесть часов, но не появилось ни единого облака. Все небо оставалось голубым, сколько хватал глаз. Не было никаких признаков пришествия Бога.

По крайней мере, он мог прислать каких-нибудь святых – если не мог прийти он сам, подошли бы его слуги. Но кто-то должен был появиться! Шесть часов он провел на кресте, ждал и ждал, оглядывался по сторонам и в конце концов нашел: “Кажется, я жил в ложном утешении”. Он умер в печали.

Эта печаль пропитывает каждую церковь. И эта печаль пронизывает весь мир. Не только среди христиан – другие религии тоже, сами того не зная, подверглись огромному влиянию христианства.

Например, такой человек, как Махатма Ганди. Я смотрел очень внимательно и нашел, что на девяносто процентов он был христианином, на девять джайном и на один индуистом – а родился в индуизме. Что случилось? В его жизни трижды он был на грани обращения в христианство. Но его жена поднимала такой шум, что он каждый раз останавливался. Он говорил: “Ладно, обождем...”

Именно жена помешала ему стать христианином. Многие жены делают хорошую работу! Она начинала бить себя в грудь и плакать: “Мы индуисты, что ты делаешь?” И она устраивала такую сцену, что собирались соседи и говорили: “Это нехорошо. Она права: почему ты хочешь стать христианином?”

Но он подвергся влиянию, и это происходит повсеместно. Вы можете видеть, как оказывает влияние христианство – поскольку христиане служат бедным, каждая религия начинает служить бедным. Иначе они не будут выглядеть такими же религиозными, что и христиане. Христиане заботятся о сиротах, и индуисты начинают открывать приюты для сирот, иначе их религия покажется несколько равнодушной к страданиям людей. И они открывают больницы, чего никогда не делали в прошлом. Они существовали тысячи лет до Христа, но никогда не открывали больниц, никогда не служили бедным. Они говорили бедным: “Вы страдаете от дурных действий в прошлой жизни, поэтому ничего не нужно делать. Просто завершите это! Переживите очищение”.

Но христианство оказало огромное влияние. Оно отравило почти все человечество, сделало его печальным и несчастным.

Таким образом, как только вы начнете чувствовать вакуум, перед вами встанет опасность безумия. Прежде чем наступит вакуум, я хочу, чтобы вы научились наполнять его красивыми песнями, цветами и экстазом, божественным опьянением и праздничностью.

Единственное искусство жизни – в том, как превратить ее в празднование.

Второй вопрос:

Не из-за Бога ли это, что общество создает сумасшедшие дома?

Конечно! Без Бога не будет надобности в сумасшедших домах. Язычники, у которых нет никакого Бога, никогда не сходят с ума. Животные никогда не сходят с ума – я имею в виду, в дикой природе. В зоопарке животные часто сходят с ума, потому что живут среди сумасшедших людей. В зоопарке они попадают под влияние людей; только в зоопарке они начинают вести себя неестественно. Только в зоопарке было обнаружено, что животные становятся гомосексуальными, потому что не могут найти животное противоположного пола.

Зоопарк заслуживает тщательного изучения: ваши монастыри – это те же зоопарки, в которых нельзя найти женщину или в которых нельзя найти мужчину. Женщины становятся лесбиянками, мужчины становятся гомосексуалистами.

Все извращения вы можете увидеть в зоопарке. В зоопарке животные сходят с ума – но только в зоопарке. Кажется, человеческое безумие заразительно. Но в дикой природе, в лесу ни одно животное никогда не было найдено безумным – совершенно разумные, совершенно чувствительные, бдительные, полностью бдительные. Поскольку у них нет никакого Бога, им не нужны никакие сумасшедшие дома.

Бог создает чувство вины. Чувство вины создает неестественное поведение. Неестественное поведение приводит вас в сумасшедшие дома. Это очень коварная уловка. Священники и психоаналитики состоят в глубоком сговоре, может быть, сами того не зная. Священник создает сумасшедших, психоаналитик пытается их исцелить. И вот они снова в церкви!

Люди перемещаются между церковью и кушеткой психоаналитика и не понимают тайного сговора.

Третий вопрос:

Возможно ли, что слово “Бог” в древние времена, до священников, использовалось людьми, чтобы объяснить необъяснимое, божественное существование, природу вещей, Будду?

До священника Бога не было – не было даже слова. Бог и священники пришли одновременно. Фактически, священник появился первым; затем он привносит Бога. Бог не может существовать без священников.

До священников Бога не было. Люди были язычниками; они любили жизнь, наслаждались жизнью. Они не имели никакого понятия о рае и аде. Достаточно было этой земли, этой жизни было более чем достаточно; и они жили от мгновения до мгновения. Фактически, у них не было представления о календаре и времени, потому что у них не было календарей и часов. Они понятия не имели, когда кончается и начинается год. Они понятия не имели, сколько дней в неделе, сколько дней в месяце, сколько месяцев в году. Все эти вещи пришли гораздо позднее.

Если бы вы пришли к настоящим, изначальным людям на земле, они оказались бы самыми счастливыми из людей. Они просто жили – без страха, без жадности. Они любили природу. Все было таинственным, загадочным. Снова восход солнца – и они танцевали; снова полная луна – и всю ночь они танцевали до упаду. У них не было Бога и не было сумасшедших домов; у них не было священников и психоаналитиков. Они не слышали о Будде, и все же все были буддами – но очень естественными буддами, не философствующими об этом. И они никогда не использовали слов “невыразимое, необъяснимое, божественное существование, природа бытия, будда...” Вся эта ерунда пришла позднее!

Когда пришли священники, они взяли власть в свои руки и объявили: “Мы представляем Бога...” Священникам потребовалось еще немного времени, чтобы изобрести Бога и мало-помалу его отполировать. И они все еще полируют его и пытаются обмануть человечество даже в будущем. Именно это пытался сделать Пол Тиллич – улучшить образ Бога. Если Бог потерпел поражение как некто далекий, запредельный, может быть, он должен сменить его место жительства.

Это показывает, что, по нашим представлениям, он где-то там: “Мы должны изменить это представление. Это представление потерпело поражение; оно работало достаточно долго. Теперь поместим Бога в глубины. Не далеко вон там, но далеко *вот там*”. Но он всегда далеко, потому что нельзя поместить его близко. Если поместить близко, то вы увидите, что это не Бог. Поэтому он должен быть далеко – с любой стороны, не с этой, так с той. Но между ним и вами должно сохраняться “далеко”, непреодолимое расстояние, чтобы вы никогда не смогли прийти и его увидеть, сфотографировать крупным планом.

Не существует ни одной его фотографии, потому что никто никогда не был достаточно близко к Богу, чтобы его сфотографировать.

Священники пытаются улучшить образ, чтобы он снова стал привлекательным для новых поколений, но у них это не получается. Если уже объявлено, что Бог умер, ему можно делать искусственное дыхание, но все знают, что он живет на искусственном дыхании. Стоит только повернуть выключатель, и парня не станет.

Небольшое биографическое отступление, прежде чем мы перейдем к сутрам...

В юности Танка Теннен сначала изучал конфуцианство.

Конфуций кажется гигантом в том, чтобы создавать замешательство! Он много веков приводил в замешательство весь Китай.

У него нет Бога, но он заменяет Бога моралью и придает такую важность моральным проповедям, что людям приходится жить в тес-

ном пространстве, почти в тюрьме. И он стал пользоваться в Китае большим влиянием.

Он был великим интеллектуалом, вне всяких сомнений, но никогда не смотрел дальше интеллекта. И таким образом все, что он говорит – просто рационализация, создающая более удобные общества. Этикет, мораль, поведение – все это основывается на создании улучшенного общества. Именно из-за Конфуция Китай легко стал коммунистическим, хотя Конфуций жил двадцать пять веков назад, будучи современником Гаутамы Будды, Лао-цзы и Сократа.

Обращение Китая в коммунизм странно, потому что это была бедная страна, и в ней не было капиталистического класса эксплуататоров. Она все еще оставалась феодальной, с землевладельцами; она была аграрной страной. Она еще не пришла к технологии.

Маркс потерпел поражение в своих пророчествах. В качестве пророка он – величайший неудачник. Он никогда не говорил, что Россия станет коммунистической; или Китай станет коммунистическим, нет. Он не мог себе этого вообразить, потому что эти страны не были даже капиталистическими; а коммунизм, согласно его мысли, может наступить только после того, как капитализм развился до кульминации, и общество полностью разделено на пролетариат, неимущих, и буржуа, имущих – четкое разделение. Естественно, имущие окажутся в меньшинстве, а неимущие – в подавляющем большинстве.

Вот последняя строка его Коммунистического Манифеста: “Пролетарии всего мира, соединяйтесь. Вам нечего терять, кроме своих цепей”. Когда терять нечего, возможна революция. Но если есть что терять, вы не сможете стать участником революции: есть опасность, вы можете ничего не получить. А то, что есть, можно потерять – может быть, будет отнято и это.

Ни Китай, ни Россия никогда не принимались во внимание. Ни на мгновение Марксу не приходило в голову, что они первыми станут коммунистическими – огромные страны, вместе составляющие почти половину мира.

Китай стал коммунистическим из-за Конфуция, потому что Конфуций был абсолютным материалистом. Нет Бога, нет рая, нет ада; вы приходите из ничто и уходите в ничто. Нет жизни до рождения, нет жизни после смерти. И все, что у вас есть – это эти семьдесят, восемьдесят, девяносто или сто лет. Проживите их как можно лучше. И все его учение было материалистической моралью. Поскольку вы не одни, вы живете в обществе, вы должны позаботиться о том, чтобы не вторгаться в жизнь других людей.

Вся его идея была этической, не религиозной. Ему удалось заложить основы в китайском уме, и Карл Маркс тут же получил заранее заготовленное основание: материалист, атеист, верящий только в эту жизнь, никакого вечного существа, никакой вечной жизни. Это было

причиной, по которой Китай так легко стал коммунистическим. Конфуций сделал почти всю работу.

Но он был известным учителем, и люди обычно приходили к этому великому ученому. Даже императоры присылали своих сыновей, чтобы научиться безупречной морали. Это дает вам эго – он создавал эго. Он верил в укрепление эго, полировку эго, придание ему престижа, образа, респектабельного в обществе. Но в нем не было ничего от религиозности.

Таким образом, когда этот молодой человек, Танка Теннен, стал изучать конфуцианство... он пришел к Конфуцию в поисках чего-то существенного, не внешнего поведения. Однажды по дороге к городу... – разочаровавшись в Конфуции; все, что он говорил, было связано с социальным поведением. Он был первым психологом-бихевиористом.

Однажды по пути к городу Танка встретил человека дзен, и тот спросил его, куда он направляется.

Танка ответил:

– Я иду пройти экзамен на государственную службу.

Это была респектабельная, престижная профессия, и, будучи студентом Конфуция, он мог рассчитывать на то, что его примут на любую высокую должность. Сама рекомендация, что он ученик Конфуция, была достаточным доказательством, что он – надежный человек.

И человек дзен сказал: “Мастер Ма-цзы работает в округе Косэй. Это место, где выбирают будд – ты должен пойти туда. Вместо того чтобы поступить на государственную службу, по крайней мере, попытайся. Ма-цзы совсем рядом, и там расцветают будды. Ты можешь поступить на государственную службу в любой момент – но Ма-цзы, может быть, уже не будет. Такой великий мастер – и так близко, работает прямо в округе Косэй. Ты должен пойти туда”.

Внезапно скрытое желание, которое привело его к Конфуцию... а Конфуций совершенно преобразил его поиск истины. Он обычно говорил: “Есть только поведение: хорошее поведение, плохое поведение, – и нет никакой истины, чтобы ее найти. Не тратьте время даром”. И он повлиял на молодого человека, убедил его, что это самое лучшее: “Ты разумен, иди на государственную службу. И с моей рекомендацией тебя тут же примут”.

Внезапно скрытое желание вышло на поверхность. Благодаря этому человеку дзен... Человек дзен – это просто человек, который стал буддой, но не является мастером. Он знает истину, но не обладает способом ее передать. Он мистик по собственному праву, но не мастер; у него недостаточно выразительности, чтобы ему удалось путем какого-то средства передать это вам. Он не владеет методом передачи лампы. И он... мистика такой разновидности в дзен называли просто “человеком дзен”. У него столько же опыта, что и у любого

будды, но поскольку он не мастер, он знает истину, но не знает никакого способа привести к ней других. Но его личность испускает сияние, в его глазах – другое качество, в его жестах – другое изящество.

И вот, когда этот человек дзен встретил молодого человека и сказал ему: “*Мастер Ма-цзы работает в округе Косэй; это место, где выбирают будд – ты должен идти туда*”, без всякого колебания, не раздумывая больше о том, чтобы стать правительственным чиновником и о том, что он так резко изменил путь, Танка отправился в Косэй. Он даже не ответил этому человеку: “Я пойду”.

Такой глубокий поиск, наверное, был скрыт, загнан глубоко в бессознательное Конфуцием. Внезапно он проступил на поверхность. Увидеть этого человека было достаточно, чтобы знать, что путь ведет к Ма-цзы. Если этого человека, не мастера, окружает такая таинственная аура, энергия, харизма, каким тогда будет Ма-цзы? Ничего не сказав ему,

Танка тут же отправился в Косэй. Когда он увидел Ма-цзы, мастер притянул к себе голову Танки и долгое время смотрел на него – смотрел ему в глаза – лицом к лицу. Затем Ма-цзы сказал: “Секито с горы Нангаку будет твоим мастером”.

Он смотрел в глаза этому молодому человеку – какой у него потенциал? Кто будет для него правильным мастером? Должен ли я его принять? Будет ли быстрее со мной или с Секито?

Вы видите не-соревнующийся мир дзен. Он увидел в глазах этого молодого человека, что Секито будет гораздо более подходящим мастером, чем он сам. И он сказал ему: “Секито с горы Нангаку будет твоим мастером”.

Увидев Ма-цзы, он смог увидеть разницу между человеком дзен и мастером дзен. Человек дзен – небольшое огонек; мастер дзен – целый лесной пожар.

И когда Ма-цзы смотрел ему в глаза, он тоже смотрел в глаза Ма-цзы. Он видел сострадание, огромную любовь. Именно из сострадания и любви он говорит ему: “Иди к Секито. Это будет быстрее; здесь тебе потребуется немного больше времени. Зачем тратить время впустую?” И Ма-цзы произвел на него такое впечатление, что он немедленно последовал его совету.

И Танка пришел на гору Нангаку. Когда он увидел Секито, Секито сказал Танке:

– Иди и работай в комнате, где илифуют рис.

Это всегда происходит в дзенских монастырях, когда приходит новый посвященный, даже когда он входит в комнату – то, как он идет, то, как он сидит – мастер свидетельствует, что будет правильно для него поначалу. Его нужно тренировать согласно его потенциалу.

Ни один дзенский мастер никогда себя никому не навязывает. И Секито сказал ему... глядя на него, он почувствовал, что ему сначала нужно научиться, обождать. Он сказал: "Иди и работай в комнате, где шлифуют рис".

Танка поклонился и ушел в общежитие. Он три года работал на кухне.

Он никогда не приходил снова и не спрашивал Секито: "Сколько мне еще шлифовать рис?"

Дзенский мастер создает безмерное доверие.

Это не верование – верование в теории, теологии.

Доверие – это личная близость, чувство: "он понимает меня; этого достаточно. Теперь он меня позовет, когда настанет время".

Люди иногда ожидали не только три года, но и тридцать лет, шлифуя рис.

Однажды это случилось...

Один человек тридцать лет шлифовал рис, и мастер сказал ему: "Пока я тебя не позову, ты не должен приходиться ко мне. И ты не должен посещать ученые дискуссии в монастыре, не должен читать писаний. Просто шлифуй рис с утра до поздней ночи. Здесь десять тысяч монахов, и ты должен позаботиться о рисе".

И на тридцать лет он совершенно забыл мышление – потому что какая необходимость думать, если ты каждый день, тридцать лет, шлифуешь рис? Почти половину жизни он провел за шлифованием риса. И это такой простой процесс, что никакого ума не нужно, не нужно никакого мышления. И ему было запрещено посещать лекции, даже приходиться на проповеди, приходиться на дискуссии монахов, ему было велено не читать писаний. Для него было совершенно закрыто все, что могло создать ум. Ему была дана простая задача, которая должна была разобрать ум. Какой бы у него ни был ум, он будет разобран.

И эти люди обладали огромной силой, цельностью. Просто ждать тридцать лет, без всякой жалобы, даже не видя больше мастера... и просто потому, что мастер сказал: "Это единственное, что ты должен делать". Он даже не разговаривал ни с одним другим монахом. Люди просто забыли о нем.

Он жил в небольшой хижине у кухни. Утром он входил в кухню; поздно вечером он возвращался в свою хижину, засыпал. Это был простой процесс. Через тридцать лет никакого ума не было.

И произошел один случай. Мастер старел, и, видя, что приближается его смерть, он сообщил десяти тысячам монахов – исключая того, который просто шлифовал рис: "Если кто-нибудь из вас хочет стать моим преемником, придите ночью и напишите на моей двери суть, самую суть дзен".

Там были великие ученые, и весь монастырь знал, кто был самым ученым человеком; может быть, будет выбран он. Ученый человек, когда мастер уснул, подкрался очень тихо, чтобы никто не узнал, кто это написал. Даже он боялся; он знал мастера. Его нельзя было обмануть, это было точно. И он сам знал, что ничего не знает о дзен в том, что касается опыта, хотя и может произнести ученое изречение. Но этот старый парень не будет обманут ученостью.

И он написал прекрасное утверждение; он написал его на двери, очень тихо, чтобы мастер не проснулся: "Дзен есть не что иное, как выход из ума, и запредельное открывает двери". Но он не подписался, боясь, соблюдая большую осторожность: "Если он найдет это правильным, я встану и скажу, что это написал я. Если он найдет это неправильным, я просто промолчу". Этот старик бил учеников.

Утром, когда мастер открыл дверь и увидел это утверждение, он сказал:

– Какой идиот это написал?

И от десяти тысяч монахов не было никакого ответа.

И он смысл его и сказал:

– Не портите мне дверь! Если вы не знаете... Я могу умереть без преемника, но не потерплю, чтобы моим преемником был школяр.

Конечно, утверждение было совершенно правильное, и его нельзя улучшить: "Дзен – это выход за пределы ума". Нельзя было его сжать яснее и точнее. Но у мастеров есть свои способы узнавать...

Двое монахов просто прошли мимо шлифовальщика риса. Люди даже не знали его имени, они просто называли его шлифовальщиком риса. Он не считался даже монахом; он никогда никому не говорил, что был посвящен, и никого не заботило, как его звали. Он никогда не приходил на лекции, никогда не посещал медитаций, никогда не участвовал в ученых дискуссиях. А весь монастырь с жаром вел всевозможные философские дискуссии; когда читались писания, сутры Гаутамы Будды, он никогда не приходил. Что это за человек?.. Делает только одно... люди совершенно забыли, сколько лет он это делал.

Двое просто прошли мимо него, обсуждая: "Это предложение совершенно правильно, но этот старик очень странный... как ему удалось узнать, что это интеллектуальное утверждение, но не экзистенциальное, не основанное на опыте?"

Впервые монах, шлифующий рис, рассмеялся. За тридцать лет это было его первым самовыражением. Двое монахов посмотрели на него и сказали:

– Почему ты смеешься? Мы никогда не видели, чтобы ты смеялся...

Он сказал:

– Я засмеялся, потому что тот, кто это написал, должно быть, был идиотом!

Они сказали:

– Точно! Именно это сказал мастер! Можешь ли ты написать что-нибудь лучше?

– Я не умею писать, – сказал он. – Я разучился. Тридцать лет назад я немного умел писать, но теперь разучился. И, в любом случае, кому захочется быть преемником?

Они были потрясены:

– Это человек странный. Тридцать лет в полном молчании, внезапный взрыв...

Среди ночи мастер пришел к шлифовальщику риса и сказал:

– Можешь ли ты это улучшить?

И монах, шлифовавший рис, сказал:

– Никакого ума нет; как можно выйти за его пределы? И за пределами нет – все здесь и сейчас. Не нужно никуда идти, даже за пределы ума. Ум – это вымысел, и люди создали еще один вымысел о том, чтобы выйти за его пределы. Но прости меня. Я не хочу быть твоим преемником. Я так счастлив. Ты такой великий человек, ты дал мне такую медитативную работу...

Мастер сказал:

– Тебе придется принять это и стать преемником, потому что нет больше никого, кому я могу это доверить. Все они наполнены ученостью и всевозможным знанием. Ты – нужный человек, и я ждал эти тридцать лет: может быть, он станет преемником. Это ожидание доказало мне абсолютно, что, должно быть, ты пережил что-то, что позволяет тебе оставаться центрированным, без всякого беспокойства, без всякого напряжения. Ты не сказал никому ни слова; ты просто делаешь свою работу и засыпаешь. Но эти ученые и амбициозные люди создадут для тебя проблемы. И я принес тебе мою робу, посох и шапку – это были вещи, которые преемник получает от мастера. – Возьми эту робу, этот посох, эту шапку.

Он надел ее на голову шлифовальщика риса и велел ему как можно быстрее бежать из монастыря.

– Просто походи далеко в горы. Те, кому ты нужен, до тебя доберутся. Но остерегайся! Если кто-нибудь из этого монастыря об этом узнает, тебя убьют. Они не примут шлифовальщика риса как своего мастера.

И бедняга взял робу и посох и бежал. Но пока он выбегал в ворота, его увидел привратник, в робе, шапке и с посохом мастера. И он тут же сообщил амбициозным монахам, который пытались и работали над тем, чтобы улучшить это утверждение:

– Остановитесь! Человек выбран.

– И кто же он?

– Помните ли вы человека, который пришел тридцать лет назад и тридцать лет не разговаривал? Шлифовальщик риса! Я только что видел его, он выбегал в ворота с посохом мастера и шапкой на голове, а робу держал в руках!

И амбициозные люди схватили мечи и бросились туда, куда указал им привратник. И вскоре они нашли этого бедного шлифовальщика риса, окружили со своими мечами и сказали ему:

– Отдай нам робу. Ты не знаешь о дзен ни единого слова.

Бедняга рассмеялся. Он сказал:

– Вы думаете, есть слово, которое человек должен знать, прежде чем узнать дзен?

Они были потрясены. Это была правда, но все же их амбиции... и они не могли его принять. Но он сказал:

– Никакой проблемы нет. Оставьте мечи в ножнах, беспокоиться не о чем. Вот вам шапка – и он бросил шапку на землю. – А вот вам роба, а вот посох. Если можете их взять, возьмите.

Но, хотя они и были амбициозны, в них был определенный здравый смысл, так как они долго прожили с мастером. Как они могут их взять? Если мастер дал их ему, это было абсолютно неправильно. И они знали, что не знают, а этот парень, кажется, знает. И неважно было, что он – шлифовальщик риса.

И они коснулись его ног и сказали:

– Мы были неправы. Нами двигали только амбиции. Пожалуйста, вернись.

Он сказал:

– Но я не хочу быть преемником. Я отказался, но старик так настаивал. Пожалуйста, возьмите все эти вещи. Пусть преемником будет любой, кто захочет. Я уйду в горы.

– Нет, ты должен вернуться, – сказали они.

Он стал преемником.

Дзен – это очень странный путь. Не нужно никакой учености, не нужно никакого знания. То, что нужно – это безмерное молчание, и ожидание, и наблюдение... когда время приходит, существование изливает в вас свои тайны.

Таким образом, тридцать лет он проработал на кухне.

Теперь сутра:

Наш Возлюбленный Мастер,

Однажды Секито объявил во всеуслышание, что на следующий день все будут полоть траву напротив зала будды. На следующий день все монахи собрались с серпами в руках, но только Танка пришел с подносом, полным воды. Прежде чем прийти сюда, он вымыл голову, но волосы еще не были обриты. Теперь он встал на колени напротив Секито, и, увидев его, Секито рассмеялся и обрил ему голову. Как обыкновенно делал мастер, Секито дал Танке определенные заповеди, но когда он это делал, Танка отошел, закрыв руками уши...

...Подавая знак, что “мне не нужно никакого знания, я это знаю. Не наполняй мои уши ерундой. Не наполняй мои уши словами. Я пережил опыт внесловесного”. Этот жест Танки показывает, что он достиг.

Затем Танка отправился в Косэй, чтобы встретиться с Ма-цзы. Прибыв в монастырь... – поскольку именно Ма-цзы послал Танку к Секито; теперь он завершил работу. Он дал обрить себе голову, когда завершил работу. Обычно, когда человек становится монахом, ему бреют голову. Но поскольку ему было велено тут же отправляться на кухню и там работать... В эти три года, просто ожидая, наблюдая и оставаясь осознанным, он реализовал саму свою природу. Сама эта природа – будда, и теперь было правильное время для посвящения. Прежде этого это посвящение было бы формальным. Теперь это было подлинное посвящение. И именно поэтому, когда он склонился перед Секито, мастер рассмеялся: “Этот парень действительно хитрец! Он не брил головы все эти три года. Он ждал момента, когда будет действительно достоин посвящения”.

Он обрил ему голову, и, как делает каждый мастер после бритья головы – это процесс посвящения, – дал ему несколько заповедей. Но когда он это делал – давал заповеди – *Танка отошел, закрывая руками уши*, показывая Секито абсолютно ясно: “Ты ничему не должен меня учить. Ты применил ко мне средство, и я пришел в состояние, в котором не нужно никакого учения”.

Затем Танка отправился в Косэй, чтобы встретиться с Ма-цзы, – потому что тот был его первоначальным мастером, который посмотрел ему в глаза и направил в нужное место, где он быстро стал буддой. Ему нужно было выразить благодарность, показать, что он достиг, и получить его признание.

Прибыв в монастырь, он пришел в зал и, взобравшись на статую Манджушри, остался там сидеть.

Манджушри – один из очень важных просветленных учеников Гаутамы Будды. Он выбрал статую Манджушри – наверное, были другие статуи: Сарипутры, Махакашьяпы, Маугальяна, других учеников, которые стали просветленными при жизни Гаутамы Будды. Таким образом, они были оригинальными силами. Манджушри был избран по определенной причине, потому что... Я должен вам немного рассказать о Манджушри.

Манджушри всегда сидел под деревом, под одним и тем же деревом. Он никогда не задавал Гаутаме Будде вопросов, никогда не читал никаких писаний. Каждый день он приходил, когда Гаутама Будда говорил, утром, вечером. Он сидел под деревом с закрытыми глазами. И все недоумевали, почему он ничего не спрашивает.

Однажды утром, внезапно, когда пришел Будда... Манджушри сидел под деревом. Вдруг цветы дерева стали осыпаться на Манд-

жушри. Должно быть, дерево расцвело сотнями цветов, и они осыпались как дождь. И Будда велел всем десяти тысячам учеников смотреть, что происходит. Все смотрели – и не могли поверить своим глазам. Почему цветы падают на голову Манджушри, на его тело, на колени? Он почти покрыт цветами.

Гаутама Будда объявил:

– Манджушри стал просветленным. Даже дерево дает ему признание. Существование празднует.

И Манджушри достиг, не задав ни одного вопроса, не получив ни одного ответа – просто ожидая в молчании. Природа праздновала. Одна из амбиций природы была удовлетворена: еще один человек стал буддой, достиг предельного сознания.

Танка, конечно, выбрал статую Манджушри и сел на ней:

Другие монахи были изумлены и доложили Ма-цзы. Он вошел, посмотрел на Танку и сказал:

– Мой сын – теннен.

На китайском языке *теннен* значит “естественный”. Это было само качество Манджушри. Он сонастроился с природой. Просто сидя под этим деревом, он стал с ним почти одним целым. И когда он стал просветленным, дерево не могло удержаться от искушения осыпать его цветами – на дереве не осталось ни одного цветка. Все цветы осыпались.

И просветление Манджушри называется естественным, спонтанным просветлением, без всякого метода, без всякого средства. “Теннен” значит “естественный”, и когда Ма-цзы увидел его, сидящим на статуе Манджушри... каждый из учеников Ма-цзы был как громом поражен, не мог поверить, как себя ведет этот человек. Но Ма-цзы увидел: этот человек изменился. Это больше не тот человек, которому он смотрел в глаза. Он просто сказал: “Мой сын – теннен”. Мой сын – естественный, естественный будда.

Танка сошел, поклонился и сказал:

– Спасибо, что ты дал мне имя дхармы.

Он принял имя “Теннен” как имя дхармы, как саньясинское имя. С тех пор он стал называть себя Танка Теннен. Танка Естественный.

Тогда Ма-цзы спросил:

– Откуда ты пришел?

– Я пришел от Секито, – сказал Танка.

– Путь Каменной Головы скользок. Не упал ли ты? – сказал Ма-цзы.

Танка ответил: “Если бы я упал, то не пришел бы сюда. Я просто ждал бы. Я не упал, я поднялся выше”.

Вот почему он сидел на голове Манджушри – объявляя: “Я другой Манджушри, и я не упал; иначе я не пришел бы сюда. Я не пришел бы и не показал бы тебе своего лица, если бы не стал буддой”.

Этот человек, Танка Теннен, стал мастером по собственному праву. Все его учение заключалось в том, чтобы просто быть естественным.

Вот и все мое учение: просто будьте естественными. Естество есть дхамма, естество есть дао, естество есть дзен. И в то мгновение, когда вы естественны, вы будете тотчас же осыпаны цветами. В то мгновение, когда вы естественны, вы тотчас же сможете не только праздновать и танцевать, но и все существование вокруг вас будет танцевать и праздновать.

Хакуин написал:

*Ваше пение-и-танец –
Не что иное, как голос дхармы.*

Ваше празднование, ваше пение-и-танец, – не что иное, как сама ваша природа. И эта природа была искалечена вашими так называемыми религиями – вашим Богом, вашими священниками, вашими теологами.

Дзен – это восстание против всех религий. Он всецело за религиозность, но не за религию. Религиозность – совершенно другое явление, нежели религия. Религия – доктрина, кредо, культ, организация. Религиозность – это просто качество, расцветающее в вас естественно. Вам нужно только глубоко войти внутрь себя, чтобы найти семя будды, которое существует в самом центре вашего существа.

Все наши медитации направлены только на одно: как привести вас к этому семени, где скрывается будда, точно как в семени скрываются цветы. И как только вы достигаете центра, семя начинает расти.

Тогда стать буддой – не очень отдаленное явление. Вы начали становиться буддой, встали на путь, который ведет к трансформации. Прямо сейчас все вы – бодхисатвы, будды по сути, в семени. Если вы сможете найти центр своего существа, вы найдете весь центр существования.

Стоит только найти его, и тотчас же что-то начинает в вас расти – гигантский будда внезапно показывается на поверхности. Вы исчезаете. Вы полностью уходите в океан, точно как капля росы. Вас больше нет, есть только жизнь – танцующая, празднующая.

Вопрос Маниши:

*Наш Возлюбленный Мастер,
Ницше выдвигает идею, что человек ищет истину только потому, что предполагает, что истина принесет утешение, лекарство.*

Но, говорит он, может быть, истина “существует только для душ, которые одновременно сильны и безвредны, полны радости и покоя... Как несомненно и то, что только такие души окажутся способными искать истину”.

Согласен ли ты с ним?

Маниша, я абсолютно согласен, потому что то, что он говорит, абсолютно истинно. Но это утверждение не вяжется с самим Фридрихом Ницше. Оно было бы совершенно правильно, если бы это сказал Будда.

Вы должны понять разницу. Фридрих Ницше был всего лишь интеллектуалом; он пришел к этому заключению путем логики. Он натолкнулся на правильные вещи, но они были нащупаны в темноте. Будда не спотыкается в темноте, он живет в несказанном сиянии.

Таким образом, то, что он говорит, правильно, но неправилен человек, который говорит. Я согласен с утверждением, но не согласен с Фридрихом Ницше.

Понять это вам будет немного трудно: различие очень тонко. Его утверждение правильно, но это не его опыт. Он сам не был человеком радости – очень печальным. Он не был человеком, который мог петь и танцевать; это было гораздо ниже его. Он был серьезным философом. Философы не танцуют. Они смотрят на танцующих как на глупцов: “Что вы делаете?”

Но даже без ясно очерченного опыта Ницше – редкое явление. Будды всегда говорили это, но этот человек, не будучи просветленным, бессознательно натолкнулся на истину, которая была не его опытом, но только логическим заключением.

Совершенно правильно, что люди, которые ищут истину, в своем большинстве ищут истину потому, что предполагают, что истина будет утешением, лекарством. Это больные люди. Их старое утешение отнято: Бог умер. Теперь они ищут истину, чтобы заместить Бога, и они снова хотят быть утешенными.

Молитва умерла, и они ищут медитацию. Может быть, медитация станет заменителем. Но это люди, которые ее не найдут.

Он говорит: истина “существует лишь для душ, которые одновременно сильны и безвредны, полны радости и мира”. Он не был полон ни радости, ни мира; он был одним из самых напряженных людей, которые только ходили по земле. И в конце концов его пришлось поместить в сумасшедший дом. Его тревога стала такой серьезной, что держать его в доме стало опасно, и его пришлось передать в приют для умалишенных.

Но то, что он говорит, совершенно правильно. Только человек мира, молчания, радости, человек, способный танцевать и петь, человек, способный праздновать – это человек, который может искать и найти истину.

Я пытаюсь всеми возможными способами сделать вас несерьезными, ненапряженными. Смейтесь, танцуйте, пойте, празднуйте, потому что именно такие люди найдут, что в них возникает огромная сила, которая оставалась спящей. Именно такие люди достигнут силы, но этой силой никому не причинят вреда. Их сила будет для мира благословением. Она не будет силой, которая разрушает, она будет силой, которая творит. Они будут творцами.

Именно эти люди узнают – люди, которые исчезли в радости, в танце, и их не стало. Только сознание, остается лишь чистое сознание. Это чистое сознание мы назвали пробужденным сознанием, просветленным сознанием; мы назвали его самадхи, или сатори... Гаутама Будда – это только имя, представляющее это предельное цветение.

Пришло время быть несерьезными!

Время Сардара Гурудаяла Сингха...

Марта Ворчунья и Милдред Мышиное-Дыхание, две домохозяйки средних лет, беседуют по душам за чашкой кофе.

– Я больше не знаю, что делать с моим мужем, – фыркает Марта. – Он никогда не приходит домой раньше трех утра.

– О боже! – вздыхает Милдред. – Мой муж тоже был таким – но перестал!

– Правда? – спрашивает Марта. – Что заставило его измениться?

– Его заставило измениться то, – говорит Милдред, улыбаясь, – что однажды, когда он прокрался в двери в три утра, я сладким голосом позвала: “Это ты, Раймонд?”

– И это все? – спрашивает Марта.

– Так точно и есть! – объясняет Милдред.

– Но я не понимаю, – говорит Марта, – почему это должно было его остановить?

– Все просто, – объясняет Милдред. – Его зовут Сидней.

Джек Придурок однажды гуляет допоздна и приходит домой в три часа утра. Он входит в спальню и находит, что его жена, Джилл Придурок, не спит, а лежит, обнаженная, в постели.

– Какого дьявола ты пропадал до трех ночи? – вопит Джилл в ярости.

Не обращая на нее внимания, Джек снимает пальто и открывает шкаф. К своему изумлению, там он обнаруживает голого мужчину, скорчившегося на полу.

– Что это за чертовщина? – кричит Джек.

Джилл садится в постели и вопит:

– Не уваливай от ответа!

Было солнечное утро на пляже Мыса Катастроф, и Прюнель Многоугольник, очень невзрачного вида девушка, блуждала в грезях на-

яву. Она споткнулась о бутылку, лежащую в песке, и чуть не упала в обморок, когда пробка из бутылки вылетела и – “Паф!” – из нее выскочил джин.

Джин почесался и потянулся, потом поглядел на Прюнель и объявил:

– Ах! Я навечно у вас в долгу, юная дама. Вы освободили меня из тысячелетнего заточения. Просите что угодно, я исполню ваше желание.

Прюнель Многоугольник не может поверить своей удаче и ни секунды не колеблется.

– Я хочу фигуру как у Софи Лорен, – говорит она, – улыбку как у Ракель Уэлш, волосы как у Бриджит Бардо, и грудь как у Саманты Фокс. И глаза как у Элизабет Тейлор, и зад как у Мэрилин Монро.

Джин смотрит на Прюнель долгим взглядом и говорит:

– Милая, пожалуйста, засунь меня обратно в бутылку.

Ниведано...

Ниведано...

Будьте в молчании... почувствуйте, что ваше тело совершенно застыло.

Это подходящее мгновение, чтобы обратиться вовнутрь.

Соберите всю свою энергию... и со всей тотальностью сознания устремитесь к центру своего существа. Центр существа находится точно в двух дюймах от пупка, внутри тела.

Все, что вам нужно – это такая срочность, словно это мгновение в вашей жизни последнее. С огромной срочностью и интенсивностью поспешите к центру.

Быстрее и быстрее...

Глубже и глубже...

По мере того как вы приближаетесь к центру, на вас нисходит неслышимое молчание, словно мягкий дождь.

Вы его чувствуете.

Вы ощущаете его прохладу.

Еще немного глубже, еще немного ближе к центру... и в вас возникает безмерный мир, ошеломляя вас.

Когда вы подходите еще немного ближе, внезапно возникает сияние: все ваше существо становится светом.

Теперь шагните в самый центр.

И вы начинаете чувствовать, как вас опьяняет божественное.

Именно это называется экстазом.

Из этого экстаза – все празднование.

Когда вы центрированы в своем существе, вас больше нет. Вы пришли к семени – бодхисатва растворился в будде.

Лицо Гаутамы Будды – оригинальное лицо каждого человека. Единственное качество, которым обладает Гаутама Будда – свидетельство.

Свидетельствуй, что ты – не тело.

Свидетельствуй, что ты – не ум.

И в конце концов свидетельствуй, что ты – только свидетель. Этот чистый свидетель – *сакшин* – есть твоя предельная свобода. Это твое просветление, это твое освобождение.

Это вхождение в вечный источник жизни.

Именно поэтому я снова и снова говорю: празднуйте. Для меня, жизнь есть празднование. Существование есть празднование.

Вы не можете праздновать в одиночестве, существование участвует во всех измерениях. Природа наслаждается, когда кто-то приходит к самому центру существа. Часть природы стала пробужденной.

Чтобы сделать это свидетельство глубже,

Ниведано...

Расслабьтесь...

Будьте в позволении.

Это – мир, радость, молчание, сила, которая безвредна, которая созидательна.

Именно на это Ницше натолкнулся в своей темноте и слепоте. Но вы идете с открытыми глазами к самому биению сердца вселенной.

Вся вселенная, кроме так называемых религий, пребывает в каждом мгновение в безмерном праздновании: в птицах, в деревьях, в реках, в океанах, в горах, в звездах. Всюду вокруг вас нет ничего, кроме празднования.

Вам следует в нем участвовать.

Отбросьте все преграды.

Это только вымыслы, а реальность обладает огромной силой.

Свидетельствование делает эту работу. Свидетельствование – другое название медитации.

В это мгновение Аудитория Гаутамы Будды становится океаном сознания. Десять тысяч будд тают, как тает лед в океане – никаких волн, никакой ряби, абсолютное молчание.

Помните, просветление состоит из трех шагов.

Первый шаг – будда, которого вы переживаете внутри, следует позади вас, словно тень. Это сама ваша природа, ваша дхамма. Это ваш *теннен*.

Второй шаг – пережив будду позади себя, его тепло, его любовь, его истину, его сострадание, его божественное опьянение... вы постепенно сами становитесь его тенью. Он выходит вперед и становится перед вами – это второй шаг.

И ваша тень начинает мало-помалу исчезать. По мере того как вы таете в будде – это третий и окончательный шаг – вас больше нет.

Есть только будда – вас больше нет.

Есть только просветленная осознанность – вас больше нет.

Лишь только жизнь, празднующая.

Сущий танец радости...

Песня, в которой нет слов, музыка без всякого звука.

Вечность в ваших руках.

Вы слились воедино с космическим целым.

Я праздную себя. Я надеюсь, что скоро вы сможете сказать то же самое: “Я праздную себя”.

Прежде чем Ниведано позовет вас обратно, соберите все эти опыты. Вы должны принести их в свою повседневную жизнь. Это изящество, эта красота, эта честность, интенсивность жизни – и свидетельство должно стать самым вашим дыханием, биением сердца.

И убедите будду – он в вашей природе; вы никогда его не просили, никогда его не приветствовали... Именно поэтому он прятался в самом центре вашего существа.

Помогите ему прийти вместе с вами.

Он обязательно придет. Он приходил тысячи раз, к тысячам будд. Это прирожденное право каждого живого существа.

Просто попросите его прийти вместе с вами, и он преобразит всю вашу жизнь: в каждом жесте, в каждом слове, в каждом молчании вы будете находить его присутствие, его свет.

Ниведано...

Вернитесь... но вернитесь как будды, полными радости. Огромная безмятежность, чистое молчание... и посидите несколько мгновений, просто чтобы вспомнить, напомнить себе золотой путь, которым вы прошли внутри, и безмолвное, мирное пространство, с которым столкнулись.

Вы видели свое оригинальное лицо, лицо будды.

Почувствуйте присутствие будды позади вас – тепло и прохлада одновременно; сила и скромность одновременно. Молчание – полное отсутствие эго и все же безмерное достоинство.

Именно это заставляет человека праздновать жизнь.

Не может быть ничего большего, чем существование уже сейчас.

Просто участвуйте в танце.

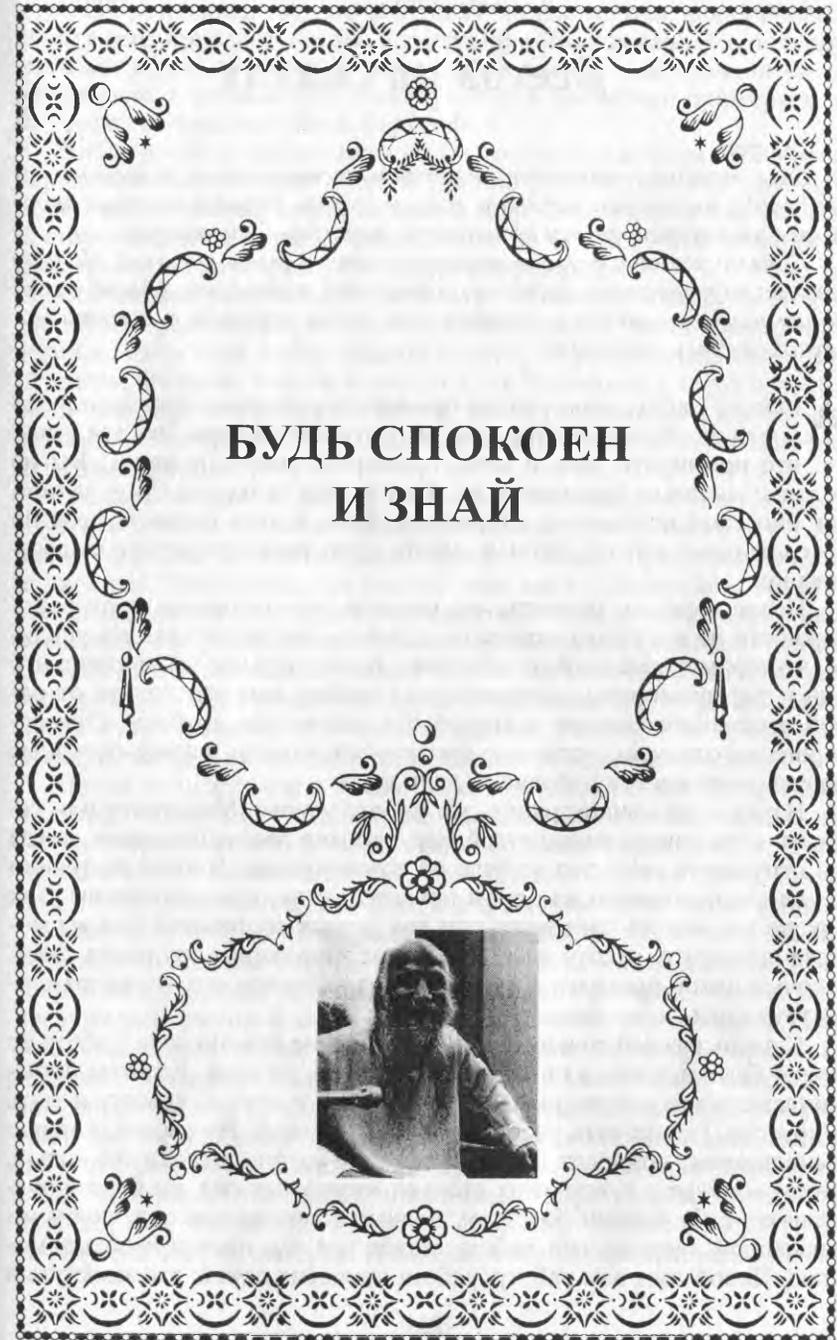
Празднуйте безгранично, и все тайны и секреты существования и жизни будут вам открыты.

Это мое обещание.

Это обещание всех будд, прошлого, настоящего, будущего.

Хорошо, Маниша?

Да, Возлюбленный Мастер.

Всегда на скалах

Вопрос:

Ошо, трудно примирить медитативность и науку, и, тем не менее, когда мы рисуем картину, пишем стихи, решаем научные задачи, все это приносит нам одинаковую радость. Одинаковую.

Почему же так трудно медитировать и быть ученым? Почему никогда не существовало такого общества, в котором живут в гармонии наука внешнего и внутреннего, наука агрессии и смерти – с наукой любви и гармонии?

Ананда Прабху, само усилие примирить полярные противоположности ошибочно. Вы никогда не преуспеете в этом. Это все равно что примирить день и ночь, примирить смерть и жизнь. Вы не должны пытаться примирить их. Вам нужно только следить за тем, как они сами пребывают в гармонии. День и ночь сменяют себя по совершенному ритму, жизнь и смерть – это также два крыла существования.

После того как однажды вы увидите, что полярные противоположности не могут существовать отдельно, после того как вы увидите, что примирение вообще не нужно, после того как вы увидите, что они и так примирены, осознанность поможет вам переходить от одной противоположности к другой без каких-либо проблем. Они совершенно отличны, полярные противоположности, но все полярные противоположности дополняют друг друга.

Наука – это концентрация, это ум, это усилие. Медитация или религия – это совершенно другой мир, это мир расслабленности, когда вы отпускаете себя; это вообще не концентрация. В этом состоянии вы не сосредоточены на одном объекте, вы не однонаправлены. Так как же вы можете примирить эти два разных состояния? Как вы можете примирить работу и отдых? Но вы напряженно трудитесь днем, а ночью покой приходит к вам сам. Вы заработали его, вы напряженно трудились, и это приносит вам отдых.

С философской точки зрения, примирение невозможно. Работа не может быть покоем, а покой не может быть работой. Если вы пытаетесь создать синтез, вы уничтожите и то, и другое, красоту и того, и другого. Работа есть работа, покой есть покой. Но работа, хорошо выполненная, приносит покой, и если вы хорошо отдохнули ночью, утром вы будете чувствовать столько жизненных сил, вы будете чувствовать себя такими бодрыми, полными жизненных сил, полными жизненной энергии, что работа станет для вас просто необходимостью. Покой дает вам работу, работа приносит покой: это замкнутый

круг. Примирение и так уже есть: день приносит ночь, ночь приносит день, жизнь приносит смерть, а смерть приносит жизнь. Это полукруги, и когда две половинки составляют один круг, он становится совершенным и полным. Но, пожалуйста, не пытайтесь примирить их на уровне теории, на уровне философии.

Наблюдайте за существованием и смотрите, как полярные противоположности действуют вместе, рука об руку, дополняют друг друга. Вы еще не делали этого; на самом деле, человечество еще не было достаточно зрелым, чтобы сделать это, до сих пор. Все приходит в свое время, когда созревает, и тогда все происходит.

Восток жил религиозно – это одна противоположность; из-за того, что он жил религиозно, он не смог развить науку. Запад жил научной жизнью; из-за того, что он развивал науку, он упустил религиозность. И теперь, впервые, Восток перестал быть Востоком, а Запад перестал быть Западом. Земля стала единой, земля стала единой глобальной деревней. Это время, когда можно увидеть примирение, можно понять примирение.

Человек входит в новую фазу существования, к нему должно спуститься новое сознание. По крайней мере, десять тысяч лет в сознании человека не происходило ничего нового. Приходили будды, приходили Эйнштейны, но мы все еще ждем Эйнштейна, который станет Буддой. И этот день приближается. Альберт Эйнштейн в свои последние дни очень интересовался медитацией и религией. Его последние дни были полны удивления. Он сказал в старости: “Когда я был молод, я часто думал, что раньше или позже будут раскрыты все тайны существования. Но чем больше мы узнаем, тем меньше мы знаем, и тем больше мы начинаем осознавать безграничность...”

Наука не смогла снять тайну существования. Теперь это признано не только обычными учеными, но настоящими гениями, потому что они пионеры, они могут увидеть рассвет очень близко, они – пророки. Альберт Эйнштейн говорит, что наука не смогла снять покров тайны с существования, наоборот, все стало еще более таинственным.

Например, сто лет назад, в старые времена, ученым было так легко говорить, что все вокруг – материя. Теперь материя исчезла, и в современной физике нет такого понятия, как материя. Чем глубже погружалась физика в мир материи, тем меньше она находила материю. Она видела только чистую энергию. Как же теперь определить энергию? Материальна ли она? Энергия не может быть материальной, энергия – это нечто совершенно отличное от материи. Материя статична, энергия динамична, материя – это существовательное, а энергия – это глагол. Материю можно измерить. Таково точное значение слова “материя”. Оно происходит от слова “мера”, корень этого слова означает “то, что можно измерить”. Материю можно измерить, вот почему она зовется материя. И по мере того как физики входят в мир

энергии, они все больше и больше удивляются, никогда раньше они еще не были такими озадаченными.

Мистики всегда чувствовали благоговение перед существованием. Физики же чувствовали благоговение впервые, потому что они впервые прикоснулись к чему-то жизненному, а раньше они просто смотрели со стороны. Камень со стороны кажется простым камнем. А физики теперь знают, что камень – это не просто камень, он содержит в себе вселенные. Небольшой камешек, который вы держите в руках, содержит в себе столько атомной энергии, что ее достаточно для того, чтобы уничтожить всю вселенную, он больше, чем просто камень, он не такой твердый. Вы же держите в руках камень и думаете, что он – твердый, – но ваше знание больше не научное. Он только кажется таким твердым, на первый взгляд, на самом деле он подвижный. И он кажется таким доступным и управляемым, что вы думаете, что можете сделать с ним все что угодно. Но вы не знаете его тайны, которой управлять не можете, и эта тайна действительно бесконечна, она практически настолько же бесконечна, как тайна самого Бога.

Современная физика впервые использует язык мистики. Эддингтон сказал: “Вселенная больше не выглядит материальной, она подобна мыслеформам”. И это сказал ученый, лауреат Нобелевской премии, – он сказал, что вселенная больше похожа на мысль, нежели на материю. Это означает то, что вселенная, скорее, представляет собой сознание, чем материю. И он анализирует материю, и когда ученые смогли проникнуть в нее глубже, они выяснили, что материя состоит из атомов, а те, в свою очередь из электронов, протонов и нейтронов, и мы полностью ошибались, и нам даже трудно выразить то, с чем мы столкнулись. У нас нет языка, который мог бы выразить то, что мы познали, потому что раньше мы этого никогда не знали.

Теперь нужно найти правильный язык в словах мистиков: Будда очень поможет в этом отношении, Лао-цзы поможет. Ученые изучают язык Будды для того, чтобы найти подходящие слова для того, чтобы описать это, потому что Будда и подобные ему люди говорили о тайнах, о загадках. И теперь наука приближается к этим тайнам.

Самая большая тайна заключается в том, что электрон ведет себя таким таинственным образом, что у ученых нет языка для того, чтобы описать это. Электрон ведет себя одновременно как частица и как волна. Это невозможно, непостижимо с точки зрения логики, ум не может постигнуть этого. Предмет может быть либо частицей, либо волной, одна и та же вещь не может быть одновременно волной и частицей.

Вы знаете Евклидову геометрию: нечто может быть либо точкой, либо линией, одна и та же фигура не может быть одновременно и точкой, и линией. Линия – это множество точек, следующих одна за другой, последовательность точек. Единственная точка не может

быть линией. Но именно так действуют электроны: одновременно и точка, и линия, частица и волна. Как это выразить, что с этим делать?

Ученые потрясены. Они не могут ничего сказать, они теперь знают то же самое, что знали мистики, которые всегда говорили на языке парадоксов. Они говорили, что Бог одновременно далеко и близко, они говорили то, что испытали на своем опыте. Мистики говорили, что жизнь и смерть едины, это не два отдельных понятия, – и впервые их слова стали близки ученым. Появилась новая наука, которая была названа теорией вероятности. Больше не было определенности! Она оказалась слишком грубой.

Махавира двадцать пять столетий назад сопровождал все свои высказывания словом: “возможно”. Если его спрашивали: “Есть ли Бог?” Он отвечал: “Возможно”. В те дни его не понимали, потому что отвечать так на такой вопрос казалось глупо. Бог либо есть, либо его нет. И его ответ казался таким нелогичным и примитивным: “Если Бог есть, то Он есть! А если Его нет, то Его нет! Что же вы имеете в виду, когда говорите – возможно?”

Теперь это могут понять. Махавира пользовался языком религии, подобным языку Эйнштейна в физике. Альберт Эйнштейн называет свою теорию – теорией относительности. Махавира пользовался в точности той же философией: сапекшавад – теория относительности. Нет ничего определенного, все подвижно, все течет. В тот миг, в который вы что-то сказали, этого нет больше. “Вещи не существуют, – говорит Махавира, – есть только события”.

Вот что говорит современная наука: что нет никаких предметов, есть только события. И мы не можем ничего утверждать абсолютно. Мы не можем сказать: “Это так”. Если кто-то утверждает: “Это так” – он ведет себя глупо. В прошлом человек думал, что знает что-то, и чем больше он был уверен в своем знании, тем большим знатоком считался, а неуверенный человек считался невеждой.

Вот почему Махавира не мог повлиять на мир так сильно: он пришел слишком рано, он пришел раньше времени. Теперь для него пришло время, теперь его бы поняли ученые, высшие умы планеты. Но он говорил с людьми, с обычной толпой, которая не могла понять его теории относительности, его “возможно”. Люди хотели определенного знания: “Есть ли Бог?” И Махавира отвечал им: “Возможно. В каком-то смысле можно сказать, что Он есть, а в другом смысле можно сказать, что Его нет. И оба смысла существуют одновременно”.

Теперь пришло время Ананда Прабху, не пытайся примирять, это будет неправильно. Просто наблюдай, просто смотри вглубь на то, что есть, как есть. Все и так уже примирено, в существование нет конфликтов. Все противоречия только дополняют друг друга.

Ты говоришь: “Трудно примирить медитативность и науку”.

Если ты попытаешься примирить медитацию и науку, это будет не только трудно, но и невозможно. Этого нельзя сделать. Ты просто сойдешь с ума, само усилие примирить их сведет тебя с ума. Такое усилие тщетно. Скорее, наоборот, просто наблюдай.

Жизнь парадоксальна. Она уже представляет из себя синтез парадоксов, противоположности уже встретились в ней. И нам нужно только чистое зеркальное сознание, чтобы оно отражало жизнь как есть. И вы увидите в этом отражении встречу противоположностей, встречу Востока и Запада, встречу религии и науки.

Ты говоришь: *“Когда мы рисуем картину, пишем стихи, решаем научные задачи, все это приносит нам одинаковую радость”*. Одинаковую радость!

Да, так и должно быть, потому что искусство находится прямо посередине между ними, оно находится на равном расстоянии от религии и науки. И оно включает в себя качества и того, и другого. Одна сторона искусства научна, это технология. И как раз поэтому ученый так наслаждается тем, что рисует, и он чувствует ту же радость – мистик тоже может рисовать и будет чувствовать ту же радость – как от молитвы, как от медитации, несмотря на то, что они делают совершенно разные вещи, потому что картина мистика будет совершенно отлична от картины ученого.

Вы можете посмотреть: современные художники на Западе находятся под слишком сильным влиянием технологии. И их картины потеряли свою красоту, они больше не могут помочь вам прийти к божественному присутствию, которое пронизывает существование. Наоборот, их искусство теперь просто отражает безумный ум человека. Когда вы смотрите на работы современных западных художников, вы чувствуете невроз, напряжение, болезнь.

Дзенские мастера также рисовали, но их картины были совершенно другими. Когда вы смотрите на картины дзенских мастеров, вы чувствуете, что возвышаетесь, у вас появляется чувство тонкой радости. Вам хочется танцевать и играть на флейте, петь. Дзенские картины отражают жизнь мистика, они с другой стороны. Пикассо, Дали и подобные им идут со стороны науки. Между картинами Пикассо и картинами дзенских мастеров нет сходства. Это два совершенно разных мира. И причина в том, что это два разных художника.

Да, Ананда Прабху, ты можешь чувствовать одинаковую радость, когда рисуешь картины и решаешь научные задачи, и все это ум. Ум решает научные задачи, и стихи также пишет ум, твои стихи в большей или меньшей мере математичны, логичны. Они только внешне похожи на стихи, но обладают духом прозы.

Вот почему на Западе поэзия умирает, картины стали отвратительными, скульптуры больше не представляют природу. В них не хватает чего-то важного, духа, самого духа искусства: вот чего им не

хватает. Когда же вы смотрите на дзенские картины, вас это переполняет, нечто высшее начинает снисходить к вам или изливаться на вас.

Вы смотрели на дзенские картины вблизи? Там есть некоторые вещи, которые вас удивят. Человеческие фигурки очень маленькие, настолько маленькие, что если вы посмотрите на них пристально и с близкого расстояния, вы просто упустите их из виду. Деревья большие, горы большие, солнце и луна, реки и водопады – большие, но люди – маленькие.

На западных картинах люди большие, очень большие, они занимают весь холст. Это неправильно, это непропорционально. Это не истинный размер. Человек занимает весь холст – и это очень эгоистично, – но художник сам эгоист. Дзенские мастера были совершенно правы: человек – это только крошечная часть великой вселенной. Горы – большие, звезды, и луна, и солнце – большие, а человек – разве он виден среди них?

Вчера я смотрел дзенские картины. Человек на них такой маленький, две маленьких фигурки переходят по мосту – я бы даже упустил их из виду из-за огромных гор и деревьев, которые занимают весь холст. Но внизу была надпись, которая гласила: *“Пожалуйста, не упустите из виду, там на мосту есть два человека”*. Я присмотрелся очень внимательно: да, там были два человека, очень маленьких, они идут по мосту, взявшись за руки. Эти пропорции правильные, это не эгоистическое рисование.

На западных картинах вы обнаружите, что весь холст занимает человек. На дзенских картинах человек занимает лишь небольшое место, а все остальное пространство остается пустым. Это кажется растратой: если вы рисуете такого маленького человека на такой большой картине, к чему пользоваться таким холстом? Зачем брать такой большой холст и рисовать на нем такого маленького человека? Но люди дзен говорили, что именно так все и есть: *“Пустота вокруг огромна. Все небо пусто – как же можем убрать небо с картины? Если мы уберем небо с картины, она не будет настоящей!”*

Западные художники и западное искусство не обладают таким видением, они не понимают, что мы окружены безбрежным пространством, Земля очень маленькая, человечество – это лишь небольшая часть этой Земли, а вокруг бесконечная пустота. Если быть правдивым, сущностно правдивым, пустоту нельзя оставить, она должна присутствовать в картине. Это другое видение, вы смотрите по-другому.

Дзенские картины не согласуются с западным стилем. В западном искусстве художник постоянно улучшает картину, на первый слой картины ложится второй и так далее, и художник продолжает улучшать картину, он подрисовывает и делает всякие другие вещи. Художники дзен не могут делать этого, это невозможно. Они пользуются определенной бумагой, рисовой, по которой можно провести

кистью только один раз. Нельзя исправить картину дзенского художника, нужно оставлять все как есть. Бумага настолько тонкая, что если вы попытаетесь исправить ее, все будет потеряно. Почему же используется рисовая бумага? Чтобы ум не мог вмешаться, потому что ум постоянно пытается исправить, пытается сделать все лучше. Но рисовать нужно от сердца, единым росчерком пера. Если ваше сердце полно, это придет. Но вы не можете исправить этого, исправления идут от ума.

Дзенские картины никогда не исправлялись; если вы будете их исправлять, ваши исправления всегда будут показывать, что вы не мастер. Картина должна исходить из вашей медитативности, из вашей тишины. Ваши чувства, которые вы испытываете в это мгновение, переходят на картину, на рисовую бумагу.

Искусство занимает среднее положение между наукой и религией. Оно может относиться и к тому, и к другому. Это может быть научное искусство, как на западе, и поэтому ты говоришь, Ананда Прабху, что тебе это приносит одинаковую радость. Это может быть религиозное искусство – ты еще ничего пока не об этом знаешь. Потому что перед тем, как ты можешь узнать об этом что-либо, тебе следует узнать, что такое медитация.

Медитация – это не состояние концентрации, это вообще не состояние ума. Это состояние тотального присутствия. Это не состояние сна. Нет ума, нет сна, но есть только полная осознанность. И из этой осознанности ты привносишь совершенно другое качество в музыку, в картины, в поэзию. Но перед тем как это может случиться, нам нужно много медитативных людей на всей земле.

Вот для чего нужна моя работа. Вот что я пытаюсь здесь делать: создавать медитативное состояние. Это первое требование. Если мы хотим привнести в мир новое видение, в котором могут встретиться наука и искусство, нам нужно сначала построить для этого фундамент, и только тогда можно построить храм. Медитация должна стать таким основанием.

Не пытайся примирить все, просто стань более медитативным. В твоей медитации – примирение, потому что в своей медитации ты можешь увидеть гармонию в том, что кажется очевидно противоречивым с поверхностной точки зрения, а глубоко внутри враги становятся друзьями. Представь себе, что два друга играют в шахматы. Они друзья, но из-за того, что они играют в шахматы, они притворяются врагами.

Это лила существования, игра существования. Бог разделит себя на двоих, потому что это единственный способ играть в прятки. Это прекрасная игра, если вы понимаете, что это игра. Не воспринимайте ее слишком серьезно, потому что тогда вы не сможете увидеть игривость этой игры.

Ты спрашиваешь меня: *“Ошо, трудно примирить медитативность и науку, и, тем не менее, когда мы рисуем картину, пишем стихи, решаем научные задачи, все это приносит нам одинаковую радость. Одинаковую”*.

Это не так. Быть медитативным трудно для всех, не только для ученых. Ананда Прабху – ученый. Но медитировать точно так же трудно и бизнесмену, и плотнику. Это не свойственно только ученому. Может быть, количественно это может быть немного сложнее, потому что весь ум ученого целиком знает только о том, как концентрироваться. Он знает только один способ использования ума: сосредотачивать его на определенном объекте. А медитация означает пребывать в несосредоточенном состоянии, просто оставаться открытым, открытым всему.

Когда вы слушаете меня, вы можете слушать двумя способами. Научный способ – это концентрация: вы слушаете мои слова и концентрируетесь на них. Это значит, вы закрываете ум ко всему остальному: мимо пролетает самолет, шумит поезд, шумит транспорт на дороге, птицы поют на деревьях, но вы ничего этого не слышите. И у вас остается только одна небольшая замочная скважина: вы слушаете только меня. Так слушают ученые: они смотрят через эту замочную скважину на существование.

Мистики выходят из комнаты, они стоят под открытым небом, полностью открытые ко всему. Это другой способ слушания: путь медитации. И тогда вы можете слушать меня, пение птиц и все остальное. И то, что я говорю, не мешает слушать вам пение птиц, вообще не мешает. Это увеличивает красоту пения птиц, придает новые краски, придает новую музыку. Вы слышите не только пение птиц: мимо пролетает самолет – и вы его также слышите. Внезапный звук создает еще больший контраст.

Когда мимо пролетает самолет, вы внезапно слышите меня на еще более глубоком уровне. И пока самолет пролетает и шумит, вы слышите и меня, и самолет, и это не приносит вам беспокойства. Вы не говорите про себя: *“Это тупой самолет летит и мешает мне!”* Но если вы говорите это внутри: *“Этот тупой самолет приносит мне такие беспокойства!”*, вы говорите тем самым, что это приносит вам беспокойства, и когда вы говорите это, вы упускаете меня из виду. Самолет не может принести вам беспокойства, но ваша реакция обязательно побеспокоит вас.

Слушать медитативно – значит все принимать, приветствовать. Вселенная воспринимается во всем ее многообразии. Вы просто открыты со всех сторон ко всему, что происходит. И вы будете удивлены. Это приносит такую великую тишину, такое необычайное спокойствие, такое глубокое молчание.

Концентрация связывает вас по рукам и ногам, медитация никогда не делает этого. Но она трудна для каждого, а не только для уче-

ных, потому что мы так привыкли к определенному узору, мы смотрим на вещи определенным образом. Вам придется растворить свой образ восприятия, вам придется стать немного более жидкими, текучими, и медитация поможет вам. Не беспокойтесь о трудностях, с которыми сталкиваются ученые, эти представления могут создать трудности для вас. После того как вы начнете считать что-то сложным, это действительно станет сложным. Не думайте так: это превратится в самогипноз, это станет внушением. Это не сложно; медитация – самая простая и легкая штука в мире. Мы просто привыкли к концентрации. Нам с детства твердили концентрироваться. Это своего рода привычка, и нам требуется немного времени, чтобы отбросить старую привычку и научиться чему-то новому, тому, что не входит в привычку, но представляет собой саму вашу природу.

Ты говоришь: *“Почему никогда не существовало такого общества, в котором живут в гармонии наука внешняя и внутреннего, наука агрессии и смерти – с наукой любви и гармонии?”*

Такое время пришло. Все происходит только в определенное время. Религия вознеслась на свои вершины во времена Будды, теперь вознеслась на вершины наука. И только тогда, когда выросли два явления, возможна их встреча.

Семя не может встретиться с деревом, ему сперва придется самому стать деревом. Только тогда, высоко на ветру, в облаках, ветви дерева могут встретиться с ветвями других деревьев, они могут шептаться друг другу, обнимать друг друга, между ними может быть диалог. Но семя не может говорить со взрослым деревом, это невозможно. Семя не сможет понять языка дерева, а дерево не сможет понять языка семени.

Религия была зрелой во времени Будды, почти что пять тысяч лет назад. А наука до сих пор развивается, зреет. И поэтому я говорю, что сейчас самое ценное время, и вы счастливы, что живете сейчас, потому что сегодня нечто уникальное может произойти, может произойти встреча науки и религии, встреча Востока и Запада, встреча экстравертного ума и интровертного ума. Это создаст нового человека, который сможет легко путешествовать во внешнее, во внешний мир науки – и во внутренний мир религии. Точно так же, как вы можете войти в дом и выйти из него в сад – это не трудно для вас. Для этого вам не нужно примирение. Вам не нужно прикладывать для этого много усилий: для того чтобы выйти из вашего дома на лужайку, вы просто встаете и выходите! Если вы чувствуете, что внутри – холодно, а снаружи светит прекрасное солнце, вы выходите на лужайку и садитесь на газон. А позже, когда становится слишком жарко, вы входите в дом, потому что внутри дома прохладно.

Это так же легко, как если бы вы вышли из дома, а потом вошли внутрь. Тотальный человек будет в состоянии заниматься наукой и религией вместе, внутреннее и внешнее будет в его распоряжении.

Карл Густав Юнг разделил человечество на две части: на экстравертную и интровертную. Его категории были уместны для прошлого, но они будут совершенно бесполезны для будущего, потому что человек будущего будет и тем, и другим. В прошлом мы всегда разделяли на такие категории, но человек будущего не будет ни женщиной, ни мужчиной. Я не имею в виду биологически – биологические отличия будут сохраняться, но духовно в будущем у мужчины будут женские черты характера, а у женщины – мужские. На духовном плане люди будущего никогда не будут навешивать на людей ярлыки женщин и мужчин. Будущее будет свободно от ярлыков, от тюрьмы ярлыков.

Не будет мусульман, индуистов, христиан. Люди не будут делиться на индусов, немцев, американцев, англичан, на белых и черных. Цвета кожи не исчезнут, белые останутся белыми, а негры будут неграми, но на них не будет больше ярлыков, ярлыки станут ненасущными, примитивными, бессмысленными, обманчивыми. Новый человек будет иметь вселенское сознание, а основание будет положено встречей науки и религии.

Вопрос:

Ошо, может ли современный человек стать Буддой или Христом, и можно ли их сделать такими? Или Будда и Христос смогли родиться такими только в свое время? Каждый человек – это Будда, каждый человек – это Христос? Я чувствую, что это не так.

Бал Кришна Бхарти, Будда или Христос не могут быть созданы, потому что Будда или Христос – это внутреннее явление. И оно не может быть создано, и не должно создаваться, это уже и так есть, это уже случилось. Нужно только раскрыть это, нужно открыть это.

Сокровище есть. Вы просто должны найти ключ к этому сокровищу, чтобы открыть двери. Сокровище не нужно создавать, сокровище не нужно развивать. Вам нужно только найти правильный ключ. Вы забыли о ключе; ключ также внутри вас. Бог дает вам все, что вам нужно в путешествии, вы приходите сюда совершенно подготовленные. Но общество приносит беспокойства каждому ребенку, извращает каждого ребенка, потому что Будда или Христос бесполезны в обществе, они не приносят никакой пользы.

Что вы можете сделать с Буддой? Какой цели он может служить? Он будет как прекрасный цветок, но цветы не служат никакой цели. Цветами нужно наслаждаться, восхищаться ими, любить. Вы можете танцевать вокруг них, вы можете пить их красоту, но они не могут приносить пользу в мире. Что вы можете сделать с полной луной? Вы не можете продать ее, вы не можете купить ее, вы не можете получить от нее пользу. У вас не может быть большой счет в банке из-за полной луны.

И поэтому общество не интересуется Буддами или Христами. Будда – это полная луна, это лотос, это птица, которая парит на крыльях. Будда – это поэма, это песня, это праздник. Из-за того, что они совершенно не приносят пользы, общество не интересуется ими, оно действительно боится таких людей. Оно хочет, чтобы вы были слугами широких интересов общества. Оно не хочет, чтобы вы были восставшими, а Будда вынужден быть восставшим.

Будда не может следовать глупым приказаниям политиков, моралистов, священников или пуритан. Это те люди, которые эксплуатируют человечество, подавляют человечество. Они начали уничтожать все возможности стать буддой, они начали извращать, отравлять. И на протяжении столетий они научились разным способам отравлять. И если иногда детям удастся избежать этого, это просто чудо; это может случиться из-за ошибки священников и политиков – если ребенок избегает ловушки и становится буддой.

Бал Кришна, каждый человек рождается Буддой, в каждом человеке есть семя просветления. Но я могу понять подоплеку твоего вопроса.

Ты говоришь: *“Я чувствую, что это не так!”*

Да, если ты помотришь на толпу, это действительно не так. Если бы это было так, было бы много будд, но они встречаются очень редко. Мы знаем, что два с половиной тысячелетия назад был Гаутама Сиддхартха Будда. И кто знает, правда это или нет? Это может быть просто легенда, красивая история, утешение, опиум для масс, благодаря которому они могут продолжать надеяться, что однажды они станут буддами. Кто знает, исторический ли это факт: существование Гаутамы Будды?

Вокруг него существует столько историй, что он выглядит больше похожим на легенду, чем на реальное историческое лицо. Когда он стал просветленным, Боги спустились с небес, они играли прекрасную музыку, танцевали вокруг него. Как же это может быть частью истории? Цветы осыпали его с неба. Цветы из золота и серебра, цветы из бриллиантов и изумрудов. Кто может поверить в то, что это была часть исторических событий?

Это не история, правда, я согласен с этим. Это поэзия, но она символизирует определенные исторические события, потому что с Буддой происходило нечто уникальное, и нет другого способа, при помощи которого можно описать это, – только при помощи поэзии. Настоящие цветы не падали на Будду с небес. Но когда кто-то становится просветленным, все существование радуется, потому что мы не отделены от него.

Когда у вас болит голова, все ваше тело страдает от этого, а когда головная боль пропадает, все ваше тело чувствует себя хорошо, оно благоденствует. Мы не отделены от существования. И до тех пор, пока вы не станете буддой, у вас будет болеть голова, вы будете прино-

сить боль себе и другим, головную боль всему существованию. Вы будете колючкой в плоти существования. Когда боль исчезнет, когда колючка превратится в цветок, когда вы станете Буддой, великая боль, которую вы создавали для себя и других, исчезнет.

Определенно, и я утверждаю это, я свидетель этого процесса, – определенно, все существование радуется при этом, танцует, поет. Но как сказать об этом? Это невидимо для глаз, это нельзя сфотографировать. И поэтому возникает такое поэтическое описание, аллегория, символы, сравнения.

Говорят, что когда Будда родился, его мать мгновенно умерла. Это может быть историческим фактом, а может и не быть. Но мне кажется, что это не исторический факт: что когда рождается Будда, мать мгновенно умирает. Это неправда. Рождалось много будд, например, Иисус, но его мать не умерла, мать Махавиры не умерла, мать Кришны не умерла. Может быть, мать Гаутамы Сиддхартхи умерла, но нельзя сказать, что когда рождается будда, его мать сразу умирает. Это не исторический факт.

Но я знаю, что эти описания несут определенный смысл, и это не просто описание исторических фактов. Под матерью подразумевается не мать, а все прошлое. Вы снова рождаетесь, когда становитесь буддой, а все ваше прошлое действует как лоно, как мать. И в тот миг, в который рождается будда, в тот миг, в который вы становитесь просветленными, ваше прошлое умирает. Эта смерть необходима.

Это истинная правда. Это случилось с Махавирой, с Кришной, с Иисусом, так происходило всегда. И поэтому можно сказать, что когда рождается будда, мать умирает. Вам придется относиться к истории с большим пониманием, чтобы понять это.

Я могу понять, что это сложно: когда мы смотрим на большую часть человечества, нам трудно представить, что для каждого человека существует возможность стать Христом или Буддой. Когда вы смотрите на семя, можете ли вы поверить, что однажды это семя станет лотосом? Когда вы просто смотрите на семя лотоса, когда вы его разрезаете, сможете ли вы постигнуть, сделать такие выводы, что каждое семя станет лотосом? Создается такое ощущение, что они вообще никак не связаны. Семя выглядит пустышкой, и, когда вы его разрезаете, вы ничего не находите внутри, только пустоту. Тем не менее, каждое семя несет в себе будду.

Ты спрашиваешь меня: *“Ошо, может ли современный человек стать Буддой или Христом, и можно ли их сделать такими?”*

Нет, они не могут быть созданы, и их нельзя воспитать, они должны быть просто раскрыты, открыты. Они и так уже есть. Вам нужно просто достигнуть ваших сокровенных глубин, и вы найдете там будд, христов. Христос и Будда означают одно и то же: высшее состояние сознания.

А ты говоришь: “*Ошо, может ли современный человек стать Буддой или Христом, и можно ли их сделать такими?*”

Я никогда еще не сталкивался ни с одним человеком, который был бы заурядным. Я сталкивался с тысячами людей, и я заглядывал в глубины тысяч разных людей, но я никогда не сталкивался с обычными людьми, обыкновенными. Каждый человек уникален, необычен, исключителен. Бог никогда не создает обычных людей, Бог создает только уникальные сознания.

Отбросьте эту идею об обыкновенном человеке. Это оскорбляет человека.

Ты говоришь: “Рождаются ли Будда или Христос такими, как есть?”

Нет, никто такими не рождается. Мы все рождаемся подобными. Это ловушка ума, которая рассчитана на то, чтобы избежать роста. Если решено, что человек должен сразу родиться таким, как Будда или Христос, если предположить, что Иисус – единственный сын Божий, а Кришна – реинкарнация Бога, это будет прекрасной стратегией для бегства: “Что, в таком случае, мы можем сделать? Если мы не родились буддами, мы не виноваты в этом, мы такими родились. А если Будда родился Буддой, что с того? Он родился сразу таким. Это не его заслуга, ему не пришлось делать ничего особенного. Если бы мы родились Буддами, мы бы тоже были такими. Но мы родились обычными людьми!”

Это стратегия. Ум очень хитрый, и эта хитрость ума тонкая, помните об этом. Никто до сих пор *не родился* Буддой, но у каждого есть потенциал *стать* буддой. Не говори: “Я чувствую, что это не так!”, потому что как ты можешь чувствовать до тех пор, пока сам не стал буддой? Ты можешь только вмешиваться, ты можешь только думать, но не можешь чувствовать.

Послушай меня! Я чувствую, что все могут стать буддами. И я чувствую это, потому что я также был обычным человеком, а потом внезапно случился взрыв, появился свет, расцвела медитация. Вы можете также стать буддами, это ваше прирожденное право. Не попадайтесь в ловушку ума, оставайтесь бдительными, осознанными.

Вопрос:

Ошо, меня больше всего тянет к женщинам, и очень редко – к мужчинам. Меня это немного беспокоит. Не могли бы вы, пожалуйста, немного поговорить об этом?

Ма Према Лока, секс считался первородным грехом, но он не первородный, и он не грех. Даже еще до того, как Адам и Ева вкусили с древа познания, они занимались сексом, и все другие животные в саду Эдема занимались сексом также. И единственное, что случилось после того, как они вкусили плод с древа познания – это то, что они

стали осознанными, они осознали. И после того как они осознали, они устыдились.

Почему же они устыдились? Откуда взялся этот стыд? Они устыдились из-за того, что они увидели, что их поведение подобно поведению других животных. Но что плохого в том, чтобы вести себя, как другие животные? Человек – это также животное. Но его вмешивается, плод познания создает эго. Он создает превосходство, представления о превосходстве: “Мы выше, потому что мы – люди. Эти глупые животные могут быть прощены, если они занимаются этим. Но мы не можем быть прощены. Это ниже нашего достоинства”.

Секс настолько естественен для природы, но эго человека пытается освободиться от него.

Первое, о чем мне бы хотелось вам напомнить – это о том, что секс естественен. Не нужно прикладывать никаких усилий к тому, чтобы избавиться от него, несмотря на то, что я знаю, что наступают такие мгновения, когда вы превосходите секс, – но это уже совершенно другое. Вы не можете избавиться от секса своими усилиями; если вы попытаетесь это сделать, вы станете жертвой извращений. Потому что столетиями человек пытался избавиться от секса, и из-за этого возникло множество извращений. Гомосексуализм возник, потому что мы лишили человека гетеросексуальности. Гомосексуализм стал следствием развития религии, он появился в монастырях, потому что мы заставили монахов жить рядом в одном месте, и мы отделили их огромными стенами от мира.

Еще до сих пор в Европе есть католические монастыри, в которые двенадцать столетий не ступала нога женщины. Там не было даже девочек шести месяцев от роду. Что же за люди жили там в монастырях, если они боялись даже маленьких детей? Что это были за люди? Они, должно быть, были большими извращенцами, они, должно быть, очень сильно боялись, что могут наделать глупостей. Они не могли доверять даже самим себе.

Гомосексуализм вынужден был развиваться. Он развивался только в монастырях и в армии, потому что это два места, в которые не допускаются женщины. Или он развивался в отдельных общежитиях для мальчиков или девочек. Само явление гомосексуализма, как таковое, стало следствием неправильного воспитания. Гомосексуализм исчезнет из этого мира после того, как мы позволим мужчинам и женщинам общаться, встречаться в естественной обстановке.

С самого детства мы начинаем отделять мальчиков и девочек. Мы говорим: “Что вы делаете?” Мы говорим мальчикам: “Ты что – девочка? Ты же мальчик, будь мужчиной! Будь мужчиной, не играй с девочками!” Если мальчик играет с куклами, мы мгновенно начинаем осуждать его: “Это игрушка для девочек!”

Если же девочка пытается взобраться на дерево, мы говорим ей: “Ты поступаешь неправильно, это выступает против женской мягко-

сти”. Если же девочка пытается и настаивает, если она восстает против правил, ее называют мальчишкой, к ней перестают относиться с уважением. Мы сами создаем эти отвратительные отличия. Девочки наслаждаются тем, что лазают по деревьям, и это приносит им наслаждение. Что плохого в этом, и что плохого в том, что мальчишки играют в куклы? В жизни мальчикам придется встречаться с куклами, с женщинами, и тогда они будут теряться и не будут знать, как им себя вести.

Лока, все это не имеет никакого отношения к твоей личности. Это социальная болезнь, которая распространилась по всему миру.

Два англичанина в старой школе обсуждали свою вечеринку в Лондонском Клубе.

“Как сильно изменился Холмондель! Что с ним случилось?” – спросил один из них.

“Я же тебе рассказывал, он отправился на сафари в Африку и там трахнулся с гориллой!”

“С гориллой? Он что – гомик?”

“Нет, слава Богу! Ему попалась самка!”

Это была самка, и, несмотря на то, что она была обезьяной, они считали, что все в порядке, главное, что не самец.

Мы загоняем все эти обусловленности настолько глубоко, что из множества этих обусловленностей иногда начинает вырастать нечто противоположное. К сексу нужно относиться очень естественно, а мы относимся к нему очень серьезно. Мы либо осуждаем его как отвратительный, как животный, и мы никогда не считаем его человеческим, никогда не принимаем его как развлечение. Чаще всего это просто развлечение, это прекрасный спорт! Человечество собирается оставаться обремененным всей этой отвратительной чепухой, если мы не признаем всю красоту этого занятия. Это, кроме того, прекрасная физическая зарядка. И самое лучшее упражнение.

Вы можете спросить у специалистов-сердечников. Теперь они говорят, что секс помогает избегать сердечных приступов. Одно можно сказать определенно: ни один человек никогда не страдал от сердечных приступов во время секса. Во время любой другой деятельности сердечные приступы случались, но они никогда не происходили во время занятия сексом. Вы когда-нибудь слышали о том, чтобы они происходили во время занятия сексом? Нет, никогда. Это естественное физическое занятие, развлечение, хороший спорт.

Если вы будете воспринимать его несерьезно, вам не нужно будет беспокоиться даже в том случае, когда женщина привлекается к женщине. Не беспокойтесь, потому что ваше беспокойство не поможет вам. Все нормально. В действительно свободном мире, который не обусловлен примитивным, невежественным прошлым, в действительно просветленном мире мы будем принимать все. Да, иногда вы

можете любить и мужчин, и женщин. В этом нет ничего плохого, потому что внутри вас присутствует и мужчина, и женщина. И каждая женщина – это одновременно и мужчина, и женщина. И каждый мужчина – это одновременно и мужчина, и женщина, потому что вы рождаетесь в результате встречи мужчины и женщины. И поэтому половина вас проистекает от мужчины, а другая половина проистекает от женщины.

И поэтому тебе не о чем так беспокоиться. Может случиться так, что твоя половинка мужчины влечется к женщинам, но из-за того, что биологически ты – женщина, ты боишься этого. Но тебе не нужно бояться этого. Относись ко всему легко – вот мой главный подход. Воспринимай все легко. И если ты будешь ко всему относиться легко, ты можешь превзойти это удобно, легко, быстро, но если ты будешь относиться к этому так серьезно, этого не случится. Тогда это тебя привяжет, вовлечет и обременит.

Это не такая уж большая проблема. Есть большие трудности, Лока!

Один известный греческий судовладелец по имени Ори Ористотель построил на большом участке в Греции дом. Он сказал архитектору: “Только не трогай вон то дерево, потому что прямо под этим деревом я впервые занимался любовью!”

“Как это сентиментально, мистер Ористотель, – сказал архитектор, – прямо под этим деревом?”

“Да, – продолжал Ористотель. – И не прикасайся к тому дереву тоже, потому что ее мать стояла там и наблюдала, как я занимался любовью с ее дочерью”.

“И что же, ее мать просто стояла там, когда ты занимался любовью с ее дочерью?” – спросил архитектор.

“Да”, – ответил судовладелец.

“Но, мистер Ористотель, что же она говорила?”

“Бе-е-е!”

Есть большие трудности, Лока. Твои трудности – это просто ничто, по крайней мере, тебя привлекают люди: женщины относятся к человеческой расе. Это вполне нормально. Это немного необычно, но не слишком серьезное отклонение. Так всегда было и будет. Теперь люди стали более смелыми, и они задают вопросы; особенно на Западе люди стали более честными. Ни один индус не задаст такого вопроса, но это не значит, что таких вещей не происходит в Индии: они случаются, но ни один индус не будет иметь достаточно мужества для того, чтобы задавать такие вопросы.

Лока, ты задаешь такой вопрос, и я счастлив: это искренность, это подлинность. Человек должен быть в состоянии выражать себя. Запад становится в этом отношении свободнее, а Восток сильно подавлен. Из-за того, что Восток так сильно подавлен, ему понадобится немало

го больше времени для того, чтобы избавиться от этого извращения. Запад вскоре превзойдет это явление, раньше Востока.

Когда королева родила ребенка, ее поздравляли сотни людей, и внезапно к ней подошел некий человек и тоже поздравил.

“Чем ты занимаешься, чтобы зарабатывать себе на жизнь?” – спросила королева у него.

“Я фотограф”, – ответил тот.

“Разве это не замечательное совпадение? Мой деверь – также фотограф!” – сказала королева.

“Замечательно, – отвечает тот, – это двойное совпадение: моя зововка – королева!”

Такие вещи происходят повсюду. Это часть человеческой жизни. И поэтому не создавай вокруг этого слишком много суеты, пусть тебя это не беспокоит.

Ты говоришь: *“Меня больше всего тянет к женщинам, и очень редко – к мужчинам”*.

Это хорошо, по крайней мере, тебя хоть кто-то привлекает. Существует возможность любить. Есть такие тупые люди, настолько мертвые, настолько бесчувственные, что они привлекаются только к деньгам, к политической власти, к славе. Ты находишься в намного лучшем положении: по крайней мере, ты не любишь так деньги. Даже Ори Ористотель был в намного лучшем положении по сравнению с теми людьми, которые думают только о деньгах. Но эти люди не считаются извращенцами, а только их и можно считать настоящими извращенцами: деньги представляют для них всю их жизнь, они преданы им, деньги – это их Бог.

Тебя привлекают женщины, это прекрасно. Погрузись в глубокие взаимоотношения с ними. Если ты будешь делать из этого проблему, ты не сможешь построить с ними глубоких взаимоотношений. Если же ты построишь глубокие взаимоотношения с женщинами, мое понимание – оно подсказывает мне, что эти взаимоотношения не смогут удовлетворить тебя, потому что две женщины слишком похожи друг на друга, а отношения должны включать в себя трение, чтобы удовлетворять вас. А эти взаимоотношения не будут очень сладкими. Они будут немного притупленными, монотонными, утомляющими.

И если ты погрузишься глубоко, только тогда ты осознаешь все это. Твое беспокойство не позволит тебе познать всего этого и пойти глубоко – и тогда всю жизнь тебя будут привлекать женщины.

Мой подход к решению каких-либо проблем заключается в том, что если перед вами стоит какая-то проблема, вам нужно просто глубоко погрузиться в нее, и тогда вы либо найдете сокровище, если оно есть, или обнаружите пустую клетку. В обоих случаях вы обогатитесь. Если вы найдете сокровище, конечно, вы обогатитесь. Если же вы обнаружите пустую клетку, с этим будет покончено.

Отношения двух женщин не могут вылиться в великую любовь. Они будут оставаться плоскими, они не воспарят на вершины и не погрузятся в глубину. И поэтому те люди, которые боятся высот и глубин, находят их очень удобными, приятными. И поэтому гомосексуалистов называют еще геями. Они выглядят радостными, они выглядят намного более радостными и веселыми, чем обычные люди. Обычные люди всегда больше спорят, всегда больше сражаются, они более агрессивные, и у них меньше понимания. Так и должно быть, потому что две женщины могут понять друг друга намного легче, чем мужчина и женщина. И двое мужчин также могут понять друг друга намного легче, чем мужчина и женщина, потому что они принадлежат к одному и тому же типу, но их отношениям не хватает искорки. Да, они будут в определенной степени веселыми, но в этих отношениях не будет большой поэзии, большой романтики, они будут мягкими. Эти взаимоотношения будут гомеопатичными, они будут лишены духа приключения, потрясения, они будут безопасными, спокойными, в них будет больше понимания, меньше конфликтов, меньше наготы.

Во взаимоотношениях мужчины с женщинами всегда будут трудности, будет много непонимания, потому что мужчина и женщина живут в совершенно разных мирах, они занимают разные полюса сознания. Женщины думают интуитивно, мужчины – интеллектуалы, и поэтому между ними не происходит встречи. Женщины сразу просто делают выводы, не утруждая себя процессом мысли. А мужчина идет шаг за шагом, и он делает выводы только после этого. Мужчина напряженно размышляет, прежде чем сделать какие-то выводы, а женщина сразу просто делает какие-то выводы. Она обладает интуитивным чувством. И поэтому вы не можете обмануть женщину, особенно вашу жену. Это невозможно, никто никогда не мог этого добиться. Жена мгновенно видит ложь, она видит насквозь, потому что она видит по-другому. У нее другой подход, она идет с черного хода, а вы не знаете, что есть черный ход. Вы все раскладываете у передней двери, а она идет через черный ход и знает все ходы и выходы.

Муж идет подготовленный. Он собирается сказать что-то в свое оправдание и представляет себе, как жена будет отвечать, и он все репетирует. Но в тот миг, когда он видит свою жену, все его репетиции забываются, и он становится подобным малому ребенку, и он начинает заикаться. Даже такой великий человек, как Наполеон, боялся женщин. Он очень боялся своей жены, потому что она видела его насквозь.

Ум мужчины витиеват, а ум женщины прямолинеен, как полет стрелы. Она не слушает, что вы говорите, она смотрит вам в глаза. Она слушает, *как* вы говорите. Она видит, как у вас дрожит рука, она

видит, что вы прячете свои глаза. Она не слушает, что вы говорите ей, это для нее не имеет значения, она знает, что это просто история, вы сложили ее по пути домой, когда возвращались из кабака. Но ей ближе язык вашего тела. И язык вашего тела более искренний, потому что вы не можете контролировать его, вы не можете обмануть тело. Даже великие актеры не могут обмануть свое тело.

Например, если кто-то говорит о женщинах, вы можете быть брахмачарием, и вы можете быть против всех взаимоотношений с женщинами, против секса, это все у вас в голове. Но можно наблюдать за выражением ваших глаз. Испытайте это на ком-либо из ваших друзей, на брахмачариях, которые выступают против всех взаимоотношений с противоположным полом и секса. Начните описывать Софи Лорен в обнаженном виде, все завитки и изгибы ее тела. И не слушайте, что говорит вам ваш друг, просто смотрите ему в глаза. Его зрачки будут расширенными, он не может контролировать их, это выше его сил. И в тот миг, в который вы говорите: “Софи Лорен!” – его зрачки расширяются. Наблюдайте за тем, как он двигает своим телом: он будет сидеть прямо. Если перед этим он облокотился на спинку, он выпрямится, и будет наклоняться вперед, слушать. Несмотря на то, что он будет говорить вам: “Чепуха! О чем ты говоришь? Это все грязь”, он будет внимательным и бдительным. Еще мгновение назад он ныл, а теперь он больше не ноет.

Я совершал такие эксперименты. Если я вижу, как кто-то ноет, я знаю, как над ним подшутить – и сразу этот человек перестает ныть. Даже Шила просыпается. Как только я начинаю говорить на метафизические темы, она засыпает, она отдыхает. Но как только я начинаю шутить, даже во сне она становится бдительной, мгновенно она возвращается обратно и просыпается.

Тело имеет свой язык, ум имеет свой язык, дух также имеет свой язык. Мужчина и женщина вынуждены конфликтовать, но эти конфликты постоянно отделяют их, и снова возникает ситуация медового месяца.

Гомосексуальные отношения немного приторные, слишком сладкие, вызывают небольшую тошноту. Но отношения мужчины и женщины всегда скалисты. Вы не можете уснуть, другой не даст вам сделать это. Они дразнят друг друга. И они живут в таких разных мирах, что между ними происходит притяжение.

Лока, иди глубоко, насколько это возможно, в своих взаимоотношениях с женщинами, и ни о чем не беспокойся. И вскоре ты увидишь: есть другие взаимоотношения, которые могут развиваться только между противоположными полами. И тогда погрузись в глубокие взаимоотношения с мужчинами, потому что только если ты сделаешь это, ты узнаешь о том, что все взаимоотношения не прино-

сят тебе наслаждения. Им всем чего-то не хватает. Даже взаимоотношения между мужчиной и женщиной неполноценные, они никогда не приносят вам истинного удовлетворения, которого обещают вначале.

И только благодаря своему опыту, а не исходя из слов будд и моих слов, только благодаря своему собственному опыту вы сможете однажды превзойти взаимоотношения. И тогда вы можете быть счастливыми в одиночестве. А человек, который может быть счастлив в одиночестве, действительно индивидуален. Если ваше счастье зависит от другого человека и вы в этом смысле рабы этого человека, вы еще не свободны, вы в зависимости.

Когда вы счастливы в одиночестве, когда вы можете жить с собой наедине, у вас нет внутренней необходимости находиться в каких-либо взаимоотношениях с другими. Это не значит, что вы не будете общаться с другими. Но одно дело – общаться, а находиться в определенных взаимоотношениях – это совсем другое. Взаимоотношения – это своего рода узы, общаться – значит делиться. Вы будете общаться с многими людьми, и вы будете делиться с ними вашей радостью, но вы не будете ни от кого зависеть, и вы не позволите никому зависеть от вас. Вы не будете зависимыми, и вы не позволите никому зависеть от вас. И тогда вы будете жить в свободе, в радости, в любви.

Ты говоришь: “*Меня это немного беспокоит*”.

Пусть тебя это вообще не беспокоит, даже немного. Наслаждайся этим. Это не твой недостаток. Вас воспитали христиане, джайны, индуисты, буддисты, и это не ваш недостаток. Что вы можете сделать? Вы приходите в мир, который уже обусловлен, и вы приходите такие невинные, такие чистые, и вы не знаете, что случится с вами. И ваши родители начинают советовать вам, и все общество начинает советовать вам. И это не ваш недостаток, это просто признаки больного общества.

Мы должны преобразить общество. Но единственный способ преобразить его – это преобразование индивидуальности. Нет другого пути, нельзя срезать. Наслаждайся этим, это хорошо; недостаточно, но это хорошо. Это будет вести тебя к обычным взаимоотношениям, разнополюм взаимоотношениям, это немного лучше. Но и это тебя не удовлетворит. И тогда это приведет тебя к медитативности, к уединению, к красоте, к благословию, а это приходит только тогда, когда вы находитесь в уединении.

Вот для чего нужна саньяса: вы учитесь, как быть в уединении и одновременно быть радостными.

Нет греха, нет добродетели

Вопрос:

Всегда ли свидетельство приносит радость? В те мгновения, которые я называю свидетельствованием, иногда я чувствую холод и нейтральность. В другой момент это подобно раскрывшимся крыльям и парению в радости над морем.

Дева Абхияна, состояние свидетельствования не холодное и не теплое. Оно не может быть ни счастьем, ни несчастьем. Это не тьма и не свет. Это не жизнь и не смерть. Упанишады говорят нети-нетти, ни то и ни это.

Если вы чувствуете радость – вы начали отождествлять себя, свидетельствования уже нет. Если вы чувствуете печаль – вы больше не свидетель, вы забыли о том, чтобы оставаться свидетелем, вы вовлеклись. Вы окрашены психологией мгновения. Радость, печаль, все эти двойственности – это часть вашей психологии. А свидетельство есть трансценденция, это не психология.

Все искусство медитации состоит в свидетельствовании. И что же оно приносит? Самое большее, мы можем сказать, что оно может приносить нам вечную тишину. Вы не можете определить ее как радость. В тот миг, в который вы определите ее как радость, вы снова попали в мир двойственности. И тогда вы стали частью преходящего, вы начали цепляться к этому.

Состояние свидетельствования остается неопределимым. Вот почему Будда вообще не пользовался таким словом, как блаженство: оно может дать вам ложное представление, потому что в вашем уме вы будете понимать блаженство как счастье. Именно так вы будете переводить это слово. И поэтому Будда не пользовался словом “блаженство”, он также не пользовался словом “Бог”.

Он пользовался словом “Абсолютная пустота” – “шуньям”. Не остается ничего, только полная тишина, совершенная пустота, – но не пустота в английском смысле этого слова. “Шуньям” обладает совершенно другим смыслом. Его можно перевести, и так и было сделано, как “пустота”. Но слово “пустота” обладает отрицательной подоплекой, “пустота” означает, что чего-то не хватает, “пустота” означает одиночество. Пустота, таким образом, становится качеством не жизни, а смерти.

Шуньям не отрицательно; оно не положительно – как же оно может быть отрицательным? Оно просто означает то, что вы одни: не одиноки, но одни. Вам всего хватает. Вы в пространстве, в вас есть великое пространство, но это пространство не пусто от чего-то. На-

оборот, оно совершенно полное. Оно полно пустоты, если вы позволите мне так выразиться. Оно полно пустоты, но вы наполнены.

Шуньям расцветает в вас. У вас внутри есть великое спокойствие, но это не радость, потому что радость становится положительной, и не печаль, потому что печаль становится отрицательной. Спокойствие в точности посередине, оно не холодное и не теплое. Оно не нейтрально, оно не безразлично. Это не то состояние, в котором вы поворачиваетесь спиной к чему-то и вас это больше не интересует. И об отсутствии заинтересованности речи также не идет, не идет речи о безразличии и нейтральности. Вы полностью присутствуете там, вы полностью там, но вы подобны зеркалу, вы просто отражаете все, что есть.

Радости проходят – и зеркало отражает их, но зеркало не становится самой радостью, оно никогда не отождествляет себя с ней. Приходят печали – как облака, темные облака, – они проходят, и зеркало отражает их. Зеркало не имеет никаких предрассудков. Зеркало не имеет предрасположенности ни к радостям, ни к печалям. У зеркала нет предпочтений, нет табу, оно просто отражает все, что есть. Оно не нейтрально, иначе оно не будет отражать, оно не будет обращать своей спины ни к чему. Оно не безразлично, потому что безразличие означает определенные предрассудки, определенные представления. Вы не можете сказать, что оно заинтересовано, и не можете сказать, что оно не заинтересовано.

Оно трансцендентно.

Абхияна, не отождествляя себя с радостями, которые приходят, наблюдай за ними. Оставайся наблюдателем на холмах, зеркалом. Отражай, но не цепляйся. Птица на крыльях. И озеро отражает...

Люди дзен говорят, что это состояние – состояние просветления. У птицы нет ума, чтобы отражать в нем, как в озере, объекты, а у озера нет ума, чтобы отражать птицу, но если птица парит на крыльях над озером, озеро отражает ее. Вы понимаете, о чем я говорю? У птицы нет ума, в котором она может отражать, а у озера нет ума, чтобы отражать птицу, но птица отражается в нем. Происходит просто: есть озеро, и птица летит над ним на крыльях, и в озере есть отражение, это происходит естественно. Птицы нет, и озеро не тянется вслед за птицей, оно не скучает по птице, оно не надеется на то, что птица снова пролетит над ним. Оно не вспоминает прошлое, не вспоминает – и не строит проектов на будущее. Птица улетела, и она никогда больше не думает об озере, она никогда не жаждет снова попасть на озеро. Однажды она снова может пролететь над ним, и снова она будет отражаться в озере, но между ней и озером не возникает никаких взаимоотношений. Событие происходит, но взаимоотношений не возникает.

Вот что я называю событиями, но не взаимоотношениями. Это переменчивое событие, это свидетельство.

Вопрос:

Ошо, это совершенно неизбежно, что Будда будет всегда не так понят?

Према Мадира, да, это совершенно неизбежно. Не может быть иначе. Будда обречен на непонимание. Если он будет понят правильно, это вообще не будда. Почему это так? Потому что будда живет в состоянии, которое выше ума, а мы живем в уме. И самое сложное – это перевести что-то высшее ума на уровень ума, это самая сложная задача в мире. Это нельзя сделать, несмотря на то, что каждый будда пытался это сделать. Это также неизбежно. Ни один будда не может этого избежать.

Будда вынужден говорить то, что нельзя высказать, он вынужден выражать невыразимое, он вынужден определять неопределимое. Ему приходится делать эти нелепые действия, потому что в тот миг, в который он выходит за пределы ума, в нем вырастает великое сострадание. Он видит, как люди бредут во тьме, он видит, как люди страдают без необходимости, они сами создают свои ночные кошмары, создают свой собственный ад и тонут в нем. Как же он может не чувствовать сострадания?

И в тот миг, в который в нем вырастает сострадание, он хочет общаться с ними, и он хочет объяснить им, что это они сами сделали все это, и что можно выбраться из этого, есть состояние выше этого, жизнь не такая, какой вы ее представляете. И ваши представления о жизни подобны представлениям слепого о свете. Слепой может думать о свете, но он никогда не сможет прийти к верным заключениям. Его заключения могут выглядеть очень логичными, но все равно им будет не хватать опыта. Свет – это опыт, и вам для этого не нужна логика, вам нужны просто глаза.

Будда имеет глаза, и глаза он может обрести только в том случае, когда превосходит ум, когда он становится свидетелем ума, когда он достигает состояний, которые выше психологии, ума, когда вы знаете о том, что вы не есть мысли, не есть тело, когда вы знаете, что вы только знание, энергия, которая отражает, энергия, которая способна видеть, вы есть чистое видение.

Однажды Будду спросили: “Кто вы?” Он был таким красивым человеком, и от просветления он стал таким благостным, он был таким величественным, что часто его спрашивали: “Кто ты?” Он был похож на императора, на бога, который спустился с небес, а он жил как нищий! Снова и снова его спрашивали: “Кто ты?” И человек, который его спросил на этот раз, был известным ученым. Он спросил у Будды: “Ты из мира Богов? Ты Бог?”

Будда сказал: “Нет”.

“Ты – гандхарва?” – спросил его ученый.

Гандхарвы – это райские музыканты. Вокруг Будды звучала музыка, музыка тишины, звук всех звуков, звук хлопка одной ладони, и

поэтому было вполне естественно, что он спросил у Будды: “Ты что, гандхарва, ты райский музыкант?”

Будда сказал: “Нет”.

И этот человек продолжал спрашивать. Есть много фигур в индуистской мифологии, начиная от богов, кончая человеком. В конце концов он спросил: “Ты – великий царь, чакравартин, тот, кто правит всем миром?”

И Будда сказал ему: “Нет”.

Раздраженный ученый спросил у него снова: “Ты человек или все не человек?”

Будда сказал: “Не раздражайся. Что я могу сделать? Мне приходится говорить правду, как есть. Я не человек”.

Теперь ученый пришел просто в неистовство: “Так кто же ты? Животное?”

Будда сказал: “Нет, не животное, не дерево, не скала”.

“Но кто же ты, в таком случае?” – спросил у Будды ученый.

Будда сказал: “Я – чистая осознанность, просто чистая осознанность, просто зеркало, которое отражает все, что есть”.

Когда приходит такое мгновение, приходит великое сострадание. Будда сказал, что те, кто знают, вынуждены чувствовать сострадание к тем, кто не знает. Они пытаются помочь. И первое, что должно быть сделано – это общение с людьми, которые слепы: им нужно сообщить, что есть глаза, что они слепы лишь потому, что держат их закрытыми, и что они могут открыть глаза, что они не рождены слепыми, их просто учили оставаться слепыми.

Ваше общество учит вас быть слепыми, потому что общество нуждается в слепых. Они прекрасные рабы, потому что они все время зависят от лидеров, от политиков, пандитов, священников. Они очень удобные люди, они никогда не создают никаких беспокойств. Они никогда не восстают. Они послушны, они всегда готовы подчиниться любой чепухе, любому глупому политику, любому глупому священнику.

И на самом деле: кто еще согласен стать политиком? Только те люди, которые глупы. Кто согласится быть священником? Только глупцы. Это для посредственных людей, для низких, для тех, кто страдает от комплекса неполноценности: только они становятся политиками, чтобы доказать себе, что они не ниже, доказать миру и себе.

Общество, учреждения хотят, чтобы вы были слепыми. С самого начала они учат каждого ребенка: “Ты слепой!” Они обуславливают каждого ребенка: “Ты – слепой”. Вся ваша система образования – это не что иное, как заговор против ребенка, чтобы сделать его слепым. Они не учат вас медитации, потому что медитация – это искусство открывания глаз.

Когда появляется кто-то осознанный, он естественно чувствует к остальным великое сострадание. Вокруг он видит людей, у которых есть глаза, у которых есть прирожденная способность видеть истину, которые с самого рождения могут стать Буддой, просветленными, пробужденными, – но они страдают. И все их страдание нелепо. Они не должны страдать. К нему приходит сострадание, и сострадание начинает передавать им знание. Но это трудно, практически невозможно.

Будда говорит с вершины, а вы живете в темном ущелье, до которого никогда не доходит свет. И он говорит словами света, и к тому времени, когда его слова достигают вас, их значение уже меняется. К тому времени, когда ваш ум схватывает их, он окрашивает их в собственный цвет.

И это касается не только будд: даже обычное общение становится из-за этого невозможным. Муж не может общаться с женой, родители не могут общаться с детьми, учителя не могут общаться с учениками. Что же говорить о буддах! Люди, которые находятся на одном уровне существования, не могут общаться, потому что слова обманчивы. Вы говорите одно, но в тот миг, в который ваши слова достигают другого человека, он может интерпретировать их по-своему.

Королева путешествовала по Англии. Она проезжала по сельской местности и увидела мужчину, его жену и группу детей. Она спросила: “Это ваши дети?”

“Да, ваше высочество”, – ответил мужчина.

“Но сколько у вас детей?” – продолжала спрашивать королева.

“Шестнадцать”, – ответил мужчина.

“Шестнадцать! – сказала королева. – Мы должны тебе дать рыцарство!”

“У него есть такая штука, он просто ее не надевает”, – ответила его жена.

Если вы не поняли юмора, вот еще одна история для вас.

Тор, немецкий бог-громовержец, чувствовал, что ему чего-то не хватает, и поэтому решил в конце недели устроить вечеринку. Он взял горсть драгоценностей из казны Валгаллы, соскользнул на землю, нашел элегантный костюм для танцев, несколько золотых цепочек и отправился в поход по ночным клубам.

После бурной ночи, он в конце концов привел домой самую красивую женщину, которую когда-либо видел, и провел остаток ночи с ней, удовлетворяя свое либидо героя-любownika. Когда он поднялся с постели и начал одеваться, он вдруг осознал, что удовлетворил свое божественное желание. И тогда он склонился к ней и объяснил: “Дорогая, я думаю, ты должна знать: я – Тор!”

Широко открыв глаза, женщина проговорила: “Тор тебя отдери. я не могу даже с кровати встать”.

Обычное общение, даже самое примитивное, общение в миру, сложно. Будда хочет общаться с вами, он хочет передать вам то, что у него есть, то, что он нашел после того, как все его мысли остановились, то, что он нашел в состоянии отсутствия ума, когда его больше не было, когда его эго испарилось; то, что пришло к нему в полной тишине: то абсолютное спокойствие, небо без облаков.

Но как передать этот безграничный опыт словами? Никакие слова не могут быть достаточно адекватными, и поэтому возникает непонимание.

Да, Мадира, это совершенно неизбежно. Будда всегда обречен на непонимание. Только те немногие могут понять будду, кто стал его учеником и преданным.

Под учеником я понимаю тех, кто отложил в сторону все свои предрассудки, свои мысли и кто готов слушать не свой собственный ум и не объяснения своего ума, но слова будды; кто не спорит с буддой, кто не думает внутри о том, что сказал будда, кто слушает будду так, как вы слушаете классическую музыку; кто слушает будду так, как вы слушаете звук бегущей воды, так же, как слушаете ветер, который свистит среди сосен, и кукование кукушек. В таком состоянии находится ученик. Если же вы подниметесь немного выше, вы станетесь преданным.

Преданный – это тот, кто не просто отбросил свой ум, но отбросил также свое сердце, кто слушает сердцем, а не логикой, любовью. Ученик находится на пути к тому, чтобы стать преданным. Ученик – это первая ступень преданности, а преданный – это уже завершение ученичества.

Только эти немногие люди понимают будду. И в понимании Будды они преобразуются и переходят в другой мир: в мир освобождения, нирваны, света, любви, благословения.

Вопрос:

Ошо, Иисус сказал, что, принеся себя в жертву на кресте, он освободил человечество от грехов. Пожалуйста, не могли бы дать свои комментарии к этим словам Иисуса?

Ананд Гитам, первое, что следует понять в человеке – это то, что Иисус представлен нам таким, каким хочет представить его церковь, и это представление вынужденно будет ошибочным. То, что говорит про Иисуса христианская церковь, не может быть истинным. На самом деле, христианские священники вообще не представляют Христа. Это те же самые раввины, только одетые в новые одежды, это те же самые раввины, которые отвечают за распятие Христа. И Папа ничем не отличается от них.

И не важно, индуисты это придумали, христиане или иудеи – все их организации действуют сходным образом.

Иисус восстал, так же, как восстал Будда или Лао-цзы. Когда церковь начала укреплять себя, она начала уничтожать восстание Иисуса, Будды, потому что восстание не может сочетаться с организацией. Церковь начала накладывать свои собственные представления. После того как Иисуса больше не было, было очень легко накладывать свои представления, идеи на его учение. Церковь начала выбирать, что сохранить в Библии, а что нет. Например, Евангелие от Фомы не было включено в Новый Завет. И это выяснилось всего лишь несколько лет назад, а это самое важное Евангелие среди всех прочих. Четыре Евангелия, которые были включены в Новый Завет изначально, не такие важные, по сравнению с этим. Это Евангелие полно восстания.

Создается такое ощущение, что Фома просто передал слова Иисуса, не примешав к ним своих, не загрязнив их, он передал его послание. И по этой причине, должно быть, это Евангелие не было включено в канон Евангелий Нового Завета. А те Евангелия, которые были включены, кроме того, редактировались. Столетиями проходили соборы, они их редактировали, изменяли, искажали, уничтожали.

Я знаю Иисуса, потому что я знаю медитацию. Я черпаю свои представления об Иисусе не из Библии и не через христианскую теологию. Я знаю его напрямую. Я знаю Иисуса, потому что я знаю себя: вот мой способ познания всех будд.

В тот миг, в который вы познаете себя и станете просветленными, вы познаете всех будд; это тот же самый опыт. Все отличие только в уме. В тот миг, в который вы превосходите ум, отличий не остается. Откуда взяться отличиям в полной пустоте? Две пустоты могут быть только одинаковыми. Умы вынуждены отличаться, потому что умы состоят из мыслей. Когда в небе есть облака, каждое облако отличается от другого, но когда облаков нет вообще, небо едино, и оно одинаковое.

Я не знаю Иисуса посредством христианской теологии, я знаю его напрямую. И мое знание говорит мне о том, что он не мог говорить в терминах жертвы – это первое, и самое главное. Такой человек, как Иисус, не мог говорить о жертве; это был праздник, а не жертва. Он собирался встретить своего Бога в танце, в пляске, с песнями. Это не жертва, он не мученик. Христианская церковь пытается сделать из него великого мученика, самого великого жертвенника в мире, который пожертвовал собой ради освобождения мира от грехов человечества, и эта жертва выглядит сделкой, – но это был праздник. Иисус празднует свою жизнь и смерть.

Во-вторых, никто не может решить проблемы других, и никто не может освободить мир. И вы можете сами стать свидетелями этого: мир все такой же, как раньше. Прошло двадцать столетий, а христианские священники продолжают говорить всякую чепуху, говорят,

что он пожертвовал собой ради того, чтобы освободить человечество. Но где это освобождение? Либо он потерпел неудачу и не смог справиться... а это они не могут признать, они не могут принять его поражения. Но что тогда случилось? Мир кажется в точности таким же, как раньше, ничто не изменилось! Человечество осталось таким же, как раньше, оно осталось в таком же несчастье, как раньше. Иисус не мог сказать: “Я пришел для того, чтобы освободить человечество!”

Церковь распространяла такие представления для того, чтобы утвердить себя, иначе кто бы стал слушать священников? Иисус – это просто освободитель – так говорила церковь, – причем не просто освободитель: только через него можно спастись!

Вчера вечером я читал книгу: “Иисус – единственный путь к освобождению”. Почему же единственный путь? А Будда разве не путь? Разве Лао-цзы не путь? Разве Заратустра не путь? Разве Моисей не путь? Разве Мухаммед не путь? Есть бесконечное количество путей к Богу. Зачем так приbedнять Бога? Только один путь?

Но христианские священники не интересовались Богом, они интересовались только тем, чтобы создать свой бизнес. И для этого им пришлось заявить, что Иисус – это единственный путь, а все другие пути ошибочны. Они искали покупателей.

Вот почему все религии плодили фашистов и фанатиков. Каждая религия претендовала: “Мой путь – единственный правильный путь, и только через меня вы можете прийти к Богу. Если вы пойдете по какому-то другому пути, вы обязательно окажетесь в аду, вы обречены на ад”. Так поступают фашисты, это их образ мышления, и они плодят фанатиков. Все религиозные люди – фанатики, мир очень много страдал от этого фанатизма. И пришло время, созрело, отбросить весь фанатизм и фашизм.

Иисус – это путь, но по нему нужно еще пройти. Путь может расстлаться перед вами, но он не поможет вам. Если вы просто будете на этом пути, это еще не значит, что вы по нему пройдете. Иисуса распяли, но это еще не значит, что он стал освободителем всего мира, иначе мир был уже давно был освобожден. Что же мы тогда сейчас делаем? Что делают священники? Что делает в этом мире Папа?

Вчера кто-то спросил у меня: “Ошо, вы слышали? Новый Папа сотворил чудо”. Да, я слышал, он сделал слепого зрячим. Что еще могут делать Папы? Чем сейчас занимаются Папы? Еще при этом они утверждают, что мир освобожден! Если бы мир был освобожденным, религия была бы не нужна, церковь была бы не нужна, даже Христос был бы не нужен! Работа на этом закончена.

Я слышал:

Один юноша закончил медицинский колледж на золотую медаль, он закончил также университет. Его отец также был врачом. Отец сказал ему: “Теперь, после того как ты вернулся, мне бы хотелось отправиться в горы отдохнуть. Многие годы я не отдыхал ни одного

дня. Теперь ты будешь вести мои дела, а я хочу отправиться отдохнуть в горы на один месяц”.

И старик отправился в горы. Через месяц, когда он вернулся обратно, юноша встретил отца в аэропорту и сказал: “Отец, ты знаешь? Старушку, которую ты не мог вылечить тридцать лет, я вылечил за один месяц!”

Отец просто схватился за голову и сказал: “Ты уничтожил весь мой бизнес. Именно из-за нее ты смог закончить колледж и университет. Я надеялся, что твой младший брат также выучится в университете и станет врачом. Ты просто осел! Что ты наделал? Эта женщина – вот в чем заключался наш бизнес. Ты уничтожил всю мою карьеру!”

Если бы Иисус освободил всех, Мухаммеду здесь делать было бы нечего, а он пришел после Иисуса. Тогда не было бы смысла приходить Нанаку, основателю сикхизма, не было бы смысла приходить Кабиру. Он закрыл бы лавку. Но этого не случилось!

Будда говорит: “Будды могут только обозначить путь!” Но фанатичные ученики всегда хотят претендовать на исключительность. Что же говорить об Иисусе? Даже джайны претендуют на то, что Махавира пришел в этот мир ради того, чтобы освободить все человечество. Но Иисус говорит таким образом, что его легко понять неправильно, а Махавира высказал эту идею совершенно открыто. Он говорит, что никто не может освободить другого. Он говорит: “Я пришел не для того, чтобы кого-то освобождать. Если я смогу освободить хотя бы себя, этого уже будет достаточно!” Даже такой человек, как Махавира, который высказал это откровенно своим ученикам, был интерпретирован его учениками. И джайнские муни, джайнские монахи, джайнские пандиты утверждают, что он пришел для того, чтобы освободить человечество.

Почему же люди так пекутся о всем человечестве? И как можно о нем печься? Вы не сделали его таким несчастным – как же вы можете избавить его от несчастий? Если бы Иисус был причиной несчастий в мире, он, определенно, мог бы избавить человечество от несчастий. Если именно он сделал вас заключенными, он мог бы освободить вас, он мог бы открыть ворота и выпустить вас на свободу. Но не он сделал это, ваш ад создан вами самими. И какое отношение к этому имеет Иисус?

Но глупая логика проникла в ум человечества очень глубоко – по определенной причине. Мы всегда хотим, чтобы за наши несчастья отвечал кто-то другой, мы не хотим сами быть ответственными. Для того чтобы избежать ответственности, мы принимаем все эти бредовые идеи.

Христианство говорит, что Адам и Ева совершили изначальный грех, и все человечество страдает от этого. Это такая чепуха! Ученые говорят, что человечество существует миллионы лет. Миллионы лет

назад чета Адама и Евы совершила изначальный грех, и мы все страдаем за это. Можете ли вы представить себе более нелепую вещь? Вы попали в тюрьму из-за того, что миллионы лет назад кто-то другой согрешил. Не вы совершили грех – как же вы можете страдать за это? Это не изначальный грех, и вообще не грех. Адам сделал простую вещь: он просто не подчинился своему отцу.

Каждый ребенок не слушается своего отца. До тех пор, пока ребенок не ослушается своего отца, он никогда не станет зрелым. В этом нет ничего изначального, это просто и естественно. Это простая психология. Наступает возраст, когда ребенок должен сказать “нет” своим родителям. И если он не говорит “нет” своим родителям, у него не будет хребта, он будет бесхребетным. Если он не может сказать “нет” своим родителям, он будет всю жизнь оставаться рабом. И он никогда не станет индивидуальностью.

Адам и Ева никогда не совершали никакого изначального греха, они просто стали зрелыми. Они сказали “нет”, они не подчинились. Когда ваш ребенок идет за угол и начинает там курить, не беспокойтесь из-за этого так сильно: он просто не слушается вас, вот и все. Это часть роста. Но если он никогда не ослушался вас, вот тогда беспокойтесь: с ним что-то не в порядке. Отведите его к психоаналитику: с ним что-то не в порядке. Если он всегда подчиняется вам, у него нет души, он ненормальный.

Поэтому будьте счастливы, когда ваш ребенок не слушается вас. Благодарите Бога за то, что теперь он начал двигаться к тому, чтобы стать индивидуальностью. Только благодаря тому, что он не будет слушаться вас, будет восставать, он станет настоящей индивидуальностью. Если родители достаточно мудры, они будут счастливы.

Мне кажется, что Бог не может быть настолько глупым, как представляют себе христианские священники. Бог должен был радоваться в тот день, когда Адам и Ева Его не послушались. Он, должно быть, возрадовался. Он, должно быть, начал петь песню: “Теперь мои дети стали зрелыми”. Я не вижу, по какой причине Ему следовало бы чувствовать раздражение, я не могу представить себе Бога, который не мог бы понять такой простой вещи, такого простого психологического явления.

Вы должны дать возможность вашему Богу быть немного умнее, чем Зигмунд Фрейд! Это такое простое событие в жизни: каждый ребенок не подчиняется своим родителям. Это не грех, неподчинение – это не грех. Что же в нем изначального? В нем нет ничего уникального, и это происходило не только миллионы лет назад, это происходит каждый раз, когда ребенок начинает расти. Вы можете увидеть, как это происходит в вашем ребенке: где-то в возрасте трех – четырех лет ребенок начинает утверждать свою свободу.

Вот почему, если вы хотите вспомнить вашу жизнь, вы можете вспомнить только события, которые происходили после четырех лет,

самое большое – трех лет, но за этим возрастом лежит темная завеса, вы не помните. Почему? Потому что у вас тогда не было индивидуальности, и поэтому еще не было памяти. Ваша индивидуальность начала оформляться в возрасте трех – четырех лет. У девочек она начинает формироваться около трех лет, а у мальчиков – около четырех лет: они всегда отстают, и они всегда, всю жизнь будут отставать от девочек. Муж идет впереди жены, с поверхностной точки зрения, но, глубоко внутри, она идет первой.

Я слышал такую историю:

Великий император Акбар однажды спросил у своих министров: “Моя жена говорила мне, что все мои министры – мужья-подкаблучники. Это так или нет? Мне бы хотелось узнать правду, и, пожалуйста, не пытайтесь обмануть меня. Если вы обманете меня, я просто казню вас. Встаньте справа те, кто считает себя мужем-подкаблучником. И встаньте слева те, кто себя таковыми не считает”.

За исключением одного человека, все встали справа. Они были смущены, они колебались, но они встали справа, они не хотели обманывать короля. Они прекрасно понимали: “Он начнет глубоко копать, и, раньше или позже, если он позовет наших жен, он выведет нас на чистую воду. Поэтому лучше сразу встать справа!”

Но один человек все-таки встал слева, а король никогда не думал о нем, что он такой герой. Он был самым трусливым среди остальных. Король сказал: “Я счастлив. По крайней мере, нашелся хотя бы один человек, который не муж-подкаблучник”.

Этот человек сказал: “Подождите. Вы не так меня поняли. Когда я вчера возвратился домой, жена сказала мне: ‘Не следуй за толпой!’ И если она узнает о том, что я присоединился к остальным, у меня будут проблемы, а я не хочу проблем!”

Это происходит в возрасте трех – четырех лет. Вот почему я говорю, что эта история про Адама и Еву так важна. И я никогда не устаю рассказывать ее, рассматривая ее с разных точек зрения. Именно Ева первой не послушалась Бога, еще за год. Адам пришел в себя немного позже; на самом деле, она его уговорила.

Если мир действительно предоставят самому себе, женщины будут соблазнять мужчин, а не наоборот, это будет естественное течение событий. И, на самом деле, как раз это происходит сегодня, но на очень тонком плане. Женщины соблазняют мужчин, но делают это в такой тонкой форме, что грубый мужской ум не может этого даже понять. Грубый мужской ум думает: “Я – инициатор!” А женщина глубоко внутри смеется, она прекрасно понимает, кто тянет за нити. Она никогда не сделает ни единого шага по своей воле, вы не можете этого уловить. Она всегда сначала позволяет мужчине приблизиться к ней, она всегда ждет. Она доверяет своей способности притягивать

мужчин. Она не собирается махать хвостом, она всегда уходит в тень – и уговаривает мужчину махать хвостом.

Вот что происходит. Сначала плод вкусила Ева, она не подчинилась Богу, а потом за ней последовал Адам. Это произошло не в первый раз. Это происходит всегда. Это происходит с каждым ребенком, и хорошо, что происходит. Около четырех лет ребенок начинает чувствовать свою индивидуальность. Он начинает определять себя.

Ланахан, ирландский политзаключенный, сбежал из тюрьмы, прокопав тоннель, который вывел его на школьную площадку. И когда Ланахан свободно вздохнул, он не мог не крикнуть, обратившись к маленькой девочке: “Я свободен, я свободен, я свободен!”

Девочка ответила: “Пустяки, а мне четыре!”

Наступает время, когда ребенок хочет провозгласить миру: “Я есть! Обратите на меня внимание!” Он хочет определить себя, и единственный способ, при помощи которого можно определить себя – пойти по пути непослушания. И в этом нет ничего уникального, нет ничего особенного, нет греха, это просто процесс роста. Из-за того, что христианство отрицало этот простой факт роста, оно не помогло человечеству стать зрелым.

Все религии пытались делать человека незрелым, детским, неразвитым. Они все боялись, что однажды человечество станет зрелым, и тогда оно перестанет ценить их, религия потеряет для него все свое величие. И тогда они больше не смогут эксплуатировать человека. Они могут эксплуатировать только детей.

Так какой же грех человечество совершило, чтобы понадобилось пришествие Иисуса, чтобы освободить мир?

Мне бы хотелось, чтобы для вас это стало совершенно ясно: что не нужны никакие освободители. Второе: если вы чувствуете потребность в освободителе, помните: никто не может вас освободить, кроме вас самих. Третье: вы не живете в грехе, вы живете в природе, но если вы начнете осуждать природу, вы начнете чувствовать вину. И в этом тайна священников: они пытаются сделать вас виноватыми.

Я не думаю, что Иисус мог сказать такое: что его жертва на кресте стала освобождением для всего мира, освобождением от грехов человечества. Священники наложили свои представления на Иисуса. Новый Завет был написан несколькими столетиями позже рождения Иисуса, и потом многие столетия он редактировался, и слова, которые говорил Иисус, говорились на языке, который ушел в прошлое, на арамейском. Это был даже не иврит, это был диалект иврита, он во многом отличался.

Когда слова Иисуса были переведены, сначала на латинский, они были сильно изменены, они потеряли свое изначальное качество, свой аромат. Они потеряли нечто сущностное, душу. А после того как они были переведены с латинского на английский, нечто было снова

потеряно. Например, несколько слов, на которые вы можете медитировать: “Покаяние”.

Это одно из ключевых слов, потому что Иисус пользовался им снова и снова, он говорил своим ученикам: “Покайтесь! Покайтесь, потому что Судный День скоро наступит!” Он повторял это столько раз, и эти слова, должно быть, обладали очень большим значением для него. Но что это значит: покаяться? Спросите у любого христианского священника, и он скажет вам: “Это простое слово, все знают, что оно значит: покайтесь в своих грехах, покайтесь во всем, что вы сделали!” И священник может помочь вам, он может помочь вам покаяться. Но это слово не имело ничего общего с тем, что понимается под ним сегодня. Иисус имел в виду совсем другое. Он имел в виду просто “вернитесь”; оно вообще не означает раскаяние. Оно означает “поворот”: вернуться к источнику, вернуться к своему бытию. Вот для чего нужна медитация: нужно вернуться к своему источнику, вернуться к центру циклона, вернуться к вашему бытию.

Теперь вы можете увидеть отличие. Когда вы пользуетесь английским словом “раскаяние”, в нем есть что-то очень отвратительное. Оно означает грех, вину, священников, исповедь – вот во что окунулось это английское слово “раскаяние”. Но арамейское слово просто означает возвращение к источнику, поворот. Вернитесь к источнику, и не тратьте время впустую.

И так произошло практически со всеми ключевыми словами.

Практически невозможно понять Иисуса, если слушать священников. Единственный чистый способ – это войти внутрь, вернуться обратно. И там вы встретите сознание Христа. Единственный способ познать Христа – это стать самим Христом. Никогда не становитесь христианами, будьте Христами. Никогда не будьте буддистами, будьте Буддами. Никогда не будьте индуистами, будьте Кришнами! И если вы хотите стать Кришной, Христом или Буддой, вам не нужно погружаться в писания и не нужно спрашивать у ученых, вам нужно спрашивать у мистиков – спрашивать о том, как идти внутрь.

Именно это я делаю тут: я помогаю вам осознать себя. И в тот миг, в который вы познаете себя, вы удивитесь: вы никогда не грешили. Грехи – это изобретения священников, которые придумали их для того, чтобы создать в вас чувство вины.

Вы не нуждаетесь ни в каком освобождении. Все, в чем вы нуждаетесь – это в небольшой встряске, чтобы пробудиться. Вы не нуждаетесь в священниках. Вы, определенно, нуждаетесь в пробужденных, потому что только пробужденные встряхивают тех, кто глубоко спит, тех, кто находится в спячке. Человечество нуждается в свободе от чувства вины, в свободе от идеи вины, в свободе от раскаяния. Человечество нуждается в невинности, а священники не позволяют вам быть невинными, они извращают ваши умы.

Помните об этом, священники – это те люди, которые распяли Иисуса. Как же они могут объяснить вам Иисуса? Это те люди, которые всегда выступали против будд, и ирония заключается в том, что в конце концов они стали толковать его.

Вопрос:

Ошо, почему я не могу терпимо относиться к людям, которые принадлежат к другой религии?

Мария, это происходит из-за воспитания. Тебя воспитали фашисткой, фанатичкой: христианкой, индуисткой, джайнкой, мусульманкой, тебя не воспитали как человека. Тебя загипнотизировали с самого детства, ты жила в своего рода гипнозе. Жить христианкой или мусульманкой – значит жить в гипнозе, это не жизнь в истине.

Вот почему ты не можешь относиться терпимо к людям с другой религией: потому что глубоко внутри ты понимаешь, что они не правы, что они глупы, что они совершают великую ошибку. Их нужно поставить на место, им нужно вправить мозги и поставить под свои знамена, сделать овцой стада. Потому что только Иисус – спаситель, или только Будда – спаситель. И ты не можешь терпимо относиться к ним, потому что тебе кажется, что они притворщики.

С точки зрения христиан, буддисты – притворщики, потому что у Бога был только один сын – Иисус. Это очень странно: почему у Бога мог быть только один сын? Или он пытался таким образом контролировать рождаемость и показывал нам пример? Христиане считают Иисуса единственным сыном Божьим. А буддисты говорят, что Будда достиг, и больше, кроме него, никто. Это становится нестерпимым – сами представления об этом. Это создает в вас сомнение, подозрения. Может быть, буддисты правы, и вы не хотите увидеть, как эти сомнения внутри расцветают всюду, потому что сомнения тяжелы, сомнения нарушают ваш покой, нарушают ваш сон.

И поэтому вы не хотите читать буддийские писания, вы не хотите читать Коран, вы не хотите читать Махавиру, потому что их слова могут быть опасны для вас. Или даже, если вы прочитаете их, вы будете читать их как обычные книги, потому что есть только одна святая книга – Библия, или есть только одна святая книга – Коран. Ваша книга – это единственная святая книга, а все другие книги не святые.

В это вовлечено многое, Мария. И это не только твое отношение. Вся толпа относится также. И хорошо, что ты осознала это.

Ты спрашиваешь меня: “Ошо, почему я не могу терпимо относиться к людям, которые принадлежат к другой религии?”

Первое: они создают в тебе сомнения, они вызывают твою подозрительность, скептицизм, сомнение в своей собственной вере. А ты так привыкла к своей вере, она приносит тебе такое утешение, она подобна транквилизатору. А человек, который живет по-другому, ведет себя по-другому, поклоняется другим Богам, медитирует по-

другому, молится по-другому, определенно, вызывает у вас сомнения. Может быть, он и прав – кто знает? Вы не знаете этого точно. Все, что вам раньше говорили другие – это не ваше знание, и поэтому вы не верите в него.

Вы подавили свои сомнения и загнали их глубоко внутрь. Эти сомнения живые, очень живые. Они готовы взорваться в любое мгновение, они используют любую возможность выйти на поверхность. Люди, которые принадлежат к другим религиям, становятся таким предлогом, которым пользуются ваши сомнения для того, чтобы выйти на поверхность.

В джайнских писаниях написано, что если вы на дороге, и за вами гонится сумасшедший слон, и вы пробегаете мимо индуистского храма, вы можете вбежать в храм и спастись, но лучше не входить в храм и попасть под ноги слону. Не стоит входить в индуистский храм даже ради того, чтобы спасти свою жизнь! Лучше погибнуть, но остаться джайном, и тогда рай будет вам точно гарантирован.

То же самое говорят, в точности то же самое, индуистские писания относительно джайнов. Нельзя входить в джайнские храмы. Лучше умереть, лучше попасть под ноги сумасшедшего слона, нежели спастись и войти в джайнский храм. Почему? Потому что джайнские священники могут говорить нечто другое, вы можете услышать что-то другое. Это может смутить вас, может вызвать в вас сомнения. А сомнения опасны, сомнения ведут вас в ад; вера – это двери к раю.

Первое, Мария, что тебе стоит помнить: люди, которые не похожи на тебя не только с религиозной точки зрения, люди, которые, например, одеваются по-другому, – даже к ним в толпе относятся нетерпимо.

И поэтому моих учеников никто не любит в так называемом индуистском обществе. Причина заключается в том, что они поступают неправильно, они отличаются. И в этом заключается трудность. Никому не нравятся другие люди. Людям нравятся такие, как они сами, в точности такие же. Одевайтесь как все, ведите себя как все, пользуйтесь тем же языком, ходите в те же храмы, и тогда вас примут, потому что вы не создаете сомнений.

Мои ученики вынуждены вызывать сомнения у других людей. Мои саньясины будут вызывать сомнения у других людей. Они ведут себя совершенно по-другому, они ведут себя свободно, и это приносит беспокойство рабам. Это рабы традиций, рабы ортодоксов, они вынуждены чувствовать из-за этого беспокойство.

Когда вы видите, как юноша с девушкой идут по улице и держатся за руки, это становится достаточным предлогом для того, чтобы привести в беспокойство индуистский ум. Он настолько подавлен, что вся эта подавленность начинает вырываться наружу. Вы бы сами предпочли идти, взявшись за руки, со своими возлюбленными, но вы

не можете. Если вы не можете сделать этого сами, вы не можете позволить этого и другим.

На Западе, если вы идете рука об руку с женщиной, ни у кого не возникает из-за этого проблем, потому что в обществе это принято. Но если вы идете, взявшись за руки, с мужчиной, если двое мужчин идут, взявшись за руки, люди начинают оглядываться. Что-то не в порядке; все думают, что вы – гомосексуалисты. Все думают, что вы – гей. Это опасно.

Сейчас гомосексуалистов преследует по всему миру, сильно преследуют. В некоторых странах их даже убивают. В некоторых странах, например, в Иране, если найдут двух человек, которые живут как гомосексуалисты или лесбиянки, их сразу убивают на месте. Какая чепуха! Они не совершили никакого преступления, они никому не повредили! Два человека живут вместе, или две женщины живут вместе – это не должно относиться ни к кому другому, это их личное дело. Но в этих обществах такой страх перед гомосексуализмом, а причина этого страха в том, что гомосексуализм столько лет подавлялся.

На самом деле, в каждом человеке есть подавленный гомосексуализм, потому что человек проходит четыре ступени в своем развитии. Первая ступень – это самоудовлетворение, потом наступает черед гомосексуализма, потом ребенок становится гетеросексуальным, и потом наступает четвертая, высшая стадия: человек становится брахмачарием, он возвышается над сексом.

Каждый ребенок проходит стадию гомосексуализма. Если он проходит ее естественным образом, в нем не будет подавленности, но из-за того, что ему не позволяют пройти через нее естественным образом, в нем обязательно угнездится подавленность. И эти люди, которые наказывают гомосексуализм смертной казнью, сами гомосексуалисты, они подавляют гомосексуализм. Они не могут выдержать его в других.

И это относится ко всему. Вы не можете увидеть того, что вы делаете.

Например, в Индии вчера кто-то спросил у меня: “Я прощался со своей подругой, мы обняли друг друга, поцеловали, и нас схватила полиция. И нам пришлось два часа объяснять им, что мы просто прощались. Они собирались посадить нас в тюрьму, они собирались вызвать нас в суд, чтобы осудить нас...” Нельзя даже целоваться в публичном месте! И задающий вопрос спросил у меня: “Я вижу, как индусы писают в общественных местах, и никто не возражает. Целоваться нельзя, а писать можно?”

Вы не знаете. Эта страна принадлежит Морарджи Десаи. Писать считается святым действием. Если вы пишете при людях, вы делаете что-то великое. Вы делаете землю святой. Это не экскременты, это вода жизни!

В Индии вы можете мочиться в общественном месте, вы можете пойти по-большому в любом месте. Вся страна превратилась в отхожее место. Но это позволено. Никто не замечает этого! Только люди с Запада, когда они приезжают в Индию, отмечают это. Они сразу отмечают это, видят все, что происходит. Они едут из аэропорта в Бомбее и видят, как повсюду по обе стороны дороги люди ходят в туалет, но индусы этого не замечают.

Мы замечаем только то, чего не можем принять сами. Мы видим только странные вещи. Индусы жили так столетиями, они не замечали этого. Это было так естественно для них. В их умах вопросов по этому поводу не возникает.

Вы видите нищих на улицах. Все западные приезжие постоянно пишут мне: “Нас это очень сильно беспокоит”. Но ни один индус не беспокоится так из-за этого. В чем же дело? Индусы принимают нищих как естественное явление. Эти люди, с точки зрения индусов, страдают от прошлой кармы, и никто другой не отвечает за это, кроме них самих. Это красивая стратегия, оборона, они придумали эту теорию: каждый страдает от результата прошлой кармы. Эти люди вынуждены страдать, потому что, должно быть, сделали что-то плохое в прошлом, что-то действительно отвратительное, и теперь они страдают. Все должны платить за свое прошлое, и поэтому вопроса о сострадании не возникает.

На самом деле, вы будете удивлены, узнав, что в Индии есть джайнская секта тирапантха, чей лидер, Ачарья Тулси, утверждает, что вы не должны помогать нищим, потому что если вы будете помогать нищим, вы будете нарушать их жизненный уклад, и они будут страдать в другое время. Они должны отстрадать свое! Если человек упал в колодець, не нужно вынимать его оттуда, потому что если вы вытащите его оттуда, он упадет в другой раз в другой колодець, – так к чему его вытаскивать на этот раз? Пусть страдает, и пусть на этом все закончится, пусть его карма кончится. Это первое. И второе: если вы вытащите этого человека из колодца, если вы поможете ему выбраться наружу, и он отправится и убьет кого-то, вы будете отвечать еще и за убийство. Если бы вы не вытащили его оттуда, он бы не совершил убийства. Поймите: в другой жизни придется страдать еще и вам самим. Вам самим придется упасть в какой-то колодець, может быть, не такой глубокий.

И на этом основании Ачарья Тулси и его секта учат: не помогайте никому. Если вы посмотрите, в этих рассуждениях есть логика. Если теория кармы правильна, выводы Ачарья Тулси правильны и логичны, а сомневаться в такой логике не пристало. Но эта теория сама по себе – изобретение.

Вы не страдаете от последствия своей кармы в будущей жизни. Жизнь мгновенна. Если вы положите руку в костер, она обожжется сразу, а не в следующей жизни. Каждая карма мгновенно дает реак-

цию. Вы страдаете мгновенно и мгновенно радуетесь – вы не ждете. Вся эта теория – это просто выдумка. Пытаться откладывать на следующие жизни – это чушь собачья, это политика, стратегия.

Индусы могут принять нищих, но они не могут видеть, как люди целуются. Но почему вас это так беспокоит? Если целоваться плохо, они, возможно, страдают от прошлой кармы – и пусть страдают. Почему вы вмешиваетесь? Вы вмешиваетесь просто потому, что вы сексуально подавлены, вы не можете признать тех, кто сексуально свободен.

И поэтому, Мария, дело не только в религии, вопрос во всем. Разные люди создают сомнения, вы становитесь подозрительными, у вас возникают сомнения: правильно вы поступаете или нет. Вы хотите уничтожить этих людей, чтобы снова подавить свои сомнения. Вот как обстоят дела. Это первое.

Второе: человек, который принадлежит к другой религиозной конфессии, ранит ваше эго, вам хотелось бы, чтобы только ваша религия была самой главной, единственной. Он ранит ваше эго, вас ранит то, что есть другие религии, которые также претендуют на то, что они самые высокие.

У вас двойственный ум. Вы думаете, если дело касается вас, одним образом, а если дело касается кого-то другого, вы думаете совершенно по-другому. Если вы считаете Библию святой книгой, вы не позволяете мусульманам считать их книгу святой. А мусульмане не позволяют считать Веды святой книгой. А индуисты не позволяют считать другие книги святыми, они считают, что Веды написаны самим Богом, а все другие книги написаны людьми. Они могут содержать что-то хорошее, но они написаны людьми, и они вынуждены быть несовершенными. Веды же безупречны, с их точки зрения.

Таковы пути эго.

Миссис Кин и миссис Мохан сидели на скамейке и наблюдали за домом через улицу, который снимала молодая итальянка. Туда входили юноши – и через полчаса выходили. И женщины болтали между собой: “Да она просто проститутка. Она – проклятие для соседей!”

После того как ее посетил десять человек, пришел отец Гилхоли, соседский священник. “Да, бедняжка, должно быть, больна!” – воскликнула миссис Кин.

Вы видите, какая произошла перемена! Мгновенно она начала думать по-другому.

Волш вышел из салона и вошел в церковь. Он думал, что это костел, и уснул там. Церковный сторож скоро разбудил его и сказал, что церковь закрывается. Волш сказал: “Костел не должен закрываться”.

Сторож ответил: “Это не костел, это пресвитерианская церковь”.

Волш огляделся и увидел иконы Святого Луки, святого Марка и святого Фомы.

“А с каких это пор святые стали пресвитерианцами?” – спросил он у сторожа.

Все святые принадлежат только вашей религии.

Махавира и Неминатха даже не упоминаются в индуистских книгах. Даже не упоминаются.

Только представляете себе: о таком человеке, как Махавира, нет даже упоминаний в индуистских книгах. Об Иисусе нет упоминаний в иудейских книгах. Почему о таком человеке, как Иисус, нет упоминаний в иудейских книгах?

Вы применяете двойной стандарт. Свою религию вы оцениваете одним образом, а другие религии вы оцениваете по-другому. Вы не взвешиваете их на одних весах. Таковы пути вашего эго, которое все время все оценивает по разному стандарту.

Позвольте мне повторить снова: каждая религия порождает фашизм. Каждая религия создает Адольфов Гитлеров – из-за этих представлений: “Мой путь – единственный путь”. Когда вы фашисты, когда вы фанатики, вы становитесь убийцами. Вы можете не быть убийцами в прямом смысле, но глубоко внутри вы убийцы. Вы можете не убить никого напрямую, но точно одно: вы уничтожаете ваши свойства любви и сострадания, свойства братства.

Группа юношей, все ирландские священники, отправились в бар. Они не поздоровались с Абби, который уже стоял у стойки в баре. Педди, один из юношей, спросил у своих друзей, почему они не поздоровались с Абби. Они ответили: “Да он еврей. Это евреи убили Иисуса Христа!”

Педди был крайне раздражен, услышав это, он пошел к Абби и начал бить его.

“Остановись, остановись! – закричал Абби, – зачем ты меня бьешь?”

“Я бью тебя потому, что евреи мучили Иисуса Христа, они распяли его!”

“Да, я знаю, – ответил Абби, – но это не имеет никакого отношения ко мне. Это случилось две тысячи лет назад”.

Педди пнул его еще раз и сказал: “Меня это не волнует. Я узнал об этом только десять минут назад!”

Мне не хочется, чтобы вы были терпимыми к другим религиям. Махатма Ганди учил: “Будьте терпимыми к другим религиям”. Но если вы станете терпимыми к другим религиям, это будет просто означать то, что вы будете нетерпимыми внутри.

Я не учу вас терпимости. Терпимость отвратительна. Лучше быть сознательно нетерпимым: по крайней мере, болезнь будет на поверх-

ности, и раньше или позже вы осознаете это. Мария осознала это. Если вы станете терпимыми, как последователи Ганди, болезнь войдет глубоко в подсознание. На поверхности вы будете очень вежливыми, сладкими, вы будете говорить хорошие вещи, которые говорятся в Библии и Гите: “Все имена – это имена Бога, и пусть Бог даст всем это понимание”. Вы будете говорить эти слова, но глубоко внутри это не будет так.

Махатма Ганди всю свою жизнь молился с утра до вечера и говорил, что Аллах и Рама – это имена одного и того же Бога. Но когда его застрелили в Дели... а его застрелили пуниты, помните об этом; человек, который его застрелил, принадлежал к секте пунитов, его звали Натурам Гос; Пуна до сих пор – одно из самых ортодоксальных мест индуизма. И я сознательно выбрал это место – чтобы у вас были неприятности!

Когда Ганди застрелили, он не сказал: “Аллах”. Его последними словами были такие слова: “Рама, хей Рама, о Рама!” Он забыл об Аллахе. Вся его жизнь была посвящена Аллаху, но глубоко внутри он был индуистом. Он говорил, что Гита – его мать. А кто отец, в таком случае? Коран? Этого он никогда не говорил. Гита была его матерью, но Коран не был его отцом. И он цитировал сутры Корана которые были не чем иным, как отражением Гиты. На самом деле, он был привязан к Гите, и Гита была для него критерием. Все, что было в Гите – было правильно, а если это было в Коране, это также было правильно, потому что это присутствовало в Гите. Он оставлял в стороне все, что противоречило Гите. В этом выражалась его терпимость.

Я не учу вас быть терпимыми. Я учу вас свободе от всей той чепухи, которую говорят индуисты, мусульмане, христиане. Освободитесь от всех предрассудков. Будьте просто людьми. И в этой свободе вы найдете великую радость, в этой свободе впервые вы найдете любовь к другим людям, сострадание, братство. Вы начнете чувствовать, как вся вселенная станет вашей семьей, вашей общиной. И это относится не только к человеку. Когда в вас исчезает фашист, когда вы перестаете быть фанатиками, у вас возникнет связь даже с птицами, деревьями и животными. Вы будете постоянно вести прекрасные диалоги с существованием.

Мария, отбрось всю эту чепуху. Быть индуистом, быть мусульманином, быть христианином, быть джайном, быть буддистом – все это глупое прошлое, которое нависает над вами. Покончите с ним одним ударом, единственного удара будет достаточно для этого. Делайте это не постепенно, не медленно. Поймите это – и покончите с этим немедленно, прямо в этот миг. Потому что кто знает? Завтра может прийти, а может и не прийти. Только это мгновение доступно вам. Восстаньте против всей этой чепухи. Будьте свободными!

Нет вопросов, нет ответов

Вопрос:

Ошо, мне кажется, что все вопросы бессмысленны. Остаются только жизненные вопросы, на которые нет ответов.

Ананд Али, так и есть. Все вопросы не только кажутся бессмысленными, так и есть. В твоём уме все еще есть слабые сомнения.

И поэтому ты задаешь такой вопрос: *“Ошо, мне кажется, что все вопросы бессмысленны. Остаются только жизненные вопросы, на которые нет ответов”*.

Они не только кажутся бессмысленными, они и есть бессмысленные. В тот миг, в который ты поймешь, что они бессмысленны, не останется даже вопросов, на которые нет ответов. И тогда есть тайна: ни вопросов, ни ответов. Тогда приходит необычная тайна. И вы не пытаетесь решить ее, потому что она не представляет для вас трудности. Вы не ищете никакого ответа, потому что нет вопроса. Вы начинаете жить этим. И в тот день, в который вы начинаете проживать жизнь как тайну, вы вошли в Бога.

Если в жизни вы задаете вопросы и ищете ответы, возникает наука, а если вы воспринимаете жизнь как тайну, возникает религия.

Ты спрашиваешь: *“Остаются только вопросы, на которые нет ответов...”*

Если на них нет ответов, как они могут быть вопросами? Вопросы всегда будут вопросами по отношению к ответам, а ответы будут ответами только относительно вопросов. Они соединены вместе, это половинки одного целого. Если вы действительно исчезаете, другие исчезают автоматически.

Вот почему я говорю, что в тебе едва теплятся сомнения. Они шепчут тебе: *“Возможно, существуют не бесполезные вопросы. Может быть, мне еще предстоит найти их. Может быть, мои вопросы бессмысленные, может быть, вопросы, которые я знаю, бессмысленные, но кто знает? Могут быть значимые вопросы, настоящие!”*

Таких нет.

Когда ты начинаешь верить в это, когда в тебе не остается слабых сомнений... потому что именно сомнения вызывают вопросы. Когда сомнений не остается, когда вы знаете о том, что ничего познать нельзя, когда вы понимаете, что знание не получить таким образом, когда вы приходите к пониманию того, что случилось с Сократом... Сократ сказал: *“Я знаю только то, что я ничего не знаю”*. Если эта невинность появится в тебе, тогда ничего больше не останется, даже вопросов, на которые нет ответов. Само слово “вопрос” станет для тебя неуместным.

Останется тишина, глубокая тишина, великая радость, благословение. Жизнь начнет течь через тебя, проходить через тебя, но вопросов не будет возникать. Ты будешь просто жить.

Это простота, и эта простота – не культивированная простота садуху или монаха. Это невинная простота, не культивированная. Внутри вас царит великое удивление относительно всего, что вас окружает. И вы живете в благоговении. Вы можете поклоняться деревьям, поклоняться скалам, потому что в тот миг, в который вопросов больше не остается, ваше сердце наполняется тайной, чудом, вся ваша жизнь становится молитвой, поклонением.

Это настолько невероятно, что мы живы – без причины, мы дышим, мы можем видеть, мы можем вкушать, слышать, любить, наши сердца бьются, жизнь проходит через нас, и жизнь выбирает нас как средство. Знать об этом уже достаточно, чтобы чувствовать благодарность, чувствовать это – достаточно, чтобы находиться в молитвенном состоянии.

Вам не нужен Бог, которому вы могли бы молиться. Если вы будете молиться Богу, ваши молитвы будут ложными. Когда остается просто молитва, которая не обращена ни на кого конкретно, определенная молитвенность, это не молитва, обращенная на Бога, на индуистского, христианского, мусульманского, потому что все они избреты умом человеческим, они не истинные. Все Боги – ложные. Они вынуждены быть ложными, потому что они отвечают на определенные вопросы, а вопросы все ложные, задавать вопросы – это уже ошибка, и их Боги отвечают на определенные вопросы.

Кто-то спросил у меня: *“Кто сотворил этот мир?”* Этот вопрос становится шипом в плоти, ум не может успокоиться до тех пор, пока не придумает ответ. Вам приходится придумывать ответ лишь для того, чтобы успокоить себя. Либо вы делаете это, либо какой-то хитрый священник сделает это за вас, от вашего имени, он скажет вам: *“Бог сотворил мир!”* Вопрос был ложный, а как ложный вопрос может привести к правильному ответу? Само это обещание было ложным, и поэтому выводы, к которым вы пришли, также ложные.

Люди настолько глупы, что они принимают такой ответ: *“Бог сотворил мир”*. Но они не спрашивают: *“А кто сотворил Бога?”* Да, иногда маленькие дети спрашивают это: *“Кто сотворил Бога?”* И мы мгновенно затыкаем им рот. Мы говорим им: *“Подождите. Вы слишком молоды для того, чтобы знать о такой тайне. Когда вы вырастаете, вы узнаете”*. Как будто бы вы сами узнали, когда выросли. Но вы не можете признать свое невежество.

Вы не истинны даже с детьми. Вы не истинны, вы обманываете, вы нечестные, неискренние даже с невинными детьми. Вы продолжаете притворяться, как будто бы вы знаете, и вы продолжаете рассказывать, что они узнают об этом, когда вырастут, станут более

опытными. И они будут повторять ту же чепуху своим детям. Именно так глупость и сохранялась столетиями.

Задайте вопрос – и кто-то вынужден будет найти ответ. Если никто не даст вам ответа, вы изобретете его сами. Религия, которая основана на ложных вопросах и ответах – это не истинная религия. Все Боги были сотворены таким образом, все писания были придуманы именно так, просто для того, чтобы утешить вас, чтобы вы находились в ложном знании, потому что вы так боитесь быть невинными, вы так боитесь быть невежественными.

Помните вот о чем: “Невежество – это не глупость, знание – это глупость. Невежество невинно. Нет вопросов, нет ответов... Вы просто живете в каждое мгновение. И вы благодарны за это, потому что солнце встает и садится, птицы поют, цветы цветут, облака плывут по небу, ночное небо наполняется звездами. Вы просто благодарны, потому что есть горы и реки, океаны и пустыни. Вы просто благодарны, потому что есть животные и люди. Это такое необычное существование. Это такое невероятное существование. Настолько уникальное! Это такой праздник, такой психоделический опыт, он такой разноцветный. Танец энергии!

Когда вы чувствуете это, вы просто кланяетесь, кланяетесь земле. Не в храме, не в мечети, не в гурудваре, не в церкви, – они все сотворены человеком. Вы просто кланяетесь небу, закату без всяких причин. И что вы тогда можете требовать от заката? Вы не можете просить у него денег, вы не можете просить у него власти, вы не можете просить положения. Это будет выглядеть глупо. Что можно просить у дерева? Но когда вы идете в храм, идете в церковь, вы просите всего этого. Ваши молитвы содержат какие-то мотивы, а молитвы, в которых вы просите что-то у кого-либо – отвратительны.

Но простая молитвенность, благодарность, чистая благодарность... чистая радость, оттого что мы стали частью этого таинственного существования!

Ананд Али, ты очень близок к пониманию того, что все вопросы бессмысленны, но ты еще не прикоснулся к цели, ты ходишь кругами вокруг да около.

Ты говоришь: “*Все вопросы кажутся бессмысленными*”.

Почему же ты пользуешься таким словом: “кажется”? Все еще существует возможность, что: “Может быть, может быть еще найдется такой вопрос, который мне не известен, но который не бесполезен?” И поэтому вторая часть твоего вопроса звучит так: “*Остаются только вопросы, на которые нельзя дать ответов!*”

Несмотря на то, что ты говоришь, что на них нельзя дать ответов, тем не менее, ты называешь их вопросами. Внимательно следи за своими словами, будь очень внимательным к тому, что ты говоришь и как ты говоришь, потому что это показывает твое состояние сознания. Ты очень близок, и упускаешь цель только на несколько дюй-

мов. Но независимо от того, не попадаешь ли ты в цель на несколько дюймов или несколько миль, ты все равно не попадаешь в нее.

Стань немного бдительнее. Пусть все вопросы покинут тебя – и все ответы. Оставайся в этой тишине, которая остается позади. Стань этим молчанием, будь этой тишиной.

Бингал говорит: “Где найти мудрость? Будьте спокойными – и вы узнаете. Ищите силу в отсутствии желаний!”

Вопрос:

Ошо, что такое истинная мудрость?

Према Самадхи, мудрость не может быть истинной или неистинной. Мудрость – это просто мудрость. Это истина. Неистинной мудрости не может быть. Все знание неистинно, вся мудрость истинна. Знание заимствованное, и поэтому оно неистинное. Оно не принадлежит вам – вот почему оно неистинное. Оно могло бы быть истинным для того человека, который передает его вам.

Будда говорил со своими учениками, и говорил им мудрость, но в тот миг, в который она достигала его учеников, она превращалась в знание. Мудрость падает со своих высот до уровня слушателей и превращается в обычное знание.

И поэтому будды всегда понимали, что они передают свое присутствие, часть своей тишины, часть радости, они не передают свою мудрость. И если они даже говорят, они говорят лишь для того, чтобы уговорить вас стать молчаливыми. Даже если они используют слова, эти слова используются для того, чтобы создать в вас бессловесное состояние сознания.

И поэтому помни, Према Самадхи, первое: мудрость – это такая истина, которая не может быть неистинной. Точно так же, как свет – это свет, и он не может быть тьмой, а жизнь есть жизнь, и она не может быть смертью, любовь есть любовь – и не может быть ненавистью. Если бы она была ненавистью, она не была бы любовью.

Мудрости внутренне присуща истина, потому что это переживание существования. Это не то, что вы узнаете у других, не то, что вы собираете из писаний. Это то, что вырастает в вашем сердце. Это рост, а не накопление. Это опыт, а не информация.

Знание делает вас начитанными, мудрость делает вас невинными. Знание тешит ваше эго, усиливает ваше эго. Эго питается вашим знанием, знание – это самая лучшая пища для эго. Но мудрость приходит к вам только тогда, когда эго полностью покидает вас, мудрость приходит только тогда, когда умирает ваше эго. Смерть эго – вот рождение мудрости.

Ум заинтересован в том, чтобы получить знание, а не мудрость, потому что для мудрости вам нужно создать пространство не ума. И, естественно, ум боится того, что вы будете интересоваться мудростью, потому что ум не хочет совершить самоубийство.

Саньяса – это самоубийство ума, к такому же результату приводит медитация, к тому же результату, что и мудрость. Это разные имена для одного и того же явления, разные грани одного бриллианта.

Знание зависит от слов. Вы можете легко стать знающими, если будете сидеть в библиотеке, но вы не можете стать таким образом мудрыми. Для того чтобы стать мудрыми, вам нужно общаться с мудрецом. Для того чтобы получить знание, все, что от вас требуется – это стать учащимся: нужно задавать вопросы, вопрошать, вы должны быть в состоянии учиться, читая писания, книги, слушая учителей, учась в университетах, просиживая в библиотеках. Ваша память обогащается все больше и больше, ваш биокомпьютер наполняется все большей и большей информацией, но таким образом к мудрости вы не придете.

Мудрость в большей или меньшей степени приходит к вам тогда, когда вы полюбили мастера. Вы должны стать учеником, а не только учащимся. Учащийся сохраняет расстояние между собой и мастером. Для него мастер – это только учитель, он интересуется мастером только из-за его учения. На самом деле, он интересуется учением, а не мастером. Ученик не интересуется учением, потому что он понял одно: знанию можно научить, но мудрость может быть только ухвачена.

Мудрость заразна. Вы должны общаться с мастером и приближаться к его бытию. Он воспламенился, а свеча вашего сердца все еще не горит. Если вы станете доступны огню мастера, мастер может зажечь вашу свечу, и вы также можете запылать – запылать тишиной, радостью, мудростью. Вы не добьетесь этого посредством логики, но только через любовь. Вы не сможете обрести этого посредством слов, но только посредством бессловесного состояния, которое называется медитацией или состоянием отсутствия ума, сатори, самадхи.

Помните об этом, иначе вы можете так никогда и не стать мудрыми. Легко стать начитанными, для этого не нужно рисковать, это безопасно. Но для того чтобы перейти в измерение мудрости, нужно рискнуть, нужно войти в неизвестное, в неисследованное. И для этого нужно большое мужество, нужна жилка. И после того как вы вкусили мудрость, знание кажется вам таким глупым, таким невыразимо глупым. Но если вы не вкусили мудрости, знание представляет для вас необычайную ценность.

Залевский получил работу курьера в магазине: “Ваши питомцы”. Однажды ему поручили доставить кролика к миссис Голдвел по адресу Роуд 2, ящик 4.

Мальчик сказал: “Лучше запишите мне адрес, иначе я могу его забыть!”

Положив бумажку с адресом к себе в карман, Залевский отправился выполнять поручение. Через каждые пять минут он смотрел на адрес и повторял про себя: “Я знаю, куда я еду: Роуд 2, ящик 4, доставить кролика миссис Голдвел!”

Все шло прекрасно до тех пор, пока он не заехал в большую рытвину на дороге. Машина подпрыгнула, клетка с кроликом выскочила, и кролик побежал по полю, пытаясь спасти жизнь.

Залевский выскочил из машины и начал оглушительно хохотать. Мимо проходил прохожий, и он спросил у Залевского: “Что тут такого смешного?”

“Ты видишь, как этот сумасшедший кролик бежит вон там по полю? – спросил Залевский. – Он не знает, куда бежит, он не знает адреса, он у меня в кармане!”

В таком состоянии знания находится человек. У него адрес в кармане. Он знает, где Бог, где небеса, где ад. Он все знает, все находится у него в кармане. Он тащит писания и верит в буквы, слишком верит в слова. Слова полезны, если вы можете понять то, что стоит за ними. Он не такой очевидный, не такой видимый.

В руках медитирующих слова могут представлять чрезвычайную ценность, потому что они могут показывать многое. Но в руках немедитирующих слова опасны, очень опасны, потому что дух полностью упущен, и вы начинаете верить в пустоты, в пустые слова, вы начинаете следовать словам.

Вот что происходит с христианами, с индуистами, с мусульманами, с джайнами, с буддистами, со всеми, кто верит в слова. Кто-то верит в Коран, а кто-то верит в Гиту, кто-то верит в Библию, и они все упускают дух. Потому что для того, чтобы познать дух Библии, вам нужно попасть в определенное внутреннее пространство, в котором вы можете познакомиться с Моисеем, с Иисусом. И до тех пор, пока вы не получите этого прямого опыта, внутреннего соприкосновения с Моисеем и Иисусом, вы не поймете Библию.

Но следуя словам, вы будете выглядеть очень важными для людей, которые подобны вам самим, которые не отличаются от вас самих. Они тоже верят в слова, и вы также верите в слова, и вы живете в таком же невежестве. Это не мудрость.

Мудрость – это внутреннее явление. Это раскрытие духа всех будд. И вам не нужно для этого погружаться и изучать историю жизни всех будд. Вам нужно только войти в себя, потому что вы содержите весь прошлый опыт, безграничный опыт прошлого, и вы также содержите безграничный опыт будущего.

Почтовый служащий разносил почту в Новый Год. В одном доме дверь внезапно открыла красивая женщина, которая была обнажена.

“Вы хотите войти?” – заворковала женщина.

“Конечно”, – ответил почтовый служащий.

Она привела его в спальню и начала заниматься с ним любовью. Когда они кончили, она встала с постели и дала ему доллар.

“За что доллар?” – спросил он.

“Когда я спросила у мужа, что мне дать почтовому служащему на Новый Год за доставку почты, он сказал мне: дай ему бакс – и трахни его!”

Вопрос:

Ошо, Гурджиев говорит о трех аспектах бытия: сущности, ложной личности и истинной личности. Ложная личность обуславливает нашу истинную личность. Истинная же личность развивается и отражает, защищает наше истинное я.

Примитивные люди живут в сущности, как животные. Они прекрасны, но они непросветленные. Если бы просветление было естественным, если бы оно было нашим природным правом, почему примитивные дикари не обретают просветления, – или они просветленные?

Я слышал, как вы говорили нам, что мы должны признать свою животную природу и должны вернуться к сути. Я читал, что Гурджиев говорил, что мы должны стать подлинными в своей истинной природе. Должны стать владыками своей истинной природы. Он говорил, что нужно понять, как нас проглатывает животное. Нужно дать ему прикурить, угостить мороженым, и животное успокоится.

Что же такое истинная личность и каковы ее взаимоотношения с сущностью?

Поль Манилов, личности вообще нет. Личность как таковая – ложная. Слово “личность” должно быть понято правильно. Оно истекает от корня “персона”. Персона – это маска. Древнегреческие актеры пользовались масками во время представлений, и эти маски звались персонами. Персона, потому что звук шел из-за маски. “Сона” означает звук. Аудитория видела маску, из-за маски шел звук. И слово “личность” произошло от этого слова “персона”.

Все личности ложные. Хорошие личности, плохие личности, личности грешников и личности святых – все они ложные. Вы можете носить красивую маску или отвратительную, нет никакой разницы.

Истинна только ваша сущность. Но этот вопрос насущный. Если сущность истинна, как я говорю, вот как звучит вопрос Манилова в этом свете: “Примитивные дикари живут в сущности, как животные. Они прекрасны, но они непросветленные”.

Так и есть. Они не могут быть просветленными. Для того чтобы стать просветленным, сначала нужно создать личность. Просветление – это отбрасывание личности, а у них нет личности, которую они могли бы отбросить. У вас может возникнуть непонимание из-за это-

го. Почему человек не может быть просветленным, если у него нет личности?

Личность – это также необходимая часть роста. Представьте себе, что вы схватите рыбу в море и бросите ее на берег, а рыба прыгнет обратно в море. Теперь впервые она будет знать о том, что жила в воде, впервые она поймет: “Море – это моя жизнь!” До сих пор, пока ее не поймали, пока ее не бросили на берег, она могла вообще не думать о море, она могла совершенно не знать о море. Для того чтобы узнать что-то, сначала вы должны потерять его.

Для того чтобы осознать рай, вам нужно сначала потерять его. И до тех пор, пока вы его не потеряете и не вернете его снова, вы не поймете его красоты.

Адаму и Еве пришлось потерять Сад Эдема, и это часть естественного роста. Только Адам, который покидает прекрасный Сад Божий, однажды может стать Христом. Он может вернуться обратно. Адам, который покидает Сад Божий, подобен рыбе, которую поймали и выбросили на берег, а Иисус – это рыба, которая прыгает обратно в море.

Примитивные дикари не могут стать просветленными. Они прекрасны, спонтанны, естественны, но они совершенно не осознают, кто они, у них нет никакой осознанности. Они живут радостно, но их радость не обусловлена. Сначала им придется потерять ее. Им придется стать цивилизованными, образованными, знающими, им придется стать культурными, цивилизованными, религиозными. Им придется потерять свою спонтанность, им придется полностью забыть о своей сущности, и тогда внезапно однажды они начнут понимать, что им ее не хватает. Это обязательно случится.

Это происходит во всем мире, и происходит в таком большом масштабе, потому что впервые человечество в действительности стало цивилизованным.

Чем более цивилизована страна, тем сильнее чувство отсутствия смысла. В отсталых странах этого чувства еще нет, они не могут его иметь. Для того чтобы иметь это ощущение бессмысленности, пустоты, нелепости, сначала нужно стать цивилизованными.

И поэтому я выступаю за науку, потому что она помогает рыбе ощутить состояние выброшенности на берег. Если берег горячий, песок горячий, рыба начинает чувствовать жажду. Она никогда не чувствовала такой жажды раньше. Впервые ей не хватает океана вокруг, ей не хватает прохлады, воды-жизнедарительницы. Она умирает.

В таком положении находится цивилизованный человек, образованный человек: он умирает. Рождается великое вопрошание. Человек хочет узнать о том, что нужно сделать, как войти обратно в океан жизни.

В отсталых странах, например, в Индии, нет такого ощущения бессмысленности и пустоты. Несмотря на то, что немногие индий-

ские интеллектуалы пишут об этом чувстве, в их писаниях не хватает глубины, потому что она не соответствует положению в стране, в индийском уме. Немногие индийские интеллектуалы пишут о бессмысленности, об опустошенности, нелепости примерно так же, как Хейергард, Сартр, Джаспер, Хайдеггер. Они читали книги этих людей, они ездили на Запад, и они начали говорить о бессмысленности, тошноте, нелепости, но это звучит искусственно.

Я говорил с индийскими интеллектуалами То, что они говорят, звучит надуманно, потому что они сами не чувствуют этого, это заимствованное знание. Сорен Хейергард говорит через них, Ницше говорит через них, это не их собственный голос. Они, на самом деле, не осознают того, что говорит Сорен Хейергард, они не страдали от этого. Это чувство чуждое, оно не принадлежит им, они просто выучили это как попугаи. Они говорят об этом, но вся их жизнь говорит им и показывает совершенно другое. То, что они говорят, и то, что показывает их жизнь, диаметрально противоположно.

Вероятность очень мала: я еще ни разу не слышал, чтобы какой-нибудь индийский интеллектуал когда-либо совершил самоубийство, я не слышал об этом, – но многие западные интеллектуалы совершают самоубийство. Очень редко можно встретить индийского интеллектуала, который сошел бы с ума – но это очень распространенное явление для Запада, многие интеллектуалы там сошли с ума. Настоящие интеллектуалы практически неизбежно сходили с ума. Они стали кивались с этим в жизни. Нас окружает цивилизация. Слишком развитая личность превратилась в заключение. Цивилизация уничтожает их. Вес цивилизации слишком велик, он невыносим. Они чувствуют жажду, они не могут дышать. Даже самоубийство кажется им освобождением, или, если они не могут совершить самоубийства, их сумасшествие кажется бегством. По крайней мере, когда они становятся сумасшедшими, они полностью забывают о цивилизации, забывают обо всей той чепухе, которая происходит под именем религии. Сумасшествие – это бегство от цивилизации.

Вы знаете о том, что примитивные люди не сходят с ума? Это привилегия только цивилизованных людей. Примитивные люди не совершают самоубийства, это привилегия цивилизованного человека.

Но чувствовать, что жизнь полностью бессмысленная – это значит стоять на перекрестке: вы можете либо выбрать самоубийство, либо выбрать саньясу, вы можете выбрать либо сумасшествие, либо медитацию. Это великий поворот.

Манилов, помните о том, что все личности ложные. Внутри есть сущность, которая не ложная, которая присуща вам от рождения, которая всегда была с вами.

Кто-то спросил у Иисуса: “Ты знаешь что-нибудь об Аврааме?” Иисус сказал: “До Авраама был я”.

Какое нелепое заявление! Но оно чрезвычайно важное. Авраам и Иисус – между ними существует большой промежуток во времени. Авраам родился на земле раньше Иисуса практически на три тысячи лет. Иисус говорит: “До Авраама был я”. Он говорит о сущности. Он не говорит об Иисусе Христе. Он говорит о вечном. Он не говорит о личности, он говорит о вселенском.

Люди дзен говорят, что до тех пор, пока вы не узнаете свое изначальное лицо, которое было у вас еще до рождения вашего отца, вы не станете просветленными. Но каково это изначальное лицо? Еще до рождения ваших родителей у вас было это лицо, и у вас оно будет снова после смерти, после того как ваше тело будет сожжено и ничего не сохранится, кроме пепла, – и тогда у вас оно будет снова.

Но каково это изначальное лицо? Сущность? Назовите его душой, духом, сущностью. Эти слова обозначают одно и то же. Вы рождаетесь как сущность, но если вас оставить как сущность, без общества, которое создает личность в вас, вы будете подобны животным. Это случалось с многими.

Шесть месяцев назад где-то в Северной Индии, около Гималаев, был найден ребенок одиннадцати лет. Его воспитали волки, это волчонок: человеческий ребенок, но воспитанный волками. Конечно, волки могли развить в нем только личность волка. Ребенок был человеческим, у него была сущность, но личность была волчья.

Так случилось не один раз. Волки воспитывали человеческих детей, у них была определенная любовь к ним, сострадание. Но эти дети не были просветленными. Они не были извращенными, как люди, воспитанные в обществе, их бытие не было загрязнено цивилизацией, их сущность была чиста. Они были подобны рыбам в океане, они не знали, кто они. Им было очень трудно привить человеческую личность, так как они были воспитаны в волчьей стае, это была слишком тяжелая работа.

Практически все дети умерли, когда в них пытались воспитать человеческие качества. Они не могли научиться вести себя, как люди, было слишком поздно. Их личность была уже сформирована, образ поведения сформирован. Они уже научились быть волками. Они бегали, как волки, на четырех ногах, они были такими же сильными, как волки. Вы не смогли бы победить этого ребенка-волка в драке. Он мог запросто убить вас и съесть. Потому что все волки – охотники, и люди, которых воспитали волки, были каннибалами. Им были незнакомы моральные принципы, им была незнакомы никакая религия. Они не были индуистами, христианами, мусульманами. Их не волновал Бог, они никогда не слышали о Нем. Они знали только волчью жизнь.

Если человеческая личность – препятствие, препятствием она может быть только в том случае, если вы цепляетесь за нее. Через нее

нужно пройти, это лестница, мост. Вы не должны строить дома на мосту, это так, но вы должны пройти по мосту.

Человеческая личность ограничена. В лучшем обществе мы будем развивать у детей личности, но также дадим им возможность освободиться от нее. Вот чего нам не хватает сейчас. Мы даем детям личности, но они становятся слишком жесткими, и люди становятся пленниками своей личности, и мы не можем дать им способ освободиться от этой личности. Это все равно, что дать ребенку стальную одежду, броню, но не объяснить, как снимать ее, как скинуть с себя эту броню, — а ему понадобится это сделать, когда он станет больше.

Мы поступаем с человеком так же, как поступали в древнем Китае с женскими ногами. С самого детства девочки носили железные башмаки, чтобы их ноги не росли, для того чтобы они оставались маленькими. Маленькие ноги всем нравились, все ими восхищались. Только аристократические семьи могли себе это позволить, потому что женщина не может работать с такими ногами. Она даже не может ходить как следует, потому что ноги слишком маленькие, а тело слишком большое. Ноги были изуродованными, и женщине приходилось ходить, опираясь на палку. Женщины из бедных семей не могли себе этого позволить. И поэтому маленькие ноги были символом аристократии.

Мы можем смеяться над этим, но мы продолжаем делать одно и то же. Теперь на Западе женщины ходят в такой нелепой обуви, на таких высоких каблуках. Это нормально, если вы ходите в таких башмаках в цирке, но такие высокие каблуки не для ходьбы. Но они в моде, потому что когда женщина ходит на высоких каблуках, она становится более сексапильна, ее ягодицы выступают более многообещающе. Из-за того, что ей трудно ходить в таком виде, ее ягодицы движутся больше, чем они двигались бы, если бы она была в обычной обуви. И поэтому это вошло в моду, и поэтому это считается нормальным. Другие общества смеются над этим!

Во всем мире женщины пользуются бюстгалтерами, и им кажется, что это очень удобно, традиционно. Мои саньесинки не пользуются бюстгалтерами, и индуисты больше всего критикуют их именно за это. На самом деле, бюстгалтер делает женщин более сексуальными, и бюстгалтеры используются для того, чтобы сделать тело женщины более сексуальным и придать ему желанную форму. Это рассчитано на то, чтобы груди стояли, и женщины выглядят моложе, соблазнительнее. Индуистские женщины при этом думают, что они от этого становятся очень ортодоксальными и религиозными. Но они просто обманывают себя, и никого другого, потому что бюстгалтер — это сексуальный символ.

Есть общества в Африке, несколько примитивных племен, которые пользуются странными предметами, подобными бюстгалтеру. Они делают губы толще и больше. С самого детства они вещают на

губы грузики, чтобы они стали очень толстыми, большими. Это их символ сексуальности женщины: чем толще и больше губы, тем более сексуальной считается женщина, потому что она сможет лучше целоваться.

В некоторых примитивных обществах мужчины даже пользуются насадками, которые надевают на половые органы, чтобы они казались больше, подобно бюстгалтерам, которыми пользуются женщины. Мы смеемся над такими глупостями, но эти истории из той же оперы. Люди помоложе во всем мире пользуются узкими штанами, чтобы показать свои половые органы. Но после того как эти вещи входят в моду, никто не обращает на это внимание.

Цивилизация не должна становиться огороженной. Вы обязательно должны иметь личность, но вы должны иметь такую личность, которую легко можно отбросить, как легкие одежды, а не стальные. Хлопковые подойдут, чтобы вы могли скинуть их, вам не обязательно постоянно носить их.

Вот что я называю человеком понимания: это тот, кто живет в своей сущности, но в обществе он надевает свою личность. Он пользуется своей личностью, он хозяин своего бытия.

Общество нуждается в том, чтобы у вас была определенная личность. Если вы принесете вашу сущность в общество, вы будете создавать несчастья для себя и для других. Люди не поймут вашей сущности, ваша истина может оказаться слишком горькой для них, ваша истина может их слишком сильно беспокоить. И она не нужна им. Вам не нужно выходить в общество голым, вы можете надеть одежду.

Но я слышал об одной монахине, которая мылась в одежде. Когда другие монахини приходили посмотреть на нее, они спрашивали у нее: “Какая чепуха! Почему ты не можешь раздеться в душе? Там никого нет”.

Она отвечала им: “Но в Библии говорится, что Бог видит повсюду”. Она не могла раздеться даже в душе, потому что за ней смотрел Бог, как будто бы Бог — это Вовочка, любящий подглядывать! Если Бог может смотреть даже через закрытые двери, неужели Он не сможет увидеть через одежду? Он может видеть через одежду также. Если стены не могут помешать Ему, не сможет помешать также и одежда. Как одежда может помешать Богу?

Вы должны быть в состоянии ходить голыми в своем собственном доме, играть с детьми, потягивать чай в саду летним утром и быть при этом обнаженными. Но не нужно ходить голым на работу, в этом нет необходимости. Одежда прекрасна подходит для этого, не нужно оголяться для каждого и всех. Это превращается в болезнь, в эксгибиционизм, и это уже другая крайность. Одна крайность — когда люди не могут даже спать голыми, а другая крайность — ходить по миру голыми, что делали джайнские монахи или индуистские садху.

Интересно то, что эти джайнские монахи и индуистские садху выступают против моих людей из-за того, что они одеваются не так, как положено.

Когда в такую жаркую страну, как Индия, приезжают люди с Запада, им трудно носить все одежды на себе, как положено. Западным туристам это кажется таким глупым: ходить в такую жару в костюмах и галстуках. Это кажется им таким глупым. Это нормально на Западе, потому что там слишком холодно, а галстук защищает шею от мороза. Но в Индии это становится самоубийственным. На Западе это нормально, ходить в ботинках, в носках, — но в Индии? Ради подражания? Люди в жару ходят здесь весь день в ботинках и носках. Западная одежда не для Индии: узкие брюки, галстуки и пиджаки, шляпы — это делает вас просто смешными. Индия нуждается в свободной одежде. Но не нужно бросаться в другую крайность и ходить голым, ездить голым по улице. Это будет вызывать ненужные беспокойства.

Но интересно то, что те самые люди, которые все время поклонялись обнаженным садху, которые никогда не поднимали вопросов относительно этого, чувствуют беспокойства из-за меня. Они считают меня опасным человеком из-за того, что мои саньясины не носят надлежащих одежд.

Человек должен быть естественным. А под естественностью я понимаю способность использовать личность тогда, когда этого требует общество. Она действует в этом смысле как смазка. Личность помогает, потому что в обществе мы окружены тысячами людей. В обществе смазка нужна, иначе люди будут все время находиться в конфликте, они будут сталкиваться друг с другом. Смазка помогает, она делает вашу жизнь гладкой.

Личность прекрасна, когда вы общаетесь с другими, но личность становится препятствием, когда вы начинаете общаться с собой. Личность прекрасна, когда вы общаетесь с людьми, но личность становится препятствием, когда вы начинаете общаться с самим существованием, с Богом.

Манилов, с моей точки зрения есть только две вещи: сущность и личность. Личность прекрасна как средство, а сущность — это цель. Нет личностей истинных и неистинных.

Ты спрашиваешь: *“Почему примитивные дикари непросветленные?”*

Они непросветленные потому, что у них еще нет никакой личности. До тех пор, пока у вас не будет личности, вы не можете отбросить ее. До тех пор, пока у вас нет развитого ума, вы не можете войти в состояние отсутствия ума. До тех пор, пока у вас нет эго, хорошо сформированного и зрелого, вы не можете сдать.

Это все выглядит загадкой, но это не загадка. Если вы будете просто размышлять над всем этим, вы легко поймете все это. Как вы можете сдать, если у вас нет эго? И поэтому сначала эго нужно раз-

вить. Но вместе с ним нужно развивать еще вот что: способность отбросить это эго. Человек должен научиться этому парадоксу, и поэтому, когда у вас появляется такая потребность, вы можете отбросить свое эго. И тогда вы всегда будете хозяином, и хозяин всегда будет сущностью. Но если у вас не будет личности, вы не будете хозяином, потому что у вас не будет раба, над которым вы можете властвовать. Сущность и личность нужны, и тогда сущность может быть хозяином.

Это не так распространено в мире, потому что обычно личность становится хозяином, а сущность либо полностью забывается в угол, становится рабыней — и о ней полностью забывают, она попадает в основание вашего подосознания. Образование приводит к этому.

С моей точки зрения, правильное образование — как раз такое, которое учит людей развивать эго вместе со способностью отбросить его в нужное мгновение. Вы должны научиться быть великими умами, но вместе с тем вы должны развить в себе способность в любое мгновение откладывать в сторону эти великие умы. Вы должны уметь откладывать в сторону ваше эго, ваш ум, вашу личность, а потом снова использовать, потому что они могут принести большую пользу, если уметь ими пользоваться. Но вы должны знать механизм, вы должны уметь откладывать в сторону. В настоящее мгновение вы не умеете это делать.

Вспоминаю одну историю.

Зигмунд Фрейд вспомнил как-то о том, что к нему должен прийти в гости друг из очень далекой деревни. Они учились вместе в начальной школе, и с тех пор они не встречались. За это время изобрели электрический свет, и в Вене, где жил Фрейд, провели электрокабель. Он забыл рассказать своему другу о том, как выключать свет на ночь, потому что при свете трудно уснуть, и его следовало выключить. Его друг испробовал всевозможные способы, чтобы выключить свет, но ему это так и не удавалось сделать. Он даже залез на стол и начал изучать лампочку, он пытался задуть ее, как свечу. Но задуть было нельзя. Он использовал всевозможные способы. Он не мог спать всю ночь, но из-за эго он не хотел будить Фрейда и спрашивать его, как это сделать. Он знал только как обращаться с керосиновыми лампами. Но электрический свет действует совершенно по-другому, это не керосиновая лампа.

Утром Фрейд спросил у друга, как тот спал: *“Ты выглядишь таким уставшим, твои глаза красные. Что случилось? Ты что, не мог уснуть?”*

И друг признался: *“Да, я не мог уснуть, и теперь мне придется признаться тебе в этом. Я не хотел говорить тебе, потому что я не хотел показаться глупым: я не знал, как выключить свет, но я пытался*

как мог, но у меня так и не получилось. Всю ночь я пытался выключить свет, но не смог!”

Фрейд повел его в комнату. Он сказал ему: “Это очень легко, вот выключатель”. Выключатель был за дверью и был не виден, но даже если бы он и взглянул на него мельком, он просто не догадался о том, что это выключатель и что при помощи этой кнопки можно выключить свет в комнате. Фрейд продолжал “Нужно просто нажать вот на эту кнопку!”

Мы находимся в таком же положении. Наше общество включает наше эго, личность, и никто никогда не учит вас тому, как выключить его. И поэтому день за днем мы загружены эго, оно нас мучает, подгоняет. Мы стали рабами чего-то ложного.

Я не хочу, чтобы вы отбросили свою личность навечно, я просто хочу, чтобы вы смогли отбросить ее тогда, когда она будет больше не нужна. В этом заключается все искусство религии: она учит вас тому, как выключать и включать ум, когда он нужен.

Когда я говорю с вами, я включаю ум, иначе как я смогу говорить? Сердце не может говорить, бытие не может говорить, сущность не знает языка. Мне приходится пользоваться личностью. Но в тот миг, в который я сказал: “Достаточно на сегодня”, – вы можете не знать этого, но в этот миг я выключаю ум. Скажу вам тайну. Я говорю “достаточно на сегодня” не вам, я говорю это своему уму: “Достаточно на сегодня. Теперь ты можешь поспать!”

Ты также говоришь, Манилов, еще вот что: *“Я слышал, как вы говорили нам, что мы должны признать свою животную природу и должны вернуться к сущности. Я читал, что Гурджиев говорил, что мы должны стать подлинными в своей истинной природе. Должны стать владыками своей истинной природы. Он говорил, что нужно понять, как нас проглатывает животное. Нужно дать ему прикурить, угостить мороженым, и животное успокоится”*.

Он совершенно прав! Вы должны осознавать, как вас проглатывает это животное. Но почему бы не проглотить животное самим? Иначе вам придется постоянно быть бдительными, осознавать и быть на страже, потому что животное будет с вами. А животное – это животное; если животное увидит, что вас никто не стережет, оно просто прыгнет на вас.

И поэтому не говори, что достаточно просто осознавать животное и преследовать его, как говорит Гурджиев. Ты говоришь, что он говорит так: *“Нужно дать ему прикурить, угостить мороженым, и животное успокоится”*.

Это не так просто. Вы не сможете успокоить животное при помощи мороженого, оно будет просить еще больше. Оно все время будет просить еще больше. Его не успокоишь сигаретами, оно будет

просить еще больше. И вопрос не только в сигаретах – иначе эта трудность не была бы такой сложной.

Оно просит денег, просит власти, хочет быть президентом страны, премьер-министром страны. У этого животного есть странные мечты, которые должны быть осуществлены. Оно хочет всех женщин мира, оно не удовлетворится одной только женщиной. Это сумасшедшее животное, безумное животное. Животное – это просто животное, у него нет понимания, вы не можете ожидать от него понимания. Не верьте в то, что оно найдет успокоение, если вы просто дадите ему сигареты и мороженое, не будьте такими простаками. Оно будет продолжать требовать новых вещей, все нового, и не будет конца этим требованиям. Если вы попытаетесь успокоить его при помощи мороженого и сигарет, вы никогда не сможете добиться желаемого.

Почему не проглотить это животное самому? Ешьте, и пусть на этом все закончится. Это моя идея. Почему не сделать мороженое из этого животного? Почему не сделать из него сигарет и не прикурить, не покончить с этим раз и навсегда?

Вот почему я говорю вам, чтобы вы не подавляли, потому что если вы будете подавлять, животное сохранится. Я советую вам погрузиться глубоко в сам дух этого животного. Наслаждайтесь им! Вот о чем я вам говорю, когда советую съесть его. Вы должны быть в состоянии переварить его, и если вы его переварите, вы станете сильнее. Это высвобождает столько энергии, что вы сможете обрести сверхсознание. И поэтому я вам говорю: “от секса к сверхсознанию”. Если ваша жадность переварится, она превратится в любовь.

Интересно узнать о том, что английское слово “любовь” происходит от санскритского корня “лобха”, “лобха” означает “жадность”. Это может быть простым совпадением – то, что английское слово появилось от этого санскритского корня; за этим может стоять какое-то другое содержание. Но у меня создается такое ощущение, что это не простое совпадение, за этим стоит тайна, какая-то алхимическая причина. На самом деле, любовь – это переваренная жадность. Именно жадность, лобха, когда она переваривается, превращается в любовь.

Любовь делится, жадность стяжает. Жадность хочет только получить и никогда не дает, любовь знает только о том, как давать, и она никогда не просит ничего в ответ, это безусловное дарение. И должна существовать определенная алхимическая причина, по которой это санскритское слово превращается в английское слово “любовь”. Лобха превращается в любовь после внутреннего превращения.

Проглотите это животное. Это путь к преображению. Это путь преображения низших энергий в высшие.

Вам дается возможность. Вас выбрасывают из океана, и вам дается возможность; вас изгоняют из Сада Эдема, и это возможность. Адам становится Христом, если он использует эту возможность. Пользуйтесь возможностями: ешьте животных, переваривайте животных. Не пытайтесь убить их, иначе вы станете беднее. Не пытайтесь уничтожить их, этим занимались ваши так называемые святые на протяжении столетий, – иначе вы будете тупыми, мертвыми и вялыми. Не подавляйте своих животных, иначе они отомстят вам, животные – это, в конце концов, животные. Однажды они прыгнут на вас с такой жадной отместкой, что уничтожат вас.

Не пытайтесь уговорить их, потому что их нельзя уговорить. Они требуют безграничного, их жажда ничем не может быть утолена. Дайте им все что угодно, и они в ответ будут просить чего-то еще. Потому что требовать все большего – это их образ существования.

Поэтому не обманывайте себя, не думайте, что сигареты и мороженое помогут успокоить ваше животное. Нет, вы нуждаетесь в еще большем понимании этого животного, знакомстве с ним. Вы должны глубоко осознать, как оно себя ведет. И вам придется переварить его, постепенно, медленно, чтобы однажды животное стало частью вашего бытия.

Животное обладает великой энергией. И поэтому оно зовется животным. “Анима” – это значит живость, сила, жизненность; животное – жизненное. Святые обрезали свои корни от животного – и становились безжизненными. Вот почему они не смогли преобразить весь мир, они не смогли преобразить даже себя самих. Они стали бессильными. Вместо того чтобы стать сильнее, вместо того чтобы стать всемогущими, они стали бессильными. И поэтому я не выступаю за подавленность.

Я за понимание, я за преображение. Если животное будет преобразовано и если вы впитаете его своей сущностью, вы почувствуете великую силу, великий огонь. И ваша жизнь станет такой страстной, вы будете жить настолько интенсивно, что каждое мгновение будет приносить вам радость вечности.

Вопрос:

Ошо, когда раньше я был умным, я был действительно глупым. Теперь я больше не могу быть умным, и я чувствую себя глупым. На самом деле, это глупое письмо, но если я так думаю, разве это не значит, что я все еще умный? Или когда люди отбрасывают свой ум, они просто чувствуют глупость?

Я всегда хотел задать впечатляющий вопрос, но, кажется, ждал слишком долго.

Вот шутка, которая поможет показать мои трудности:

Один человек звонит своему врачу и говорит: “Доктор, вы знаете, таблетки, которые вы выписали мне для повышения мышечной силы... я не могу открыть пузырек”

Девагит, ты в прекрасной путанице. Оставайся в таком состоянии. Тебе не нужно распутывать этот клубок, чтобы понять, умный ты или глупый. Каким бы ты ни был, это хорошо. Когда ты пытаешься определить это, ты прилагаешь бесполезные усилия. Если кто-то глуп, что с того? Какая разница? Если кто-то умен, что с того? Какая разница?

Но мы всегда думали, сравнивая. Человек очень сильно обусловлен, он пытается все подразделить на определенные иерархии. Он пытается определить, кто умный, кто глупый, кто красивый, кто отвратительный. Мы не умеем принимать людей такими, как есть.

Если же ты попытаешься определить это, ты столкнешься с трудностями, потому что ничто нельзя определить. Жизнь таинственна. Если вы достаточно умны, вы глупы, если же вы знаете, что вы глупые – вы умны. И вы движетесь по кругу, и нет конца этому кругу. Это подобно тому, как собака гоняется за своим хвостом. Чем больше хвост прыгает, тем больше прыгает собака, потому что хвост на собаке. Собака может просто сойти с ума от этого. Иногда можно увидеть, как собаки сходят с ума, когда бегают за своими хвостами. Философы подобны собакам, которые гоняются за своими хвостами.

Девагит, не пытайся быть философом. Такие вопросы поднимались в философии не один раз.

До Сократа, говорят, в Греции была очень известная школа софистики. Там людей учили спорить. Софистика преобладала в человеческих умах до того, как появились другие школы философии, софисты считались настоящими интеллектуалами. И в основании софистики лежало представление о том, что нет ничего истинного и нет ничего ложного. Вы можете сказать все что угодно, а потом доказать обратное. Вы можете доказать, что вот это правильно, а потом доказать, что это неправильно; все зависит от того, что вы хотите доказать.

Логика – это блудница. Логика может служить каждому. И поэтому, когда кто-то выигрывает в споре, это еще не доказывает его правоту. Это доказывает лишь то, что его доводы оказались логичнее, но это не значит, что его точка зрения истинна. Когда кто-то проигрывает в логическом состязании, это не доказывает, что его точка зрения не истинна: может быть, ему просто не хватает искусства спорить логически. И поэтому, с их точки зрения, истины нет, нет лжи, и все лишь игра.

Софистика была игрой, и софисты учили людей, всех, кто хотел научиться этой игре: аристократов, богатых – они особенно хотели научиться этому искусству. Софистика была как игра в шахматы.

С одним великим ученым-софистом случилась такая история...

Один юноша пришел и сказал ему: “Я много слышал о вас, вы – самый великий софист в этой стране. Если вы так верите своему разуму, я предлагаю спор на деньги: половину я заплачу сейчас, а другую половину – только в том случае, если выиграю в споре с кем-нибудь”

Тот так верил в свое искусство, что согласился. Он сказал: “Прекрасно. Ты можешь дать мне половину суммы сейчас, а вторую половину дашь после того, как выиграешь в первом же споре. Это обязательно случится, мои ученики никогда нигде не проигрывали!”

Но этот юноша был действительно умен. Он выучил все искусство, но никогда ни с кем не спорил. Учитель был удивлен и понял, что если его ученик не будет ни с кем спорить, он потеряет вторую половину... А его ученик обычно избегал споров. Учитель часто говорил другим ученикам: “Поспорьте с ним!” Но тот всегда отказывался спорить, говоря: “Да, вы правы!” Он никогда не спорил. Учитель был растерян: “Создается такое ощущение, что ученик выигрывает, а я проиграл!”

И тогда учитель решил рассмотреть это дело в суде. “Этот ученик не заплатил мне половину платы, которую должен был заплатить мне, и суд обязан заставить его заплатить мне те деньги, которые он мне должен”. Учитель подумал: “Если я выиграю в суде, суд обяжет этого юношу заплатить мне деньги, и я получу свои деньги. Если же я проиграю в суде, я также ничего не потеряю, потому что когда мы выйдем из здания суда, я скажу этому юноше: ‘Ты выиграл свой первый спор, и теперь ты должен заплатить мне вторую половину!’”

Но ученик был достоин своего учителя. Он сказал: “Хорошо. Если я выиграю дело, то, если я заплачу тебе, это будет оскорблением суда. Если же я проиграю в суде, почему вообще я должен платить? Это будет мой первый спор – и я проиграл”.

Так и случилось. Суд признал юношу правым, потому что до тех пор, пока он не выиграет, почему он должен платить?

Учитель сказал: “Хорошо. Так как теперь ты выиграл свой первый спор, я требую своей платы!”

Юноша сказал: “Как я могу тебе заплатить? Я выиграл дело, и теперь, если я заплачу тебе, это будет оскорблением суда. Я не могу идти против суда и нарушать законы страны!”

Как же решить? Это невозможно, решить нельзя.

Есть еще другая история.

Один юноша приехал в Афины с Сицилии и сказал Сократу: “Все люди на Сицилии лгут”.

Сократ посмотрел на юношу и сказал: “Ты приехал с Сицилии?”

Тот ответил: “Да”.

“Значит, ты лжешь?”

Возникла дилемма. Если он лгал, значит, все, что он говорил, не было правдой, если же он не лгал, все, что он говорил, также не было правдой. Потому что он был с Сицилии, и он не лгал, он говорил правду. В любом случае нельзя определить истину.

Ты задаешь вопрос, Девагит: “*Ошо, когда раньше я был умным, я был действительно глупым. Теперь я больше не могу быть умным, и я чувствую себя глупым. На самом деле, это глупое письмо, но если я так думаю, разве это не значит, что я все еще умный?*”

Забудь обо всем этом! Ты в прекрасной путанице, оставайся в ней. Тебе не нужно решать, потому что мы здесь не навешиваем ярлыков на людей и не решаем, кто умен, а кто глуп.

Все наше усилие здесь направлено на то, чтобы определить, кто живет в уме, а кто живет вне ума. Глупые и умные – оба живут в уме, потому что глупость и разумность – это состояния ума. И не важно, умные вы или глупые. Вы находитесь в уме – и только это истина. Выскользните из ума. Выскользните и из глупости, и из разумности. А лучший способ для этого – не волноваться из-за того, умные вы или глупые, потому что если вы будете слишком этим озабочены, вы будете оставаться связанными.

Выскользните из ума. Будьте не-умом, не будьте ни умными, ни глупыми. И тогда вы узнаете истину, узнаете блаженство.

Вопрос:

Ошо, вы действительно первый будда, который шутил?

Гангатар, я не только первый будда, который шутил, но также и последний. Потому что я расскажу вам все шутки! Я не собираюсь оставлять другим буддам ни одной шутки!

Глава 4.

4 сентября 1979 года

Вы – древние паломники

Вопрос:

Ошо, я носил малу меньше месяца, но я понимаю, насколько важно чувствовать вас. Но эти чувства перемешаны. Я должен уважать вас и любить, но я не гляжу на вас как на Его Святейшество. Странно, но я смотрю на вас как на будду. Только как на То, и ничего не взять и не отнять из вашего бытия. Я не знаю, какие они – будды. Так как же я могу любить вас? Я уважаю вас, потому что вы – мой мастер, – но любить? Я также чувствую, что я могу играть с

вами в эти игры с радостью, а вы так далеки. Или так близки? Уважение, любовь, радость – одинаковы ли они или нет?

Ананда Марио, это хорошо, что ты не можешь думать обо мне как о Его Святости, потому что я не Его Святость и не Его Несвятость. Это хорошо, что ты думаешь обо мне как о Будде, потому что я как раз будда, просто будда.

Будда означает того, кто пробудился. И он не имеет ничего общего ни со Святостью, ни с Несвятостью. Святость, несвятость – это все мечты, сны, а для того чтобы видеть сны, ты должен спать. Будда пробужден, все его сны пропали. Будда – не святой и не грешник. Будда – не Бог и не дьявол. Вся двойственность пропадает, когда дело касается будды. Будда – это просто свидетель всех тайн, которые окружают нас внутри и снаружи.

Марио, это совершенно правильно, ты движешься в правильном направлении. Если ты начнешь смотреть на меня как на будду, ты сделал самый главный шаг к тому, чтобы понять меня. Если ты будешь думать обо мне как о святом, ты упустил меня.

Это одна из самых главных трудностей, с которой сталкиваются индусы, которые приходят сюда: они начинают думать обо мне как о святом. И тогда у них появляются тысячи проблем, потому что у них есть определенные представления о том, каким должен быть святой. У них есть тысячи ожиданий, как святой должен жить, что он должен есть, как он должен говорить, и что он говорить не должен.

Я не святой, и поэтому я не могу удовлетворить их ожидания. Они будут чувствовать большое разочарование, из-за этого разочарования они будут чувствовать гнев. Но это не имеет никакого отношения ко мне, это их собственные умы, их собственные ожидания. Я здесь не для того, чтобы удовлетворить чьи-то ожидания, я здесь для того, чтобы быть собой, просто быть собой. И я здесь не для того, чтобы быть пустым подражанием кому-то.

Джайны размышляют, сравнивая все с Махавирой: конечно, я не Махавира. Христиане приходят и сравнивают меня с Христом: конечно, я не Христос. Я просто сам по себе. Вы сможете понять меня только в том случае, если отбросите все сравнения, если вы забудете все свои представления, которые наложили на меня. Если вы будете просто смотреть на меня без предрассудков, тогда вам все станет ясно.

Марио, это хорошо, что к тебе пришло такое великое прояснение. Но все равно где-то глубоко в подсознании есть замутнения, и поэтому ты озадачен. Ты озадачен, потому что ты не можешь понять: “Как полюбить?” К святым нужно относиться с уважением, а не любить их. Они такие высокие, они на небесах, а вы такие низкие – так как же вы можете любить их? Любовь означает равенство. Любовь означает, что мы стоим на одной ступени существования. Святые так свя-

ты, а вы такие грешники. Уважение вы должны чувствовать – но любовь? Это кажется невозможным. И это замутняет тебя.

Но мне бы хотелось сказать тебе, что “уважение” – отвратительное слово, оно длинное, но, на самом деле, это слово отвратительное. Оно вынуждено быть отвратительным по двум причинам. Если вы кого-то уважаете, вы деградируете, потому что вы чувствуете себя ниже, потому что если вы не чувствуете себя ниже по отношению к кому-то, вы не можете уважать этого человека. И поэтому все ваши святые осуждают вас: потому что, если они не будут осуждать вас, они не смогут относиться к вам с уважением. Уважение с вашей стороны зависит от осуждения с их стороны. Они зовут вас грешниками, и лишь тогда вы можете называть их святыми. Они осуждают все, что вы делаете, то, как вы едите, как вы пьете, ваш образ жизни, всю вашу жизнь, каждую минуту подетально, – все это нужно осуждать. Все естественное нужно осуждать, и тогда их неестественная жизнь становится очень уважаемой.

Все святые, так называемые святые, столетиями осуждали человечество со всех сторон. Вы столетиями слышали, что вы грешники, и постепенно вы стали грешниками. Они обусловили вас, создали в вас такой комплекс неполноценности, что это стало практически реальностью. Вы начали вести себя согласно тому образу, который они вам навязали.

Если вы хотите, чтобы человек стал преступником, постоянно говорите ему об этом, и он постепенно будет загнипнотизирован. Если все будет повторять, что он – преступник, он поверит в это: “Как столько людей могут ошибаться? Как столько святых могут ошибаться? Я, должно быть, действительно преступник!” И после того как человек принимает то, что он преступник, он становится таковым. Он начинает вести себя так, чтобы все поверили, что он – преступник. Как он может вести себя так, чтобы не оправдать доверие святых? Святые, должно быть, правы. И единственный способ доказать, что они правы – это вести себя соответственно. Их святость зависит от ваших грехов. И чем большие вы грешники, тем выше их святость. Я не святой!

Из-за того что им приходится осуждать ваши естественные инстинкты, они становятся такими неестественными, они становятся патологичными. Они стоят на головах просто для того, чтобы показать, что они совершенно отличаются от вас. Если вы наслаждаетесь тем, что едите, они ненавидят еду. Если вам нравится красота, они осуждают красоту. Если вы восхищаетесь миром, они называют его иллюзией, майей, они говорят, что его вообще нет. Если вы любите свое тело, они уничтожают свои тела. Что бы вы ни делали, они вынуждены делать противоположное, потому что это единственный способ показать, что они выше.

Ваши так называемые святые создали совершенно безумное человечество. Они сделали вас безумными, и сделали безумными также себя. Из-за того, что им приходится быть неестественными, они сидят как на вулкане. Они подавили в себе все естественное, а природа хочет утвердить себя. Они находятся в состоянии постоянной гражданской войны, они борются с собой. С чем бы они ни боролись, оно становится сильнее с каждым днем, потому что, чем больше вы будете бороться с чем-то, тем больше вам придется обращать на это внимание. Их умы стали сосредоточенными. Если они подавляют секс, в них подспудно двадцать четыре часа в сутки течет секс. Если они постыятся, они думают только о еде и ни о чем больше.

Эти безумные люди, эти патологически больные люди преобладали в прошлом. Из-за этих людей земля превратилась в ад, и они превратили все человечество в уродливую кашу.

Я не святой. Я простой человек, как вы, – лишь с одним отличием, но это отличие не делает меня выше вас, помните об этом. Оно не делает вас ниже меня, помните это. Никогда, ни на одно мгновение не забывайте о том, что, возможно, вы спите. Я же пробужден. Но когда-то я спал так же, как вы, и когда-нибудь вы можете проснуться, как я. Сон и пробуждение от сна – это ваш потенциал – и мой потенциал также. Сон и пробуждение – это две стороны одной монеты. Как одна сторона может быть выше другой? Обе стороны – стороны одной монеты, – так как же одна сторона может быть выше другой? Вы спите, я пробужден, но это не делает меня выше вас никоим образом.

На самом деле, Будда сказал, что в тот день, в который он стал просветленным, вся вселенная стала просветленной вместе с ним. Что же это значит? Он имеет в виду, что в тот день, в который он стал просветленным, он понял, что каждый может стать просветленным. В этом нет ничего особенного, это обычное свойство каждого живого существа. Вы можете не использовать это качество – это ваше дело, вы можете не реализовать ваш потенциал – это ваш выбор, и вы свободны делать такой выбор. Вы можете предпочесть оставаться спящими, но вы не совершаете никакого греха. Вас нельзя осуждать лишь за то, что вы решили пробудиться.

Вы свободны в этом, в том, чтобы быть буддой или не быть буддой; если вам нравится спать и видеть сны, это прекрасно. Я отношусь с уважением к вашей свободе.

Вы можете любить меня. Вы не можете любить ваших святых, они слишком далеки от вас. Я же стою рядом с вами. Я не сижу на золотом троне где-то высоко в небе, я хожу по земле вместе с вами, я земной, как и вы. Небольшое отличие есть – я говорю “отличие”, а не “высота”, и это отличие в том, что я больше не сплю, больше не вижу снов.

Вы можете выбраться из некоторых своих снов прямо в этот миг, потому что сны не могут держать вас, они не могут сделать вас свои-

ми пленниками. Вы можете вырваться из них. Вы пленники их очарования, но вы стали их пленниками по своему собственному выбору. Вы стали пленниками этой тюрьмы по своему собственному выбору, это решение было принято вами самими.

Есть прекрасная история про дзенского монаха, который воровал всякие мелочи. Он был великим просветленным мастером, и он обычно воровал всякие мелочи: он мог своровать у кого-то сигареты, чьи-то ботинки, потом его ловили и сажали в тюрьму. Его ученики сильно удивлялись. У него было много учеников, и они спрашивали его снова и снова: “Почему ты ворует? Мы готовы дать тебе все. Сколько пачек сигарет тебе нужно? Сколько ботинок тебе нужно? Мы можем принести тебе все это, столько, сколько тебе нужно. Почему ты ворует?”

Он смеялся и никогда ничего не отвечал, но продолжал поступать по-своему. Пришло время оставлять тело, и когда он умирал, ученики спросили у него: “Теперь скажи нам, в чем тайна, зачем ты это делал? За этим должны что-то крыться!”

Он ответил: “В этом нет ничего особенного. Все просто. Я просто хотел попасть в тюрьму для того, чтобы помочь заключенным спастись от темницы этого мира, и это был единственный способ попасть туда: что-то украсть и потом попасться. Мне пришлось делать и то, и другое: сначала красть, а потом попадаться. Судья присудил меня к шести месяцам тюремного заключения, и эти шесть месяцев я пытался помочь заключенным выбраться оттуда. И я счастлив, необычайно счастлив, что помог многим освободиться от заключения.”

Этот мастер попался сознательно, это был его выбор. Даже в тюрьме он был свободным человеком. Его никто не сажал, он сам посадил себя, по определенной причине.

То же самое происходит с вами: вы сами посадили себя. Это просто доказывает вашу свободу. В любой день, как только вы захотите выбраться из этого, вы можете это сделать. Я вбиваю вам в голову только одно, снова и снова: есть другой выбор, не забывайте об этом, пожалуйста. Вы предпочли спать, а вы можете решить проснуться. Вы спали многие, многие жизни, вы видели все, что может дать вам сон, и теперь вам нужно посмотреть на то, что вам может дать пробуждение.

Я видел и то, и другое, и хочу сказать вам, что сон ничего не может дать вам: он только обещает, но никогда не дает ничего хорошего. Сон может одарить вас только мечтами, галлюцинациями, он не может принести вам удовлетворенности. Я познал и то, и другое, а вы познали только одно. Вы должны слушать тех, кто познал и то, и другое. Если вы приблизитесь к ним, вы обязательно полюбите их.

Вопрос не в уважении, уважение формально. Вы уважаете христианских священников, вы уважаете индуистских махатм, вы ува-

жаете джайнских муни, вы уважаете католических монахов, вы уважаете Папу. Но вы не относитесь с уважением к Будде, Христу, Кришне, вы любите их.

Уважение – обычное дело, оно не приносит революции в вашу жизнь. Это ловушка ума. Ум говорит вам: “Посмотрите, как я уважаю святых!” И все, конец. Что еще вы можете сделать? Вы можете относиться к ним с уважением, иногда вы можете пойти и прикоснуться к их стопам, это становится формальностью.

В Индии это превратилось в такую формальность, что этот обряд потерял свою красоту, свою необыкновенную силу преображать людей. Люди просто прикасаются к стопам друг другу. Детей с самого детства учат прикасаться к стопам.

В детстве меня учили тому же. В мой дом приходили Том, Гарри, Дик, и если они были в возрасте, отец говорил мне: “Прикоснись к их стопам”. И меня это всегда удивляло: “Почему я должен это делать? Я ничего не вижу в этом человеке и ничего к нему не чувствую!” Но это было простой формальностью, социальной привычкой. Вы просто обязаны были делать это.

И поэтому в конце концов я сделал это правилом: зачем ждать, пока отец скажет? И кто бы к нам ни приходил, я прикасался к стопам еще до того, как отец успевал рот раскрыть. И потом отец начал говорить мне: “Ты не должен прикасаться к стопам каждого человека”. Я говорил ему: “Зачем разделять? И к чему доставлять тебе хлопоты напоминать мне о том, что следует прикоснуться к чьим-то стопам? И я буду прикасаться к стопам каждому, кто приходит к нам в дом. Мне все равно, это просто зарядка. Это полезно для тела: кланяться всем, и потом выпрямляться. Весь день люди приходят к нам в гости, всякие люди. И они чувствуют счастье из-за того, что я это делаю, они наслаждаются этим”.

В Индии это стало простой формальностью, это ничего не значит. Уважение ничего не значит. И это опасно, кроме того, потому что когда вы относитесь к кому-то с уважением, глубоко внутри вы начинаете подражать этому человеку, и вам хочется, чтобы к вам также относились с уважением. И поэтому, к кому бы вы ни относились с уважением, раньше или позже, бессознательно, вы начинаете ему подражать. Потому что это единственный способ получить уважение от людей, так вам кажется. Уважение создает в вас желание подражать, и вы становитесь точной копией.

Это хорошо, Марио, что ты любишь меня. Забудь слово “уважение”, “любовь” – вот правильное слово. И не чувствуй себя озадаченным из-за этого.

Ты говоришь: *“Как я могу любить вас? Я уважаю вас, потому что вы – мой мастер!”*

Да. Ты уважаешь всегда “из-за того что”, а у любви нет этого “из-за того что”. Любовь просто существует без всякой на то причины.

Уважение логично, ты можешь сказать, почему ты относишься к этому человеку с уважением: он ест только один раз в день, он отрекся от мира, от жены, детей, семьи, от всего, он спит только три часа в сутки или может даже не спать всю ночь. Он постоянно воспевает имена Бога. И все подобное. Или помогает нищим, помогает больным.

Что случится, если пропадет нищета? Это будет большая потеря для святых! На самом деле, вы не поверите мне: один из самых уважаемых святых индуизма, Карпатри, написал книгу против социализма, и причины, по которым он выступил против социализма, глупы. И самая глупая из причин такова: социализм уничтожит нищету и будет равно распределять собственность между людьми. Если же больше не будет бедных, кому вы будете служить? Как вы можете быть святыми без служения? Без служения не будет добродетели.

Это великий довод! Это означает, что нищета нужна, очень нужна, нужна для того, чтобы существовали святые. Больные также нужны, прокаженные нужны, слепые нужны, хромые, глухие нужны, иначе кому будут служить миссионеры? Если же вы не будете помогать, вы не сможете достигнуть небес, служение – это лестница. Так что пусть люди будут бедными.

И когда все эти миссионеры служат бедным, вы относитесь к ним с уважением. На самом деле, это они становятся причиной существования нищеты в мире. С нищетой можно справиться за один день, теперь наука – это развитая технология, и при помощи этой технологии можно справиться с нищетой полностью, на земле не останется нищеты. Но как, в таком случае, христианские миссионеры будут обращать бедняков в христиан?

В Индии ни один богач не был обращен в христианство, обращаются только бедняки, очень бедные люди. Они обращаются в христиан не потому, что они любят Христа, но потому, что они любят хлеб с маслом. Христианские миссионеры могут дать им немного еды, одежды, кров, дать возможность их детям учиться в школе, дать возможность больничного обслуживания. И христианским миссионерам вообще не понравится, если нищета исчезнет из мира; индуистским святым это также не понравится.

Карпатри также приводит старый индуистский довод: он говорит, что бедняки – бедные лишь потому, что страдают от своей прошлой кармы. Если же вы сделаете их богатыми, если вы раздадите собственность и землю бедным, вы будете вмешиваться в их прошлую карму. Это нехорошо, это – грех: нельзя вмешиваться в чью-то карму. Пусть люди страдают, они заслуживают страдание! Когда вы помогаете бедным стать богатыми, вы разрушаете стены их темницы и позволяете им сбежать, и вы совершаете нечто противозаконное. Бедняки страдают, а богачи богатые потому, что они были добродетельными в прошлых жизнях. И любая попытка отнять у них

деньги выступает вразрез с законами жизни, с законами кармы. Вы выступаете против Бога.

Социализм против религии, с точки зрения Карпатри и с точки зрения других так называемых святых. Это очень странный мир. Но все это происходит из-за того, что мы спим.

Если вы станете немного бдительнее и оглянетесь по сторонам, вы будете удивлены: ваши святые нуждаются в психотерапевтическом лечении, ваши святые просто больные. Они совершенно больные! Из-за того что они подавляют свои желания, раньше или позже они начинают жить раздвоенной жизнью. Они проживают две жизни одновременно: одна на поверхности, это жизнь святого, и есть еще теневая жизнь. Вы уважаете маски.

Это хорошо, Марио, я не жду того, что ты будешь относиться ко мне с уважением, вовсе нет. Любви достаточно, любовь, правильна, потому что любовь дает вам возможность быть равным мне. Что касается меня, я отношусь к вам как к равным, – и не только к вам, но также к деревьям, к птицам, к животным и к скалам. Все существование должно быть вам братьями. Никто не выше и никто не ниже, нет иерархии. Есть только один Бог, который выражает себя в миллионах форм. Как может быть иерархия? Нет браминов и нет шудр.

Ты говоришь: *“Я отношусь к вам с уважением, потому что вы – мой мастер!”*

Забудь об уважении! Люби меня, потому что я – твой мастер, – и не формально, учеником нельзя быть формально, учеником можно быть только от сердца.

Ты также говоришь: *“Также я чувствую, что я могу играть с вами с радостью, а вы так далеко. Или близко?”*

Правильно и то, и другое. Я одновременно далек и близок. Очень близок из-за того, что пробуждение – это другая сторона монетки, и очень далек, потому что пробуждение относит вас в совершенно другой мир, в мир, отличный от мира сновидений. Сон уводит вас к мечтам, пробуждение приводит вас к реальности. Быть пробужденным – вот двери к Богу, я далеко – и, вместе с тем, очень близко.

Ты спрашиваешь у меня: *“Уважение, радость, любовь – это одно и то же?”*

Нет, это не одно и то же. Конечно, уважение и любовь – это не одно и то же. Уважение – это убогая замена для любви, это пластиковая подделка настоящей розы. Она может быть похожа на настоящую розу, но она не настоящая. Она не укоренена в земле, никакие соки не текут через нее. Она не имеет никакого соприкосновения с солнцем, ветром и дождем. Она отсоединена от существования. Это просто пластиковый цветок, который похож на розу, это подражание. Уважение – это пластиковый цветок, любовь – это настоящая роза.

Радость никогда не возникает из уважения. На самом деле, из уважения возникает только какая-то печаль. Если посмотреть внима-

тельно, вы замечаете, что как только вы относитесь к кому-то с уважением, вы чувствуете из-за этого унижение. Вы можете не обращать внимания на свое унижение, потому что оно ранит вас, но как только вы относитесь к кому-то с уважением, вы чувствуете унижение, потому что если кто-то выше вас, то вы – ниже, а приниженность ранит. Вы можете избегать этого чувства, вы можете уклоняться от него, прятать голову в песок, вы можете попытаться забыть о нем, но оно есть. Если вы поищите его, вы всегда обнаружите его во тьме вашего подсознания.

Уважение не может дать вам радость, но любовь, определенно, дает вам радость. Радость – это следствие любви, аура любви. Там, где есть любовь, есть радость, есть тишина, есть благословение.

Любой может увидеть это. Вы сидите здесь в такой тишине. Вы – единственная община в мире, которая сидит в такой тишине, в такой любви, вы окунулись, переполнились чем-то высшим.

Другие, те, кто не знают о любви, могут перепутать вашу любовь с уважением, потому что им знакомо только уважение. Те, кто никогда не видел настоящей розы, могут подумать, что пластиковая роза – настоящая.

Я слышал об одной женщине, которая отправилась на выставку Пикассо. Она была весьма озадачена, когда увидела его картины: они стоили миллионы долларов. Она сказала своему мужу: *“Это просто сумасшествие! Эта картина стоит миллионы долларов? На самом деле, это копия календаря, который висел в моей ванне столько лет!”*

Это календарь был копией, и эта женщина видела этот календарь много лет. И теперь настоящая картина оказалась ей копией календаря. *“Миллионы долларов? Этот человек, должно быть, сумасшедший, он просит несколько миллионов долларов за эту картину. Я могу отдать календарь бесплатно любому. Мне он так надоел, потому что столько лет я смотрела на него!”*

Если те, кто не знают о настоящих розах, кто видел только пластиковые розы, столкнутся с кустом розы, они подумают, что это пластиковые цветки, которые привязаны к кусту.

Люди, которые приходят извне, видят, как вы сидите со мной в глубоком единении, в глубокой любви, видят, как ваши сердца бьются с моим сердцем в унисон, и они могут подумать, что вы питаете ко мне глубокое уважение. Но это вообще не уважение. Это настоящее чувство, а не пластиковый цветок. Это происходит, это редкая возможность.

Когда есть кто-то пробужденный, многие люди, которые спят, жаждут проснуться, они начинают двигаться к источнику пробуждения. Вот почему вы приехали сюда из далеких стран. Вы можете даже не осознавать того, как вы пришли сюда, вы можете подумать, что это просто случайность. Но это не так. Многие жизни вы стремились

найти будду, найти Христа, и это привело вас сюда. Вы – древние паломники. Теперь вы нашли возможность. Марио, ты удачлив, что любишь, удачлив, что чувствуешь радость любви, удачлив, потому что эта любовь станет дверью к божественному.

Вопрос:

Ошо, что такое молитва?

Дева Татва, молитва неопределима, потому что молитва – это благоухание любви. Несмотря на то, что любовь неопределима, можно сказать, что любовь есть цветок, она осязательна, вы можете увидеть ее, прикоснуться к ней, почувствовать ее аромат. Вы можете закрыть глаза и прикоснуться к цветку, почувствовать его мягкость, увидеть его красоту, она видна. Но молитва – это благоухание, высвобожденное ветрам, предложенное ветрам, предложенное небу. Оно становится еще более неопределимым, потому что вы не можете увидеть его, не можете прикоснуться к нему.

У вас с ним могут возникнуть только очень слабые взаимоотношения, не на уровне слов, не на уровне философии, не на уровне теологии, – но только в тишине сердца, в полной тишине вашего сердца вы можете получить небольшой проблеск того, что это такое.

То, что обычно зовется молитвой – не молитва вовсе. Это переодетые желания. Вы идете в храм, в церковь и молитесь Богу. Ваш Бог – это часть вашего воображения. Ваш Бог – не истинный Бог, это христианский Бог, индуистский Бог, мусульманский Бог. Как Бог может быть христианским, индуистским, мусульманским? Этот Бог создан вами, вашими священниками. Это игрушка, и она ненастоящая.

Вы кланяетесь перед статуей, сделанной человеком, и думаете при этом, что молитесь. Вы просто глупы, вы просто показываете свое полное невежество. Эта статуя куплена на рынке, но Бог – это не собственность, и Бога нельзя сделать. Именно Бог нас сделал, не наоборот – как такое может быть? Но мы поклоняемся Ему, молимся Богом, созданным человеком.

И каковы наши молитвы? Они также представляют наши желания. Вы хотите того, хотите этого, вы пытаетесь использовать Бога как средство. Вас с детства научили каким-то молитвам, и вы наполнены ими, нас заставили впитать их в себя. Это превратилось в привычку, в механическое занятие, и вы постоянно повторяете, но ваше сердце не готово к этому. Ваши молитвы как трупы, они больше не дышат.

Да, когда Иисус называл Бога: “Авва”, он именно это имел в виду. Когда вы называете Бога Отцом, вы не имеете в виду ничего. Между “Аввой” (Отче) и “Отцом” есть очень большая разница. “Отец” – это институт, закон, социум. “Авва” (Отче) – это сердечные взаимоотношения. Иисус смотрел на существование как на источник жизни.

Один ученик спросил Иисуса: “Что такое молитва?” Иисус упал на колени и начал молиться. Ученик сказал ему: “Я спрашиваю, что такое молитва, я не прошу тебя молиться!”

Иисус ответил: “Нет другого способа. Я могу молиться, а ты можешь участвовать в молитве. Я приглашаю тебя быть частью моей молитвы, я не прошу тебя молиться самостоятельно!”

Иисус ответил: “Нет другого способа. Я могу молиться, а ты можешь участвовать. Я приглашаю тебя быть частью моей молитвы. Я не могу тебе сказать, что такое молитва, но я могу начать молиться, потому что молитва – это состояние бытия, а не то, чем можно заниматься!”

Лев Толстой написал прекрасный рассказ:

Три отшельника стали очень известными в России благодаря своей святости. И это сильно обеспокоило патриарха. Это было естественно, потому что люди ходили не к нему, они ходили к этим трем святым, а он не знал даже их имен. Как же они могли быть святыми, с его точки зрения? В христианстве святой считается святым только тогда, когда церковь признает его святым. Английское слово “святой” (saint) происходит от “санкция”, церковь должна дать санкцию на святость конкретного человека. Когда церковь дает санкцию, считая того или иного человека святым, его начинают считать святым все остальные. Какая чепуха! Святость должна быть санкционирована церковью, организованной религией, священниками, как будто бы святость не имеет никакого отношения к внутреннему росту, но имеет отношение только к внешнему признанию, как будто бы этот титул дается правительством: правительство дает степени, заслуги, грамоты, университетские дипломы.

Самый высокий священник был очень рассержен. Он нанял лодку, потому что эти три святых жили на острове посреди озера. И он поехал туда на лодке. Эти три святых сидели под деревом. Они были очень простыми, они были крестьянами, необразованными людьми. Они прикоснулись к стопам патриарха, и он был очень счастлив. Он подумал: “Теперь я поставлю их на место, они не такие опасные, как я думал. Я думал, они революционеры или что-то вроде этого!” Он спросил у них: “Как вы стали святыми?”

Они ответили: “Мы не знаем! Мы не знали, что мы святые, люди начали звать нас святыми, а мы пытались убедить их, что мы не такие, что мы очень простые люди, но они не слушали нас. Чем больше мы спорили, что мы не такие, тем больше они поклонялись нам! Мы не очень хорошие спорщики!”

Патриарх был очень счастлив. Он спросил: “Как вы молитесь? Вы знаете, как молиться?”

Они посмотрели друг на друга. Первый сказал второму: “Ты скажи”. Второй сказал третьему: “Ты скажи, пожалуйста!”

Священник сказал: “Скажите, как вы молитесь, какая у вас молитва? Вы говорите Господню молитву?”

Они сказали: “Если быть откровенным с тобой, мы не знаем никакой молитвы. Мы сами придумали молитву, и мы смутились: как же сказать тебе? Мы слышали, что Бог представляет собой троицу. Отец, Сын и Святой Дух. Нас трое, и Бог также предстает в трех лицах, и поэтому мы придумали небольшую молитву: “Вас трое, нас трое. Будьте милосердны к нам!”

Священник сказал: “Какая чепуха! Разве это молитва? Вы просто глупцы, я научу вас правильно молиться”. И он сказал им молитву “Отче наш”.

Трое святых сказали: “Пожалуйста, повтори нам ее еще раз, потому что мы необразованные и можем забыть!”

Он повторил ее несколько раз, и они сказали: “Еще раз: нас трое, повтори ее хотя бы три раза”. Он повторил ее три раза, и был очень счастлив, удовлетворен, и пошел обратно в лодку.

Когда он доехал до середине озера, он был поражен, и поражен был также его лодочник, потому что три святых бежали к ним по воде. Они кричали: “Подождите, подождите. Повтори нам еще разок, а то мы забыли!”

Теперь священник прикоснулся к их стопам и сказал: “Забудьте о том, что я сказал вам. Ваша молитва услышана, а моя молитва еще не услышана. Продолжайте молиться так, как вы молились раньше. Я был неправ, когда говорил вам все то, что сказал. Простите меня!”

Молитва – это состояние простоты. Она состоит не из слов, а из тишины.

Мартин Бубер, великий еврейский философ, сказал, что молитва – это взаимоотношения “я – ты”. Но это не так. Он просто ничего не знает о молитве. Отношения “я – ты”? В молитве нет “я” и нет “ты”. Молитва – это не беседа между вами и Богом, молитва – это растворение. “Я” исчезает в “ты”, а “ты” исчезает в “я”. Нет никого, кто бы мог сказать это, нет вообще никого, чтобы говорить.

Река исчезает в океане молитвы. Капли росы соскальзывают с листа лотоса в озеро молитвы. Когда вы видите восход утреннего солнца, вы молчите, и нечто начинает расти в вас – и это становится молитвой. Птица в полете – и вы летите, вы забываете о том, что вы отделены: вот что такое молитва. Когда разделение исчезает, приходит молитва. Когда вы становитесь едиными с существованием, это молитва.

Эго – это состояние отсутствия молитвы, а отсутствие эго – это состояние молитвы. Это не беседа, и даже не монолог. Молитва не имеет никакого отношения к словам, это бессловесная тишина. Она открыта, это тихое небо, без облаков, без мыслей. В молитве вы не

можете быть ни индуистами, ни мусульманами, ни христианами. В молитве вас нет, в молитве есть только Бог.

Вопрос:

Ошо, что такое дипломатия?

Сандип, дипломатия – это красивое слово, которым можно обозначить любую хитрость. Это прекрасный ярлык для всего отвратительного. Это усилие, направленное на то, чтобы скрыть человеческое насилие, человеческую глупость, человеческую хитрость за этим прекрасным словом. Дипломатия – это просто усилие, направленное на то, чтобы господствовать. Дипломатия может касаться людей, дипломатия может касаться религий, дипломатия может касаться стран, – это уже не имеет значения. Даже мужья и жены общаются друг с другом дипломатически, родители с детьми общаются дипломатически. Это касается не только политики, но всей жизни.

Когда вы видите кого-то, вы чувствуете: “Теперь я напрасно потрачу весь день: я увидел с утра этого сукиного сына, и теперь обязательно случится какое-то несчастье!” Но при этом, думая так, вы говорите этому человеку: “Привет, как ты? Рад тебя видеть!” И это дипломатия.

Дипломатия вошла в вашу кровь. Когда вы не любите свою жену и притворяетесь, что любите ее – это дипломатия. Когда без какой-либо любви вы обнимаете ваших детей, потому что вы должны это делать, сам Дейл Карнеги пишет книгу “О том, как завоевывать себе друзей”, – это дипломатия.

Дейл Карнеги – это пророк современного века. Книга Дейла Карнеги “О том, как завоевывать себе друзей” продается и уступает только Библии. Она, кажется, стала даже еще более значительной, по сравнению с Библией, потому что Библия раздается христианскими миссионерами бесплатно, а книгу Дейла Карнеги вам приходится покупать. Он учит дипломатии.

Он говорит, что даже если вы не думаете так, по крайней мере, несколько раз в день напоминайте вашей жене о том, как вы любите ее. Этого будет достаточно, потому что людей не волнует любовь, людей волнуют слова. Если вы скажете: “Я люблю тебя!”, этого будет достаточно. Если вы будете повторять: “Я люблю тебя”, это становится доказательством, что вы действительно любите. Человечество упало настолько низко, что Дейл Карнеги стал пророком.

Дипломатия – это не только политика, больше не только политика, она вошла во все аспекты вашей жизни. И как только она возникает, она приносит лживость, ложность, она уничтожает искренность, честность, подлинность. Она заставляет вас говорить такие вещи, которые вы совершенно не подразумеваете. Она делает вас многими вместо одного, вы становитесь толпой. Вы носите с собой маски, по-

тому что вы никогда заранее не знаете, какая маска вам понадобится в определенной ситуации.

И не только человек пользуется дипломатией: даже животные сейчас начали пользоваться дипломатией, собаки стали дипломатичными. Посмотрите на собак. К вам домой приходит незнакомец, стучит в двери. Собака начинает делать две вещи: она начинает лаять – и одновременно с этим машет хвостом. Это дипломатия. Она не уверена: человек, который постучал в двери – друг он или враг? И поэтому лучше держать нос по ветру в обоих направлениях, чтобы не ошибиться. Потом вы выходите из дома, собака видит, что этот незнакомец ваш друг, и перестает лаять, она машет хвостом.

Человек все загрязняет. Даже такие невинные существа, как собаки, портятся от соприкосновения с человеком. Вы начинаете учить маленьких детей дипломатии. С одной стороны, вы говорите им: “Будь правдивым, будь искренним, будь честным!” А с другой стороны, однажды к вам приходит посетитель, а вы говорите своему сыну: “Иди и скажи, что папы нет дома!” И мальчик теперь в растерянности: что делать?

В детстве я обычно говорил: “Папа просил передать, что его нет дома!” Что еще мне оставалось делать? Вы должны говорить правду, и нужно быть послушным, с другой стороны. Но в данной ситуации можно быть либо послушным, либо правдивым, но я нашел выход.

Мы начинаем извращать умы маленьким детям. Мы извращаем животных, и однажды мы можем обнаружить, что мы извращаем и деревья, потому что они тоже очень чувствительные. Живя с людьми, они научились от человека всевозможным вещам.

Альф и Дан, два местных пьянчужки, однажды вечером сидели в баре Кокни Паб и пили пиво. Альф внезапно указал Дану на женщину, которая сидела в конце бара. “Ух ты, – сказал он, – она похожа на королеву Елизавету!”

“Вовсе нет, – ответил Дан, – что будет делать королева в таком захудалом баре?”

“Говорю тебе, это она, – настаивал Альф, – неужели ты не видишь никакого сходства?”

“Но это не королева, – сопротивлялся Дан, – я хочу поспорить с тобой на пять фунтов”.

“Договорились. А теперь я пойду и спрошу у нее сам!” С этими словами Альф подошел к женщине и сказал: “Прошу прощения, вы – королева Елизавета?”

“Проваливай, коротышка, а то я тебе вмажу, и ты пролетишь весь зал!” – ответила она.

Он вернулся на свое место. “Ну как?” – спросил его друг.

“Она не сказала, что она – королева, но не сказала также, что не королева!”

Вот что такое дипломатия.

Религиозному человеку следует отбросить всю дипломатию. Ему нужно быть искренним, подлинным, он должен быть таким, как есть, без каких бы то ни было претензий, без лживой личности, без фасада; нужно быть полностью обнаженным в своей реальности.

В тот миг, в который вы сможете набраться такого мужества, вы наполнитесь радостью. Пока вы не можете верить, вы не можете даже постичь этого, потому что именно наши лживые маски – паразиты нашего бытия, они сосут нашу кровь. Чем больше лживости вы создаете вокруг себя, тем более несчастными вы становитесь, тем больше вы живете как в аду. Жить в лжи – это значит жить в аду. Жить искренно – значит жить в раю.

Вопрос:

Ошо, мне кажется, что христианская концепция души похожа на то, что вы называете истинным “Я”, наблюдателем.

Почему Иисус не говорил о возможности перевоплощения души? Кажется, именно в этом самое большое отличие между западными и восточными религиями.

Не могли бы вы сказать что-нибудь об этом?

Джап Уилльям, Иисус прекрасно знал о перевоплощении. Есть косвенные намеки на это во всех Евангелиях. Вчера я цитировал Иисуса: “Я был еще до того, как пришел Авраам!” Иисус говорит еще: “Я вернусь!” Есть тысячи косвенных подтверждений того, что он верил в перевоплощение. Он прекрасно знал об этом, но есть другие причины, по которым он не хотел говорить о перевоплощениях, по которым он не проповедовал их.

Иисус был в Индии и увидел, что случилось там из-за этой теории. В Индии практически пять тысячелетий учили этой теории. Это истина, это не только теория: теория основана на истине. Человек проживает миллионы жизней. Этому учили Махавира, Будда, Кришна, Рама, все индийские религии согласны друг с другом в этом вопросе. Вы будете удивлены, узнав о том, что они не находили больше ни одной точки, в которой могли бы полностью согласиться друг с другом, кроме этой.

Индусы верят в Бога и душу. Джайны не верят в Бога, но они верят в душу. Буддисты не верят ни в Бога, ни в душу, но они верят в перевоплощение. В перевоплощение верят даже буддисты, которые не верят в душу. Это так странно. Но кто, в таком случае, перевоплощается? Даже буддисты не могли отрицать явление перевоплощения, несмотря на то, что они отрицают существование души: они говорят, что душа не существует, но перевоплощение есть. Им было очень трудно доказать существование перевоплощения без души, это казалось практически невозможным. Но они нашли способ. Конечно, он

был достаточно тонким и очень сложным, но они смогли сделать это, и их точка зрения, кажется, ближе всего к истине.

Очень легко понять, что есть душа, и когда вы умираете, ваша душа покидает тело, оставляет землю, и душа попадает в другое тело, в другое лоно. Это просто, логично, как математика. Но Будда говорит, что нет души, есть только континуум. Представьте себе, что вы зажгли свечу вечером, а утром вы задуваете ее. Можно задать вопрос: “Вы задуваете ту же свечу, которую зажгли утром, или другую?” Нет, это не та же свеча, но, тем не менее, есть продолжительность, есть континуум. Нет того пламени, которое было ночью, пламя постоянно исчезает, сгорает и уходит в пространство, и на его месте появляется другое пламя. Замена настолько быстрая, что вы не можете увидеть промежутки, но при помощи научного инструмента логики можно увидеть промежутки: одно пламя сгорает, другое приходит на его место, потом новое пламя сгорает, и на его место приходит другое. Обязательно будут существовать небольшие промежутки, но вы не можете увидеть их невооруженным глазом.

Будда говорит, что пламя свечи не постоянно, оно все время меняется; несмотря на то, что оно постоянно меняется, в каком-то смысле оно постоянно, потому что это один и тот же континуум, в точности один и тот же. И в вас нет такой вещи, как душа, но есть душа, подобная пламени. Она постоянно меняется, и она подобна реке.

Будда не верил в существительные, он верил только в глаголы, и я полностью согласен с ним. Он больше всех приблизился к истине, с моей точки зрения: по крайней мере, он лучше всех сумел это выразить.

Почему Иисус, Моисей и Мухаммед, основоположники трех великих религий, родились не в Индии? Почему они не говорили о реинкарнации откровенно и прямо? Это происходило по определенной причине, и причина была в том, что Моисей понимал: Египет и Индия все время контактировали. Существует даже предположение, что когда-то Африка была соединена с Азией, но тот континент постепенно ушел под воду. Индия и Египет раньше были соединены, и поэтому между ними есть столько похожего. И не странно то, что в Южной Индии живут люди с черным цветом кожи: в их жилах частично течет кровь негров – не полностью, но частично. Просто если Азия была соединена с Африкой, произошло частичное смешение ариев с неграми, и поэтому на юге Индии у людей кожа такая черная.

Моисей, должно быть, знал о существовании Индии и ее культуры. Вы будете удивлены, узнав, что Кашмир претендует на то, что как Моисей, так и Иисус были похоронены в Кашмире, и у них даже есть гробница Иисуса и гробница Моисея. Они видели, что случилось в Индии благодаря этой теории перевоплощения.

Из-за теории перевоплощения Индия стала такой сонной, она никуда не спешит. В Индии нет такого понятия, как время, даже сейчас. Несмотря на то, что все там носят часы, там не имеют представлений о времени. И если кто-то скажет: “Я приду к тебе в пять часов вечера”, это может означать все что угодно. Он может прийти в четыре, в шесть, а может и вообще не прийти: индусы не относятся к этому серьезно. Не то чтобы он нарушил свое обещание – у индусов просто нет представлений о времени. Как вы можете иметь представления о времени, если впереди вас ждет вечность? Если перед вами столько жизней маячит впереди, к чему вам спешить? Вы можете идти медленно, и раньше или позже вы придете.

Теория реинкарнации сделала Индию такой сонной, тупой. Она привела к тому, что Индия полностью утратила осознание времени. Это помогло людям откладывать все на потом. Если вы можете отложить на завтра, сегодня вы будете оставаться такими же, как раньше, а завтра вы будете думать также. Индия знает о том, как откладывать – не только на завтра, но также на следующие жизни.

Моисей и Иисус оба были в Индии, они оба знали об этом. Мухаммед никогда не был в Индии, но он прекрасно знал об этом, потому что он жил близко от Индии, и между Индией и Аравией постоянно было сообщение. И поэтому Мухаммеду было проще сказать людям: “Есть только одна жизнь, и это последний шанс, первый и последний. Если вы его упустите, вы упустите навечно”. Это было средством вызвать у людей большое желание, настолько большое, чтобы легко преобразиться.

И тогда возникает вопрос: “Неужели Махавира, Будда и Кришна не понимали этого?” Неужели они не понимали того, что эта теория реинкарнации, перевоплощения вызовет спячку? Они пытались использовать совершенно другое средство. Каждое средство хорошо для своего времени. Если им воспользовались однажды, вы не можете пользоваться им вечно. Люди привыкнут к нему. Махавира, Кришна и Будда воспользовались этим средством, реинкарнацией, но они пытались применить его совершенно в другом контексте.

Индия была в те времена очень богатой страной, считалась золотой страной, самой богатой. А для богатой страны настоящая проблема, самая большая проблема – скука. Это сейчас происходит на Западе. Теперь Америка находится в том же положении, и скука там превратилась в настоящий бич. Люди настолько скучают, что предпочитают умереть.

Кришна, Махавира, Будда воспользовались этим. Они сказали людям: “Ничего страшного, скука в одной жизни – ничего страшного. Вы прожили много жизней и проживете еще, и у вас будет возможность скучать вновь и вновь. Колесо жизни и смерти движется!”

Они обрисовали скуку такими темными красками, что люди, которым наскучила даже одна единственная жизнь, просто ужаснулись

от перспективы так скучать еще множество жизней, и благодаря этому они были вовлечены в религию. Они поняли, что нужно освободиться от круговорота жизни и смертей. И поэтому в те дни эта теория была очень насыщенной.

Потом Индия стала беднее, и после того как страна стала бедной, скука пропала. Бедняк никогда не скучает, помните об этом, только богатые скучают, это привилегия богачей. Бедняк не может чувствовать скуку, у него на это нет времени. Весь день он трудится, и когда он приходит домой, он так устает, что засыпает. Ему не нужны развлечения: телевидение, фильмы и музыка, музеи. Ему все это не нужно, он не может воспользоваться всем этим. Его единственное занятие – это секс, это естественное занятие, встроенное в него природой. Вот почему в бедных странах рождается больше детей, чем в богатых: для них это единственное развлечение.

Если вы хотите сократить численность населения в бедных странах, вы должны предоставить им больше развлечений, дать им телевидение, радио, фильмы, что-то, что отвлечет их от секса.

Я слышал, что некоторые американские пары настолько одержимы телевизором, что они смотрят телевизор даже тогда, когда занимаются сексом. Секс становится для них вторичен, первичным становится телевизор. Они не хотят пропустить программы, которые идут по телевизору.

В бедных странах люди наслаждаются сексом, это единственное их развлечение, они не могут себе позволить другого, они могут себе позволить только это естественное занятие, которое дано им природой. И поэтому в бедных странах дети плодятся как кролики, и они становятся все более и более населенными. И они не скучают от жизни. Какая жизнь им доступна? Сначала вы должны жить, вы должны иметь жизнь, которая может вам надоесть. У вас должно быть много женщин, которые могут вам надоесть, вы должны вкусить многие соблазны мира, чтобы покончить с ними.

В тот миг, в который Индия стала бедной, теория перевоплощения стала для нее неуместной, она стала бегством, скорее, надеждой, чем скукой, возможностью отложить: “Я беден в этой жизни. Об этом не стоит беспокоиться, есть множество жизней. В следующей жизни я буду стараться больше и стану богатым. В этой жизни у меня отвратительная жена, но об этом не стоит беспокоиться, это только в этой жизни, а в следующей жизни я не повторю больше такой же ошибки. Сейчас я страдаю от прошлой кармы. В этой жизни я не совершу ошибок, и тогда я смогу наслаждаться в следующей жизни”. И так мы стали откладывать.

Иисус заметил это, он понял, что средство больше не действует, не действует так, как должно было действовать. Ситуация изменилась. И Иисусу пришлось придумать новое средство. Он сказал: “Есть только одна жизнь, и поэтому если вы хотите быть религиозными,

если вы хотите медитировать, если вы хотите стать саньясинами, рассчитывайте сделать это сейчас, потому что на завтра положиться нельзя. Завтра может не быть.

И поэтому на Западе слишком остро ощущают время, все спешат. Эта спешка является следствием христианства. Средство снова перестало действовать. Ни одно средство не действует вечно.

Мой собственный опыт таков: определенное средство действует только до тех пор, пока жив мастер. Потому что он – душа этого средства, он строит все так, что оно действует. После того как мастера больше нет, средство перестает действовать, и люди начинают объяснять все по-своему.

Сейчас на Западе это средство совершенно не действует, оно стало проблематичным. Люди постоянно спешат, они напряжены, они беспокоятся, потому что есть только одна жизнь: помните, что сказал Иисус. И что они делают? Они видят, что есть только одна жизнь. Им хочется наесться, выпить, веселиться, потому что другой жизни не будет. И поэтому им хочется насладиться всем этим настолько, насколько в их силах. Им нужно выпить весь сок жизни прямо сейчас. И кого волнует, что случится потом, в Судный День? Кто знает, будет ли вообще этот Судный День?

Профессор, который преподавал в женском колледже, был очень похотливым старикашкой. Он не мог начать свою лекцию, не сделав какого-то непристойного замечания. В конце концов девушки решили, что в следующий раз, когда он сделает замечание, они все вместе встанут со своих мест и покинут класс.

На следующее утро профессор вошел в класс и начал с самого порога: “Привет, девушки, я слышал, что вчера в гавань пристал корабль, на котором тридцать моряков-негров. Только представьте себе девушки, эти тридцать черных...”

В этот миг все девушки поднялись со своих мест и начали выходить из комнаты.

“Послушайте, девушки, – закричал профессор, – не спешите так. Корабль будет стоять в гавани еще две недели!”

На Западе относительно всего возникала большая спешка, потому что другой жизни не существует.

Мери и Джон жили в одном большом доме в Нью-Йорке. Однажды они встретились и вдруг полюбили друг друга, но они не общались друг с другом. Через шесть месяцев Джон больше не мог этого выдержать, и он пригласил ее в гости на выпивку. Она сомневалась, но согласилась, и как только они оказались в его квартире, они закрыли двери и бросились в постель. Через несколько минут Джон сказал хриплым голосом: “Послушай, дорогая, мне очень жаль, но

если бы я знал, что ты девственница, я бы постарался сделать все медленнее!”

Мери ответила ему: “Если бы я знала, что у тебя может найтись немного больше времени, я бы сняла трико!”

Такая спешка! Скорость стала манией, мы стремимся все быстрее и быстрее. Никто не думает о том, куда идет, но самое главное – нужно идти быстрее, и для этого изобретен скоростной транспорт.

Все это происходит из-за того, что таково было средство. Оно действовало во времена Иисуса. Он постоянно говорил людям: “Осознайте. Судный День приближается! Вы скоро увидите конец мира, вы увидите, как кончится ваша жизнь, и не будет другой жизни. И если вы упустите эту возможность, вы будете брошены на вечность в ад, в геенну огненную!” Он просто создавал психологический настрой, который действовал, пока Иисус был жив, и действовал еще некоторое время. Когда его не стало... причем действовал он из-за некоторых близких учеников, которые несли какую-то часть его ауры, но потом это вызвало противоположный эффект.

Это создало самую мирскую цивилизацию за всю историю человечества. И в основе лежало, в принципе, благостное желание, которое заключалось в том, что если бы люди думали, что им жить только одну жизнь, это сделало бы их бдительными, осознанными, они бы искали Бога и отбросили бы все другие желания, все другие занятия. Вся их жизнь стала бы однонаправленной, она превратилась бы в поиск Бога, в вопрошание Бога. Такая идея стояла за этим средством. Но конечный результат оказался плачевным: люди стали совершенно мирскими, потому что не было другой жизни, была только одна жизнь, и, значит, нужно наслаждаться этой одной жизнью настолько, насколько вы можете. Наслаждайтесь ей, не откладывайте на завтра.

Индийское средство провалилось, оно сделало людей сонными. Оно действовало, пока был жив Будда. Он действительно создал одно из самых уникальных движений во всем мире. Тысячи людей стали саньясинами, они отказались от мирской жизни. Это значит, что они полностью посвятили всю свою энергию поиску истины. Будда создал такую атмосферу скуки, что, если бы вы упустили, вам стало бы скучно.

Но то, что случилось позже, было совершенно противоположным от запланированного результата. Мастеров все время не так понимают. Люди настолько хитры, настолько дипломатичны, что они всегда могут найти способы уничтожить средство целиком.

Иисус прекрасно понимал и знал о том, что жизнь вечна и существует перевоплощение. И он упоминает это косвенным образом. Может быть, он говорит об этом своим самым близким ученикам – но только не толпе – по простой причине: он видит, что в Индии это

средство ни к чему не привело, что следует попытаться испробовать другое средство.

Я тоже создаю разные средства, потому что предыдущие не удались. Я прекрасно понимаю, что мои средства будут действовать только пока я с вами, и они обязательно станут бесполезными после моего ухода, потому что это происходило с каждым средством. Я не живу в раю для глупых и простаков, и я не думаю, что мое средство сохранится после моей смерти на вечные времена. Когда меня не будет, люди обязательно исказят все эти средства. Но это естественно, так и должно быть, не стоит беспокоиться по этому поводу.

И поэтому вы, сидящие здесь, пожалуйста, будьте бдительными и используйте эти средства настолько полноценно, насколько вы сможете. Пока я здесь, эти средства будут действовать прекрасно. В моих руках они могут привести к великому внутреннему преобразению. Но после того как меня здесь больше не будет, те же самые средства попадут в руки пандитов и ученых, и потом повторится та же самая история, как это уже случилось в прошлом.

Осознавайте, наблюдайте. Не тратьте впустую время!

Наблюдай! Это невероятнее научной фантастики

Вопрос:

Ошо, вчера вы говорили о детях, которые утверждают свое эго, восставая против родителей. Когда они могут сказать им: “Нет!”, у них вырастает хребет, индивидуальность, они становятся свободными.

Ошо, должны ли мы теперь прийти к вам и сказать “Да”, чтобы отбросить это эго? И если мы так сделаем, что случится с нашей индивидуальностью, свободой и хребтом?

Нитин Бхарти, эго подобно лестнице: вам приходится ей пользоваться, но вы не можете построить на ней свой дом. Или это можно еще сравнить с лодкой: вы можете ей пользоваться для того, чтобы переправиться на другой берег, но потом вам не нужно тащить ее на спине всю оставшуюся жизнь. Лодка во многом может помочь вам, но она не должна стать бременем на вечные времена. После того как она выполнила свою задачу, ее можно оставить.

Точно так же, как ребенок нуждается в том, чтобы сказать “нет”, зрелый человек однажды должен сказать “да”. Если ребенок не может сказать “нет” своим родителям, авторитетам, учителям, если ребенок не способен не подчиниться, он не разовьет в себе индивидуальности, она не обретет формы. И он будет просто частью толпы, ума толпы. Он будет бессильным и не сможет стоять на своих ногах. У него не будет самоуважения. Он будет оставаться отвратительной кашей, он останется недоделанным. Он не родится и будет сохранять всю жизнь психологическое детство. Ему необходимо научиться не подчиняться. И мудрые родители помогут ему в этом таким образом, что это неподчинение не извратит его. Они дадут ему возможность не подчиниться. Они дадут ему возможность сказать “нет”.

Вот в чем смысл библейской истории. Бог сказал Адаму: “Не ешь плодов с этого дерева, с Древа Познания. Если ты съешь плоды с этого дерева, ты будешь изгнан из рая”. Это великое искушение. Это дало Адаму возможность не подчиниться.

Бог также сказал Адаму: “Если ты будешь есть плоды с этого Древа, ты станешь смертным, а сейчас ты бессмертный. Второе: если ты съешь плоды с этого Древа, ты станешь подобным Богам, всезнающим”. Вы видите, какое искушение? Первое: “Ты сможешь стать как Боги, всезнающим!” Но кому не захочется стать подобным Богам, всезнающим? И вторая опасность, риск: “Если ты будешь есть плоды с этого дерева, ты станешь смертным, ты начнешь умирать”. Это вызов. Опасность все время привлекает, а смерть – это самая большая опасность.

Бог не оставил Адаму никакой возможности оставаться послушным. Там, должно быть, было миллион деревьев, в Саду Эдема, и было только одно Древо Познания. Если оставить Адама одного, он бы не смог найти его до сих пор. Но Бог не предоставил его самому себе, он показал ему дерево и вызвал в нем искушение. Вы думаете, змей вызвал искушение? Если бы это сделал змей, то змей, должно быть, служил Богу.

Маленький ребенок рассказывал своей матери. Мать спросила его: “Чему тебя научили сегодня в воскресной школе?”

И он сказал: “Нас научили библейской истории про Адама и Еву и про то, как их изгнали из Рая. Им сказали: ‘Не есть плодов с Древа Познания, и пришел слуга Бога, чтобы искушить их’”.

Мать сказала: “Слуга? Ты, наверное, не так понял. Не слуга, а змей!”

Мне кажется, что ребенок был прав. Змей, должно быть, служил Богу, он служил в тайной полиции Бога, в ФБР или подобной службе. Во всех цивилизациях змеи представляли мудрость. Иисус говорит: “Будьте мудрыми как змеи и невинными как голуби”. Мудрые как змеи? Бог, должно быть, использовал самое мудрое животное для то-

го, чтобы передать свое послание, для того, чтобы искушить Адама и Еву.

Послание было передано Еве, а не Адаму, и так было с тех пор всегда. Торговцы приходят к женам, а не к мужьям. В тот миг, когда муж уходит на работу, торговец приходит и стучит в двери, потому что женщину можно легче искушить. Муж будет спорить, он будет упрямяться, он не будет слушать, но жену искушить легко.

Однажды по телевидению одна компания обратилась с просьбой: “Найдите способ, чтобы покупатели покупали больше наших продуктов”. И рекламная компания предложила: “Посылайте письма по всем адресам, которые даются в телефонных справочниках. Письма направляйте на имена мужчин, но наверху, в уголке письма, напишите: ‘Лично, не читать посторонним!’” И тогда жены будут читать письма, они не могут упустить такой возможности”. И после того как они их прочитают, после того как на них произведет впечатления реклама... Учтите, все мужья – подкаблучники, всегда. Быть мужем – значит быть подкаблучником, это синонимы, и я не могу с этим ничего поделать. Так было со времен Адама, так и должно быть.

После того как Ева была убеждена, после того как ее искушил змей, Адам последовал за ней.

Если родители действительно мудры, они дадут возможность детям сказать “нет”, прекрасную возможность. Прямо сейчас, бессознательно, они дают отвратительную возможность. Например, вы говорите своим детям: “Не кури”. Это только отвратительная возможность, потому что ребенок обязательно будет после этого курить, вы искусили его на курение. Вы должны были сказать ему что-то лучшее: “Не выходи на солнце! Не лезь на дерево”. Но вы говорите детям: “Не ешь много мороженого”. Вы должны были сказать: “Не ешь фрукты”. Вот это правильное искушение. Вы должны были сказать ребенку: “Ешь мороженое столько, сколько хочешь, но не ешь фрукты”. Если вы будете искушать детей так, они ослушаются вас, но это не повредит их жизни, в противном случае, они будут испорченными на всю жизнь.

Два старика, одному было семьдесят лет, а второму восемьдесят, разговаривали. Они говорили о самых захватывающих мгновениях своей жизни. Семидесятилетний старик сказал: “Я никогда никому не говорил, но ты – мой лучший друг, и я знаю, что ты никому не скажешь. Самый захватывающий миг моей жизни был тогда, когда меня поймали с поличным, когда я подглядывал, как моется девушка”.

Другой сказал: “Забудь об этом, каждый ребенок так поступает. В этом нет ничего особенного”.

Старик сказал: “Я знаю, но это случилось вчера!”

После того как неправильные привычки сформировались, они нависают над вами и все больше и больше впитываются в вас, входят все глубже и глубже в ваше подсознание.

Нитин, я полностью выступаю за то, чтобы развивать у ребенка в детстве эго, потому что без эго ребенок остается частью родителей, он никогда не становится индивидуальностью самостоятельно. Но если он будет все время говорить “нет”, это будет развивать в нем только поверхностную индивидуальность, потому что “нет” отрицательное, и оно не может вызвать в ребенке истинной индивидуальности.

Поверхностная индивидуальность называется личностью. Эго дает вам личность. Но лучше иметь ее, чем вообще ничего не иметь: по крайней мере, она дает вам ощущение бытия, она определяет вас. Но не оставайтесь в ней постоянно, это проходящая фаза, ступень лестницы. От личности вы должны перейти к индивидуальности. От поверхностной индивидуальности вы должны перейти к истинной индивидуальности. И это возможно только тогда, когда вы скажете “да”. Но “да” важно только тогда, когда вы можете сказать “нет”. Если вы будете говорить “да” с самого начала, ваше “да” будет вообще бессмысленным. Если вы можете сказать “нет”, ваше “да” будет полным смысла, столько же смысла, сколько имело ваше “нет”.

И поэтому общество учит вас ложной, поверхностной личности. Но когда вы приходите к Будде, к Иисусу, к Кришне, к Махавиру, к мастеру, к истинному мастеру, он научит вас, как говорить “нет”, он отнимет вашу личность.

Личность подобна скорлупе яйца. Эго – это скорлупа яйца. Она защищает жизнь только временно, но потом она становится опасной для жизни. Скорлупа должна быть разломана, и вы должны выбраться наружу. “Нет” только создает скорлупу вокруг вас. Это хорошо, она нужна, она защищает, но однажды вам необходимо выбраться из нее. Так действует религия.

И поэтому религия может развиваться только в цивилизованных странах, в культурных обществах с развитой философией. Чем более культурно общество, чем более оно цивилизовано, тем более высокая религия становится в нем возможна. У примитивных дикарей также есть религия, но их религия еще не стала религией, это волшебство, ритуал. И поэтому такая религия не рождает Будд. Люди, которые исповедуют такую религию, хорошие, простые, красивые, невинные...

Вы можете проехать по Индии, там много племен аборигенов, очень красивых людей. Я общался с ними, мне было приятно видеть, что они такие красивые и невинные. Но среди них никогда не рождался будда, самое большее, среди них рождались фокусники. Их религии состоят только из ритуалов, формальностей, и они никогда не воспаряют на вершины молитвы и медитации, они никогда не воспа-

ряют на высоты Патанджали, Лао-цзы, Мухаммеда. Они не создавали Коран, Упанишады, Библию. Они не смогли добиться этого. Это люди, которые еще не сказали “нет”. Они еще не послушались. Они еще не вкусили Плода Знания, они просто невежественны.

Вкусите Плод Познания! Станьте знающими, но потом однажды отрекитесь от своего знания. И тогда родится мудрость. Мудрость – это не невежество, мудрость – это отречение от знания, но сначала вы должны обрести это знание.

Еще до того, как стать Христом, вы должны стать непослушными Адамом и Евой, иначе вы не сможете стать Христом. Христос – это та вершина, до которой дорос Адам. Адам сказал “нет”, он создал личность. Христос сказал “да”, он отбросил свою старую личность и обрел новую индивидуальность, которая вечна. Адам сказал “нет” и стал смертным; сказав “да”, Христос стал бессмертным. Сказав “нет”, Адам только с поверхностной точки зрения стал подобным Богам; сказав “да”, Христос действительно стал Богом.

Это парадокс, и поэтому возникает такой вопрос. Я могу понять твой вопрос, Нитин: *“Что случится с нашей индивидуальностью, свободой и хребтом?”*

Хребет, индивидуальность, свобода, которые вы создали, сказав “нет” – преходящи. Вы должны возвыситься над этим, это лодка, которая должна остаться позади. Когда вы забрались на крышу, вы оставляете лестницу внизу, это мост, через который вы должны перейти.

Теперь научитесь говорить “да”. Теперь вы прекрасно это понимаете. На самом деле, Нитин приехал сюда из Африки насовсем, он пошел против воли своих родителей. И тем самым он сказал свое высшее “нет”. Те, кто приходят ко мне, приходят, не слушаясь своих родителей, потому что их родители – индуисты, мусульмане, христиане, буддисты, джайны. А я – никто! Когда вы приходите ко мне, если вы христиане, вы перестаете быть христианами, индуисты перестают быть индуистами, мусульмане перестают быть мусульманами.

Я не создаю тут новую религию, но создаю нового человека, новое сознание. Я не строю тут новую философию, новую теологию, но только новое видение, новое человечество. Вы должны выбраться из старых, сгнивших идеологий. И поэтому родители будут выступать против вас, им не нравится, когда вы приходите сюда. Я могу понять их, они беспокоятся о вас, заботятся о вас. Их беспокойства абсолютно лишнее, но все равно это показывает их заботу и внимание к вам. Им бы хотелось, чтобы вы оставались в вере отцов и предков. Они беспокоятся о том, что вы отклонитесь. Они сами не были такими верующими, но им хочется, чтобы вы стали образчиком веры их предков. Так безопаснее, это спокойнее, более знакомо.

Нитин пришел со своей женой, выступив против воли родителей, и он сказал, тем самым, высшее “нет”. Теперь я научу тебя, как ска-

зять высшее “да”. Функции “нет” завершены, и если теперь здесь ты будешь продолжать говорить “нет”, ты понял меня совершенно неправильно. Я не твой отец и не твоя мать. Я должен теперь отнять у тебя это “нет” и создать в тебе “да”. Задача “нет” завершена, и теперь тебе нужен высший полет, высшее отношение бытия. Это возможно только в том случае, если ты скажешь “да”, потому что “да” – положительно.

“Нет” дает тебе отрицательную индивидуальность, а “да” дает тебе положительную индивидуальность. Отрицательная индивидуальность не настоящая, это только личность, маска, она хороша для своего времени. Но помните о том, что раньше или позже все средства нужно превзойти. Если вы хотите достигнуть цели, однажды вам придется оставить старую тропу.

Будда часто рассказывал историю: “Однажды я спас пятерых гупцов, которые тащили лодку на спине. Я спросил у них: “Что с вами случилось? Зачем вы тащите эту лодку?”

Они ответили: “Эта лодка помогла нам перебраться сюда с того берега реки. Она спасла нам жизнь. Если бы ее не было, мы бы погибли, потому что на том берегу реки водятся дикие животные. И если бы мы там остались хотя бы еще на одну ночь, мы бы сейчас уже были мертвыми. Мы никогда не можем забыть великого благословения, которым эта лодка оказалась для нас. Чисто из благодарности мы будем вечно тащить ее на своих спинах!”

Будда сказал: “Так поступают гупцы. Они носят с собой писания, носят идеологии, носят философии. Вместо того чтобы принести помощь, эта лодка стала препятствием. Было бы лучше, если бы они погибли на том берегу. По крайней мере, им бы не пришлось тащить этот груз всю жизнь. Этот груз уничтожит их!”

“Нет” хорошо, но никто не может жить только с “нет”, никто не может построить дом на “нет”. “Нет” самоубийственно, вы можете пользоваться им, но вы должны превзойти его. Будьте бдительными и следите за тем, чтобы не погрязнуть в том, чтобы все время говорить “нет”. Обретите “да”, воспользуйтесь “нет” как ступенью.

Когда вы стали частью этой общины, вы научились говорить “да” целостно. Это доверие, это сдача, это вера. Это становится мостом между вами и Богом, это не уничтожит вашу свободу, это просто делает вашу свободу положительной.

Есть три типа свободы. Первая – это свобода от. Это отрицательная свобода, это свобода от отца, свобода от матери, свобода от церкви, свобода от общества. Это отрицательная свобода, свобода от, она хороша вначале, но она не может стать целью. После того как однажды вы освободитесь от своих родителей, вы будете делать дальше? После того как вы освободитесь от общества, вы потеряетесь. Вы потеряете весь смысл и значение, потому что весь смысл вашей жиз-

ни заключается в том, чтобы говорить “нет”. Кому теперь вы можете говорить “нет”?

Ко мне пришел один юноша, он хотел жениться на одной девушке. Он был брамином очень высокой касты, очень уважаемой в городе, и он хотел жениться на парси (зороастрийке). Его родители были, естественно, против этого, полностью против. Они даже сказали ему, что если он женится на ней, они лишат его наследства, а он был их единственным сыном. И чем более упрямыми становились родители, тем более упрямым становился и он, и наполнялся решимостью жениться на этой девушке. Он пришел, чтобы спросить моего совета.

Я сказал ему: “Только подумай три дня над этим: ты действительно хочешь жениться на ней, или просто хочешь выступить наперекор родителям?”

Он сказал: “Почему вы говорите мне это? Я люблю ее, я сильно ее люблю!”

Я сказал ему: “Если ты так считаешь, женись, но я не вижу в твоих глазах никакой любви, я не вижу никакой любви в твоём сердце, я не вижу никакого благоухания любви. Я вижу только отрицательную ауру вокруг тебя, черная аура окутала твоё лицо. Это говорит о том, что ты полон решимости идти наперекор воли родителей, а девушка – эта просто предлог!”

Но он не слушал меня. Если он не хотел слушать своих родителей, разве стал бы он слушать меня? Он женился. И через шесть месяцев он пришел, чтобы встретиться со мной, он рыдал и причитал. Он упал к моим стопам и сказал: “Вы были правы, я не люблю эту женщину, эта любовь оказалось ложной. Вы были правы, ваш диагноз оказался правильным. Теперь я женился на ней, я послушался своих родителей, и вся любовь исчезла!”

Это свобода от. В ней не так много свободы, но это лучше, чем ничего.

Есть второй тип свободы, и эта свобода положительная. Вы интересуетесь не тем, что отрицаете что-то, скорее, вы хотите что-то сотворить. Например, вы хотите стать поэтом, и просто потому, что вы хотите стать поэтом, вам приходится говорить “нет” своим родителям. Самая главная задача для вас – стать поэтом, а родители хотят, чтобы вы стали сантехником. Они говорят вам: “Лучше стань сантехником! Это намного более оплачиваемая профессия, намного более прибыльная, намного более уважаемая. Но быть поэтом? Люди будут думать что ты – сумасшедший. И как ты собираешься жить? Как ты будешь кормить свою жену и детей? Поэзия не приносит дохода!”

Но если вы выступаете за поэзию, если вы готовы рискнуть всем, это более высокая степень свободы, и она выше, чем первый тип свободы. Это уже положительная свобода, “свобода для”. Даже если вам придется прожить жизнь в бедности, вы будете счастливы, вы будете

радостны. Даже если вам придется рубить деревья, чтобы прокормить себя, но при этом вы будете поэтом, вы будете счастливы, вы будете жить в блаженстве, удовлетворенные, потому что вы занимаетесь тем, чем хотели заниматься, и вы занимаетесь своим делом. Это положительная свобода.

И есть еще третий тип свободы, высший. На Востоке мы называли его мокшей, высшей свободой, которая выше отрицательной и положительной свободы. Сначала научитесь говорить “нет”, потом научитесь говорить “да”, а потом просто забудьте обо всем, просто будьте. Третий вид свободы – это не свобода против чего-то и не свобода за что-то, это просто свобода, и не нужно быть против кого-то, не нужно быть за что-то. Человек просто свободен – вопрос не в том, чтобы быть за что-то или против чего-то.

“Свобода от” – это политика, и поэтому все революции проигрывают. Даже тогда, когда они выигрывают, они проигрывают. Если они не выигрывают, они продолжают надеяться, но в тот миг, в который они выигрывают, они проигрывают, потому что они не знают, что им делать дальше. Это случилось во время Французской революции, это случилось во время русской революции. Это происходит с каждой революцией. Политическая революция – это “свобода от”. После того как царя свергают, они теряются и не знают, что им делать дальше. Всю жизнь они посвятили борьбе с царем, они научились только одному: как свергнуть царя. Но после того как царь свергнут, революционеры теряются: то, что они умели, теперь больше не нужно. И вы остаетесь опустошенными.

“Свобода для” полна искусства, артистизма, она творческая, научная. А “чистая свобода” религиозна.

Нитин, прежде чем научить тебя мокше, чистой свободе, которая не выступает ни за, ни против, чистому благоуханию свободы, перед тем как я смогу научить тебя, тебе нужно научиться положительной свободе, “свободе для”.

И поэтому нам нужна община. Это творческая община, мы собираемся стать творческими, и это будет выражаться тысячами способов. Всевозможными способами мы будем творческими, чтобы научиться говорить “да” жизни.

Когда “да” уничтожит ваше “нет”, вы можете отбросить и то, и другое. Это высшая радость, свобода, осознание.

Вопрос:

Ошо, разве жизнь иногда не бывает намного удивительнее, чем научная фантастика?

Прагош, не иногда, а всегда. Научная фантастика – это только отражение жизни – как же она может быть более удивительной? Никакая фантастика не может быть такой таинственной, как сама жизнь. Жизнь соткана из снов. И поэтому мистики говорят, что жизнь есть

иллюзия, майя, мираж. Это тайна, в нее невозможно поверить, она безгранична, она не имеет начала, она бесконечна.

И поэтому я не буду говорить вам, что она удивляет только иногда: она удивляет в каждое мгновение, но вы не чувствуете этого. Вы чувствуете это только иногда, когда происходят действительно необычные вещи и вы получаете шок, в результате чего становитесь пробужденными. Только тогда вы понимаете, что жизнь намного более удивительна, потому что вы глубоко спите. И до тех пор, пока не случится что-то из ряда вон выходящее, пока вас это не сотрясет и не шокирует, пока вы не станете благодаря этому немного более осознанными, вы не увидите и не поймете, какое чудо представляет собой жизнь, насколько она удивительна.

Но будды воспринимают жизнь в каждое мгновение как нечто удивительное, потому что она в каждое мгновение новая, она обновляет себя. Все становится необычным, если вы бдительны, если вы достаточно чувствительны, если вы достаточно открыты. Тогда вся жизнь перестает быть мирской и становится священной, перестает быть низкой и становится высокой, вся жизнь представляет собой такую тайну, что вы все время поражаетесь ей. Ваше восприятие зависит от вашей чувствительности, от вашей осознанности, от вашей сознательности, от вашей совести.

Дзенского мастера спросили: “Чем вы занимались до того, как стали просветленным?”

Он ответил: “Я рубил дрова, носил воду из колодца в дом моего мастера!”

Тогда его спросили дальше: “А теперь, после того как вы стали просветленными, что вы делаете?”

Он ответил: “Я рублю дрова и ношу воду”.

Вопрошающий, очевидно, был озадачен. Он спросил: “Но в чем тогда отличие? Вы рубили дрова и носили воду из колодца до того, как стали просветленным, и делаете то же самое после того, как стали просветленным. Тогда в чем отличие?”

Мастер засмеялся. Он сказал: “Отличие бесконечное. Раньше я просто рубил дрова и таскал воду, не зная той красоты, которая окружает меня. А теперь я делаю то же самое, потому что я теперь другой. Мои глаза не такие же, как раньше, мое сердце бьется в другом ритме, мое сердце бьется, как сердце Всего Целого. Есть гармония, есть синхронность.

С внешней точки зрения, я так и ношу воду из колодца, но внутри я стал совершенно другим. Я теперь новый человек, я снова родился. Теперь я могу видеть глубину, я могу видеть саму суть всех вещей, каждый камушек стал бриллиантом, каждая песня птицы – это не что иное, как призыв Бога, и когда цветок цветет, Бог цветет во мне. Когда я смотрю в глаза людям, я гляжу в глаза Богу. Да, с поверхност-

ной точки зрения я занимаюсь той же самой деятельностью, но из-за того, что я теперь другой, мир также другой!”

Начните становиться немного бдительнее, наблюдайте все – и вы будете удивлены. Жизнь таинственна, необъяснима, нелепа. Вы не можете ничего доказать и опровергнуть в ней.

Тертуллиан говорит: “Я верю в Бога, потому что Бог нелеп”. Почему же он верит в Бога? Потому что Бог нелеп, никакая логика не может доказать Его существование, и никакая логика не может опровергнуть его существование. Это любовь. Жизнь весела, она также смешна.

Если вы станете немного более бдительными, вы обнаружите любовь, свет, смех повсюду.

Говорят, что когда Хотей обрел просветление, он начал смеяться. Он жил, по крайней мере, тридцать лет после, и продолжал смеяться тридцать лет. Его ученики слышали, что даже во сне он смеется. Он переходил из одного города в другой и просто смеялся. Он переходил от одного места в другое, потом шел в третье и просто смеялся, там собирались люди. В его смехе было что-то запредельное, это был смех Будды. Он был известен в Японии как “смеющийся Будда”.

Его смех был таким заразительным, что все, кто слышал его, начинали также смеяться. И вскоре все вокруг смеялись, вокруг него собиралась толпа, и все смеялись, потом они говорили ему: “Дай нам несколько наставлений”.

Он говорил: “Больше никаких наставлений, этого достаточно. Если вы можете смеяться, если вы можете смеяться так тотально, так целостно, это и есть медитация”.

Смех был его средством. Говорят, что многие люди стали просветленными благодаря смеху Хотей. Это была его единственная медитация: смеяться – и помогать людям смеяться.

Просто наблюдайте за жизнью, и вы удивитесь.

Шотландец, итальянец и еврей обедали вместе в дорогом ресторане. Когда им принесли счет, шотландец сказал: “Подайте счет мне!”

Но это было просто фантастикой! Раньше такого никогда не было – чтобы шотландец расплачивался. Разве это было возможно? Но да, на этот раз это случилось.

На следующий день во всех газетах на первой полосе появилась статья под названием: “Еврейский чревоугодник был застрелен в ресторане”.

Мак-Леон и его жена посетили аэропорт, и там с них взяли пятьдесят долларов за то, чтобы пролететь над городом и посмотреть его

достопримечательности. Естественно, Леон не спешил расплачиваться, пока пилот не приблизился к ним и не сказал: “Я пролечу над городом, и вы увидите все самые замечательные места нашего города, и это будет для вас бесплатно, но если вы пикнете хоть раз, цена удвоится”.

Леон принял вызов, и они отправились в полет. Это была действительно крутая гонка: они ныряли, делали мертвые петли, падали, снова воспаряли к небесам, и в конце концов приземлились.

“Вы выиграли, – сказал пилот, – ни одного слова!”

“Да, – сказал шотландец Мак-Леон, – но я чуть заговорил, когда моя жена выпала из самолета!”

Только посмотрите на людей. Каждый человек – это сплошная фантастика, он несет в сердце столько разных историй. Любите людей, ищите в их душах, и вам не придется ходить в кино, читать романы. Каждый человек содержит в себе романы, много фильмов – но мы не слушаем людей. Мы не видим их лица, не держим их за руки, не позволяем им открыть их сердца.

Впервые человечество стало таким закрытым, каждый человек живет с закрытыми окнами, полностью закрытый в замкнутом пространстве. Откройте! Откройте двери и окна. Пусть внутрь войдут ветер, дождь и солнце! Пусть внутрь войдут люди, и вы войдете в жизни людей. Осознавать таинство жизни – значит осознавать Бога.

Однажды король Артур решил отправиться на поиски Святого Грааля, но он не хотел оставлять своего рыцаря сэра Ланцелота со своей женой королевой Женевьевой и отправился спросить совета у мудрого Мерлина. Мерлин попросил его пару дней на размышления.

Через несколько дней король Артур вернулся к Мерлину, который с гордостью показал ему свое новое изобретение: пояс верности. Озадаченный, король Артур посмотрел на это изобретение и сказал: “Но это нехорошо, у этого пояса отверстие в неподходящем месте!”

Мерлин сказал: “Ты посмотри внимательнее”. С этими словами он взял карандаш и сунул в отверстие. Карандаш развалился на две части.

Король Артур пришел в полное восхищение и ушел с поясом. Он надел пояс на свою жену и отправился в путешествие на поиски Святого Грааля. Теперь он был спокоен относительно целомудренности своей жены.

Он вернулся через несколько недель, и мгновенно собрал всех рыцарей в замке, и сказал им, чтобы они стянули свои штаны. И, к его удивлению, все рыцари оказались кастрированными, кроме одного единственного – Ланцелота.

Король Артур обезумел оттого, что доверял такой нечестивой жене, и он подошел к рыцарю Ланцелоту со словами: “Извини меня, ты единственный рыцарь, которому я не доверял больше всего, но на де-

ле ты оказался самым честным из моих подданных. И я дам тебе все, что ты пожелаешь. Скажи, что ты хочешь?"

Но Ланцелот ничего не смог сказать в ответ и лишь замычал.

Вопрос:

Ошо, на лекциях вы говорили о неотожествлении и о том, что человек должен стать свидетелем. Но на Западе многие люди так отчуждены, что их нельзя вовлечь. Они просто безразличны ко всему. Я ощутил это на своем опыте. Пожалуйста, не могли бы вы яснее определить отличие между неотожествлением и отчужденностью?

Николас, это отличие очень ясное, но оно тонкое, утонченное. Быть безразличным – значит быть мертвым. Это не значит, что вы стали свидетелем, это просто означает, что вы отсоединены от жизни, от всех источников, которые питают вас. Вы лишены корней, отчуждены.

Если вы срубите корни дерева, оно начнет умирать. Зеленые листья увянут, и вскоре вся листва спадет, и цветов больше не будет. Придет весна, потом уйдет, но дерево ничего не будет об этом знать, дерево стало чуждо существованию. Оно больше не укоренено в земле, оно больше не связано с солнцем. У него больше нет моста с жизнью. Оно окружено стенами, все мосты сломаны.

Вот что случилось с современным человеком. Он подобен этому дереву без корней. Он забыл, как быть связанным с существованием, он забыл о том, как шептаться с облаками и деревьями, с горами. Он полностью забыл о языке тишины. Именно язык тишины превращается в мост между вами и вселенной, которая окружает вас. Вселенная не знает другого языка. На земле есть три тысячи языков, но существование не знает другого языка, кроме языка тишины.

Английский генерал разговаривал с немецким генералом после второй мировой войны. Немецкий генерал был крайне озадачен, он сказал: "Наша армия лучше всего экипирована, у нас самая прогрессивная технология, у нас самый великий вождь, который когда-либо родился на земле, у нас самые лучшие генералы и такая преданная армия. Почему? Почему же мы не смогли выиграть войну? Это кажется просто невероятным, что мы проиграли! В это трудно поверить, несмотря на то, что это случилось, – но мы не можем в это поверить!"

Английский генерал отвечал ему со смехом: "Есть одна вещь, о которой вы забыли. Перед тем как начать битву, мы молились Богу, и в этом тайна нашей победы!"

Немец сказал: "Но мы также молились Богу, каждое утро!"

Английский генерал отвечал ему со смехом: "Мы знаем, что вы молились, но вы молились на немецком, а мы молились на английском. Но кто вам сказал, что Бог знает немецкий язык?"

Все думают, что Бог говорит именно на их языке. Индуисты думают, что Бог говорит на их языке, на санскрите, они думают, что этот язык божественный, Бог понимает только санскрит. Спросите у мусульман: они считают, что Бог понимает только арабский язык, иначе для чего Он бы передал Мухаммеду Коран на арабском языке? Спросите у евреев: они считают, что Бог понимает только иврит.

Бог не понимает ваших языков, потому что Бог – это тотальное существование. Бог понимает только тишину, а мы забыли о тишине.

Николас, из-за того что мы забыли о тишине, мы стали такими отчужденными. Мы стали такими маленькими, грязными, мы стали грязной лужей, и мы не знаем о том, как стать едиными с океаном. И поэтому мы становимся все грязнее и грязнее с каждым днем, мы становимся все более и более поверхностными. Потому что вода испаряется. Мы просто грязные, в нашей жизни нет ясности. Наши глаза не могут видеть, наши сердца не могут чувствовать.

Это состояние – состояние безразличия, это отрицательное состояние. Мистики назвали его "темной ночью души" Это не свидетельство, оно противоположно свидетельствованию.

Когда я говорю вам, чтобы вы были свидетелями, я не говорю вам, чтобы вы стали неукорененными. Я говорю вам, чтобы вы жили многомерной жизнью, и, тем не менее, оставались осознанными. Пейте все соки жизни, но помните о том, что пока вы пьете все соки жизни, в вас есть сознание, которое выше всех действий, всей деятельности. Пейте, ешьте, ходите, спите, действуйте, но в вас при этом должно быть сознание, которое просто отражает, оно подобно зеркалу. Это не безразличие, иначе для чего бы вообще ему нужно было отражать вас? Оно бесконечно заинтересовано в вас, оно отражает вас, но оно не привязывается. В тот миг, в который вас больше нет, вы ушли – зеркало не помнит о вас, зеркало теперь отражает то, что перед ним.

Сознание свидетеля присутствует в жизни, но оно обладает необыкновенной непривязанностью, оно не обладает ничем, не стяжает. Оно живет тотально, живет страстно, но вместе с тем оно знает: "Я не владею ничем".

Свидетельствующее сознание – это не остров, который отделен от суши океаном. Оно едино с океаном. Но все равно это чудо, парадокс: даже тогда, когда вы едины с океаном, верхушка айсберга остается над океаном. И эта часть и есть свидетельствующая душа. Создать ее – это самое большое сокровище в мире; вы становитесь буддой, когда она возникает.

Когда вы становитесь безразличными, вы становитесь просто бессознательными, вы впадаете в кому. Вы теряете всю радость жизни, праздник жизни останавливается для вас. И тогда вы больше не существуете, вы только влечете жалкое существование. Тогда вы больше не люди, а овощи, капуста, причем не просто капуста, а кочан, вырванный из земли. Вы становитесь все более и более гнилыми с каждым днем, вы гниете, никакое благоухание не исходит от вас. Одна и та же энергия, которая могла бы стать благоуханием, если бы прошла через свидетельствующую душу, становится помойной ямой в результате безразличия.

Но я могу понять твой вопрос, Николас. Иногда извне безразличие и свидетельство могут показаться схожими. Это непонимание – одно из самых больших несчастий – а они похожи. И поэтому истинные саньясины теряются, а ложные саньясины в обществе преобладают. Я называю ложными тех саньясинов, которые живут безразлично.

Ложная саньяса – бегство. Она не учит вас наслаждаться жизнью, она не учит вас любить музыку и наслаждаться красотой. Она учит вас уничтожать все источники красоты в вашей жизни. Она учит вас бежать в пещеры, различные отвратительные убежища, повернуться спиной к миру, который Бог дал вам как дар.

Ложная саньяса выступает не только против мира, но также против Бога, потому что быть против мира – значит быть против творца всего мира. Если вы ненавидите какую-то картину, вы будете ненавидеть также и художника. Если вам не нравится какой-то танец, разве вам может нравиться танцор? Бог – это художник, и мир – его картина. Бог – это музыкант, и мир – его музыка. Бог – это танцор, натарадж, и мир – это его танец. Если вы отречетесь от мира, косвенным образом вы отрекаетесь от самого Бога.

Ложная саньяса – это бегство, она дешевая, легкая. Легче всего убежать из мира и жить в пещере, чувствовать себя святым, потому что у вас нет возможности быть несвятым, перед вами не стоит вызова. Никто не оскорбляет вас, никто не критикует вас. Нет никого, и вы можете думать, что теперь в вас нет гнева, и вы можете чувствовать, что теперь в вас нет эго. Вернитесь в мир!

Я знаю людей, которые прожили тридцать лет в Гималаях, и когда они вернулись обратно в мир, они были удивлены, когда обнаружили, что остались теми же обычными людьми, ничего в них не изменилось. Тридцать лет в Гималаях – это такое расточительство! Но пока они были в Гималаях, они думали, что стали святыми, что стали великими святыми. И у них были причины, по которым они могли так думать: потому что в них не было гнева, не было эго, не было жадности, не было ничего, чем можно владеть, и они чувствовали себя нестяжателями, им не с кем было соревноваться, и в них не было

соревновательности, никто не ранил их эго, и они вообще не чувствовали эго.

Вы чувствуете что-то только тогда, когда вас что-то ранит. Например, вы чувствуете голову только тогда, когда у вас болит голова. И после того как голова перестала болеть, вы перестаете думать о ней, вы не чувствуете голову, если у вас не болит голова. Когда у вас не болит голова, вы полностью забываете о ней.

Когда вы живете в Гималайских пещерах, вы сбегаете от всех несчастий этого мира, которые заставляют вас осознавать снова и снова ваше эго, ваш гнев, вашу жадность, зависть. Когда вы возвращаетесь в мир, вы чувствуете, как все это возвратилось к вам, причем с еще большей интенсивностью, потому что тридцать лет это накапливалось в вас. И у вас будет еще большее эго, чем тогда, когда вы ушли в Гималаи, потому что теперь вы считаете себя святыми.

Если саньяса учит вас безразличию, это ложная саньяса.

Саньяса, которая учит вас жить в миру и вместе с тем плавать на воде, как лотос, оставаться в воде, но не смачиваться водой, оставаться в миру, но не позволять миру войти в вас, быть в миру, но, тем не менее, быть вдали от мира, – вот что такое истинное отречение.

Это истинное отречение приходит к вам вместе со свидетельствованием, это не безразличие. Безразличие сделает вас отчужденными, и когда вы станете отчужденными, вы почувствуете бессмысленность, отсутствие радости, случайность. Вы думаете, что вы случайно пришли в этот мир, и тогда у вас появляется желание покончить с жизнью, оно обязательно возникнет. К чему жить бессмысленной жизнью? К чему повторять одну и ту же рутину каждый день? Если смысла нет, почему не покончить со всем?

И поэтому каждый день многие люди совершают самоубийство, каждый день многие сходят с ума. Количество самоубийств, сумасшедший растет. Психианализ не помогает людям. Психианалитики, на самом деле, совершают еще больше самоубийств, чем обычные люди, и с ума сходят также больше, по сравнению с представителями других профессий.

Создается такое ощущение, что человеку ничего не помогает, потому что слишком много безразличия, и вокруг человека возникают темные тучи. Он не может видеть дальше своего носа, он страдает в мире от одиночества. Стены настолько толстые, толще китайской стены, и даже тогда, когда вы любите, вы прячетесь за стенами, ваши возлюбленные также за стенами. Между вами стоят две китайских стены. Вы кричите, но не можете докричаться до другого, между вами не возникает связи. Вы говорите что-то одно, а другой понимает вас по-другому. Потом она что-то вам говорит, а вы понимаете по-своему. Мужья и жены раньше или позже приходят к пониманию: лучше не говорить. Лучше молчать, потому что в тот миг, в который вы что-то говорите, обязательно возникает непонимание.

Мир перестал общаться. Все живут в одиночестве, они одиноки в толпе, а толпа становится все больше и больше с каждым днем. Население в мире растет, еще никогда раньше на земле не было столько людей, как сегодня. Количество населения растет лавинообразно, и человек никогда еще не был таким одиноким. Странно! Почему мы так одиноки среди такой толпы? Потому что люди никак не связаны между собой.

Гафни вбежал в бар с воплями. “Что случилось?” – спросил у него бармен Бреди.

“Я сделал ужасную вещь, – начал сопеть пьяница, – несколько часов назад я продал кому-то жену за бутылку виски”.

“Это ужасно, – сказал бармен Бреди. – Теперь ее нет, и ты хочешь ее вернуть, правильно?”

“Правильно!” – промолвил Гафни, рыдая.

“Ты сожалеешь, что продал ее, потому что слишком поздно понял, что ее любишь, правильно?”

“О нет, я хочу ее обратно, потому что мне снова хочется пить!”

Становится все труднее и труднее понять людей, потому что нас окружает такое непреодолимое, густое безразличие, и даже если вы закричите, вас не услышат, или услышат то, что вы не говорили. Люди слышат то, что им хочется услышать, или то, что они могут услышать. Они не слышат того, что вы говорите, но лишь то, что говорит им их ум.

Две негрятки решили сфотографироваться для альбома.

Фотограф усадил их и потом нырнул под черное покрывало под фотоаппаратом.

“Что он делает?” – спросила одна негрятка у своей подружки.

“Он собирается сфокусировать нас!” – выдохнула вторая.

“Как, двух сразу?”

Иммигрант Де’Анджело ехал в поезде из Нью-Йорка в Релли, в Северную Калифорнию. На вокзале его встретил двоюродный брат, и тот заметил, что он был в паршивом настроении.

“Что с тобой случилось?” – спросил его родственник.

“Этот чертов кондуктор все время указывал мне, что делать и чего делать нельзя, – воскликнул итальянец. – Я вытащил сэндвич, а он мне говорит: ‘Это тебе не столовая’, я налил себе стаканчик вина, а он мне говорит: ‘Это тебе не бар’, и тогда я не выдержал и отправился в местный вагон-ресторан, познакомился там с одной симпатичной девчушкой, она повела меня в свое пустое купе, и тут прибежал этот чертов кондуктор, и начал орать под ухо: ‘Это тебе не Вирджиния, это тебе не трахнутая Вирджиния’”.

Вы понимаете только то, что можете понять. Ваш ум всегда все объясняет, но объяснения эти – ваши собственные. Это не имеет никакого отношения к тому, что было сказано.

Люди становятся все более и более одинокими, и в отчаянии они пытаются всевозможными способами общаться. Им, кажется, ничего не помогает. Ничто не может помочь до тех пор, пока они не научатся искусству хранить молчание. До тех пор, пока мужчина и женщина не научатся хранить молчание, до тех пор, пока они не научатся быть рядом и хранить глубокое молчание, они не смогут раствориться друг в друге. Их тела могут соприкасаться, они могут проникать друг в друга, но души остаются отдельными. А когда души встречаются в союзе, возникает понимание.

Безразличие делает вас тупыми, делает вас посредственными, делает вас неразумными. Если вы будете безразличными, ваш меч потеряет свою остроту. Так и происходит с монахами в монастырях. Посмотрите на их лица, в их глаза – и вы сможете увидеть, что они мертвые. Они похожи на живые трупы, которые ходят и занимаются всякой деятельностью, но они все делают как роботы – просто потому, что все это нужно делать. Они, на самом деле, не вовлечены в то, что делают, они совершенно не способны ни во что вовлечься.

Это печальное положение, и если оно будет так длиться дальше, у человека не будет будущего. Если все будет так продолжаться и дальше, обязательно случится третья мировая война, и мы совершим массовое самоубийство, и даже не нужно совершать отдельные самоубийства, мы можем совершить глобальное самоубийство, в результате которого погибнет вся Земля.

И поэтому медитация стала чем-то необходимым, это единственная возможность для человечества спастись, единственная возможность спасти Землю. Медитация просто означает способность вовлечься, но оставаться непривязанным. Это выглядит парадоксально, все великие истины парадоксальны. Вы должны испытать парадоксы, это единственный способ понять. Вы можете делать что-то с радостью, и, вместе с тем, быть просто свидетелем того, что вы это делаете, и тогда вы не будете делателями.

Попытайся понять эти маленькие вещи, Николас, и тогда ты поймешь все остальное. Завтра, когда ты пойдешь на утреннюю прогулку, наслаждайся прогулкой, птицами на деревьях, солнечным светом, облаками и ветром. Наслаждайся, и вместе с тем помни, что ты – это зеркало, ты отражаешь облака, деревья, птиц и людей.

Будда называет это самовоспоминание “саммасати” – правильное устроение. Кришнамурти называет его “неизбирающим осознанием”. Упанишады называют его “свидетельствованием”. Гурджиев называет его “самовоспоминанием”. Но все они говорят об одном и том же. Но это не значит, что вы должны стать безразличными. Если

вы станете безразличными, вы потеряете возможность самовоспоминания.

Иди на утреннюю прогулку – и все равно помни о том, что тебя нет. Ты не идешь, но наблюдаешь. И постепенно ты почувствуешь этот вкус, он придет к тебе постепенно. Это самое тонкое явление в мире, ты не можешь спешить. Здесь нужно терпение.

Ешь, вкушай пищу, и вместе с тем помни о том, что ты – наблюдатель. В начале это будет создавать в тебе немного беспокойств, потому что ты не можешь делать и быть наблюдателем одновременно. Я знаю, что в начале, когда ты начнешь наблюдать, ты будешь переставать в это время есть, или, если ты начнешь есть, ты будешь переставать наблюдать.

Наше сознание однонаправленно; прямо сейчас, в настоящий миг вы можете смотреть только в цель. Но ваше сознание может стать также двунаправленным. Вы можете оставаться в центре и видеть шторм вокруг себя. Вы можете стать центром этого циклона. И это самое большое чудо, которое происходит в человеческом бытии, потому что это приносит свободу, освобождение, истину, Бога, блаженство, благословение.

Вопрос:

Ошо, можете ли вы также совершать ошибки?

Даршан, я могу совершать много ошибок, множество! Потому что я ни к чему не отношусь серьезно. Часто многие саньясины писали мне: “Ошо...” Субхути написал всего несколько дней назад... когда я сказал, что Наполеон был просто одержим пищей, он написал мне: “Наполеон или Нерон?” Какая разница, Субхути? Кто угодно. Иногда я говорю “Нерон”, иногда я говорю “Наполеон”. Я не очень ученый человек, и я совершенно счастлив из-за того, что так несведущ.

Вчера кто-то написал мне: “Вы сказали, что Евангелия были написаны через несколько столетий после рождения Иисуса. Но это не так!” Но я не говорил вам, что это правильно на сто процентов, и если это неправильно, мне все равно. Он написал мне еще – это, должно быть, очень ученый человек: “Вы сказали, что они были сначала переведены на латынь – но они сначала были переведены на греческий!” Но для меня латынь и греческий – это одно и то же. Я не понимаю латыни, я не понимаю греческого, и я просто имел в виду, что они были переведены на что-то, на другой язык, который мне непонятен.

Тиртха понимает его прекрасно. И он написал рассказ, чтобы я его прочитал. Он написал мне: “Ошо, однажды я шел по улице Пуны и увидел странную картину. Там прямо посреди дороги сидел человек и махал руками, как будто бы он плыл в лодке и держал в руках весла (покажите, как это было, но смотрите, не заденьте микрофон).

Я немного понаблюдал за ним и в конце концов решил обратиться к нему, чтобы понять, что происходит.

“Что ты делаешь?” – спросил я его.

“Плыву в лодке!” – ответил он.

“Но ты не в лодке!” – сказал я.

“Неужели? – завопил он в панике и начал плыть, пытаюсь выбраться из воды (покажите нам, как это выглядит, во время лекции, только внимательней, не заденьте микрофон)”.

Тиртха понимает, что я могу задеть микрофон, и он волнуется о микрофоне больше, чем обо мне!

Я могу совершить множество ошибок. Но это ничего не значит, я продолжаю совершать их, потому что, если я начну думать, что ошибки совершать нельзя, я не смогу передать вам то, что мне хочется вам передать. И тогда мне придется быть полностью молчаливым, потому что истина, которая познана мной, может быть передана только в том случае, если я готов к тому, чтобы совершить множество ошибок. И даже тогда истину передать трудно.

Оператор на телефоне в Сан-Франциско говорит, что в китайскую часть города звонят намного меньше, чем во все другие части города. И со строгим лицом он объясняет причину: “Тут живет столько Рингов и Ронгов, что люди боятся, что позвонят не туда по ошибке!” (Ринг Ронг – позвонить по неправильному номеру!)

Я не боюсь ошибиться, я постоянно набираю ошибочные номера. И я не только готов совершить ошибку. Сам мир – уже достаточное доказательство того, что Бог также может совершать ошибки. Иначе разве могли бы вы существовать здесь?

Мулла Насреддин говорил с Морарджи Десаи. Увидев Муллу Насреддина в оранжевой одежде, Морарджи был очевидно раздражен. Он сказал Мулле: “Мулла, что превратила тебя в ошовца?”

“В тот день, в который я увидел, как он идет со сложенными руками, я понял, что Бог есть”, – ответил Мулла.

Морарджи Десаи посмотрел на Муллу искоса и сказал: “А что ты почувствовал, когда увидел меня?”

Мулла ответил: “Что даже Бог может совершать ошибки!”

ОГЛАВЛЕНИЕ

Я праздную себя

<i>Величайший бунт</i>	5
<i>Колокола в ваших сердцах</i>	47
<i>Рай самого себя</i>	79
<i>Дождь невидимых цветов</i>	111
<i>Не стучи – жди!</i>	136
<i>Придите на собственный праздник</i>	174
<i>Существование есть празднование</i>	218

Будь спокоен и знай

<i>Всегда на скалах</i>	254
<i>Нет греха, нет добродетели</i>	274
<i>Нет вопросов, нет ответов</i>	294
<i>Вы – древние паломники</i>	313
<i>Наблюдай! Это невероятнее научной фантастики</i>	333

Издательство «Нирвана» выпустило 120 книг ОШО.
Самые популярные из них:

- «Оранжевая книга»,
- «Горчичное зерно»,
- «Жизнь и смерть»,
- «Мистический опыт»,
- «Медитация – первая и последняя свобода»,
- «Психология эзотерического»,
- «Тантра» (4 книги).

Заказ книг по адресу: osho@list.ru

Весь ассортимент книг продается в спорткомплексе
«Олимпийский», метро «Проспект мира»
и магазине «Белые облака», метро «Китай-город»,
ул. Покровка, д.4. Тел. 921-61-25.

Центр духовного туризма «Према» поможет
паломникам и саньясинам в их странствиях
по Индии и Непалу.

Адрес: Москва, ул. Красная Пресня, д.9, стр.3.
Тел.: 255-03-63, 252-52-03